Юрий Игнатьевич Мухин
Путешествие из демократии в дерьмократию и дорога обратно

«Путешествие из демократии в дерьмократию и дорога обратно»: Гарт; Москва; 1993
ISBN 5-87213-001-5

Аннотация

Автор остропублицистической книги, человек с большим практическим опытом работы в промышленности и науке, один из руководителей крупного предприятия, критически оценивает ситуацию в стране. Он размышляет о своеобразии исторических путей России, прослеживает глубинные истоки и причины политического и экономического кризиса последних лет, предлагает радикальные меры по его преодолению.

Предисловие

В споре рождается истина. Это так. Но уточним – в каком споре. Поскольку спор спору рознь. Автор разделил бы их на три типа. Разницу лучше пояснить на примере.

Представим – в комнате душно, нужна вентиляция. Можно установить вытяжной вентилятор, работающий от электродвигателя. А можно – вытяжную трубу, которая будет отсасывать воздух из комнаты за счет разницы его плотности в доме и на улице. Допустим, есть сторонники той и другой системы вентиляции, и они решили выяснить истину.

Первый тип спора назовем инженерным. – Надо ставить вентилятор. Это дешевле, чем монтировать трубу. – Да, труба дороже, но она не потребует затрат на эксплуатацию, а вентилятор будет потреблять электроэнергию. – Зато тяга трубы непостоянна и зависит от погоды, а тяга вентилятора более надежна. – Тягу можно регулировать, зато в трубе практически нет ничего, что может выйти из строя. Она чрезвычайно надежна...

И так далее. Обратите внимание – предметом спора постоянно остается вентиляция. Так спорить могут люди, ясно представляющие ее суть. Не имеет значения ни их образование, ни партийная принадлежность, ни личностные качества. Их интересует лишь вентиляция, причем оба заинтересованы выбрать наилучший вариант. В таком споре действительно может родиться истина.

Второй тип спора следует назвать бюрократическим, а лучше мудрацким (почему – будет ясно из этой книги...). Звучит он так. – Надо ставить электрический вентилятор потому, что Ленин сказал коммунизм – это советская власть плюс электрификация. – Нет, поставим трубу, так как Ленин сказал, что капитализм вылетит в трубу. – Надо ставить вентилятор, так как он вертится, а Галилей сказал, что «она все-таки вертится!». – Поставим трубу, так как США на Аляску проложили нефтепровод, а США – это очень цивилизованная страна...

И так далее. Если вы обратили внимание, здесь даже непонятно, кто спорит: похоже, Ленин с Галилеем. Впрочем, вряд ли бы они спорили, применяя такие доводы. Возможно, Ленин с Галилеем знали толк в вентиляции, но знают ли о ней что-нибудь сами спорщики? Похоже, у них неплохая память, однако еще лучше – у простого магнитофона (он может точно воспроизвести то, что на нем раньше записали), не говоря уже об ЭВМ. Ни о какой истине в этом споре говорить не приходится, так как для спорщиков главное не истина, а показ своей мудрости.

Третий тип спора – политический. Ведется он примерно так. – Эти бывшие партократы опять предлагают свой вентилятор. – А эти красно-коричневые снова требуют свою трубу...

И так далее. Здесь об истине тоже речь не идет: задача – как можно быстрее и сильнее измазать грязью политических противников.....

В этой книге поиски истины основаны только на первом виде спора. Возможно, потому, что автор – инженер. По той же причине в книге мало цитат, подтверждающих какие-либо выводы, в основном, цитаты -это факты.

Говорят, писатели делятся на тех, кто живет, а потом пишет, и на тех, кто пишет, чтобы жить. Для последнего автору не было необходимости писать. Более того, есть немало людей, убеждающих автора: тебе будет лучше жить, если бросишь писать. Это, в общем, дело вкуса и взглядов на саму жизнь.

Чтобы попытаться объяснить, почему написана эта книга, автору желательно немного рассказать о себе. Здесь важны два фактора – его профессия и жизненный опыт.

Относительно первого, автор считает, что в течение двух десятилетий имеет одну и ту же профессию инженера-исследователя. Хотя должности у него были разные, да и рабочих специальностей он перепробовал достаточно. Была в детстве и весьма экзотическая – погонщик волов. Возил на них воду для тракторной бригады и до сих пор помнит, что одного в любой воловьей упряжке зовут Цоб, а другого – Цобэ. Не зная этого, их ни с места не сдвинешь, не повернешь.

Был автор и столяром, вернее модельщиком, и каменщиком, и бетонщиком, и на рабочих должностях в металлургии. Ну, а какой студент не работал грузчиком? Еще до института автор трудился слесарем-инструментальщиком, и до сих пор с некоторой гордостью вспоминает, что был признан лучшим молодым слесарем большого машиностроительного завода.

В институте был отравлен и заражен исследованиями. Возможность собрать данные или факты, определенным образом обработать их, построить кривую, проанализировать ее,

сделать выводы, к которым до тебя никто не приходил, – для автора это не работа, скорее, хобби, удовольствие.

Это заметили. Автора хотели оставить в институте и, наверное бы, оставили. Возможно, автор был бы уже доцентом или профессором, но судьба распорядилась лучше. Полез в борьбу за справедливость и после непродолжительной схватки с закономерным итогом убыл на работу в Сибирь, а точнее – в Северо-Восточный Казахстан, на крупный металлургический завод. Сейчас ни о чем не жалею, более того, рад, что случай переместил с Украины на 5000 километров к востоку.

Во-первых, после недолгой работы в плавильном цехе все равно занялся исследовательской работой. Во-вторых, строился завод, разрастался город, сюда со всего Союза приезжали люди, которые не боялись ни работы, ни трудностей, не держались за мамкину юбку. Их моральный уровень был весьма высок, руководствовались они совестью чаще, чем люди обжитых мест. Вот сравнение. В оставленном институте приятель автора за длинный язык попал под «колпак» КГБ. Но особенно возмутило тогда то, что не следователь КГБ занимался приятелем – допрашивал, брал объяснительные и прочее его заведующий лабораторией. Когда же КГБ занялся самим автором, то все (или почти все), кого привлекли свидетелем по его делу, после первого же допроса в КГБ пришли к нему и подробно рассказали, о чем их спрашивали, что они отвечали, а непосредственный начальник автора вообще не стал беседовать с КГБ. Допрашивал автора сам начальник КГБ города. Может, со скуки... Этот случай заставил купить и внимательно прочесть учебник «Уголовное право»-Кстати, это многому научило. В частности, относиться к КГБ спокойно, как к обюрокраченной, но нужной и полезной организации, не питать к ней ни тогда, ни сейчас той патологической злобы, которой до сих пор брызжет так называемая «демократическая общественность».

Чтобы закончить эту тему, надо сказать: лет до 25 автор был обычным молодым человеком коммунистических убеждений. Но знания накапливались. Причем автор не имел «Спидолы» и не слушал радиостанции «из-за бугра». Это не помешало ему стать яростным антикоммунистом, считающим КПСС полностью фашистской партией. (Когда шел суд над КПСС, автор, слушая Шахрая, Бурбулиса и Яковлева, удивлялся их примитивизму. Если бы ему в те годы удалось обвинять КПСС, он бы нашел доводы поубедительнее.) Однако время шло, у автора была возможность поумнеть. Что он и сделал лет через семь. От его антикоммунизма не осталось и следа. Он даже хотел вступить в КПСС с началом перестройки, да вдруг увидел, что глава КПСС губит Родину. Быть его подельщиком не улыбалось.

На заводе автор в общем-то не потерялся. К его огорчению (а сейчас надо понимать – к счастью), автора ставили на разные работы, не связанные, как тогда казалось, с исследованиями. На заводском жаргоне – затыкали им дыры.

В конце 1976 года автора вызвал главный инженер и попросил срочно организовать получение заводом Знака качества. В противном случае, сообщил главный, обком меня съест, у него нечем отчитываться во всей области. Дело было абсолютно новым и вовсе не относилось к работе автора. Но такие задания не отклоняют и не саботируют. За два месяца, пройдя только в Москве 28 инстанций, автор аттестовал 42 процента всей продукции завода, хотя и получил взамен (помимо премии) нервную экзему. А кроме того – огромный опыт.

Был и другой, пожалуй, решающий случай. Построили цех, но тот упорно не выходил на проектную мощность. Директор поручил исследовать проблему автору. Но автор – металлург, а металлург – это химик высоких температур. Речь же шла о поиске проектных ошибок да еще и неметаллургического цеха. Автор попытался отказаться, но директор был краток: «Мне некому больше поручить». Пришлось найти ошибки и коэффициент снижения мощности для подобных цеховых схем. Профессиональные проектанты оплевали работу автора как могли, по-другому и быть не могло. Но в следующем проекте (с подобной схемой) уже учли коэффициент, предложенный автором. Впрочем, дело не в этом.

Именно в ходе этого исследования автор понял, что методы исследований универсальны, их можно применять во всех отраслях жизни – от экономики до воспитания детей. (Кстати, об исследовании воспитания детей была первая публицистическая статья автора, которую так и не опубликовали, хотя автор, обладая врожденным хохлацким упорством, посылал ее куда только мог в течение трех лет.) Между тем страна тогда действительно входила в застой, и работнику промышленности, пожалуй, это было обиднее, чем остальным. Если японцы мо-

гут, то почему мы нет?! Естественно, автор занялся исследованием бюрократизма, пока не натолкнулся на то, что и следует назвать истинной причиной застоя. Но об этом в книге.

В то же время все шло своим чередом. Автора регулярно повышали в должности, даже раньше, чем он этого ожидал. Он работал исследователем, внедрял полученные результаты, писал статьи, публиковался в научно-технических журналах, изобретал... Однако вскоре не по своей воле изменил профессию – стал замом директора по коммерции. В его ведение отошла самая собачья работа в нашей экономике – снабжение и другая, тоже не подарок, – работа с МПС. Затем автор стал замом по экономике, как раз накануне того, как правительства стали экономику уничтожать.

На этих должностях автор увидел все щели советской экономики, заглянул во все ее уголки. Ему приходилось не только успокаивать собравшихся бастовать рабочих, но доходить до приемной Н.И.Рыжкова, решать вопросы у Президента Казахстана, отчитываться в ЦК, обкоме и горкоме, отстаивать в суде невиновность своих людей (да и свою тоже), давать взятки прямо и косвенно там, где их надо было дать. Кроме того, не надо забывать, что 15 лет автор вплотную работал с теми, кого называют советскими учеными. Человека несведущего звание «академик» повергнет в священный трепет, но автор-то знает, что это такое.

Разумеется, автора можно считать парнем из захолустья, но по долгу службы он бывал, и неоднократно, в Чехословакии, Югославии, Италии, Швейцарии, Франции, Люксембурге, Швеции, Германии, Японии, Южно-Африканской Республике. Нельзя сказать, что он понял, как там люди живут. Для этого надо изрядно пожить в их шкуре. Но он бывал не только в магазинах, а и на заводах, видел, как они работают, как строят, как содержат свои страны, был в домах, видел быт, расспрашивал как мог и где мог. Жил и в очень скромных гостиницах, и в шикарных, а что касается развлечений, то отведал такие, которые и на Западе мало кто пробовал, например, пытался в рулетку разорить центральный игорный дом в Монте-Карло и, наверное, разорил бы, если бы деньги так быстро не кончились. (Принимающая фирма выдала 100 долларов специально для игры, это входило в культурную программу.) Или такое экзотическое развлечение – сафари в Южной Африке.

Автор пишет об этом не затем, чтобы поразить чье-то воображение, а чтобы читатель понял – книга написана не тем, кто что-то слышал или читал. Нет, автор не только слышал и читал, он довольно много видел, пробовал, делал.

По мере продвижения исследования принципов управления, автор начал писать статьи уже не в специальные, а в общественно-политические издания. Сказать, что автора не печатали, нельзя. Его печатала и имеющая в те времена абсолютную власть «Правда», интеллектуальный «ЭКО», и желтый, как канарейка, но в то время многотиражный «Огонек», и красная «Молодая гвардия».

Почти все редакции печатали автора, судя по всему, как человека бывалого. То есть из его работ печатались вызывающие у редакции интерес факты, а вот предложения зачастую отсекались. Но автор никогда не писал собственно критических материалов, он терпеть не может критиканов. И хоть критика в его работах всегда была, на ней обязательно строилось предложение. Оно-то и оставалось за кадром. Автор решил -пора с этим кончать, пора написать книгу, в которой бы хватило места и его предложениям. Он заранее благодарит читателя, что тот взялся прочесть этот непростой детектив. И парадокс: автор будет огорчен, если читатель слепо поверит в то, что здесь написано.

Автор – не Будда и не Христос, он сочтет браком свою работу, если ему просто поверят. Он писал, чтобы ее поняли. Причем опять же не его самого, а те законы, которые он описал.

Еще одна просьба. Первая часть работы для многих будет нудноватой – все-таки теория, а у многих от одного этого слова скулы сводит от скуки. Автор долго мучился вопросом: не убрать ли ее вообще? Не оставить ли ее специалистам? Но тогда остальные части этой книги подвиснут в воздухе – будет не понятно, почему автор рассматривает вопрос именно с таких позиций и почему уверенно ведет читателя к таким выводам. Если все-таки эта часть будет кому-то непонятной, то ни в коем случае не пеняйте на свою глупость – пеняйте на мою. Ведь это я ставил себе задачу объяснить то, что случилось с нами, и если вы не поняли, если показалось не интересно, то это у меня не хватило ума. Просмотрите эту часть и двигайтесь дальше.

В добрый путь.

ЧАСТЬ I. АНТИБЮРОКРАТИЧЕСКАЯ АЗБУКА

ВВЕДЕНИЕ

Не существует экономических методов управления, как не существует химических методов математики. Два плюс два равно четырем, сколько бы ни поливали это равенство серной кислотой. Математика – одно, химия -другое, и точно так же: экономика – это одно, а управление – другое.

Экономика рассматривает условия, при которых стоимость полученных в результате человеческой деятельности товаров и услуг будет выше стоимости тех товаров и услуг, которые были затрачены в ходе этой деятельности. Экономика основывается на законах, действующих в системе «товар – деньги – товар».

Управление рассматривает условия, в которые нужно поставить управляемого человека, чтобы он получил в ходе своей деятельности необходимый для управляющей инстанции результат. Управление основывается на законах поведения людей.

Если человек хочет работать с прибылью, он обязан сам изучать законы экономики и действовать в строгом соответствии с ними. Но если мы хотим, чтобы данный человек работал с прибылью, то обязаны действовать в строгом соответствии с законами поведения людей, поставить его в соответствующие условия.

Основанные на этих законах принципы управления неизменны. Они едины при управлении страной, управлении воспитанием детей, управлении армией, заводом, сельским хозяйством и здравоохранением.

Кризис нашей экономики – это не кризис собственно экономики (она-то как раз укрупнялась в полном соответствии со своими законами), это кризис управления экономикой.

Данная часть, как, впрочем, и вся книга, не вызовет у читателя впечатление целостности. Она была написана в 1986 – 1987 годах, когда выход из кризиса еще только пытались найти и особой полемики вести было не с кем и незачем. Автор пытался сжать эту часть максимально, так как наукообразные длинноты мало кто станет читать, тем более не прочтут те, от кого что-то зависит.

Но дальше правительство СССР передало власть Съезду Советов, который оказался ни по уму, ни по духу к этому не готов. Страна пошла вразнос. Управление экономикой и всей страной стало преобразовываться под «гениальным» девизом: «Лучшее управление – никакого управления!» Легко предвидимое следствие – СССР был уничтожен.

Поэтому те части, где обсуждается совершенствование управления государством и экономикой, написаны в другом русле – с учетом полемики и критики уже принятых решений. Более того, так как первая, теоретическая, часть работы осталась в неизвестности, то в этих частях, которые писались как статьи, мало используются термины, вводимые в первой части.

ГЛАВА 1. ПРИНЦИПЫ УПРАВЛЕНИЯ ЛЮДЬМИ

Введем понятие «Дело» и в дальнейшем будем писать этот термин с заглавной буквы. Дело – результат деятельности человека, выраженный в виде товаров или услуг, за которые их получатель готов расплатиться результатами своего труда либо имеющимися у него другими реальными ценностями, например, почетом или особой честью.

Поскольку мы действуем в условиях практически полного разделения труда, не каждый в состоянии сразу сказать: готов ли потребитель результата труда всей организации, платить именно за его труд. Тут следует учитывать следующее.

Дело всей организации по отношению к ее органам управления всегда находится внизу, а по отношению к производственным процессам – в конце. Например, кузнец делает заготовку детали двигателя автомобиля. За нее никто, кроме токаря, обрабатывающего ее, платить не будет. Работа (Дело) токаря нужна только сборщику двигателя, работа сборщика двигателя – сборщику автомобиля, а Делом сборщика автомобиля является полное обеспечение требований сбыта, Делом которого является конечный обмен труда всех работников предприятия на труд потребите-

лей автомобилей. Следовательно, Делом всех вместе является выполнение требований тех, кто находится ближе к концу процесса, ближе к истинному потребителю, а не наоборот. Ведь сборщик двигателя может, например, запрессовать в двигатель бракованную деталь и оказать этим услугу токарю, сделавшему брак, и своему начальнику (для отчета о выполнении плана). И даже если ему заплатят эти потребители его труда, то заплатят не своим трудом, а трудом, украденным у истинного потребителя. Так что Делом подобные действия считать нельзя.

Поскольку эта работа в большей части посвящена рассмотрению этой схемы, остановимся только на одном сопутствующем моменте. В свое время, в связи с перестройкой, в органах управления возникла растерянность, работники аппаратов управления не представляли, чего от них хотят, что им делать – управлять или не управлять, кто из них нужен, а кто нет.

Чтобы определить, делает работник министерства Дело или нет, нужно представить себе, что завод может добровольно оплачивать его труд. Скажем, этот работник или работники определяют, сколько заводу нужно произвести продукции и кому продать. В условиях, когда аналогичную продукцию выпускают несколько заводов, знание этого очень важно, в противном случае можно затовариться и понести убытки. За эту работу заводы будут платить безусловно. Это Дело. А другой работник определяет заводам, сколько расходовать сырья, электроэнергии, сколько тратить денег по отдельным статьям и т.д. Но ведь заводы находятся к Делу ближе министерства и знают эти позиции лучше. Зачем им это указывать? За это они платить не будут, данный работник Дела не делает, несмотря на то, что ему за работу платят.

ЗАКОНЫ ПОВЕДЕНИЯ ЛЮДЕЙ

Рассматриваются законы поведения людей в их деятельности. Они не требуют доказательства, сформулируем первый из них: каждый человек стремится действовать так, чтобы в результате ему лично последовало максимальное поощрение в приемлемой форме или минимальное наказание.

Поощрением не обязательно должны быть деньги. Это может быть честь, если она имеет ценность в обществе. За честь служить Родине человек может пойти и на смерть. По крайней мере, репутация труса может оказаться для него наказанием неприемлемым.

Поскольку наказанием служит потеря чего-либо: жизни, репутации, денег, свободы, энергии, то у первого закона поведения есть следствие: человек всегда стремится достичь результата с минимальными затратами для себя.

Второй закон также не является чем-то необычным: каждый человек делает только то, что указывает ему инстанция, которая поощряет или наказывает его. Второй закон основан на первом, и на нем базируются принципы управления людьми.

На этих принципах строятся многоэтажные системы управления. Но прежде чем создавать модели этих систем, необходимо задаться вопросом: «Зачем нам система управления?» Ответов два:

1) Система управления строится с целью делать Дело с максимальной эффективностью в условиях разделения труда.

2) Система управления строится, чтобы управленцы могли управлять. Модель второй системы управления идентична одной из моделей первой системы. Поэтому рассматривать ее не будем.

Первую систему можно строить двумя способами:

1) Подчинить всех, включая управленцев, Делу.

2) Подчинить всех вышестоящим инстанциям, чтобы последние, управляя подчиненными, выполнили стоящее перед организацией Дело.

МОДЕЛИ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ

Люди, оставаясь с Делом один на один, всегда подчиняются ему. Скажем, человек сажает яблоню на своем участке. Его Делом будут яблоки, которые он попытается обменять на деньги или благодарность. Это поощрение поступит к нему, минуя все инстанции, поскольку их у него просто нет, поступит непосредственно от Дела. Следовательно, согласно первому закону, он будет стремиться, чтобы поощрение было как можно больше, а согласно второму закону – как

именно сажать яблоню, будет узнавать именно у Дела. Как это понять?

Он постарается стать специалистом, способным освоить Дело – начнет читать литературу по садоводству; консультироваться у специалистов; ставить опыты, чтобы все его действия – удобрение почвы, обрезка, полив и остальное – отзывались на конечном результате максимальным эффектом.

Но вот настала осень, он выносит яблоки на рынок... а их никто не берет – рынок завален яблоками. Он наказан Делом за то, что не изучал сбыта. И хотя сейчас многие считают, что торговля для каждого производителя – радость, но выращивание яблок и изучение рыночного спроса – разные работы. Для эффективности той и другой требуется их разделение. Следовательно, садовод будет заинтересован часть своего полученного от Дела поощрения отдать тому, кто укажет ему его Дело, то есть укажет – кого он должен обеспечить фруктами. Тогда, исполнив правильное указание, он установит контакт со своими покупателями и узнает, сколько должен вырастить яблок, чтобы их реализация дала ему максимум поощрения.

У него не будет досады, что мог бы продать больше, да не догадался больше вырастить, не будет огорчения от вида гниющих, несбытых яблок.

Но заметим, реализует яблоки он сам, лично. Все деньги поступают ему непосредственно. Их мы назвали поощрением от Дела, и важно, чтобы оно шло именно к нему и именно от Дела, а не от начальника.

По какой цене он будет продавать – по фиксированной сверху или по договорной – для управления им не имеет значения, как не имеет значения, будет ли он торговаться сам или кто иной по его поручению.

Тот, кто укажет садоводу его покупателей – его Дело, будет его фактическим начальником, но таким, какого мы еще не видели. Мы же видели лишь начальников, которые определяют доход подчиненным, а не таких, у кого свой доход зависит от дохода нижестоящих.

Итак, у садовода возникла первая управляющая инстанция, у которой Делом является обеспечение фруктами определенного региона и которая имеет право приказать садоводам, кого именно им обеспечивать.

Но обеспечение фруктами – не только их продажа. Яблони нужно поливать, подкармливать, опрыскивать. Поэтому у первой инстанции будут и другие подчиненные – те, кто качают воду, завозят удобрения, уничтожают вредителей, да и те, кто умеет торговать. Для этих инстанций покупателем будет садовод, работа на него становится их Делом, и расплатится с ними садовод сам. Управляющая инстанция организует связь между ними и этим будет полезна всем.

Как видите, стоящее перед собой Дело инстанция разделила на задачи, которые являются Делом для подчиненных – одним поручено выращивать только яблоки (назначит им таких потребителей), другим – груши, третьим – саженцы, четвертым поручена борьба с вредителями, пятым – реализация. Этой инстанции вовсе не надо знать, как выращивать яблоки, как их опрыскивать или как торговать ими. Это узнают подчиненные непосредственно у своего Дела. Инстанции важно знать, как правильно поставить перед подчиненными задачи, как правильно разделить свое Дело между ними, чтобы совместное решение ими своих задач привело к эффективному выполнению Дела этой управляющей инстанции.

Но потенциал региона может быть таким, что по яблокам, например, его придется сдерживать, а вот груш будет не хватать. И первая инстанция согласится часть своего поощрения отдавать второй инстанции, которая укажет первой Дело уже в масштабах республики или страны. И если в регионе эффективно выращивать яблоки, то, оценив стоимость перевозок, вторая инстанция определит Делом первой обеспечение яблоками уже более обширного региона, а все остальное в регион этой инстанции будет завозить. Делом второй инстанции будет обеспечение фруктами всей страны.

И садовод, и мелиоратор, и продавец окажутся заинтересованы в этих инстанциях, так как работа инстанций обеспечит максимальное поощрение от своего труда.

Если каждый труженик договорится со своим непосредственным руководителем (это может быть и волевое решение сверху), какой процент от своей прибыли он будет ему выплачивать, то само собой разумеется, что руководитель будет крайне заинтересован, чтобы каждый его подчиненный имел как можно больший доход и меньшие затраты, как можно больше зарабатывал. А это может быть только тогда, когда его подчиненные садоводы продадут как можно больше яблок высокого качества, понеся при этом минимум потерь, что и есть Дело этого руко-

водителя.

Каждая инстанция в такой гипотетической модели подчинена напрямую своему собственному Делу, так как поощрение им идет от того, с какой эффективностью они его делают. Дело над ними имеет власть. Власть по-гречески – «кратос». Назовем эту модель и систему делократическими.

Отметим два принципа делократической системы управления. Первый. Поощрение и наказание всем членам системы поступает от Дела и не может быть изменено по желанию или капризу управляющих инстанций. Без этого принципа делократическую систему создать невозможно. Второй. Управляющая инстанция обязана указать подчиненным только Дело, без указания того, как его делать.

Система не отрицает наличия инструкций, суммирующих определенный опыт, но она запрещает обязательно выполнять их во всех случаях. Действовать по инструкции или вопреки – определит тот, кому поручено Дело.

Для функционирования делократической системы управления эти принципы обязательны. Нарушение хотя бы одного вызовет конфликт между инстанциями, и система преобразуется во вторую, гораздо более устойчивую модель. Ее можно получить и специально, если мы начнем делать Дело вторым способом – подчинением всех нижестоящих вышестоящим. Это нам хорошо знакомо.

Пример на ту же тему. Теперь уже не свободный садовод, а подчиненный, получающий зарплату от начальника, сажает яблоню. Поощряет и наказывает его начальник, значит, согласно второму закону поведения, как именно сажать яблоню, подчиненный обязан узнать уже не у Дела, а у начальника. Подчиненный запрашивает инструкции и строго им следует. Сказано сажать вверх корнями – так и сделает, причем будет доволен своей работой.

Почему так происходит? Дело безмолвно, понять, что нужно, трудно, это может только не жалеющий трудов на изучение Дела специалист, да и то может ошибиться. А начальник говорит конкретно, понятно, ясно. Непонятное можно переспросить, уточнить. Работая с начальником, нужно быть специалистом по начальнику, а не по Делу, а это на много порядков проще. А согласно следствию первого закона поведения, человек стремится достичь любого результата с минимальными затратами. Знать Дело становится необязательным, нужно знать лишь инструкции, которые начальники по этому Делу успели дать.

Ну, а почему начальники дают конкретные указания, как делать Дело? А что же им остается? Ведь подчиненные от Дела не зависят, они им не поощряются и не наказываются и, следовательно, могут делать его как попало, с какими угодно затратами. (Напомним, согласно следствию первого закона поведения, делократы делают Дело с минимальными затратами.) Начальники, чтобы предотвратить потери, просто обязаны указать подчиненным, как Дело делать.

В свою очередь, как делать свое Дело, начальники запрашивают в вышестоящих инстанциях, а те еще выше и так далее.

Создается система для того, чтобы делать Дело, но от него никто не зависит, Делу никто не подчиняется и его мало кто знает. Система гармонична, поскольку в ней всегда есть место неграмотному и неопытному, а неопытность естественна в начале любой деятельности. Это система, в которой может получать деньги любой, независимо от того, приносит он Делу пользу или вред. В ней все подчиняется только руководящему органу – по-французски: бюро; руководящий орган над всеми имеет власть – по-гречески: кратос, это система бюрократическая.

Бюрократизм упирается корнями в глубокую древность и в наше детство, в патриархальную семью, где патриарх достаточно квалифицированно мог и успевал указать каждому, что делать. Он существует во всех странах и благодаря своей гармоничности чрезвычайно живуч. Эмпирически от этой системы отказываются, лишь когда вся организация становится на грань уничтожения. Если успевают.

Для введения бюрократической системы управления нужны два принципа. Первый. Поощрение и наказание любого члена бюрократической системы исходит только от начальника. Второй. Начальник подробно указывает подчиненному, как делать Дело. Ликвидация этих принципов ликвидирует и саму систему.

Бюрократическая система управления властвует во всем мире. К примеру, в экономике западных стран, в частности в США, сейчас стремятся создавать мини-заводы, то есть стремятся

довести предприятие до размеров патриархальной семьи, где патриарх способен войти во все тонкости Дела своих подчиненных.

У нас в стране эта система действует повсеместно, делократами «по положению» являются люди вне управления, что называется, «в быту», руководители кооперативов, индивидуалы и до недавнего времени часть государственной системы управления – связка «народ – правительство».

В полном масштабе делократическая система управления заложена в боевом управлении войсками, но действует она только во время войны, когда, во-первых, у армии появляется Дело – уничтожение врага, во-вторых, когда она сама становится на грань уничтожения. Поэтому в качестве примеров бюрократического управления будут использованы случаи из всех сфер и областей жизни, а в качестве примера делократического управления – только армия.

На первый взгляд это несовместимо с обычными представлениями об армии. Делократическая система предполагает независимость подчиненного от начальника, а наш повседневный опыт говорит о том, что нигде так не преклоняются перед погонами, как в армии. Затем, делократическая система предусматривает прямое поощрение и наказание от Дела, а в России и в СССР военная служба никогда не была ремеслом, то есть не могла служить источником обогащения или резкого поднятия материального состояния. Здесь, казалось бы, физически невозможно внедрить ни первый, ни второй принципы делократического управления.

Но давайте посмотрим внимательно. Раньше защитник Родины, особенно побывавший в боях, увечный (инвалиды армию украшают), а тем более награжденный отмечался в обществе особой честью (не льготами, а честью), и это было немало. Затем, и это главное, плохо управляемые войска гибнут, их наказывает не бюро, а непосредственно Дело.

Можно сказать, что льготами и орденами награждает начальство. Это так, но лишь в мирное время, когда нет Дела.

Посмотрим, например, статуты наших военных орденов. Их можно условно разделить на две группы: учрежденные в мирное время (Ленина, звание Героя, Красного Знамени, Красной Звезды, ряд медалей) и учрежденные в ходе войны (Отечественной войны, Славы, полководческие). В их статутах есть различие.

Для получения первых нужно было совершить заранее не оговоренный геройский поступок. В этом случае, достоин солдат ордена или нет, действительно определял начальник. Скажем, до учреждения новых орденов солдат уничтожил фанатами два танка. Казалось бы, геройский совершен поступок, но ордена боец мог и не получить, ибо лишь начальник решал: достаточно ли проявлено геройства, то ли наградить орденом Ленина, то ли объявить благодарность перед строем.

Но вот война взяла Дело в свои руки, и в статуте учрежденного тогда ордена Отечественной войны предписывалось – он дается в том числе и за этот результат – за два подбитых танка. И не дать солдату орден теперь оказывалось для начальства нарушением закона.

Война властно требовала конечного результата – Дела. Статуты довоенных орденов также стали изменяться. Звание Героя давали не просто за исключительный героизм, но и за результат, например, 20 сбитых самолетов. Писатель Карпов, осужденный до войны как «враг народа», на фронте взял в плен 20 «языков» и поставил начальство в щекотливое положение – надо было объявить Героем «врага народа». Тем не менее, звание ему присвоили, войне безразлично, кто достиг результата – герой или робкий человек, владелец отличной характеристики или «враг народа», главное – он сделал Дело. Кончилась война, и статуты послевоенных орденов вновь приобрели бюрократическую направленность.

Что касается второго принципа, то он в армейских уставах хорошо проработан. В боевом приказе подчиненному ставится только задача – Дело, как ее решать – дело исполнителя. Дисциплина требует строгого выполнения уставов, а они дают полную свободу и инициируют самостоятельность при решении боевой задачи. Принцип единоначалия, многих пугающий, означает, что все, от главнокомандующего до рядового, являются единоначальниками в своем Деле. Дело определяет начальник, но дальше полная свобода, а вернее – полное подчинение Делу. Да и что толку запрашивать у начальника инструкции, как сделать Дело, если, действуя по ним, и Дела не сделаешь, и сам погибнешь?

Когда в древних битвах полководец, сидя на барабане, видел и правый, и левый фланги, голосом и посыльным мог быстро передать команду, бюрократическая система управления мог-

ла еще действовать. Но с ростом армий она естественно стала вытесняться делократической. Никто не видит здесь особой теории, тем более такой, которую можно использовать в мирной жизни. Эти принципы до сих пор считаются находкой военных и делом сугубо специфическим.

СЛЕДСТВИЯ ВНЕДРЕНИЯ В УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛОКРАТИЧЕСКИХ И БЮРОКРАТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ

Управление, как и любая деятельность человека, имеет тысячи аспектов, которые при использовании тех или иных принципов выглядят различно.

Рассмотрим некоторые из них. Начнем с ответственности. Любые действия делократа – следствие его собственных решений. Перед ним лишь одна задача – Дело, и как ее решить, ему никто навязать не может. Приказ – плод его собственного ума. Следовательно, только он отвечает за приказ, и, если приказ в делократической системе не выполнен, виноват тот, кто его дал, это он ошибся, не оценил правильно сложности задачи, не подобрал нужных исполнителей, не обеспечил их. Этот принцип и закреплен в армии, только там ответственность за исполнение приказа несет командир, давший его.

В бюрократической системе подчиненный запрашивает, что делать, либо начальник и без его просьбы вместе с задачей указывает пути решения, обязательные для исполнения. Поскольку подчиненный производит действия, основанные не на собственных решениях, то и нести ответственность за их последствия не может. Ведь он не ошибался, он вообще над решением не думал. Скажем, полковнику приказано, развернув знамя, в полный рост полком атаковать и взять город. Задача – взять город, атака в полный рост – путь решения. Полк погиб, город не взят, Дело не сделано. Кто виноват? Полковник сделал все, что приказано, и, следовательно, не виноват. А тот, кто дал приказ, не несет ответственность за Дело этого полковника. Другой пример. Райком приказал колхозу посеять кукурузу. Председатель сеет, она гибнет, колхоз не сделал Дело, несет ущерб. Кто виноват? Райком? Он не возьмет ответственность за Дело, у которого есть свой ответственный – председатель. Председатель? Но ведь он точно выполнил приказ! Отсюда, следствием внедрения делократических принципов является то, что в системе за каждое Дело отвечает один человек, а в бюрократической системе никто. И как видно из примеров, эта безответственность базируется на форме приказа. Потому в боевом приказе указывается лишь Дело – ближайшая и дальнейшая задачи, пути их решения оставляются тому, кто приказ получил.

Второй аспект – обеспечение Дела. Чтобы его выполнить, нужны ресурсы. Вопрос: «Кто их обеспечит?» Тот, кто поручил исполнять, или исполнитель?

Выполнение Дела у делократа возможно лишь при выполнении Дела всеми его подчиненными. Поскольку он поручил Дело подчиненному, он и отвечает за его исполнение или неисполнение. И не имеет значения, по какой причине подчиненный не сделал Дело – из-за отсутствия обеспечения или в силу собственной неспособности. Приказ должен быть выполнен, и поэтому ответственность за обеспечение приказа лежит только на том делократе, который его дал.

Заметим, что и в армии этот аспект не всегда был ясен. Например, в статье «Тыл вооруженных сил» энциклопедии «Великая Отечественная война» сказано: ответственность за обеспечение войск была возложена на вышестоящие штабы только в ходе оборонительных и наступательных боев. То есть до войны считалось достаточным дать приказ, а уж подчиненный как-нибудь изловчится, обеспечит бой всем необходимым. Война привела этот бюрократический выверт в соответствие с делократическими принципами.

Бюрократ избегает необходимости обеспечивать свой приказ тем, что дает его через голову подчиненного. Указывая ему, что делать, он фактически назначает Дела подчиненным своего подчиненного, а тот за обеспечением обратится к непосредственному начальнику, и именно последний окажется виноват, что не обеспечил. В результате в делократической системе ответственность за обеспечение приказа несет тот, кто его дает, а в бюрократической – кто его получает. Но сразу отметим: обеспечить бюрократа -дело опасное. Если делократ берет у начальника обеспечение крайне скупо (все лишнее снижает эффективность, с которой он делает Дело, и его собственное поощрение), то бюрократу выбросить на ветер миллион ничего не стоит – он поощряется не Делом, а начальником. Поэтому бюрократы-начальники по-своему правы, когда заставляют бюрократа-подчиненного доказывать (причем бесконечно), что ему необходимо обеспечение.

Еще один аспект. В бюрократической системе подчиненному указываются действия, необходимые для решения задачи, а их тысячи в любом Деле. Для бюрократа становится главным отчет именно о действиях. Более того, бюрократ старательно избегает отчета о результате, поскольку именно за результат может последовать наказание, а действие с согласия начальника не наказуемо. Поэтому в бюрократической системе отчет о Деле успешно подменен многочисленными отчетами о действиях, которые предписаны начальниками и якобы приводят к тому, что Дело делается успешно.

Распахал целину, отчитался – получил орден, а то, что зерна все равно нет, что эрозия сгубила плодородие земли – здесь бюрократ не виноват: начальство сказало пахать – он и пахал. Пахал добросовестно и старательно, упрекнуть его не в чем.

Заместителю председателя ВЦСПС в забытой теперь телепередаче «Проблемы, поиски, решения» задали вопрос о том, как ВЦСПС борется с травматизмом. Последовал быстрый отчет – усилиями инспекторов по охране труда посажено в тюрьмы столько-то тысяч ИТР, под следствием -столько-то тысяч, материально наказано столько-то и так далее. О том, на сколько снизился травматизм – ни слова. Если не слышать вопрос, можно подумать, что профсоюзы поставили перед ВЦСПС цель – пересажать в тюрьмы всех ИТР, и ВЦСПС уже близок к решению задачи. И никого не удивило: настолько мы привыкли к подобным отчетам.

Следствием бюрократических принципов является полная подмена Дела отчетами о действиях. Целые отрасли, отказавшись от Дела, существуют за счет отчетов о «правильных» действиях.

От науки, например, общество требует эффективных решений для всех областей жизни. Как правило, для этого нужны исследования, но сами по себе они для общества ничего не значат. Как ученый пришел к нужной идее – исследованиями или ему ее цыганка подсказала – обществу все равно. Главное, эффект – реальный, ощутимый. Но вся наша наука поставила перед собой задачу – только «исследовать». А что результаты исследований конъюнктурны, особенно в общественных науках, или их невозможно внедрить, или банальны – не имеет значения. И вроде ученые все делают правильно: выбирают объекты исследований, разрабатывают методики, ведут эксперименты... ВАК завален диссертациями, журналы – статьями, ВНИИГПЭ – заявками на изобретения. Огромная армия ученых, огромное налоговое бремя на рабочих и крестьян – и мизерный эффект.

Ведь для армии было бы совершенно диким, если бы кто-нибудь потребовал награду за то, что он правильно стрелял, быстро заряжал, четко отдавал команды, верно устанавливал прицел, правда, врага не уничтожил. В остальных же областях это стало привычным.

Еще пример. От промышленности требовался потребителю нужный товар. Заводы должны были сами спланировать его выпуск по времени, исходя из конкретных условий. Но это действие – плановость, – являющееся лишь составной частью Дела (обеспечение потребителя), было поставлено промышленности в задачу. Миллиарды рублей бессмысленно расходовались, чтобы последняя единица продукции ушла с завода ровно 31 числа. Хотя заведомо ясно – подавляющему числу потребителей безразлично, когда она поступит – сегодня или днем позже.

Но самым тяжелым следствием бюрократических принципов стала необходимость формирования бюрократического аппарата управления.

Работа каждого человека состоит из трех этапов – оценки обстановки, принятия решения и действия. Действие руководителя – команда. Чем выше инстанция, тем необъятнее Дело, труднее оценить обстановку, многочисленнее варианты решений, сложнее выполнить приказ. Один человек справиться со всем объемом работ уже не в состоянии, возле него формируется аппарат. Члены аппарата помогают руководителю оценить обстановку, намечают варианты решения, оформляют его приказ так, чтобы он во всех пунктах был обеспечен и безусловно выполним.

Представим, у руководителя десять подчиненных инстанций и пять человек в аппарате. (В армии это называется штабом.) Если теперь поручить руководителю оценивать обстановку, принимать решения и отдавать приказы еще и за десятерых своих подчиненных, очевидно, пятерых человек ему не хватит. Потому что, во-первых, подчиненные находятся от начальника далеко, обстановку у них не разглядишь. Следовательно, нужны дополнительные люди, которые бы либо выясняли ее на месте, либо запросили ее у подчиненных. Кроме того, необходимо свою обстановку сообщить вышестоящей инстанции – вновь нужны люди. Чем ниже подчиненный, тем он чаще дает приказы, его решения менее ответственны, но их много. Из-за этого аппарат

начальника раздувается еще больше. И, наконец, если подчиненному отдано указание, необходимо убедиться в том, что он его правильно выполняет. Возникает немыслимая в делократической системе отрасль – контроль! Ведь чтобы контролер мог что-либо контролировать, ему приходится дать указание в форме «что делать». В делократической же системе такого нет, контроль – порождение бюрократических отношений.

Из-за всех этих функций бюрократический аппарат так разбухает, что его, а правильнее сказать – функции, приходится делить и по высоте, и по ширине. Начальник ставит между собой и подчиненными новые инстанции, а часть его аппарата отделяется, образуя самостоятельные отрасли бюрократической деятельности, различные комитеты и инспекции.

Обратим внимание, бюрократический аппарат – следствие бюрократических отношений, а не их причина. Бороться с бюрократизмом, сокращая аппарат, бессмысленно, не аппарат виноват в бюрократизме, а бюрократизм формирует аппарат.

Обычно при попытках сокращения происходит следующее. Оставшиеся без людей функции пытаются возложить на тех, кого не сократили, но последних для этого не хватает. Тогда для определенных работ вызывают людей снизу, например, раньше их командировали с заводов в Москву. Это накладно, расселять людей трудно, маскировать их тоже не всегда удается. Волей-неволей, когда ажиотаж стихал, людей снова набирали. Либо часть их выделяли в специально созданную для этих функций организацию. В итоге размеры аппарата возрастали еще больше. Сколько существовал Советский Союз, столько и шло подобное сокращение управленцев, и наконец их структуры достигли феноменальных размеров, переплюнуть которые смогли лишь «демократы» после развала СССР.

Но если ввести делократические принципы управления, отпадут бюрократические функции; само собой, исполняющие их люди останутся без работы.

Такое количество людей, не нужных для Дела, конечно, накладно, но не более того. При существующей производительности труда можно, хоть и без роскоши, прокормить и больше бездельников. Беда в другом – в подавляющем большинстве это были не бездельники, а добросовестные и уверенные в том, что они делают полезное дело, люди. Но именно их работа привела сейчас к тяжелейшим, а порой и страшным последствиям.

При бюрократическом управлении реальную власть получает аппарат, начальник не способен дать столько обдуманных команд, сколько их фактически нужно, и от его имени командуют члены аппарата. Вспомните ельцинское: «Меня подставили».

Для Дела было бы не так тяжело, если бы на каждого подчиненного в аппарате существовал дублер – тогда бы и он отвечал за Дело подчиненного. Но в аппарате тоже есть разделение труда: каждый член аппарата дает команду на определенный вид действия по всей системе сразу.

Скажем, подчиненному – директору завода поручают Дело. Он должен в одно время и в одном месте свести материалы, станки, энергию, знающих работников, оплатить их труд. Если этого не выполнить, Дела не получится. Но сколько всего этого нужно и когда это будет, определяет не он – ответственный, а тысячи чиновников, находящихся за тысячи километров от Дела. Количество материалов, станков и энергии отдельно по всем позициям определяли сотни чиновников Госплана, Госснаба и министерств, зарплату – чиновники комитета по труду, сколько иметь людей – чиновники министерства, сколько стоит Дело – Госкомцен и так далее. И ни один из тех, кто своим решением может погубить Дело, за него не отвечает, так как ему поручено лишь конкретное действие – он делает его, отчитывается перед начальником, получает поощрение. И даже если бы все чиновники внезапно захотели отвечать за конечный результат, они бы физически этого не смогли, и возложить на них ответственность совершенно невозможно.

Внешне абсолютно послушный начальнику аппарат вводит в систему дичайшую анархию. При всей кажущейся правильности отдельных команд поступление их из тысяч источников даже в самых простых вопросах заводит Дело в тупик.

Возьмем, например, практику совместных решений ЦК КПСС и Совмина СССР. Пришедший к власти Горбачев начал с технического перевооружения экономики. Действительно, техника морально устаревает, зачастую убыточно ремонтировать старый станок, когда уже есть более производительный. Ретивые чиновники тут же установили штрафы за каждую единицу капитально отремонтированной техники.

Далее, спустя несколько лет ЦК КПСС и Совмин потребовали резко снизить расход металла по стране и постановили капитально отремонтированное оборудование довести до 75 процен-

тов! А как быть исполнителю Дела – менять станки или капитально ремонтировать?

Те же органы потребовали перехода на многосменную работу. Действительно, она резко снижает необходимость и в станках, и в производственных зданиях. Одновременно они приказали для блага женщин освободить их от сменной работы. И вновь – а что делать исполнителям? Лишить женщин на предприятиях с многосменным режимом средств к существованию ради их блага? Или в ночные смены выводить только мужчин? Или переформировать предприятия в односменные?

А ведь при отборе бюрократических кадров ЦК и Совмина существовали очень высокие требования, и рожденные ими постановления, если их рассматривать вне Дела, вроде бы правильные. Неправилен, бюрократичен сам принцип подобных указаний.

Члены аппарата понимают, что подготовленный ими приказ может нанести ущерб Делу, и от начальника, подписавшего его, можно схлопотать наказание. При Сталине так и вовсе смертную казнь.

Поэтому никто так не боится начальника, когда ему поручено Дело, ответственность за которое он не может или не хочет переложить на кого-либо, как его собственный аппарат.

Это формирует особое мировоззрение бюрократа – никогда не отвечать за последствия своих действий. Впрочем, бюрократическая система к этому приспособлена, можно сказать, она для этого и создается.

Главная страховка – прием ухода от ответственности – утвердить свое действие у начальника, как только что сказано. Тогда за последствия понесет ответственность начальник, автор же документа останется в тени. Но не всегда начальник подписывает любую бумажку, а подписав, всегда может отыскать автора глупости, внесенной в бумагу.

Тогда надо найти другого, кто взял бы на себя ответственность – это, как правило, коллектив. То есть действие необходимо согласовать у как можно большего числа людей. (В газете застойного периода, например, конструктор жаловался: чтобы поставить в радиоприемнике ручку настройки новой формы, ему потребовалось собрать 70 подписей.)

Но и такое не всегда возможно. Тогда находят способ выяснить мнение начальника по данному вопросу. Делается это, например, пробой. Скажем, аппарат прессы дает намек на новую тему. Начальство молчит. Тогда уже все вместе тему развивают. Допустим: «Разбить собачью голову Бухарина!» или «Защитить честное имя Бухарина!»

Как хороший командир не отправит солдат в бой, пока не проведет разведку, так настоящий бюрократ никогда ничего не делает, пока всеми способами не выяснит: одобрит ли его действие начальник. Напомним – настоящий начальник, а не нынешние. Нынешними можно вертеть.

Приемы бюрократа и делократа одни и те же, поскольку основаны на законах поведения людей, но направленность их действий противоположна, поскольку противоположна подчиненность.

Но даже при таком поведении бюрократу не всегда удается избежать наказания. Ведь чтобы заслужить поощрение у начальника, он обязан действовать и отчитываться. И хотя само действие утверждено начальником, но действует-то и наносит вред Делу он! А у начальника одна из задач -разобраться и найти виновного, пусть даже прикрывшегося его именем. Следовательно, бюрократ должен делать все, чтобы тот не разобрался. Для этого начальника надо лишить возможности правильно оценивать обстановку. И аппарат, выдавая начальнику информацию для оценки обстановки, препарирует ее нужным для себя образом. Врать всегда опасно, поэтому информация, как правило, усекается. Например – собран огромный урожай, но о том, что он сгнил на токах – молчание.

Существует ошибочное мнение, что бюрократы скрывают истину от народа и, если их взять под контроль народа, все вопросы решатся. Ни в коей мере! Народа бюрократ опасается меньше всего; не народ его назначает, наказывает, поощряет. Более того, бюрократ обрадовался бы, если бы его начальником стал народ – много людей, не разбирающихся в его делах. Их-то обмануть легче, чем специалиста. И кстати, когда такой начальник появился в виде Съездов Советов, для бюрократов настали золотые времена.

Так что бюрократы скрывают информацию от народа не потому, что его боятся, – они боятся специалистов, которые получат вместе с народом информацию, переработают ее и подадут начальнику этих бюрократов, представив аппарат в опасном для него свете.

Информация – это монополия бюрократического аппарата. Лишившись монополии, он становится беззащитным.

Но и этого мало. Аппарат заставляет сеять кукурузу там, где она не растет, арестовывает и расстреливает невинных. Как это объяснить людям, которые об этом знают, как заставить их молчать и бездействовать?

Во-первых, надо убедить их, что так решил сам начальник. Но тогда люди потребуют убрать начальника, а это страшно – аппарат останется без того, кто несет ответственность за его действия. Путь один – возвеличить начальника, сделать его неприкасаемым, гениальным. Ведь когда пресса просто визжит от восторга, когда все вокруг прославляют гения, сомневающемуся становится неуютно – его постоянно преследует вопрос: «Ты что, один умный, а все дураки?» Бюрократ это отлично понимает и великолепно этим пользуется. Бюрократический аппарат не может существовать без гениального начальника, на которого он возлагает ответственность за все свои, часто преступные, действия.

Но вот начальник ушел со сцены, что делать? Только одно – всю вину свалить на него: «Он все знал, все видел, мы ему обо всем подробно докладывали, но он нас заставлял. Мы – маленькие люди и очень дисциплинированные, мы только выполняли приказы. А вот новый начальник – хороший, мы уже видим явные признаки гениальности, он будет давать хорошие приказы, мы будем хорошо выполнять их, мы дисциплинированные, главное -хороший начальник, и все будет хорошо!»

Даже не зная подводных течений в истории нашей страны, а просто умозрительно оценивая, какими должны быть начальники в нашей бюрократической системе управления, приходим к неизбежному: при жизни -идеал, после смерти – мерзавец; на посту – гений, в отставке – дурак. Аппарат же всегда невиновен, и принципы его работы незыблемы.

В тридцатых годах судьи, оставшиеся безнаказанными, убили сельскохозяйственного экономиста Чаянова, гноили в тюрьмах изобретателей. И в восьмидесятых, опять же безнаказанно, упрятали в тюрьму сельскохозяйственного экономиста Худенко и, наверное, не одну сотню изобретателей. В тридцатые, «борясь с врагами» (а они действительно были), убили ужасающее количество невинных партийных деятелей. В восьмидесятых, «борясь» с коррупцией в верхних эшелонах власти (она действительно есть), одесский прокурор стряпает дело против секретаря обкома, и только случайно тот спасается, в отличие от коллег из кавказских республик, где спаслись не все.

Руководители меняются, аппарат остается. Руководитель бюрократической системы фактически передает власть аппарату, и никакие репрессии в аппарате, никакое его сокращение ничего не изменит. Менять нужно принципы управления.

Надежда на энтузиастов не оправдана. Делократ в бюрократической системе идет не в ту сторону, он всем мешает, его выбрасывают так же, как бюрократа из кооператива.

Заметим, против кооперативов озлобляются люди, привыкшие выполнять приказы начальников и получать деньги от них, а не от Дела. Озлобление не объяснишь только высокими ценами кооперативных товаров и хорошими заработками кооператоров. В работников автозаводов и эстрадных звезд никто пальцем не тычет. Не понимая бюрократических принципов, не поймешь: почему оригинальные, выдающиеся (по своим конечным результатам) учителя не избраны коллективами на свой съезд, почему хирург Илизаров не избран коллегами в Академию медицинских наук.

Бюрократизм – это мировоззрение, образ мыслей, уверенность, что можно безбедно прожить, не отвечая за свои действия. Бюрократы защищают свою совесть лозунгом: «Приказы не обсуждаются – приказы выполняются!» Опять же, считается, что это армейский принцип. Неверно. Гласность в армии утверждена Уставом, и приказ выполняется не без обсуждения, а беспрекословно, а это разные понятия. В армии нельзя отказаться от поставленной перед тобой задачи (от порученного тебе Дела), но обсудить ее можно, в чем и заинтересован в первую очередь тот, кто ставит задачу. Ведь ему надо максимально эффективно выполнить собственное Дело, пренебрегать соображениями исполнителей было бы крайне глупо. В армии действует принцип: «Приказы обсуждаются в сторону их наилучшего исполнения». Для этого в боевом приказе командир обязательно объясняет подчиненным свою собственную задачу и то, как он ее собирается решить. Скажем, если бы райагропром объяснял председателям, сколько ему нужно получить мяса, зерна и овощей и как он эти объемы между ними распределит, председатели дали бы свои

предложения, сообразуясь с условиями. Один, пользуясь близостью к городу, взялся бы за овощи, другой, исходя из наличия лугов, – за мясо. Но, если каждому приказать, сколько гектаров и чем засеять, сколько голов скота держать, то обсуждать будет нечего; если же это приказ из Москвы, то местный агропром не допустит обсуждений и вовсе – «приказ не обсуждается...».

Чтобы обеспечить деятельность (бездумную и безответственную) своего аппарата, вся система несет огромные затраты.

В свое время аппарат, контролируя все распределение в стране, обнаружил: товарно-материальные ценности на предприятиях перепродаются ими самостоятельно, то есть вышли из-под его контроля. Последовал запрещающий приказ. На предприятиях начали накапливаться так называемые сверхнормативные запасы, омертвлялись огромные ценности. Во избежание этого аппарат инициирует еще один приказ, запрещающий приобретать новое имущество, пока на складах есть старое. Старое не нужно, продать, кому нужно, его нельзя, сделать Дело без нового тоже нельзя. Путь тогда был один – списать и уничтожить. Приказы внешне безобидные, но ущерб от них сравним разве что с войной.

Так же происходит уничтожение и интеллектуальных ценностей. Ведь творчество – создание нового, а его нет в приказах, инструкциях, нормах, правилах, СНиПах и ГОСТах; начальство о нем не знает и мнения о нем не имеет. Следовательно, новое, а вместе с ним и творчество аппаратом фактически запрещается. Нечто подобное и в странах «свободного мира». Иначе как расценить тот факт, что ни одна из крупных фирм «большой семерки», контролировавших рынок ЭВМ на Западе, не сумела оценить важность микропроцессоров и микрокомпьютеров. Их открыли мелкие фирмы, не имевшие больших аппаратов. Гиганты же понесли убытки в виде недополученной прибыли. ИБМ, например, в несколько миллиардов. Фирма «Айтем» просто разорилась, оставив после себя миллиард двести миллионов долларов долга, чем чуть не разорила своего поручителя – страховую компанию «Ллойд», которая до тех пор никогда так крупно не ошибалась в оценке риска. Просмотрели эти фирмы и машинный язык «Ада». Его изобретатель, не заинтересовав гигантов, создал маленькую фирму. К концу 90-х годов ее ежегодный доход прогнозировался на уровне 15 миллиардов. Бюрократическая система, создаваемая по идее для Дела, автоматически превращается в систему, обслуживающую аппарат. Управление становится самоцелью, и, как писал Маркс, любая государственная задача превращается аппаратом в канцелярскую – поток бумаг, совещаний, проверок, отчетов, а любая канцелярская – в государственную. Государство тратит силы и средства на то, чтобы бюрократы отчитывались, писали документы, проверяли – занимались безответственной управленческой деятельностью.

О ДЕМОКРАТИИ

Кому бы ни принадлежали средства производства – государству или частным лицам – не имеет значения, управлять страной все равно надо, Следовательно, в ней будет задействовано либо бюрократическое, либо делократическое управление.

При капитализме хозяин средств производства – делократ, и этим объясняется успех стран капитала в сравнении с социалистическими во многих областях деятельности. Преимущество заложено не в частной собственности, а в большом числе людей, служащих непосредственно Делу.

Кому принадлежит власть – народу или монарху – значения не имеет, важна система управления – бюрократическая или делократическая.

Само по себе желание управлять реальной власти не создаст. Она возникает, когда люди начинают подчиняться. Человек, объявивший себя императором, монархии не создаст, нужны люди, считающие это полезным (для себя или для общества).

Для демократии необходимо, чтобы все инстанции и организации, подавляющее большинство населения страны подчинялись не собственным интересам, а общенародным. Это делократический взгляд на демократию. Если же группа людей, пусть даже очень большая, подчиняется лишь своим интересам, то неважно, есть ли свобода слова или тайное голосование внутри группы; если нет конечной цели – служения народу (власти народа), нет оснований называть такую группу людей «демократическим обществом».

Когда народ выстраивает структуру управления, у него есть два пути: поставить перед правительством задачу и обеспечить ее решение трудом и кровью либо, как бюрократ, указывать

правительству, что делать.

Делократический путь ведет к мощному обществу, способному выжить при различных катаклизмах, сохранить свободу при угрозе порабощения или, напротив, поработить другой народ. Общество формирует делократическую систему, когда оказывается на грани уничтожения.

Если перед населением сверхординарные задачи не стоят, то оно формирует бюрократическую систему управления, при которой Дело – служение всему народу – не обеспечивается. При такой структуре подчиненные (в данном случае – правительство) служат не Делу, а бюро (интересам части населения, подчинившей себе правительство). А народ – это и все живущие сейчас, и те, кто будет жить после. Их интересы могут остаться незащищенными.

Бюрократическая и делократическая системы формируют у людей совершенно разное мировоззрение. Для делократа правильно лишь то, что дает народу нужный результат, для бюрократа – то, что считает правильным его начальство. Начальством, кстати, могут выступать различные слои населения, подчиняться которым бюрократ считает выгодным. Отсюда – парадоксы в оценке действительности. Например, свобода.

С бюрократической точки зрения и Россия, и Советский Союз – страна рабов, а Франция – безусловно свободных людей. Действительно, во Франции население контролирует действия правительства и каждый человек имеет право указать ему (а собравшись в группы, и настаивать), что делать, независимо от того, понимает он что-нибудь или нет. В России такого никогда не было. Бюрократический вывод: французы не боятся правительства, они свободны от него. А русские боятся, они его рабы.

Теперь с точки зрения делократии. За последние двести лет иностранные войска трижды ставили Францию на колени. С Россией этого за шесть столетий никто не смог сделать. А, между прочим, в начале XVII века русских было втрое меньше, чем французов, вдвое – чем поляков. Но ни немецкие рыцари, ни Речь Посполитая, ни турки, ни татары не наступили ей на горло. Это стоило очень дорого, но при делократическом управлении начальник (народ), ставя перед подчиненными (правительством) задачу, обязан ее обеспечить. Русский народ доверил правительству свою свободу и сам же обеспечивал решение задачи жесточайшей дисциплиной и почти всегда реками собственной крови.

В 1940 году немцы, дав Франции восемь месяцев на подготовку, победили ее. Цена сопротивления французов – один убитый на тысячу, повысить ее они не решились, смирились с рабством своим и будущих поколений. Советский Союз в той войне потерял каждого десятого (и счет не окончателен!), но рабом не стал и детей своих в рабство не отдал. Как видим, с делократической точки зрения французам до свободолюбия русских далеко.

Не избежать парадоксов и оценивая понятие «демократия». С бюрократической позиции она приходит, когда любой может указать руководящему органу, что делать. С делократической – демократия возможна, лишь когда все – и правительство, и каждый в стране – служат народу, когда народ над всеми имеет власть.

Для бюрократа кооператив, члены которого свободно дают указание правлению скупить во всем городе кофе и для наживы перепродать в 10 раз дороже, – организация, безусловно, демократическая. Ведь в нем проходят выборы, голосование, свободное обсуждение... Для делократа демократической организацией является армия типа советской – организация, у членов которой **и** в мыслях нет корысти, все в ней всегда и без предварительных условий служат целям народа.

Например, выборность в армии всякий раз дискредитировала себя, когда нужно было делать Дело. Министр обороны, назначающий командира полка, знает требования к нему много лучше, чем солдаты, кроме того, министра назначил Верховный Совет. Причем важна даже не выборность сама по себе, а то, зачем выбирают. Если партизанский отряд избрал командира, чтобы бить врага, – это демократия, если, чтобы вместе прятаться от войны, – здесь нет демократии. Выбирать начальников в принципе можно, если избиратели сами собираются служить народу, но тогда обязательно нужно учесть мнение вышестоящей инстанции – мнение отвечающих за Дело профессионалов.

Чтобы делократизировать демократию в стране, не стоило делать каких-либо изменений. Правда, избирателям надо понять, что они выбирали депутатов не затем, чтобы те, находясь в Москве, заполнили города и веси неизвестно откуда взявшейся колбасой, а затем, чтобы депутаты ставили перед правительством задачи, решение которых обеспечит безопасность и богатство Родины и сегодня и в будущем. При этом избиратели должны были сознавать – богатство воз-

никнет только в результате их труда, а безопасность обеспечивается порой и жизнью. То есть население страны, как часть народа, определяя Дело своему подчиненному – правительству, обязано было это Дело обеспечить.

Верховный Совет – представитель народа – должен был законами формулировать населению задачи, а правительство организовать их выполнение.

Обсуждать способы достижения целей – право и даже обязанность каждого гражданина, гласность здесь необходима и обязательна, но определение конкретного пути – обязанность правительства.

Не было нужды выбирать в депутаты академиков. Депутаты должны были представлять народ в среднем. Дела же, которые Совет укажет правительству, должны быть так укрупнены, чтобы стали понятны любому. Вопросы, в которых депутаты некомпетентны, решаться ими не должны.

Понятно, например, если ядерного оружия столько, что война вызовет гибель мира, то его рост дополнительной безопасности не несет. Сокращать его или нет – вопрос, понятный каждому, это вопрос Верховного Совета. А вот сколько сокращать, когда, какие типы оружия – вопрос специальный, это Дело правительства, которое и обязано решить его, взяв на себя ответственность. Так же должны действовать и местные Советы.

На Верховном Совете, как на высшей управляющей инстанции, лежит обязанность обеспечить свои решения, направленные правительству. Например, если, кроме войны, правительство не видит других путей сохранить народу свободу, Верховный Совет обязан издать закон о мобилизации.

В 1938 году населению Франции и Англии очень не хотелось участвовать в войне – защищать Чехословакию (решили – свою свободу можно обеспечить дешевле), в войне, которая закончилась бы быстрой ималокровной победой. Чехословакия была предана. Францию разбили через два года, Англия оказалась на грани гибели.

Истинная демократия возможна лишь при делократическом управлении, когда любой исполнитель свободен в выборе принимаемых решений, когда у каждого Дела есть ответственный и руководящая инстанция обеспечивает свои решения.

О ЗАКОНАХ

Задачи, которые от имени народа ставятся Верховным Советом перед правительством, оно обеспечивает, принимая законы, обязательные для исполнения. Но законы – те же инструкции, а для делократа обязательных инструкций не существует – ему указывает Дело. Получается, делократ по своему разумению может исполнять и не исполнять законы. Это так и не так.

Любой закон прежде всего ставит задачу. Дело – тот результат, который нужен народу и который необходимо достичь. Далее в законе указываются (раньше указывались) отработанные жизнью или продуманные нормы поведения – вот их-то исполнять не обязательно. И никакой крамолы, революции здесь нет.

Возьмем, например, самый старый, самый строгий закон – уголовный. В первой статье он каждому указывает Дело: «Уголовный кодекс (союзной республики) имеет задачей охрану общественного строя, его политической и экономической систем, социалистической собственности, личности, прав и свобод граждан и всего социалистического правопорядка от преступных посягательств». Далее кодекс объясняет, что такое преступление – это «...общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом» (статья 7 УК РСФСР). То есть сами по себе такие деяния, предусмотренные уголовным законом, как, например, убийство, дача взятки, воровство и другие, еще не является преступлением, если они не опасны для общества.

Статья 14 (УК РСФСР) об этом говорит прямо: «Не является преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного Особенной частью настоящего Кодекса, но совершенное в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, угрожающей интересам Советского государства, общественным интересам, личности иправам данного лица или других граждан, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена другими средствами и если причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный вред».

И только такое исполнение закона является точным. Более того, если человека, совершив-

шего во имя общественных интересов «деяния, предусмотренные Особенной частью настоящего Кодекса», осудят, то тяжкое преступление совершат работники прокуратуры и судьи (статья 176,177 УК РСФСР), поскольку закон требует, чтобы его исполняли полностью, а не отдельные статьи. Нет общественной опасности или она минимальна, значит, нет преступления или оно минимально.

Почему же у нас с тридцатых годов по смерть Сталина был террор, почему возможны неправосудные приговоры и в настоящее время?

Суд у нас бюрократичен и независим от правосудия, прокуратура независима от законов, они независимы от своего Дела. Председатели судов, прокуроры поощряются и наказываются своими начальниками и служат исключительно им. (Кстати, подчинить их прессе или общественному мнению тоже не выход.) Поэтому они делают только то, что заслуживает одобрение тех, перед кем они отчитываются, кто может их наказать. Они всегда исполняют (одни охотно, другие вынужденно) не социальный, а административный заказ.

Возникла у Сталина концепция об обострении классовой борьбы, и тут же прокуроры и судьи заполнили судебную систему делами о врагах народа и смертными приговорами. Если один судья уже отчитался, что он убил десять английских шпионов, то другому для карьеры, хоть из шкуры вылезь, а нужно убить десять японских. Служить одновременно и Делу, и бюро невозможно, не успеешь отчитаться – сам попадешь к коллеге в отчет. Нужно было подтвердить начальнику, что «борьба», дающая возможность сногсшибательной карьеры, действительно «обостряется», шпионов пруд пруди, и на таких борцов, как ты, у начальника одна надежда и осталась.

Возник административный заказ борьбы с бесхозяйственностью – пожалуйста, наша Фемида тут как тут. И не удивляли сообщения в газетах, что хозяйственники, достигшие огромного эффекта для страны, сидят в тюрьмах. Отчитываться-то Фемиде надо регулярно.

Административный заказ может быть государственным и местным. Государственного заказа на борьбу с коррупцией в Узбекистане не было, зато был местный – на защиту взяточников. И не смущаясь, узбекская Фемида уничтожала свидетелей, сажала в тюрьмы тех, кто пытался бороться со взятками. А когда возник госзаказ на борьбу со взятками, то вовсю развернулись Гдлян с Ивановым, но уже в другую сторону.

Нельзя обижаться на законы, по духу и букве они делократические. Но управление правосудием бюрократично. Не изменив его, бессмысленно менять законы.

ПУТИ ПЕРЕСТРОЙКИ

Внешне пути перестройки выглядели несложно. Нужно было каждому определить его Дело и применить такую систему поощрения и наказания, чтобы она полностью отражала, с какой эффективностью человек или организация делают его. Бюро (руководящий орган) в этот вопрос вмешиваться не должно.

Правда, наше бюрократическое мировоззрение часто приводит к тому, что мы путаемся в определении Дела, порой не можем определить его для данного человека или организации. Сейчас есть организации без Дела, и придумать его для них невозможно. Это чисто бюрократические порождения.

Есть организации, уклонившиеся от Дела, их действия не обязательно приводят к его выполнению.

Есть организации, которым дали Дело другой организации, а чужое Дело невозможно сделать ни качественно, ни эффективно. Например, агропром. Его обязывали обеспечить жителей продовольствием. Он завалил им страну. ФРГ производит зерна на душу меньше полутонны и экспортирует продовольствие. Мы производили при коммунистах 700 килограммов и импортировали. Есть продовольствие, но нет сортамента. Но ведь не агропром обеспечивал продовольствием жителей страны, он только обеспечивал своей продукцией перерабатывающие отрасли, а те Минторг. Жители же покупали продукты у Минторга. Если бы задача обеспечить страну продовольствием стояла перед Минторгом, он никогда бы не поставил перед агропромом задачу получить зерна тонну на человека, он и 300 килограммов не продаст. Он бы заказывал и стимулировал производство мяса, он бы не губил четверть урожая на пути к себе и на своих складах.

Здесь присутствует элемент аппаратного бюрократического всезнайства. Руководящий ор-

ган знает, что мясо производится из зерна, и поэтому ставит задачу производить зерно. Точно так же он знал, например, что для сокращения денежной массы нужно производить товары народного потребления и услуги. Но задачу ставил – не денежную массу снижать, а производить отдельно товары и отдельно услуги. Это было очень удобно для аппарата. Он отдельно по каждым видам спускал планы, графики, еженедельно принимал отчеты, составлял сводки. Работа кипела. А хозяйственник, не дав созреть помидорам, запахивал теплицу и засеивал ее помидорной рассадой потому, что помидор по бюрократическим определениям – товар народного потребления, а рассада – это услуга населению. План по товарам выполнен, значит, запахивай помидоры, план по услугам горит – сей рассаду. И не важно, что несешь убытки, что за помидорами очереди. Ты обязан был дать товаров и услуг столько, сколько приказал аппарат. Кроме того, задача производства товаров и услуг давалась не тому, кто к этому предназначен, а всем. Неприспособленные предприятия в подавляющем большинстве производили их в убыток, выплачивали с учетом материалов на руки зарплаты больше, чем давали товаров в магазины, увеличивая этим денежную массу в стране. Делали прямо противоположное тому, что требовал напоследок Горбачев с компанией.

Короче, Дело каждого можно определить, нет больших проблем и в привязывании исполнителя к Делу.

Гораздо сложнее другое. Мы должны были тогда и должны сейчас перестроить управление не на голом месте. И мощный, имеющий реальную власть бюрократический аппарат перестроиться не давал и не дает. Не потому, что в нем сплошь враги и негодяи. Он не даст это сделать в силу своей природы, в силу того, что он в этом случае погибнет. По крайней мере, в 1965 году он перестройку задушил, даже не заметив этого, а в 1989-м полностью взял власть в стране и заставил ее себе служить.

Дело в том, что для обеспечения задач, поставленных правительству, Верховный Совет обязан издать законы, которые направят население на достижение поставленных целей. Эти законы начали было издаваться, но они не действовали, поскольку и Советы, и правительство имели власть чисто номинальную, фактическая власть принадлежала аппарату. Ни один закон в полной мере не исполнялся, пока аппарат не согласовывал его на всех уровнях. Причем аппаратные инструкции в большинстве случаев в корне перечеркивали и перечеркивают весь смысл и задачу законов, поскольку издающие их инстанции отвечают только за одно какое-то действие, а не за выполнение закона в целом.

Уже в процессе издания закона аппарат готовит его так, чтобы самому при этом не пострадать. Возьмем «Закон о государственном предприятии». (Не путать с «самым новым» законом «О предприятиях в СССР», и пусть простит читатель за старый пример, но здесь важен не он сам, а суть.)

Казалось бы, он делократизирует управление на уровне предприятий. Предприятию будет ставиться задача, а решать ее оно будет самостоятельно. Переход на самофинансирование и самоокупаемость означал, что поощрение работникам будет поступать непосредственно от Дела, а не от вышестоящего бюро.

Но уже из проекта закона стало ясно – его авторы (аппарат тогдашнего Госплана) подготовили документ, который гарантировал неприкосновенность и постоянную занятость бюрократического аппарата страны. И никакие возмущения, письма, выступления практиков и ученых не помогли. Окончательная редакция приобрела еще более бюрократическую форму, в частности, ликвидировали принцип самофинансирования. Деньги на восстановление основных средств передавались в руки министерств. Предприятия обложили нормативами и лимитами. Эти нормативы и лимиты давали хлеб членам аппарата – они их устанавливали, корректировали, контролировали, по ним отчитывались и прочее.

В законе предполагалось – работники предприятий такие идиоты, что если им тетка из Москвы не укажет, сколько отчислять на зарплату, то они либо ее вообще не выплатят, либо все средства в одночасье пропьют. А если другая тетка не укажет, сколько денег тратить на ремонт, то его либо вообще не произведут, либо на него все деньги изведут. И так далее.

Но даже после принятия Верховным Советом закона в такой редакции аппарат ни в коей мере не собирался его выполнять. Ведь для него обязательны свои внутренние инструкции, а не закон. В нем, например, запрещалось выполнять работы без договоров о компенсации, а местные аппараты без малейшего для себя наказания по-прежнему заставляли их делать. В законе требо-

валось создать единый ремонтный фонд, а вышестоящий аппарат по-прежнему делил ремонты на текущие и капитальные. Закон утверждал, что госзаказ – особо важная для государства продукция, а министерства назначали в качестве госзаказа сбор отходов (но ведь предприятия производят продукцию, а не отходы) или распиловку леса для изготовления досок, из которых изготовят ящики для готовой продукции.

Внедрение в жизнь законов «перестройки» показало, что реальная власть не у правительства, не у Верховного Совета, она – в руках бюрократического аппарата, огромной массы, имеющей целью только собственное существование. Начали бороться с нетрудовыми доходами – аппарат стал громить теплички у пенсионеров; начали бороться с пьянством – аппарат сократил продажу водки, хотя абсолютно ясно, что это не способ.

Издали закон о кооперации (с военной точки зрения, кооперативы можно сравнить с партизанскими отрядами, действующими в помощь регулярной армии) – аппарат душил кооператоров в самом зародыше. В 1981 году МВД для борьбы с хищениями ввело коэффициенты на цену производственных товаров, что-то вроде дополнительного штрафа для расхитителей. В 1988 году Минфин заставил применить эти коэффициенты к ценам на товары, продаваемые кооператорами. При кожевенном заводе, который имел на миллион неликвидного лоскута кожи, организовался кооператив по пошиву детской обуви. Он продавал ее по 1 – 1,5 рубля за пару. После внедрения Минфином СССР коэффициентов для воров цена на пару обуви подскочила до 5 рублей, кооператив закрылся, лоскуты остались лежать.

Но и работника государственного предприятия ничто не защищало, если он подчинялся правительству, а не аппарату. В своей бездумности аппарат всесилен и беспощаден. Вот характерный пример. В свое время, повторимся, ввели запрет на продажу фондируемых материалов. Осенью (после холодной зимы, когда замерзали целые города) заместитель директора крупного металлургического завода по просьбе горисполкома продал котельным города два десятка тонн огнеупорного кирпича. Но инспектор по контролю за огнеупорами оштрафовал завод и отчитался в своей добросовестной работе. Прокурор города в жажде отчитаться в своей неуклонной борьбе с бесхозяйственностью потребовал выплаты штрафа лично заместителем директора. Сначала суд отклонил иск прокурора. Он опротестовал решение суда. Назначили новый состав суда, который все-таки оштрафовал заместителя директора. Причем инструкция, послужившая причиной штрафа, была уже давно отменена. Судя по газетам, в стране вовсю бушевала перестройка, а замдиректора трижды в течение года по таким делам оплатил штраф и вынужден был уволиться.

Вывод. Никакая страна не сможет служить Делу, не сможет перестроиться, не выполнит задачи, поставленные перед ней народом, не будет выполнять законы Верховного Совета или парламента, пока реальная власть находится у бюрократического аппарата.

На страже законности (государственной, а не бюрократического аппарата) по идее обязана стоять прокуратура. Вершить правосудие государственное, а не бюрократическое обязан суд. Поэтому прежде всего, прежде промышленности и медицины, сельского хозяйства и педагогики, необходимо делократизировать правосудие. Без него все бессмысленно, без него население страны не сможет подчиняться законам и решать их задачи. Человек должен быть уверен: если он работает на благо Родины, ему ничего не грозит.

На необходимость правосудия мы часто смотрим, как на необходимость трусиков у порядочной девушки на пляже. Дескать, что же мы за страна без правосудия? Но такой академической необходимостью вопрос не исчерпывается, правосудие имеет огромное практическое значение. Правосудие – это и детская смертность, и отсутствие мяса в магазинах. Без него нет власти у народа.

Первый принцип делократического управления – поставить перед прокуратурой и судом задачу, дав им возможность и свободу ее выполнить, трудностей не вызывает. Такая задача стоит перед ними во всех законах, а в тех, где отсутствует, ее надо сформулировать.

Второй принцип – наказание и поощрение работников этих организаций должно исходить не от их руководящих инстанций, а прямо от Дела -внедрить несколько сложнее, но тоже можно. Например, наказание. Судьи, вынося неправосудный приговор или решение, то есть производя итоговое действие по делу, не выяснив объективной истины или вопреки ей, совершают тяжкое уголовное преступление, предусмотренное Уголовным кодексом. Скажем, в УК РСФСР – это статья 177. Прокурор, привлекая заведомо невиновного к ответственности, также совершает тяжкое преступление (ст. 176 УК РСФСР).

Но по этим статьям никого не судят, несмотря на обилие неправосудных приговоров. Дело в том, что прокуратура имеет монопольное право оценивать свою работу и работу суда. Ее следователи обязаны вести дела по этим статьям практически против себя или против послушных прокуратуре судей. Естественно, себе и послушным судьям всегда дают оценку, исключающую уголовное наказание. В самых крайних случаях прокуратура для успокоения разгневанной общественности (если прессе удастся довести дело до общественности) отдаст под суд какую-нибудь пешку, например, следователя. Крупные фигуры под бой никогда не попадут. Это бюрократическая игра без соперников. Адвокаты также бессильны, единственное, что они могут, пожаловаться в ту же прокуратуру и в тот же суд.

Очевидно, чтобы наказание бюрократам поступило не от их начальников, а прямо от их Дела, необходимо следствие по делам работников правосудия передать независимым от прокуратуры следователям.

Чтобы понять предложение, которое последует ниже, давайте немного вспомним историю.

Начиная с времен революции и, пожалуй, по наши дни, ее сопровождает целая цепь судебных убийств. Особо выделяются 30 – 50-е годы – период «культа личности». Трактуют его обычно так: Сталин приказывал убивать, а НКВД убивал.

Но давайте посмотрим, кто же убивал на самом деле?

Непосредственно убивал палач, и он чаще всего был из НКВД. Но виновен ли он, иными словами, мог ли он отказаться от этого акта? Нет. Он солдат, получивший законный приказ, который обязан выполнить. Виновен тот, кто отдал приказ. Этим приказом был приговор суда либо законной инстанции, заменяющей суд (в те времена – Особого совещания или «чрезвычайной тройки»). Именно эти инстанции давали преступные приказы убивать, оформленные в законную форму приговоров. Нам же вдалбливается в сознание, что виноваты не эти инстанции, а Сталин и НКВД, которые якобы давали судам приказы «убивать».

Сталин и НКВД могли давать судам подобные приказы сколько угодно. Но суды, согласно советским законам, не имели права исполнять ничьих приказов и обязаны были основывать свои приговоры только на собственном убеждении. Суд, как уже сказано выше, руководствовавшийся чьим-либо приказом, а не объективной истиной по делу, является уголовным преступником. Суд, а не Сталин или НКВД. Почему же тогда обвиняют их?

Вспомним, откуда пошло обвинение. Его выдвинул Н.С.Хрущев на XX съезде КПСС. Кстати, он сделал это лишь после того, как были убиты руководители НКВД, которые могли бы оспорить это обвинение.

А что еще оставалось делать Хрущеву? Ведь и он, и Брежнев, и огромное количество секретарей обкомов (делегатов съезда) по должности были членами «чрезвычайных троек». Именно они и убивали, чтобы выслужиться перед Сталиным, перед своим начальством. Это был бюрократический аппарат. Не могли же они признаться перед народом, что они убийцы!

Вот и остались они, а вместе с ними и советский суд – главный убийца – в тени. Самое страшное, что он ни на грамм не изменился по сравнению с 1937 годом. Сегодня нет заказа на убийство шпионов – вот их и не убивают. Только и того.

Подчеркнем, органы формирования общественного мнения, которые продолжают вдалбливать в головы версию XX съезда КПСС, являются самыми активными защитниками бюрократизма, самыми активными защитниками аппарата, независимо от того, что они о себе думают и говорят. Они прививают народу мысль, что убийство с целью выслужиться перед начальством морально оправдано.

Итак, нам необходимо делократизировать суд. Статья 177, предусматривающая до 8 лет лишения свободы за вынесение заведомо неправосудного приговора, находится в главе Уголовного кодекса «Преступление против правосудия». А здесь ли ее место? Если свидетель дал ложное показание, если кто-то сделал ложный донос, если эксперт дал ложное заключение -да, это преступление против суда, против правосудия. Оно лишает суд возможности вынести справедливый приговор.

Но если сам суд не вызывает всех свидетелей, не обращается к экспертам, сознательно нарушает Процессуальный кодекс, подтасовывает статьи – делает все, чтобы вынести неправосудный приговор? Разве это преступление против правосудия? Нет! Это преступление против государства! И находиться эта статья должна в главе «Государственные преступления».

Тогда, если возникло предположение о вынесении судом заведомо неправосудного приго-

вора, следствие по этому делу будет вести не следователь прокуратуры, как сейчас, а следователь КГБ. Хотя и под контролем прокурора, но независимо от него.

Строго говоря, необходимы были бы полностью независимые следователи, например, подчиненные прямо Верховному Совету. Но учитывая, что собственно «своих» дел в судах у КГБ немного, на первых порах можно использовать и этих людей.

Когда суды делократизируются, они будут подчиняться только закону, принятому Верховным Советом. Население с помощью правосудия подчинится Верховному Совету, а поскольку тот в идеале должен служить народу, то мы достигнем ситуации, которую называют «демократией».

Кстати, статью о наказании прокуратуры за возбуждение уголовного дела против заведомо невиновного необходимо исключить из Уголовного кодекса. Если суд гарантированно не осудит невиновного, нет смысла и в этой статье. Прокуратура не должна бояться дел, которые могут закончиться оправдательным приговором. Такие дела, конечно, не украсят ее, но работать она должна безбоязненно.

Эти рекомендации хороши были до 1989 года, пока Верховный Совет был марионеткой в руках группы людей – Политбюро, которые, тем не менее, служили народу как умели, как видели эту службу сами.

Но с 1989 года Верховный Совет, сам того не замечая, стал марионеткой государственного аппарата. Он легко проводил через Совет законы, полностью его удовлетворявшие. Затем аппарат уничтожил СССР и сам Верховный Совет, и рекомендаций, приведенных в этой главе, теперь уже не хватит.

ГЛАВА 2 ДЕЛОКРАТИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ

Раньше Верховный Совет нам законы давал, потом он начал их творить. Депутаты говорили и говорят, что заняты «законотворческим процессом». Это естественно: и тогда и сейчас в наших парламентах академик на профессоре сидит и доцентом погоняет. А люди, которым ВАК выдал справку о том, что они ученые, уже не работают, а творят.

Не в обиду ученым будь сказано, но надо и им понимать: когда с кафедры объясняешь студентам, что вещества при нагревании расширяются, или когда переписываешь с чужих книг в свою диссертацию, получить действительного понятия о жизни нельзя. И слова персонажа Райкина, обращенные к молодому специалисту: «Забудь все, чему тебя учили в институте» – потому и смешны, что на 90 процентов истинны. Наши ученые депутаты, к сожалению, этого не понимают.

Кто-то в бреду сказал, что раньше у нас экономика управлялась «командно-административными методами», и все радостно подхватили эту глупость. Вы что же – считаете, что было, как при Петре I, когда за неисполнение приказа следовало высочайшее «бить кнутами до смерти»? Не было этого! Нами всегда управляли экономическими методами: снятием премий, изменением нормативов, изменением цен, штрафами и санкциями банков, финорганов и других инстанций. Никогда и никто насильно нас не заставлял, а экономическими методами ставили в такое положение, что мы вынуждены были подчиняться командам.

Была также создана легенда о некоем якобы «свободном рынке». Нет такого в природе! На рынке всегда действуют два заинтересованных лица – продавец и покупатель. Их интересы прямо противоположны и обязательно ущемляют друг друга. Один заинтересован дорого продать плохую вещь, другой – дешево купить хорошую. И свобода одного – рабство для другого. Если государство хоть немного заботится о своем народе, оно старается не допустить свободы продавца, само диктует цены и условия, перекрывает другие каналы сбыта («черный рынок») – пока товара на рынке становится столько, что он начинает продаваться по ценам, ниже установленных государством. Только после этого государство уходит с рынка, оставляя его под диктат покупателя. Заметьте, путевое государство передает рынок во власть покупателя, а не бросает его на произвол продавца.

Ибо защита экономики государством – это защита только покупателя и ни в коем случае не продавца. Производитель – он ведь тоже покупатель, причем гораздо более уязвимый, чем обычный человек. Человеку, чтобы выжить, нужен десяток наименований товара, а производи-

телю – десяток тысяч. И он может остановиться из-за одного поганого болта и заморозить труд сотен тысяч людей, которые уже поставили производителю свою продукцию; а затем остановить работу сотен тысяч тех, кто ждет его товар.

Дать свободу производителю выбирать себе покупателя – это бюрократическое безумие, инициированное нашей импотентной экономической наукой. Это паралич экономики на ровном месте.

Наша наука 70 лет обманывала народ, вешала ему «лапшу на уши», обещая то молочные реки от знака качества, то кисельные берега от асупизации или техперевооружения. Но то, что происходит сейчас, – это уже не лапша, это блины.

Беда нашей экономики не в отсутствии рыночных отношений – они есть и всегда у нас были. Беда в том, что нам, производителям, не дают подчиниться Делу, не дают удовлетворить потребителя, а следовательно, и нас никогда никто не удовлетворит. Кроме этого, нам не дают работать экономично, то есть делать высококачественные вещи с малыми затратами.

Кто не дает? Государство. Нашим отцам не давали Сталин и Хрущев, нам – Брежнев и Горбачев. Почему, спросите вы, ведь они очень хотели? Да, я думаю, они очень этого хотели. Но если бы на этом хотении дело и закончилось!

А то ведь они еще хотели, чтобы не я – производитель, а они обеспечили народ товарами, которые, например, наш завод производит. Чтобы не я, а они работали экономно на нашем заводе. Физически, сами, они этого не могли, но наняли миллионы людей (государственный аппарат), которые за них хозяйничают. Я делал для потребителя не столько, сколько ему надо, а сколько скажут Госплан и Госснаб. Я давал не такое качество, которое нужно потребителю, а какое требовал Госстандарт. Я не платил работникам, сколько они заслуживают, а платил суммы, указанные Госкомтрудом. Я не обеспечивал их безопасность, а делал то, что укажет Госгортехнадзор. Вы не найдете в стране государственных инстанций, которые не смогли бы мне что-нибудь приказать и добиться исполнения с помощью экономических методов воздействия.

Разве что завод, расположенный в Каракумах, осмелится проигнорировать требования Рыбнадзора.

Я не работал, я холуйствовал при аппарате; он помыкал мной, как хотел. Руководил страной тогда – фактически, а не номинально – аппарат. А сейчас тем более через него идет информация и Президенту, и Верховному Совету. Аппарат эту информацию препарирует так, чтобы получить нужное себе решение.

Выходит, эти почтенные инстанции – тоже холуи при аппарате, независимо от того, что сами о себе мнят. И подтверждением этих слов для последних лет СССР могут служить законы «О предприятиях в СССР» и «О налогах».

Но сначала снова немного о законах вообще. Любой закон, как уже писалось, должен ставить населению общественно-полезную цель. Поскольку не все население захочет ее достигать, закон вводит и ряд ограничений с наказанием для слишком умных. Но чем больше ограничений, тем труднее бывает достичь и самой цели, ибо жизнь переменчива и порой цель достижима только тем путем, который запрещен. Повторяем, в Уголовном кодексе есть цель – безопасность общества – и ограничения с наказаниями для тех, кто подчиниться цели не желает. Одновременно он разрешает убивать, воровать и т.д. То есть делать все, что сам запрещает. Но только в единственном случае – если тот, кто убивает или ворует, преследует цель защиты общества и его интересов. В законах, принятых умными людьми, нет ограничений для исполнителя цели закона.

Но у нас законы пишутся исключительно ради ограничений и регламентации. Например, в законе «О налогах с предприятий, объединений и организаций» законодатели даже общественно-полезную цель поленились указать.

Надо понять, что все регламентации и ограничения нужны не тому, кто закон должен исполнять, а бюрократическому аппарату – тем, кто должен проверять его исполнение. В идеале Уголовный кодекс мог бы иметь две статьи. В одной указать, что все должны обеспечивать общественную безопасность, а во второй объявить, что те, кто этого не делает, судом наказываются. Но смотрите, в какое трудное положение попадет бюрократ-судья. Перед ним малолетний вор. Дашь год – начальство может сказать, что мало. Дашь 10 лет – начальство может сказать, что много. А сейчас в законе написано, например, «от двух до пяти». Дал три года – и голова не болит, и не отвечаешь. Точно так же эти ограничения нужны тем, кто судью проверяет.

Аппарат крайне заинтересован, чтобы законов было много, а в них -много статей. Чем

больше регламентации, тем больше нужен аппарат, чтобы регламентировать и проверять. Пухлые законы – это хлеб аппарата, много законов – с большим куском масла. Но это и гибель исполнителю законов.

Мне неприятно, что я, заводской работник, должен объяснять эти элементарные, тысячелетиями известные вещи, а Верховные Советы, набитые обремененными степенями юристами, полностью их игнорируют. Ведь еще древнеримский историк Тацит определенно высказался, что чем больше в государстве законов, тем паршивее это государство.

Итак, для защиты нашей экономики, для того, чтобы мы наконец обеспечили себя товарами, нужно ввести рабскую зависимость производителя от покупателя, от Дела. Для этого нужно сразу освободить производителя от произвола государственного аппарата. Да, при этом большая часть аппарата погибнет. Созданная для хозяйничанья в промышленности и отстраненная от этого дела, она станет ненужной.

Давайте посмотрим: что за год работы сделал для нашей экономики Верховный Совет СССР под руководством базарных экономистов.

Не хотелось бы хвалить авторов «Закона о государственном предприятии (объединении)», принятого еще Верховным Советом застойного созыва, но сейчас они, авторы откровенно плохого закона (который мы успели уже обругать), на фоне законов «О предприятии» и «О налогах с предприятий...» смотрятся как демократы (то есть люди, служащие народу) в десятки раз более высокого уровня, чем все демократы Верховного Совета СССР, вместе взятые.

Руководитель авторов старого закона твердо понимал, зачем экономика нужна народу, и твердо в первой статье заявил: «Главной задачей предприятия является всемерное удовлетворение общественных потребностей», а затем для непонятливых добавил: «Требования потребителя обязательны для предприятия, а их полное и своевременное удовлетворение – высший смысл и норма деятельности каждого трудового коллектива». А в новом законе: «Главными задачами предприятия являются удовлетворение общественных потребностей... и реализация на основе полученной прибыли социальных и экономических интересов членов трудового коллектива и интересов собственника». Общество – покупатель, а собственник и трудовой коллектив - продавцы. Их интересы исключают друг друга!

Если в старом законе его автор защищал интересы общества госзаказом, то в новом эти интересы не защищены никак. Более того, защищаются интересы продавца: «Предприятия свободны в выборе предмета договора, определении обязательств, любых других условий...» То есть мы, предприятия, должны стать в положение частных таксистов, которые берут в аэропортах Москвы пассажиров не по очереди, а только тех, кто согласен заплатить 100 рублей (в ценах 90-го года). Веселая перспектива, особенно если учесть, что тысячи моих поставщиков тоже станут в это положение, и, судя по шахтерам и кооператорам, многие охотно.

Итак, казалось бы, законодатели приказали предприятиям: «Забудь об интересах общества, об интересах покупателя и набивай себе карманы сколько хочешь!» В отношении потребителей так и есть, но в отношении карманов дело сложнее. Судя по текстам обоих законов, главной целью Верховного Совета было любой ценой сохранить аппарат, дать ему возможность безраздельно хозяйничать на предприятиях.

Нам, работникам госпредприятий, это понятно, но есть еще наивные, которые хотят стать частниками и хозяйствовать самостоятельно. Ребята, осторожнее! Посмотрите статью 31: «Государство обеспечивает предприятиям независимо от форм собственности равные правовые и экономические условия хозяйствования». Это страшная для вас запись, поскольку ниже записано, как именно госаппарат будет над вами издеваться: «Органы государственного управления строят свои отношения с предприятием, используя экономические рычаги (то есть то, что и сейчас. – Ю.М.) – проценты по вкладам и ссудам, доходы по ценным бумагам, цены и налоги, налоговые льготы и экономические санкции, целевые дотации и субсидии, валютный курс, нормы амортизационных отчислений, социальные, экологические и другие нормы и нормативы». (Казалось бы, все упомянули, но на всякий случай добавили «и другие нормы и нормативы»!).

Вы, наивные энтузиасты, еще не знаете, кто и как вас разорит и посадит, но нам-то все действующие лица этой трагикомедии известны.

Возьмите, например, такое малопонятное выражение, как «норма амортизационных отчислений». Поясню подробнее. Когда вы начнете дело, вам потребуются здания, машины и механизмы. А это вещи не вечные, их нужно ремонтировать и менять. Существует небольшой ремонт

– его называют текущим, крупный – капитальный, капитальный с полной заменой на такое же оборудование – реновация и смена оборудования на более современное – техперевооружение. Так вот, частник, – вы знаете, сколько денег на это полагается тратить? Вы скажете: «Столько, сколько мне будет нужно». Нет, дорогой, не сокращать же из-за вас госаппарат. Столько, сколько он вам задаст нормой амортизационных отчислений. Купили машину – и тратьте на ее ремонт и замену в год не более одной седьмой части ее стоимости, сколько бы, где бы и как бы вы ее ни эксплуатировали. И если вы перерасходуете, то к вам будут применены «экономические санкции» в виде изъятия всей суммы в доход госаппарата. И радуйтесь, потому что согласно статье 37 закона «О налогах» вы можете вдобавок получить и два года тюрьмы. А теперь пример для находчивых.

Вы заменили чугунный вентиль водопровода в своем здании на бронзовый. Это какой ремонт: текущий, капитальный, реновация или техперевооружение? Если текущий, то можете расходы на него записать в своих бухгалтерских отчетах в себестоимость, если капитальный или реновация – то должны уложиться в норму амортизационных отчислений, если техперевооружение – то заплатить за него из прибыли, остающейся в вашем распоряжении. И если вы, не дай Бог, не туда его занесли, то последует «экономическая санкция». Так какой это ремонт? Не знаете? Я тоже! Это знает только левая нога налогового инспектора, и жаловаться вам на него будет некому.

Вот к нам в середине 1988 года приходит тетка из облфо и говорит, что у них горит план по штрафам. Берет акты текущих ремонтов за 1987 год и начинает раскладывать их на две кучки: это текущие, а это, по ее мнению, – капитальные. Мы возмущаемся – это все текущие! Нет, стоит на своем тетка, вы здесь большую яму выкопали – это капитальный. Ушла бандитка, унесла 3 миллиона, кинулись за ней главный бухгалтер с главными специалистами, отбили кое-что, но 800 тысяч пропало. А что сделаешь – у этих теток показатель кипучей работы – штрафы. И жаловаться, повторяю, некому.

Но не сильно огорчайтесь, частники. И ту амортизацию, что вам насчитает аппарат, он же заберет. Застойный законодатель заложил нам в «Законе о госпредприятии», что амортизационными отчислениями распоряжаемся только мы. Однако созданная Н.И. Рыжковым комиссия сразу же плюнула на закон и распорядилась отдавать эти деньги министерствам, хотя статья 9 прямо указывает, что министерствам может отчисляться только часть прибыли. Вот у нас эти деньги и забирали, а мы ездили в Москву назад их выпрашивать. Работа кипела! Правда, сейчас прекратилась, надолго ли?

Законодатель хотел было прекратить описанную выше возню с текущими и капитальными ремонтами и объявил, что предприятия самостоятельно создают единый ремонтный фонд. Но увидав, что делает председатель Совмина, на закон стали плевать все, и, по-моему, только ленивый аппаратчик на него не плевал. Единый ремонтный фонд так и остался только на бумаге. А законодатели его вообще ампутировали законом «О налогах», объявив, что создается он в соответствии с неизвестным «законодательством».

А может быть, вы решили, коллеги-предприниматели, что будете самостоятельно тратить деньги на свое производство? Действуйте! Но на всякий случай внимательно вчитайтесь в строчки пункта 5 статьи 3 закона «О налогах»: «Особенности состава затрат, включаемых в себестоимость продукции (работ, услуг) в отдельных отраслях народного хозяйства, устанавливаются в порядке, предусматриваемом Советом Министров СССР». Вы уверены, что работаете не в «отдельной отрасли»? И в какой это отрасли не нужен хозрасчет?

А может быть, вы, прочитав статью 22 закона «О предприятии», решили, что будете зарабатывать столько, сколько сможете? Если вы под словом «заработать» имеете в виду не тюремный срок, то не спешите. Пункт 4 статьи 3 закона «О налогах» предусматривает, что в состав себестоимости включается зарплата, «исчисленная исходя из сдельных расценок, тарифных ставок, должностных окладов».

Если налоговый инспектор увидит в этой графе суммы большие, чем полагаются по оговоренным аппаратом «сдельным расценкам, тарифным ставкам, должностным окладам», то вас обвинят, что вы с целью личной наживы уменьшили прибыль, а следовательно, укрыли налоги. Кстати, наш главный бухгалтер рассказал, что поймал себя на том, что сразу после прочтения закона «О налогах» он стал автоматически высчитывать, сколько ему осталось до пенсии.

Я не вспомню документов, в которых было бы заложено столь дерзкое, если не наглое из-

девательство над экономикой в таких объемах. Но это было тогда, а что творится сейчас...!

Я понимаю, что депутат – врач или артист – не понимал этих «амортизаций, норм, себестоимостей, тарифов и прочего» и поднимал руку вместе со всеми, чтобы не подумали, что он дурак и против «свободного рынка».

Но есть же вещи, которые вроде бы должен понимать и выпускник спецшколы для умственно отсталых детей. Закон «О предприятиях в СССР», статья 21 п. 2: «Предприятие самостоятельно определяет направления использования чистой прибыли» – и тут же следующей строчкой: «Государственное воздействие на выбор направлений использования чистой прибыли осуществляется через налоги (так ведь «чистая прибыль» – это прибыль, с которой уже взяты налоги! – Ю.М.), налоговые льготы, а также экономические санкции». Так кто же, черт возьми, определяет направление использования чистой прибыли – предприятие или чиновники госаппарата?! Понимает ли сам законодатель, что он хотел этим сказать?

С 1989 года наши законодатели возмущаются, что их гениальные законы не исполняются.

В случае Верховного Совета положение усугубляется тем, что в нем есть узкие специалисты практически по всем вопросам, и эти люди рады поболтать на свои больные темы. И начинают депутаты вместо решения вопросов всей страны выслушивать дела по отдельным регионам, за которые должны отвечать Советы нижестоящих уровней, начинают работать следователями при прокуратуре и прочее.

Верховный Совет – так, как он сейчас работает, – просто находка для аппаратного бюрократа. Это гораздо лучше отдельного начальника.

Представьте, что, например, к начальнику, сознающему свою ответственность за порученное дело (директору завода, начальнику милиции, главному врачу), пришел бюрократ и начал восторженно рассказывать, что он «перестроил» работу (на заводе, в милиции, больнице) и теперь надо «наполнять демократию реальным содержанием». Его бы немедленно спросили – как это отразится на задаче, решаемой начальником: насколько и как возрастет прибыль, снизится преступность, уменьшится смертность от операций? Не исключено, что это был бы последний доклад такого аппаратчика. А в Верховном Совете аналогичные выступления проходят за первый сорт.

Подобное поведение парламента вызывает резкую реакцию общества. Например, во вполне благополучной (как мы считаем) Франции опрос общественного мнения показал, что 14 процентов французов (18 процентов рабочих) предпочитают монархию. Интересно было бы и у нас узнать общественное мнение – нынешний Верховный Совет или царя-батюшку? Особенно если расспросить «некоренное население», беженцев.

Борьба с аппаратом за власть, за подчинение его Верховному Совету должна строиться на понимании его силы и слабости. Надо гнать с трибуны всех, кто пытается навязать Верховному Совету решения ниже его уровня, например, уровня премьер-министра или Верховных Советов республик. Бели жалоб очень много, то нужно, не решая конкретных вопросов по жалобам, менять правительство. Эта рекомендация основана на теории управления людьми, и, поверьте, другого пути нет.

Как же определить дела своего уровня? Исходя из своей собственной задачи. А задача Верховного Совета СССР, то есть задача государства, – защита всех до одного граждан СССР во всех областях: от военной угрозы, от преступности, от нарушения политических прав, от экономического произвола (обеспечить конституционное право на равное их труду удовлетворение материальных и духовных потребностей), защита в старости и т.д.

Любой вопрос, поступающий в парламент, должен немедленно оцениваться: а касается ли он защиты прав всех граждан СССР? Если нет – это вопрос более низких уровней. Нет правил без исключений, жизнь сложна, но это единственный способ уйти от власти аппарата.

Еще один, чисто механический, признак определения своего уровня и закрепления своей власти. Верховный Совет от имени народа получает власть над населением, а внедряет эту власть, контролирует население государственный аппарат. Без него не обойтись. Но чтобы власть была не у аппарата, а у Верховного Совета, население, как часть народа, должно абсолютно ясно понимать все, что говорит Верховный Совет. Если парламент издает непонятные населению законы, то последнее за их толкованием вынуждено обращаться к аппарату. И тот, толкуя все, как ему надо, перехватывает власть у парламента.

Кроме того, Верховный Совет – только представитель народа и издает законы от его име-

ни. А если эти законы непонятны, то народ предстает в виде идиота, который сам себе дает команды, не понятные ему самому. Таким образом, все, что выходит за подписью Верховного Совета, должно быть понятно любому нормальному человеку в стране. Дело аппарата – следить за исполнением законов, а не толковать их.

Отсюда должность депутата и тяжела и проста. Тяжела своей ответственностью и проста тем, что не требует специальных знаний. Ему достаточно знать то, что знает о жизни избиратель.

Как, по мнению автора этой работы, надо было рассматривать проекты законов «О предприятии» и «О налогах» с позиции высшего органа власти? Как, с позиции практического работника экономики, надо реорганизовать (перестроить) управление ею?

Прежде всего – задача закона. Совпадает ли она с той задачей, что обязан решить я, законодатель?

Первая часть задачи – «удовлетворение общественных потребностей». Эта часть мне нужна, так как я обязан удовлетворить материальные и духовные потребности всего народа. Принимается. Вторая часть – «удовлетворение интересов трудовых коллективов и собственника». А это зачем мне? Мне власть дал весь народ, а не отдельные его экземпляры. Кроме того -это факт, что собственник всегда стремится разжиться за счет всего народа. В других странах ему не дают развернуться – вводят антитрестовские законы, 90 процентов налога на прибыль, на наследство.

Нет, эта часть задачи с моей не совпадает – ее необходимо исключить!

Итак, с задачей я – законодатель – разобрался: предприятия должны удовлетворить потребности общества в продукции и услугах. А свои интересы они удовлетворят сами, без меня. Не маленькие, и дураков там значительно меньше, чем советской экономической науке кажется.

Далее – конкретные статьи закона. Их я буду рассматривать с целью понять – решают ли они задачу закона прямо или пытаются ее достичь какими-то косвенными или заумными путями? Если есть последнее – это не мой уровень. В законе таким статьям делать нечего.

Статья 2. «Виды предприятий». Какое мне, высшей власти, дело до вида предприятий, расположенных за 3 – 5 управляющих инстанций от меня? Какой вид понравится тем, кто их создает, – такой пусть и будет. Убрать статью. К задаче закона прямого отношения не имеет.

Статья 3. «Объединение предприятий». А это мне зачем? Как хотят, так пусть и объединяются.

Статья 4. «Законодательство о предприятии». Я его пишу, что еще надо? Убрать!

Статья 5. «Общие условия создания предприятия». Это прямо. Не создав предприятие, не обеспечишь с его помощью общественные потребности. Подумаем. Предприятия даже «Аэрофлота» не в воздухе висят, а расположены на земле. А на всей земле действуют мои подчиненные – местные органы советской власти. Люди, которые будут работать на предприятиях, эти органы создают и им подчиняются. Загрязнять предприятия буду территорию местного органа власти. Итак, кто бы предприятие ни создавал – правительство, кооператив или частник, – это дело только местного органа власти. Запишем. Статья 2. «Предприятия в СССР создаются решением местного органа советской власти». Дальше.

Статья 6. «Государственная регистрация предприятия». Оно что – нерегистрированное хуже работать будет? Петух не прокукарекает – так и солнце не взойдет? Это чтобы больше бюрократов по кабинетам сидело, а почта больше бумажек пересылала? Правительство по этому поводу и без меня что-нибудь придумает, главное, что предприятие создано, а бумажки уж как-нибудь напишут. Статью убрать.

И вы увидите, что если руководствоваться целью закона и своей целью, то вы уберете из него практически все подобные статьи. Они отпадут, потому что их единственная цель – сохранить жизнь огромному, вредящему делу аппарату управления экономикой.

Сейчас (речь идет о 1990 годе), после внедрения предварительных идей наших базарных экономистов, предприятия уже переходят на торговлю каменного века – товар на товар. Скажем, завод, выпускающий трубы, охотно заключит договор о взаимопоставках с заводом, выпускающим цемент, то есть с тем, кто тоже может ему что-то дать. После вступления в силу принятого закона «О предприятиях» у нас в катастрофическом положении окажутся те, чьи услуги и продукция имеют узкий профессиональный или региональный спрос: коммунальное хозяйство, больницы, школы, горнодобывающая промышленность и другие. Нам, высшей власти, надо это предупредить. Это одно.

Второе. Мне при выборе подходящего товара народного потребления для собственного

производства приходилось уже сталкиваться со следующим. Например, начинаю прорабатывать идею выпуска кассет для видеомагнитофонов. И дело выгодное, и спрос вроде бы есть. Но вдруг случайно узнаю, что этим же собираются заняться десятки заводов. Причем я не знаю, сколько они собираются выпускать кассет, сколько промышленность собирается выпускать видеомагнитофонов и смогу ли я в этих условиях свои кассеты продать. Плановость нашей системы – огромное благо и швыряться ею во имя очередных бредовых идей наших экономистов нельзя.

Поэтому нам в законе необходима статья 3: «Те, кому принадлежат предприятия, назначают им плановые рынки сбыта продукции (услуг), представляющие собой список потребителей с наименованием государственного товара». Для госпредприятий рынки сбыта назначит правительство. Для предприятий республиканских и местных – правительство республик или местные органы власти. Разделить предприятия нужно по этому критерию – рынку сбыта. Если его рынок сбыта – весь Союз, то это предприятие союзного подчинения, республика – республиканского, если рынок небольшой – местного.

Заметьте, предприятиям указываются только потребители, без указания количества товара или услуг – никому нет до этого дела. Это дело исключительно продавца и покупателя. Сколько покупателю нужно – столько и продай. Потому что закону в задачу мы поставили «общественную потребность», а не «количество, определенное государством».

Подтвердим это статьей 4: «Не обеспечив полностью своего планового потребителя, предприятие не имеет права поставлять товары или услуги другому потребителю, либо производить на тех же мощностях другой товар (услугу). Покупатель имеет право отказаться от планового производителя, предупредив того заранее либо оплатив ему убытки». Хочешь продавать на экспорт? Нет проблем! Обеспечь внутренний рынок и шли товар хоть в Австралию.

Я считаю, что насыщения рынка мы достигнем быстро, но в плане сегодняшнего дня необходима статья 5: «Если плановый поставщик не в состоянии обеспечить потребителя и не заключает договора на поставку в полном объеме, а потребитель несет денежные убытки, то эти убытки относятся тому, кто назначил данному потребителю плановые рынки сбыта, и половина их оплачивается государством».

Государственным предприятиям убытки должны оплатить мы, законодатели. Это ведь мы не способны обеспечить конституционное право потребителя – получить в своей стране то, что ему нужно. Потребитель, не сумевший заключить договор с поставщиками на обеспечение своего планового рынка сбыта, посчитает убытки от штрафов, вынужденного простоя и недополученной прибыли и отнесет руководителям своей отрасли, которые дадут команду на выплату половины убытков из бюджета и, в свою очередь, регрессным иском передадут их руководителям отрасли поставщика. Если последние сочтут убытки завышенными, то обратятся в арбитраж или суд с просьбой их пересмотра или полного возврата в бюджет.

Оплата половины убытков нужна, чтобы снять у предприятий соблазн жить за счет этих исков.

Потери бюджета будут числиться по двум отраслям: по одной – за то, что, давая задание, не обеспечила его исполнение, по другой – за то, что не соизмерила задание с возможностями своих предприятий. По сумме убытков, нанесенных бюджету руководителями отраслей, премьер-министр будет оценивать тех, кого назначил на эти должности.

Мы ввели понятие «государственный товар». В сноске к закону расшифруем его: «Государственным назначается один товар из всего класса товаров данного типа, удовлетворяющий двум условиям: он должен быть доступен в изготовлении подавляющему числу производителей товара этого класса и в среднем удовлетворять всех покупателей. Государственный товар выбирают органы, определяющие рынок сбыта поставщику и потребителю; в случае разногласий право окончательного решения принадлежит правительству».

Есть очень мало товаров и услуг, из которых невозможно выбрать государственные. Возьмем, например, мясо. Оно может быть мороженым и парным, мякотью и вырезкой, полуфабрикатами, просто свининой и молочными поросятами. Все это – «мясо». А можно класс товара расширить (включив колбасу, ветчину и т.д.) и назвать его «мясопродукты». Из этого класса нужно выбрать одно – наверное, это будет «мясо мороженое с костями до 20 процентов».

Далее. Статья 6: «Цену на государственный товар (услугу) устанавливают органы советской власти, которым принадлежат предприятия, а для частных и кооперативных предприятий – местные органы власти». Мы выполним свою конституционную обязанность и не дадим теперь

продавцу издеваться над покупателем безудержным поднятием цен.

Статья 7: «Покупатель и продавец при обоюдном согласии могут заключить сделку не только на государственный товар (услугу), но и на любой другой, любого качества, по любой цене. Но если покупатель не согласен с уровнем цены или качества, продавец обязан продать ему государственный товар (услугу), либо другой, с качеством не ниже государственного, и по цене, не выше установленной для государственного товара».

Пример. Мы установили для «мяса мороженого с костями до 20 процентов цену 2 рубля за килограмм. Продавец, оценив покупателя, предлагает: «Могу предложить парную вырезку по 100 рублей за килограмм». Предположим, покупатель счел цену высоковатой, а торг с продавцом ничего не дал. Тогда он потребовал мороженого мяса, а того в наличии нет. После этого продавец обязан продать по цене 2 рубля за килограмм либо мякоть, либо только что предложенную вырезку.

В результате мы обеспечим все, к чему так стремятся базарные экономисты. Мы вызовем конкуренцию, и она будет действовать вне зависимости от того или другого продавца. За повышенную цену покупатель будет получать действительно качественный товар, а не фикцию с почетным пятиугольником. Очень повысится спрос – мы поднимаем цену на государственный товар и компенсируем потери нуждающимся. Насытится спрос – и цены начнут падать ниже государственных. Мы будем контролировать инфляцию и жизненный уровень народа.

Но надо позаботиться и о моральном облике покупателя. Статья 8: «Перепродажа товара без согласия производителя или последнего продавца запрещена в течение установленного ими срока».

И, наконец, чтобы никто не подумал, что мы шутили. Статья 9: «Нарушение данного закона в части статей 7 и 8 влечет за собой штраф в десятикратном размере суммы сделки. Штраф должен быть выплачен добровольно. Если потерпевший будет вынужден обратиться в суд и суд признает его иск, сумма штрафа увеличивается вдвое. В части статьи 5 предприятие, завысившее сумму убытков для компенсации из бюджета, штрафуется судом в двукратном размере».

Вот этих статей уже достаточно, чтобы работать. Правительство дало бы распоряжение производителям: «Заключить договоры со всеми своими потребителями 1989 года». После чего оно занялось бы уточнением номенклатуры государственных товаров и списка потребителей для каждого поставщика. Но работать бы мы уже начали. Немедленно. Не ожидая манны небесной от «рыночных отношений».

Однако необходимо учесть и наличие огромного аппарата. Если не принять против него меры, он превратит процесс подчинения предприятий потребителям (Делу) в страшно долгий и мучительный процесс.

Прежде всего определимся с хозяевами страны. Хозяин тот, кто единолично определяет расход денег и так же единолично несет ответственность за это. Сейчас депутаты всех уровней стараются избежать такой ответственности, переложить ее на правительство, на аппарат. И тем не менее первая инстанция хозяев – именно Советы всех уровней. Иного быть не может -потому, что никто, кроме Советов, не отвечает за конституционную защиту народа. А защиту без денег осуществить нельзя.

Второй уровень хозяев – руководители предприятий. Они отвечают за обеспечение потребителей, и только им должно быть дано реальное право определять направления расхода денег. Заметим, что собственник обладает этим правом автоматически, а нам его необходимо обеспечить законодательно.

Ведь если правительства многих стран передают государственные предприятия в частные руки – это результат не каких-то исключительных свойств частной собственности, а неспособности данных правительств создать под собой хозяев. Связано это с автоматическим появлением бюрократического аппарата хозяйствования. То же самое происходит в крупных концернах с их постоянным отставанием в соревновании с мелкими заводами и мини-заводами.

Законодателям надо понять, что они хозяева в стране, но ни в коем случае не на предприятиях. А исполнительные органы – правительства, исполкомы и их аппарат – чистые администраторы. Они должны получать деньги только на свое содержание и по-хозяйски к ним относиться. Но управлять (в любой форме) деньгами предприятий им должно быть запрещено. Надо забрать у них такую обязанность вместе с правами.

Прежде чем описать статьи закона, которыми мы это обеспечим, нужны некоторые пояс-

нения, поскольку предлагаемые меры применяются до сих пор только в узкой области человеческой деятельности, да и то в особое время. И для нашей, и для западной экономики это будет необычно.

Повторим, что администратор, или, по-русски, управленец, необходим лишь там, где человек не может самостоятельно выполнить всю работу и получить конечный результат, нужный людям. То есть управление нужно только при разделении труда. Поскольку у нас труд повсеместно разделен, нам повсеместно требуется и управление. Но... обратите внимание на такую особенность. Купленный вами автомобиль – результат труда сотен тысяч рабочих, однако лично вы – потребитель труда только одного, последнего в технологической цепи, – сборщика на конвейере. Этот рабочий потребляет труд десятков других, те – сотен третьих, третьих обеспечивают тысячи четвертых и т.д. У каждого рабочего есть свой потребитель или потребители. Рука администратора нигде к автомобилю не прикасалась. Его задача другая – поставить подчиненным задачи так, чтобы их исполнение привело к эффективному исполнению общей задачи, стоящей перед данным управленцем.

Итак, хотя номинально вы считаетесь потребителем всего завода, но фактически вы потребитель одного рабочего. За выпуск купленного вами автомобиля отвечает директор, но его труд потребляете не вы, а его подчиненные, задействованные в производственном процессе (не аппарат, аппарат – это штаб). Другими словами, потребителями труда командира дивизии являются только командиры ее полков.

Поэтому законодатели обязаны лишить вышестоящих администраторов возможности наказывать и поощрять деньгами нижестоящих. Я понимаю, что у многих от этих слов на голове не только волосы, но и лысины встанут дыбом. Не спешите! Дело не такое страшное, как выглядит вначале.

Мы имеем государственные органы управления промышленностью. Как они выглядят – для законодателей не имеет значения: правительства и исполкомы что-нибудь придумают. Задача этих органов – удовлетворить потребности общества в своих товарах и услугах, насытить выделенные им рынки сбыта (союзным – весь Союз, республиканским – республиканские и т.д.) Как? Путем разделения рынков между предприятиями в пространстве и во времени. Органы управления имеют единственное право – заменить того директора, который либо не способен обеспечить свой рынок, либо уклоняется от этого. Закрепим данное положение статьей 10: «Органы государственной власти, планирующие предприятиям рынки сбыта, имеют исключительное право назначать и снимать с должности руководителя предприятия, если он не способен обеспечить рынок сбыта. Во всех остальных случаях снятие руководителя допускается только по инициативе или с согласия трудового коллектива предприятия».

Нам не потребуется много времени, чтобы насытить потребителя – если мы начнем служить ему. Так что первая часть статьи окажется без применения: нам придется драться за рынки сбыта. А вот эффективность работы руководителя может оказаться решающей для его пребывания в должности. Статья 11: «Трудовой коллектив предприятия устанавливает минимальный предел оплаты руководителя, а его прямые подчиненные, из числа непосредственно обеспечивающих производственный процесс, от имени коллектива заключают с ним договор, предусматривающий все условия оплаты его труда».

Будет самым надежным и правильным, если непосредственные подчиненные назначат шефу определенный процент от своей собственной зарплаты, которую, кстати, и им лучше всего зарабатывать таким же образом. При этом мастера (бригадиры) будут получать процент от того, что смогли заработать руководимые ими рабочие. Но у нас – закон о предприятии, а все, что ниже уровня предприятия, является его внутренним делом.

Статья 12: «Фонд оплаты государственного органа, планирующего предприятиям рынки сбыта, формируется из фондов потребления всех подчиненных ему предприятий. Процент отчислений в указанный фонд и оплату руководителя данного органа устанавливает собрание всех подчиненных ему директоров».

В этих условиях государственные органы вынуждены будут делить рынки сбыта между предприятиями так, чтобы в сумме получалась максимальная прибыль и предприятия могли формировать максимальные фонды потребления. Надо учесть, что работа министра и директора очень «инерционна», положительные и отрицательные ее последствия могут сказаться через несколько лет. Поэтому предложенный порядок оплаты должен распространяться и на пенсию, а

также предусматривать срок, в течение которого пенсия может быть изменена, если дела после ухода руководителя ухудшатся и выяснится, что это его вина.

Мы обеспечили независимость предприятий от аппарата. Но аппарат существует и действует, а значит, сейчас гарантий этой независимости нет. Надо понять основу деятельности аппаратного бюрократа. У него нет продукции, нужной потребителю, и тот никогда за его работу платить не будет. Продукция бюрократа – действия, в которых он отчитывается перед начальством и за отчет получает от своего «бюро» деньги. Он, как правило, не имеет ни малейшего понятия о том производстве, которому собирается предписать это действие, и не представляет, что действительно нужно предписывать. Второе для него не страшно – он имеет перечень разрешенных действий в законах, инструкциях и других документах. Но чтобы дать команду нижестоящему подразделению, нужно знать, что там происходит. Бюрократу нужны отчеты о деятельности подведомственных предприятий либо их проверка. Этим он живет. Прекратите отчетность, запретите проверки – и аппарат умрет.

Значит, статьи об отчетности и проверках очень важны именно с точки зрения ликвидации разоряющих страну бюрократов.

Статья 13: «Предприятие готовит отчетность о: полученных заказах плановых потребителей и реализации этих заказов; заказах неплановых потребителей и их реализации; поставках продукции (услуг) в количественном и денежном выражении; полученных и оплаченных убытках; реализованной продукции не своего производства; фонде потребления; налогах; дефиците и резерве мощностей.

Эти отчеты представляются Госкомстату, вышестоящему органу, местным органам Советской власти, выписки из них – потребителям и поставщикам по их требованию. Администрация несет ответственность за точность представляемых сведений...»

Чтобы понять, как исполняется основная задача закона, этого достаточно. Могут сказать: а разве можно не знать, например, численности работающих? А какая нам, государству, разница, сколько человек не могут обеспечить общество мясом – 1 или 15 миллионов?

«...Остальные сведения предоставляются предприятиями только с их согласия и по договорам».

Статья 14: «Проверку деятельности предприятий проводят органы прокуратуры при наличии у них достаточных оснований для возбуждения уголовного дела по нехозяйственным преступлениям и при наличии у них заявления о предъявлении обоснованного иска к предприятию. По преступлениям, наносящим убыток самому предприятию, проверка его работы производится только по заявлению администрации или трудового коллектива о привлечении виновных к ответственности...»

Наверное, никакие враги и войны не смогли нанести экономике страны таких убытков, какие ей нанесла прокуратура, народный контроль, Госгортехнадзор, Госстандарт и другие подобные организации, страстно борющиеся с «отдельными недостатками».

«...Проверку финансовой деятельности предприятий ведет местный орган Советской власти.

Все остальные проверки запрещены».

Вот, пожалуй, все, что нужно, чтобы предприятия начали обеспечивать общество. Причем положительный результат будет немедленным, а нарастание его стремительным.

Единственное, что омрачает всю идею, – безработные, так как если сведения о 18 миллионах управленцев верны, то без работы должны остаться сразу же миллионов 15, да плюс наша импотентная наука, да начнут высвобождаться люди из экономики. Причем все это люди, с точки зрения обеспечения потребностей общества, далеко не первого сорта, так что и создать рабочие места по их способностям будет проблемой.

Теперь о налогах. Нет смысла в отдельном законе. Его задача – материально обеспечить защиту конституционных прав граждан СССР, но включить его можно и в закон «О предприятии».

Предприятия государственные, и заботиться о них должны мы – законодатели. У того, что останется от министерств и Госплана, денег не будет – это не хозяйственные органы. Но страна уже вложила огромные деньги в свою экономику, придется вкладывать и дальше – и на строительство новых предприятий, и на реконструкцию старых.

Поэтому давайте создадим банк развития промышленности, которому внесем в актив все,

вложенное в экономику и сельское хозяйство, то есть стоимость всех основных и оборотных фондов, которые были созданы на государственные средства. Будем считать, что этот банк выдал экономике эти суммы в качестве безвозвратных ссуд под небольшой, единый для всех процент. Процент должны уточнить специалисты, так как здесь плохо иметь недостаток денег и не нужны лишние.

Статья 15: «Основные и оборотные фонды предприятий, созданные за счет средств государства, являются безвозвратной ссудой государства предприятиям. Процент по этим ссудам, который будет определен отдельным Указом, выплачивается Банку развития экономики СССР или его республиканским или местным филиалам в зависимости от подчиненности предприятий. Выплаты включаются в затраты на производство.

Предприятие может вернуть ссуду в Банк развития экономики».

Эта статья не о налогах, но она необходима, во-первых, предприятиям, а во-вторых, для упрощения всего делопроизводства.

Что, собственно, представляют собой налоги? Люди, работающие на предприятии, покупают сырье, машины, энергию и создают продукт, который стоит существенно дороже того, что куплено. Часть избыточной стоимости они тратят на себя, но часть обязаны отдать государству для организации их защиты, предусмотренной Конституцией. Вот все, что нужно знать, и это понятно любому гражданину. Зачем нам эти себестоимости, чистые прибыли, грязные прибыли, доходы, амортизации и прочее, прочее, выдуманное нашими бюрократами, чтобы за каждым пунктом установить контроль, насадить тысячи клерков, развить кипучую бумажную деятельность? Это же не уровень законодателя, зачем это вписывать в закон, зачем это народу?

Нам нужно обложить налогом только фонд потребления предприятия, то есть зарплату его работников и те выплаты, которыми они удешевляют себе жизнь и которые непосредственно не связаны с их трудовой деятельностью.

Но каким процентом обложить? Предположим, на всех предприятиях страны работники создают в среднем по 10 000 рублей прибавочной стоимости. Установим равный налог – 50 процентов. Но разве это будет справедливо? Ведь стоимость жизни на Колыме не сравнить со стоимостью на Украине. А климат? А такие, казалось бы, пустячные вещи, как, например, наличие в этом районе реки, леса, аэропорта, удаленность от мест отдыха? Вот, к примеру, жизненная практика. На наш металлургический завод готовят инженеров один сибирский, один уральский, один московский, два украинских вуза. За всю его более чем двадцатилетнюю историю на нем никогда не работали москвичи. Они, окончив вуз, никогда Москву не покинут. Выпускников украинских вузов можно пересчитать на пальцах одной руки, и то долго загибать не придется. Хотя у себя они тысячами оседают на рабочих должностях, в гостиницах, театрах – где попало, лишь бы на Украине. И дело не в национализме, а в легкости жизни. Как говорят выпускники симферопольских вузов: «За Перекопом для нас земли нет!» Так зачем же нам все предприятия равнять под одну гребенку?

Но кто может учесть все эти особенности? Никто, кроме Советской власти на местах, кроме горсоветов и райсоветов. Потому что они состоят из работников этих предприятий, они знают условия труда и жизни не из докладов. Знают и заслуги, и вину каждого коллектива.

Бели мы, верховная власть, отдадим право облагать предприятия налогами местной власти, а местную власть обложит налогом областная, ту -республиканская, а мы – республики, то получится следующее.

Мы поручим местной власти осуществить практически все виды конституционной защиты граждан на налоги, собранные с налогоплательщиков и предприятий. Мы установим минимумы зарплат и пенсий, а остальное – ее дело. Сколько есть денег – пусть столько платит врачам и учителям, милиционерам и пенсионерам. Пусть, сколько есть денег, строит жилья, стадионов, театров, больниц и школ. Много богатых предприятий -богатая жизнь граждан района или города, мало -... зато свежий воздух!

В этих условиях местная власть будет назначать налоги на пределе -чтобы и работники предприятий оставались довольны и, упаси господь, не начали увольняться, и чтобы казна города была полна, и люди, обеспечивающие защиту граждан, хорошо зарабатывали, и жилье строилось. Совет будет понимать – если он разорит предприятие, то пострадает весь город, все его избиратели. Это не безответственная и безнаказанная налоговая инспекция.

Люди будут знать, что не какая-то, черт знает где находящаяся Москва, а коллектив вот

этой электростанции или этого завода кормит город. И если они загрязняют округу, то люди скажут: «Ладно, пусть уменьшится у нас зарплата, пусть меньше станем строить, но вы, работники предприятия, тоже уменьшайте свои доходы, берите ссуды, вкладывайте деньги в очистные сооружения». И закроется такое предприятие только действительно в самом крайнем случае.

Получается, что статья 16 будет иметь вид: «Налоги на предприятия назначает и собирает местный орган власти исходя из фонда потребления предприятия».

Предприятие определит себе фонд потребления, а горисполком установит на него налог и, наверное, оговорит объемы его увеличения или снижения. На этом вся работа закончится, не потребуется ездить в Москву и доказывать что-то людям, которым совершенно безразлично – работает твое предприятие или уже сквозь землю провалилось. Министерству финансов остается обложить налогом оставшиеся в Союзе республики и взимать таможенные пошлины, которые будут служить защитой внутреннего рынка.

Вот в эти две строчки статьи 16 умещается 41-я статья закона «О налогах», если заботиться о том, кто создает материальные ценности страны, а не о ее бюрократическом аппарате.

16 статей вместо 80, сотворенных Верховным Советом. 16 статей демократии, а не бюрократической говорильни. 16 статей, по которым можно работать.

Представим, что я – руководитель отрасли. Она не насыщает рынок. Потребитель несет убытки руководителю своей отрасли, а тот регрессом мне. Премьер-министр по этим убыткам будет оценивать меня. Следовательно, мне надо так задать своим заводам приоритетных потребителей, чтобы убытки были минимальны. Из прибыли моих заводов сформируется их фонд потребления, а из него – фонд оплаты мой и моего аппарата. Следовательно, мне так надо распределить рынки, чтобы мои заводы продавали свою продукцию по максимальным ценам. Чем лучше я это сделаю, тем ценнее я буду для своих директоров, тем выше они мне назначат и оплату, и пенсию. Следовательно, все упирается в потребителя. Нужно тщательно изучать его потребности и, если они меняются, подобрать ему такой свой завод, чтобы он максимально удовлетворил его и получил при этом максимальную прибыль.

Предположим, что имеющихся заводов все равно не хватает. Тогда я назначаю директора, подбираю примерно район расположения завода, договариваюсь с Банком развития о ссуде и посылаю директора договариваться с местными органами власти обо всем, в том числе и о налогах. Для них он – курочка, собирающаяся снести золотое яичко в их огороде. Директор набирает людей, я решаю вопросы, чтобы к нему были прикреплены поставщики, проектанты, строители, и он начинает строить. Местный орган власти берет ссуду под его будущие налоги и начинает строить жилье и соцкультбыт. Поскольку проценты по ссудам идут с момента взятия, а налоги уже известны, то директор будет стремиться строить быстро и дешево и только то, что нужно. Но в то же время он свободен, и если это эффективно, то может заинтересовать строителей любыми деньгами.

Ну, а когда я уже насытил рынок? Останавливать заводы мне невыгодно – уменьшается мой личный доход. Придется искать новую продукцию, изобретать ее и перепрофилировать заводы, начиная с особо грязных, несущих большие затраты на экологию, с неэффективных. Здесь тоже моя работа – определить директору его будущих потребителей, обеспечить ему ссуду и поставщиков, а он сам все сделает.

Работа так называемых министерств полностью изменится. Ведь сейчас всем плевать на потребителя, надо ему – сам придет, а мы докажем: то, что он просит, ему не нужно!

Точно так же меняется работа всей администрации сверху вниз. Она будет заинтересована не в «блестящем» отчете перед начальством, а в том, чтобы подчиненные много зарабатывали. А это возможно, только если они эффективно удовлетворяют потребителя.

Мы будем иметь экономику, которой наши западные конкуренты станут завидовать!

Но мы все о деньгах и деньгах. А ведь не лишней в законе будет статья 17: «Тот гражданин, у кого сумма налога, отчисляемого с предприятий, где он работал или работает, в расчете на долю его зарплаты в общем фонде оплаты этих предприятий, сложенная с суммой подоходного налога, уплаченного им лично, превысит в 50 раз ту же среднюю сумму по стране, награждается медалью «За трудовое отличие»; если в 100 раз – орденом «Знак Почета», в 150 раз – орденом Трудового Красного Знамени, в 200 раз – орденом Ленина, в 250 раз – медалью «Серп и Молот» с присвоением звания Герой Социалистического Труда.

Вот так примерно должны бы выглядеть законы «О предприятии» и «О налогах», если бы

Верховный Совет не «творил», а понимал, что делает, и был бы защитником народа, а не придатком к бюрократическому аппарату страны.

Автор напоминает, что эта глава написана в 1990 году.

ГЛАВА 3 ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ К ТЕОРИИ

Автору не потребовалось прибегать к марксистско-ленинскому учению и к таким понятиям, как социализм или капитализм. Эта работа из другой области знаний.

Принципы управления людьми должны применяться везде, где есть люди, а они есть и при капитализме, и при социализме. Нет сомнений, что внедрение крупными фирмами на Западе делократических принципов управления даст им существенный рывок вперед, по своей эффективности они опередят мини-заводы и мини-фирмы. Освобожденные от тормозов управления, от тормозов бюрократизма, начнут действовать законы экономики, и преимущество крупных предприятий станет очевидным.

Передачу средств производства в частные руки многие считают ныне рывком к цивилизации, целый ряд наших философов полагает, что капиталистическое государство – цивилизованное, а социалистическое – нет.

Давайте посмотрим с точки зрения управления, куда же движется цивилизация – в сторону социализации средств производства или в сторону передачи их в частные руки?

Когда уровень бюрократизации экономики в капиталистических странах и в СССР был примерно одинаков, а это было в период от революции до 50-х годов, экономические преимущества социализма были очевидны.

Первая мировая война окончилась в 1918 году, в России же еще два года шла гражданская. В результате разруха в зарождавшемся СССР была несравнимо большей, чем в остальных воевавших странах. Тем не менее, социализация и централизация экономики позволила СССР раньше, чем другим государствам, восстановить довоенный уровень производства. Потеряв во время оккупации во второй мировой войне огромные промышленные, сельскохозяйственные и людские ресурсы, Советский Союз смог на оставшейся территории организовать производство оружия, которое по количеству и качеству превзошло все, что могла дать Германия и ее союзники.

Повторим, эти преимущества были очевидны, пока бюрократизм не опутал своими цепями экономику. Министерств тогда было немного, госаппарат еще не разросся до гипертрофированных масштабов, от чиновников требовались не отчеты, а конечный результат. Темпы развития были таковы, что, базируясь на них (с большими поправками на их уменьшение), в СССР запланировали создание материально-технической базы коммунизма к 1980 году. Но... бюрократизм это все съел.

Значит ли это, что с точки зрения развития цивилизации социализму есть альтернатива или что его можно исправить капитализмом? Конечно, нет!

Возьмем пример из другой области. Раньше армии всех стран мира были, так сказать, капитализированы – принадлежали частным лицам. В России военные дружины принадлежали князьям. Но на Калке Чингисхан показал русским преимущество социализированной армии над капитализированной. Через несколько сот лет к такой же пришла и Россия. А теперь нет в мире страны, где бы армия принадлежала частным лицам – все армии социализированы.

Будущее мира, будущее цивилизации – за делократизированным социализмом. Но в данной книге не это главное.

Мы описали законы поведения людей, показали принципы управления ими. В то же время в общественном сознании достаточно прочно укрепилась мысль, что «принципы управления», «системы управления» – это нечто связанное с кибернетикой. А в книге кибернетикой и не пахнет. Во-первых, это отрасль достаточно далекая от автора, во-вторых, она применительно к управлению людьми совсем не обязательна.

Работа человека состоит из трех этапов – оценки обстановки, принятия решения и отдачи приказа либо производства действия. Кибернетика поможет проделать все это. Но для нас главное не то, возьмет человек себе в помощь ЭВМ или нет, а то, чтобы он сам стремился сделать Дело, был полезным своему потребителю или обществу. А участвует здесь ЭВМ или нет, повторяем, – безразлично.

Законы поведения людей, как и любые законы, – это объективная реальность. То есть мы не в состоянии их изменить или скорректировать. Они действуют вне нашей воли и желаний. Нам остается только их использовать, как и остальные законы природы.

Например, закон всемирного тяготения действует независимо от вас. Тут ничего не изменишь. Но мы непрерывно используем этот закон. Мы знаем: если переступим подоконник, то не повиснем в воздухе за окном.

Точно так же необходимо использовать законы поведения людей, и для этого надо понять, чего мы хотим – падать или ехать вверх. Поскольку и в том, и в другом случае действовать будет один и тот же закон.

То, что читатели прочли – это теоретическая часть работы, выводы и предложения построены на законах поведения людей и соответствующих принципах управления. Это не прихоть автора и не бредовая идея.

В экономике предлагается проект, по которому каждое предприятие будет привязано не к начальнику, не к бюро, а к потребителю – именно он будет наказывать и поощрять предприятие. То есть мы задействуем закон поведения людей в ином, чем сейчас, направлении. Мы делократизируем Экономику. Это было и будет необходимо и в уничтоженном СССР, и на празднующем пиррову победу Западе. У нас в стране эти принципы надо было вводить прямо с 1917 года, но что сделаешь – не было ни теории, ни наглядного примера.

В правосудии предлагается тот же подход, на основе тех же законов. Но он плохо просматривается из-за специфики самого правосудия. Здесь главная цель – добиться, чтобы наказание и поощрение суду шло прямо от Дела, от справедливости приговора. Но справедливость не материальна. Поэтому приходится действовать косвенным путем – наказание суда передать инстанции, не связанной с судом, независимой от него, заставить суд бояться неправосудных приговоров и этим оторвать его от службы начальству, сделать его делократическим. Не имея возможности служить бюро, он вынужден будет служить своему Делу.

И, наконец, делократизация высшей власти. Здесь проще и очевиднее. Ее задача – защита народа. Представители народа – избиратели. Само собой напрашивается, что им надо дать возможность поощрять и наказывать высшую власть, о чем – в конце книги.

На этом теоретическая часть закончена. Следующие – публицистика, с помощью которой рассмотрим различные аспекты внедрения этой теории в практику, оценим обстановку, обсудим возможные решения.

ЧАСТЬ II. ОТКУДА МЫ

ГЛАВА 1. ТЕРМИНЫ

С терминами мы напутали до такого состояния, когда никто уже ничего не соображает. Явные «правые» нагло именуют себя «левыми», а пресса и толпы обывателей им поддакивают. Явных антифашистов называют фашистами, фашистов – демократами, предателей – борцами с тоталитаризмом...

Терминов просто перестало хватать. «Перестройка» вскрыла явления, которые до этого считались малозначительными, недостойными имени собственного. Причем, речь идет не о том термине, что мы ввели в начале книги – делократия. Нужда в нем была давно. Автор вспоминает, как академик Аганбегян радовал телезрителей тем, что рыночные отношения сметут всех бюрократов и на их место: «Станут... станут... станут... Ну, как называются те, кто не бюрократы?» – наивно вопрошал борец, толкающий страну, как ему казалось, в цивилизацию. По крайней мере считалось, что он-то знает, куда ее толкает.

Речь о другом. Жила в Лондоне буйная семейка Хулагенов. И эта семейка своей фамилией дала термин «хулиганство». Значит ли это, что такого явления до этого не было? Нет, конечно. Вспомним хотя бы Ноздрева из «Мертвых душ». Ну, чем не хулиган? Просто массовости у этого явления не было, имя ему давать не приходилось.

Маркиз де Сад, написав о том, о чем до него предпочитали помалкивать, дал своим именем название садизму. Австрийский писатель Л.Захер-Мазох – мазохизму. Французский солдат по фамилии Шовэн, надо думать, слегка повредившийся умом в первую мировую и ставший люто

ненавидеть все нации, кроме французской, – шовинизму.

Автор этой книги также встает перед необходимостью ввести новый термин, так как размеры явления явно заслужили того. И еще одна причина. В русском языке есть два исключающих друг друга понятия: глупость и мудрость. Отсюда – глупец и мудрец. Но есть люди, которым, например, глупость не присуща, тем не менее они ее проявляют, проявляют дурость. Таких людей называют дураками. «Дурак» звучит мягче, чем «глупец», «дурак», скорее, ругательство, а «глупец» – скорее, диагноз. Недаром через уйму русских сказок проходит Иван-дурак. Дурак-то он дурак, да в итоге оказывается умнее прочих.

Итак, для оценки человека, который поступает глупо, есть термин -дурак. А как назвать человека, который поступает – как кажется ему самому и ему подобным – мудро, а на самом деле глупо? Давайте назовем такого человека мудрак, а явление – мудрачество.

Поскольку коснулись русских сказок, вспомним, как мужик и медведь сельским хозяйством занимались. Посадили репу, и мужик предложил медведю осенью собрать вершки, а он-де соберет корешки. Медведь согласился, а осенью понял, что надо быть таким же мудрым, как и мужик. На следующий год посеяли пшеницу, и медведь потребовал себе корешки. Сказочник утаил фамилию медведя, может быть, его звали Черниченко. Неизвестно. Но медведь – это типичный мудрак. Был бы дурак необучающийся, то он и на следующий год взял бы вершки. Ан нет, медведь медведем, а выглядеть мудрым «хотца».

Конечно, слово «мудрак» звучит не очень благозвучно, зато оно звучит, безусловно, по-русски. Вы можете заметить, что мудрак – это разновидность глупца, дурака.

Как сказать! Дело в том, что эти люди в условиях, когда они не видят нужды показывать свою мудрость, скажем, в быту, могут быть вполне умными людьми. В этом их отличие от дурака, который сделает глупость вне зависимости от каких бы то ни было условий (его это просто не волнует), и от глупца, который просто не в состоянии понять, что делает.

Кто-то может вообразить, что мудрак – это синоним бюрократа. Ведь именно бюрократ выполняет все команды бездумно. Да, но для того, чтобы бюрократ был бюрократом, надо, чтобы у него было бюро, начальство, чтобы было чьи команды бездумно выполнять.

А возьмите, к примеру, того же Черниченко – нашего незабвенного певца колхозно-совхозного строя. Кто у него начальники, где его бюро? Кто ему сегодня командует петь оды фермерам? Просто тогда мудро было петь оды колхозам, сегодня – фермерам. Вот он и поет. Никто его не заставляет.

Поет сам, и громко.

Не хотите брать в качестве примера Черниченко, давайте возьмем Горбачева. Кто у него был начальником? Политбюро? Да ведь там были послушные ему овечки. По крайней мере – большинство. Был бы он дураком, то поступил бы так, как его предшественники – силой бы придушил тех, кто попытался бы вызвать национальную рознь и покусился бы на целостность СССР. А он нет – не был дураком.

Рита Тэтчер и Жора Буш сказали ему, что мудро быть демократом, то есть человеком, который говорит много, непонятно о чем и ничего не делает. Ведь Тэтчер и Буш – люди мудрые. А когда Горбачев вызвал кровавые войны в пяти из пятнадцати вверенных ему республик, то Нобелевский комитет подтвердил его мудрость Нобелевской премией мира. Свои же академики убедили его, что мудро слушать экономиста Сакса с его рыночными идеями. Ну, как было не внедрить идеи Сакса, если очень Горбачеву хотелось выглядеть мудрым, ну просто очень?

Да, конечно, Горбачев всю жизнь проработал в аппарате, он бюрократ до мозга костей, но на посту генсека и президента – типичный мудрак.

Думаю, вышеприведенные доводы достаточны, чтобы понятия «мудрак» и «мудрачество» вошли в обиход для описания соответствующих людей и явлений.

ГЛАВА 2 НА ГРАНИЦЕ МИРОВ

ЗАПАД

Вспомним – наше государство расположено в центре материка, окружено другими государствами и почти нигде не имеет и не имело с ними естественных границ. Последнее время СССР занимал самую большую площадь на планете, но ведь не всегда было так. Начиналась

Россия с небольшой территории на северо-западе страны, а окончательного размера достигала сотни лет, непрерывно двигаясь на юг и восток.

Жить в России нелегко и по географическим, и по климатическим условиям. Короткое, хотя часто и жаркое, лето сменяется длинной и часто холодной зимой. Это требует большого труда на строительство теплых жилищ, но главное – на их обогрев. Огромные расстояния требуют больших затрат энергии на их преодоление – царские гонцы на дорогу из конца в конец государства тратили годы.

Императрица Елизавета, взойдя на престол, посылает на Камчатку своего курьера Шахтурова, чтобы он не позже, чем через полтора года, к ее коронации, привез «шесть пригожих, благородных камчатских девиц». Императрица слабо представляла себе размеры государства и трудности передвижения в нем: только через 6 лет гонец с отобранными девицами смог на обратном пути достичь Иркутска. Там у него кончились деньги, да, видимо, и девиц он действительно отобрал пригожих, так как к тому времени как-то так получилось, что они уже все были или с детьми, или беременны. Несчастный гонец, понимая, что безнадежно запоздал, запрашивает Петербург из Иркутска, что же ему дальше делать с «девицами»?

Жить в нашем государстве значительно труднее, чем в любом другом, значительно дороже. Урожаи из-за климата меньше, чем в других странах, а, следовательно, пахать, сеять и убирать надо и больше, и дольше. По сравнению с гражданами других государств житель России тратил и тратит в несколько раз больше труда только на то, чтобы просто выжить. И тем не менее, никто так не любил свою Родину, как русские, никакой другой народ так мало не уезжал в другие страны, никто так не тосковал за границей по Родине, как они. Хотя это лирика, но нужно заметить, что мало кто в мире так любил свободу, и мало у кого это свободолюбие подвергалось столь жестоким испытаниям. И дело здесь вот в чем.

На запад от России всегда жили оседлые народы. Они строили города и села, сеяли хлеб и производили сталь. Эти народы были объединены в государства, и главы государств, руководствуясь теми или иными соображениями, вели между собой войны. Нападали они и на Россию. Однако особенностью войн с Западом было то, что там ни один противник не оставался безнаказан, и войны эти в сути своей велись в основном не на уничтожение, а ради обогащения.

Если западные короли посылали войска захватить или ограбить города России, то, выдержав натиск, русские цари или князья вели войска в западные страны, где грабили их города. Абсолютно точно было известно, где живет агрессор, и укрыться от возмездия он не мог.

Целью войн был грабеж, но уничтожение населения не поощрялось и было бессмысленным. Действительно: зачем, захватив вражеский город и приняв его под свое подданство, убивать его жителей? Кто бы тогда платил налоги? Зачем убивать пленных солдат и рыцарей, если их можно нанять в свою армию и не тратить деньги на обучение новых?

На Западе война стала основным делом, промыслом, если не сказать, развлечением королей, герцогов, баронов. Были разработаны правила ведения войны сродни футбольным. Три штурма крепости давали ее защитникам законное право сдаться, при этом они не испытывали ни мук совести, ни позора со стороны жителей, которых они защищали – таковы были правила. Рыцарь заключал договор с королем (оммаж) или герцогом, где оговаривалось, где и сколько он будет ему служить и сколько за это получать. В качестве платы обычно давались города и села, судьбой и жизнью населения которых нанятые рыцари распоряжались как хозяева. Жалобы крепостных на рыцарей судами не принимались. Служба королю была ограничена по времени, например, два месяца в году, а иногда и 40 дней. Успел король за этот срок закончить войну или не успел, для рыцаря это уже не имело значения. Он мог с войны уехать.

Переход из «команды» в «команду» не возбранялся. Если рыцарю или барону другой король или герцог предлагали больше, то он возвращал взятое на старой службе и шел к новому сюзерену.

Но в бою рыцарь, как честный человек, обязан был драться за своего короля, не жалея жизни, правда, до тех пор, пока его король был жив и свободен. Король обычно находился под знаменем, и до тех пор, пока знамя было видно рыцарю, он и сражался. Если знамя падало, а это означало, что король или убит, или пленен, то рыцарь мог без зазрения совести и без ущерба для чести бежать с поля боя.

Например, довольно строгий устав Ордена Тамплиеров требовал от рыцаря не покидать поля боя даже в случае поражения, пока над полем боя развевалось знамя Ордена. И лишь после

того, как оно упало, «рыцарю можно искать спасения там, где Бог поможет».

Мирным жителям в этих состязаниях отводилась роль зрителей, оплачивающих стоимость зрелища. Их обычно не трогали, хотя, конечно – на войне, как на войне – и их тоже могли грабить прямо или контрибуцией, но на жизнь их никто, как правило, не покушался. Например, когда король Швеции осадил столицу Дании, то датчане, не имея возможности из-за осады продавать продовольствие войскам своего короля, продавали его без всяких колебаний вражеским войскам, поскольку вражескими они были только для короля, а населению в принципе было безразлично, кому продавать и кому, кстати, платить налоги – этому королю или другому.

Эстетической стороне этих зрелищ придавалось большое значение, они оформлялись как грандиозные шоу. Французский офицер так описывает вступление наполеоновских войск в Вену в 1805 году: «Жители обоих полов теснились в окнах; красивая национальная гвардия, расположенная на площадях в боевом порядке, отдавала нам честь, их знамена склонялись перед нашими, а наши орлы – перед их знаменами. Ни малейший беспорядок не нарушал этого необыкновенного зрелища». Но и Париж в 1813 году не останется в долгу: как только стало известно, что капитуляция подписана и штурма не будет, нарядная, веселая толпа заполняет бульвары для встречи победителей.

Долгое время примерно по таким правилам жили и россияне, правда, они были более свободолюбивые, они не то, что власть рыцаря – княжескую власть над собой признавали весьма относительно. В давние времена даже не они были вассалами князя, а он принимался ими на службу, осуществляя с помощью своей дружины их военную и уголовную защиту. И если какому-либо российскому городу князь не нравился, то его просто изгоняли и подыскивали нового. Порой это было несправедливо, когда, на пример, новгородцы изгнали Александра Невского, но это было. Одновременно и князья власть великого князя над собой принимали от случая к случаю, непрерывно враждуя с ним и между собой. Как сказали бы сейчас наши мудраки, отстаивали свой суверенитет. Разумеется, ведя бесконечные междоусобицы, они использовали те же «футбольные» правила ведения войны, что и на Западе.

Случались и исключения. Например, очень ценной военной добычей для России, ценным трофеем были люди. Ими торговали, но главным образом сводили с захваченных земель и селили в России. Москва началась с поселения людей, плененных в одном из набегов на венгерские земли. Были, кстати, и на Западе исключения, особенно после того, как войны стали приобретать религиозно-мистический характер. Так, германские племена полностью уничтожили славное племя пруссов, от которых осталось только название земли – Пруссия.

Но в целом действовали правила и обычаи ведения войны, характерные для Европы, и почти такие же социальные обычаи, за исключением, пожалуй, того, что ни князья, ни их люди (дружина) не имели той власти над населением, что имели короли и дворяне на Западе. Никто не рассматривал князей как божью волю над собой, на них смотрели как на военных специалистов. Нанимали в Константинополе архитекторов строить себе церкви, нанимали и князей себя охранять.

ВОСТОК

Но на юге и на тысячи километров к востоку от России находились кочевые народы и племена со своими обычаями и правилами, в корне отличающимися от законов, принятых на Западе. Россия была пограничным государством, прикрывавшим оседлые народы Запада от кочевников Востока. Она была пограничником.

Кочевник-скотовод, пасущий скот на выжженных солнцем степных просторах летом и на тех же, но уже обледенелых просторах зимой, имел совершенно другие взгляды на войну и совершенно другие ее правила. Ему нужна была земля, но не в том виде и не в том количестве, в котором она нужна была земледельцу. На той же площади, где земледелец мог сеять урожай, достаточный, чтобы прокормить в течение года свою семью, кочевник едва мог вырастить овцу, которую съедал со всей семьей за один-два дня. Кроме того, изменчивость климата, засуха в одних районах или гололед в других требовали быстрых перемещений на огромные расстояния в места, менее пострадавшие от климатических явлений. По этой причине кочевнику требовалось земли в сотни и тысячи раз больше, чем земледельцу. Ему нужна была возможность безопасно откочевать летом на север на 1,5-2 тысячи километров, а зимой вернуться обратно. Кочевнику,

чтобы жить, нужен был простор.

Поэтому войны между кочевниками велись не за обладание налогом с порабощенных народов, а за очистку территории от этих народов. Этим объясняется поражавшая всех жестокость кочевников: захватив в плен противника, они убивали и старых и малых – всех, в ком не видели пользы, скажем, кого нельзя было продать как раба в третьи страны. Тут не имело значения, кто ты – солдат или мирный житель. На той территории, что присмотрел себе кочевник, тебе, с его точки зрения, делать было нечего.

Кроме экономического, имелся и чисто военный аспект. На войну кочевники собирались в большие подвижные группы – орды, но в мирной жизни они рассыпались по степи мелкими и потому беззащитными кочевьями. Если бы они в соответствии с западными правилами ведения войны, взяв и ограбив город, оставили бы его жителей в живых, то те спустя некоторое время могли бы перебить кочевников, нападая на каждое кочевье отдельно. С этой точки зрения оставлять местных жителей в районах, пригодных для кочевого выпаса скота, было бы преступной халатностью, и потому все жители уничтожались либо запугивались убийствами до парализующего волю страха.

Поддерживать мирные отношения с кочевниками было сложно. Во-первых, их культура, позволяющая выжить в суровых условиях, была на очень низком уровне в области техники и технологии, товарных 'производств и ремесел. Они не умели получать и выделывать железо, стекло, керамику и многие из тех видов товаров, производство которых давно и успешно освоили оседлые народы. Кочевники вынуждены были эти товары каким-либо образом приобретать, но для торгового обмена они имели только скот. А скот по тем временам и так стоил не очень дорого (о чем я скажу ниже) и, кроме того, доставка его на большие расстояния для продажи была чрезвычайно затруднена. Таким образом, для кочевника наиболее доступной формой получения необходимых товаров оставался военный разбой – набег на города и села. Причем в качестве товара использовались и захваченные пленные – их кочевники продавали на невольничьих рынках Средней Азии и Средиземноморья. Время от времени кочевые племена, особенно потерпевшие поражение, могли вполне искренне заключить мирный договор с Россией, но наступал товарный голод, подрастало новое поколение джигитов, и они снова устремлялись в набег.

Во-вторых, кочевники первыми освоили стратегическую оборонную инициативу, которую в США впоследствии стали сокращенно называть СОИ. Идея заключалась в возможности нанесения противнику безнаказанного для своего населения удара. Отряды кочевников в начале лета внезапно вторгались в пределы России, быстро грабили все, что могли, и быстро откатывались назад. Российские князья с дружинами бросались в погоню. Но кочевники, собрав весь свой народ и весь скот, продолжали отходить дальше и дальше на восток в тысячекилометровые бескрайние степи. Высохшую траву за собой поджигали, лишая русские войска корма для лошадей, колодцы отравляли. Наказать их за набег становилось невозможно или, по крайней мере, очень затруднительно.

Подобная стратегия и тактика кочевников требовала от России менять правила ведения войны на Востоке, вообще должна была заставить россиян задуматься о том, как дальше быть. Ведь на многие сотни километров от кочевников невозможно было селиться и вести хозяйство – очень высок был риск, что тебя ограбят и если даже не убьют, то продадут рабом на галеры, Правда, до определенного момента кочевники были разобщены, воевали не только с оседлыми народами, но и между собой, а поэтому и сами были слабы. И до поры до времени на Руси считалось мудрым поступать, как на Западе, то есть населению в войне не участвовать, а нанимать князей, поручая им свою защиту.

Однако почти девять веков назад Чингисхан объединил кочевников в государство высочайшей цивилизации, но в очень узких областях – политической и военной. И при нем кочевники по-прежнему были крайне отсталы в товарном производстве, даже оружие они покупали либо добывали в бою, но они создали сильнейшую армию мира, солдат высочайшей военной выучки и храбрости, ввели крепкую дисциплину и в армии и в государстве. Одним ударом кочевники начали громить все близлежащие государства, причем и такие, как Китай, численность населения которого в сотни раз превышала численность кочевников. Эти государства, кичась, как им казалось, своей высокой цивилизацией, глядевшие на кочевников, как на дикарей, на полуобезьян, оказались неспособными сопротивляться военной цивилизации Чингисхана, они падали перед его армией на колени, становились бесправными рабами.

В 1223 году полководцы Чингисхана Джебе и Субедей, разгромив ясов, обезов и половцев, вошли в землю Русскую.

Нельзя сказать, что русские не почувствовали опасности. Князья собрали войска и выступили навстречу врагу. Повели объединенную армию три Мстислава: киевский, черниговский и галицкий (Удалой). Все три были Мстиславы и, к несчастью, все три старшие из княжеского рода. Были и младшие: Даниил Волынский, Всеволод Мстиславович киевский, Михаил -племянник черниговского, Олег курский и другие. Как видим, князей хватало.

Перешли реку Калку, стали станом. 31 мая Мстислав Удалой выехал из лагеря и увидел, что татары приготовились к битве. Он вернулся в стан и дал команду только своим полкам изготовиться к бою. Остальные князья спокойно сидели в стане, ничего не зная. Летописец утверждает, что Удалой сделал так из зависти.

Татары ударили, смяли союзников русских – половцев, те бросились бежать через стан не успевших ополчиться русских; увидев, что дело плохо, Мстислав киевский не двинулся с места, лагерь у него был на горе, он огородил его кольем и засел там.

Разгром русской армии был полный. Выговорившего себе почетную сдачу Мстислава киевского татары положили под помост, на который сели обедать, и так задушили. Шесть князей были убиты в бою и во время бегства. Надо бы их пожалеть, да не жалеется. Оценивая действия Мстислава Удалого да Мстислава киевского, начинаешь понимать Ивана Грозного, жестоко расправившегося, со всеми такими суверенитетчиками.

Ведь им была доверена огромная русская армия, доверена была Россия. А они, мерзавцы, из-за своих поганых амбиций все погубили. Тысячи дружинников полегли на берегах Калки, принял смерть в бою и Алеша Попович со своими собратьями. Дружинников и богатырей жалко, да Бог с ними – они солдаты, такова их судьба. Главное же началось после Калки.

От Калки татары двинулись в область волжских булгар, однако те их встретили дружно и разгромили. Но это было только начало.

В 1236 году к пределам Руси подошел внук Чингисхана – Бату. Великолепный полководец с лучшей в мире армией, он разгромил волжских булгар, выжег их города и уничтожил жителей. Оставшиеся в живых бросились спасаться в Русь. Затем Бату добил половцев, остатки которых откочевали в Венгрию. Народов и государств, прикрывавших Русь с востока, не осталось. И Бату ворвался в нее.

Четыре года громя разрозненные дружины, он жег русские города и уничтожал жителей. Масштаб опустошения был сравним только с природной катастрофой. Не то что районы – целые земли начисто опустошились: Курская земля, Черниговщина «от того нечестивого Батыева плениа запустеша и ныне лесом заросташа и многим зверем обиталище бывша». Пал и был уничтожен Киев – мать городов русских.

Многие князья с дружинами, честно исполняя долг, пали в боях с татаро-монголами, разумеется, ослабляя их. Но были и такие, что вслед за половцами сбежали в Венгрию. Как бы то ни было, но сопротивление не только не привело к успеху, но даже и не уняло Бату. В 1241 году он перешел Карпаты, нанес сокрушительное поражение польско-немецкому рыцарству, ворвался в Силезию, но был остановлен войсками чешского короля Владислава. Не приняв боя, Бату вернулся, по дороге опрокинул венгерско-французско-австрийскую рыцарскую армию, гнал ее до Пешта и на ее плечах ворвался в столицу Венгрии. Ну, да ладно, не о Бату речь.

Для кочевого выпаса скота лесная часть России была мало пригодна. Этим она не представляла собой ценности для татар, и у них не было особой необходимости очищать ее от людей полностью. Поэтому были вырезаны города и села только лесостепной части, чтобы предотвратить в будущем нападение оттуда на степь, а лесная часть была просто покорена и ограблена. Жителей городов, которые пытались оказать сопротивление, таких, как Козельск, полностью уничтожили, а тех, кто сдался, частью увели в рабство, а частью оставили в живых, наложив непомерный налог. Сдавшихся князей и дружины тоже частью пощадили, поручив им собирать дань татарам и защищать Россию, а заодно и Орду с Запада, где тоже было достаточно желающих пограбить.

Век спустя, когда государство Чингисхана, раздираемое междоусобицами, начало слабеть, западные соседи России – Литва и Польша – захватили и держали уже под своим владычеством ту юго-западную лесостепную, наиболее ослабленную часть, что впоследствии была названа Украиной, немецкие же ордены захватили северо-западные земли. Этими ударами западные со-

седи отрезали России выходы к открытым морям, затруднив и торговлю, и общение с остальным миром.

Тем не менее России повезло. Разбитая и непрерывно ограбляемая, запертая в глубине своих лесов, она осталась жить. Осталась жить, а все народы восточнее ее были вырезаны полностью, и названия их исчезли из памяти людской.

Повезло России и в другом. За время тяжелейшего, дикого и унизительного татаро-монгольского рабства россияне поняли то, чего не понимали и не понимают другие народы, правда, в последнее время, и россияне перестали это понимать. А тогда рабство на грани смерти их научило многому.

ГЛАВА 3 УМОМ РОССИЮ НЕ ПОНЯТЬ?

Могут ли понять Россию на Западе, для которого столетиями войны были сродни развлечениям? Может ли понять Россию американец, для которого, по-видимому, до сих пор война – это любимая забава Рэмбо? Могут ли нас понять те, кто в 1945 году от удара подыхающего Гитлера под Арденнами, когда погибло всего до 9 тысяч американских солдат (для масштабов той войны слово «всего» перед 9 000 погибших правомерно), слезно запросили помощи у не готового к наступлению Советского Союза? Могут ли понять Россию наши отечественные мудраки, для которых единственная мудрость – это смотреть на все глазами того же Запада?

Историк Ключевский подсчитал, что с 1228 по 1462 год, за период, когда формировался великорусский народ, Русь вынесла 160 внешних войн. Только внешних. В шестнадцатом веке она 43 года воюет с Речью Посполитой, Ливонским орденом и Швецией, одновременно защищаясь от набегов татар. Да каких набегов! В 1571 году крымский хан Девлет-Гирей сжег Москву. По русским летописям, погибло до 800 000 душ. Возможно, это преувеличение, но летописи дают такие подробности. Хоронить мертвых не было ни сил, ни возможностей, трупы сбрасывали в реку, «Москва-река мертвых не пронесла: нарочно поставлены были люди спускать трупы вниз по реке; хоронили только тех, у которых были приятели».

Какие реки, протекающие через столицы западных государств, видели подобное? Сена, Темза, Потомак?

В семнадцатом веке Россия воюет 48 лет! В восемнадцатом веке Россия воюет 56 лет!

Жестокие войны, подавляющее число которых было направлено на уничтожение русских, стали правилом, жизнью России, а мир... мир – исключением из правила.

Могло в таких условиях за эти столетия у русских выработаться свое мировоззрение, свой взгляд на свободу, на демократию? Да, могло. И оно выработалось. Даже тупой ученик за пятьсот лет обязан что-то понять и чему-то научиться. Демократия – это ситуация, когда народ имеет в стране власть. Однако по критериям мудрости, принятой на Западе, народом считается каждый человек. Считается, что это мудро, и, естественно, каждый мудрак и там, и у нас тоже так считает. Поэтому демократическим считается то государство, которое удовлетворяет желания большинства той части населения, которая имеет возможность требовать. Когда толпа мудраков собирается в здании или на площади и начинает требовать: «Не хотим этого короля, а хотим другого!», то с точки зрения мудрака – это вершина демократии. Мудрак рассуждает: «Король – это глава государственного аппарата, и если мы подберем короля, который будет служить народу (а под народом мы подразумеваем лично себя – мудраков), то такой король и такой государственный аппарат будут демократичными».

Такова мудрацкая логика, и такой она была во всех государствах и в России до порабощения ее кочевниками.

Кстати, и во время татаро-монгольского рабства в России были места, куда кочевники из-за глухих лесов и болот просто не добрались. Таким местом был Новгород. Там мудрацкая демократия существовала очень долго. Этот город подвергался нападениям Литвы или Ордена, и новгородцы приглашали для своей защиты опытного в боях князя, например, Александра Невского. Но когда князь отбивал нападение врага, его почти сразу из города выгоняли. Крутой нрав Александра, заставлявшего жителей излишне, по их мнению, тратить силы на оборону города, мудракам-новгородцам не нравился. Тем не менее и старые и новые наши историки-мудраки всегда берут Новгород за образец народной демократии.

По мере того, как кочевники убивали или угоняли в рабство россиян, представления русских о демократии стали меняться. Стала подвергаться сомнению логика мудраков, которая выражалась в следующей сентенции: «Если народ – это я, то служить я должен сам себе, в том числе и своей чести, и своей славе. И если во имя своей чести мне надо умереть, то что же – я умру, так как этим я прославлю себя и в себе свой народ. Но если мне предстоит умереть, а ни чести, ни славы для себя я не заработаю, то вместе со мной умрет мой народ. Это бессмысленно. Лучше сдаться на милость победителя, тогда я спасу себя и в себе – народ. Заставляет меня идти в бой и на смерть государство и его глава – царь или король, в том числе и на такую смерть, где ни чести ни славы я не найду. Чем больше я буду рабом государства, тем больше я буду подвергать себя лишениям и смертельному риску. Поэтому чем я буду более свободен от государства, тем больше буду служить себе и в себе народу, следовательно, тем больше я демократ!» Но в те времена для россиянина сдача в плен почти без вариантов означала либо смерть от руки кочевника, либо рабство на галерах. Продолжалось это столетиями, было время все обдумать. И постепенно образ мыслей россиян стал меняться: «А народ ли я? А может, народ – это не я, а все живущие в моей стране, в том числе и дети, в том числе и еще не родившиеся дети наших детей? Тогда я не народ, тогда я только частица народа. И если я хочу быть демократом, то мне нужно служить не себе, а всему народу. При этом, если я испытываю лишения, то это еще не значит, что народ испытывает их, мои лишения могут обернуться отсутствием лишений у моих детей. Если я умираю, защищая свою страну, то вместе со мной умирает только очень малая частица народа, а народ будет жить, так как своей смертью я его смерть попрал. И не важно – умер ли я на глазах восхищенных моим героизмом зрителей или незаметно в мучениях скончался от болезней в осажденной крепости. Враг, стоящий под ее стенами, не идет в глубь моей страны, не убивает мой народ. Но если я сдамся, то враг, не сдерживаемый мною, пойдет убивать мой народ дальше».

Ливонский летописец Рюссов: «Русские в крепости являются сильными боевыми людьми. Происходит это от следующих причин. Во-первых, русские – работящий народ: русский в случае надобности неутомим во всякой опасной и тяжелой работе, днем и ночью, и молится Богу о том, чтобы праведно умереть за своего государя. Во-вторых, русский с юности привык поститься и обходиться скудной пищей; если только у него есть вода, мука, соль и водка, то он долго может прожить ими, а немец не может. В-третьих, если русские добровольно сдадут крепость, как бы ничтожна она ни была, то не смеют показаться в своей земле, так как их умерщвляют с позором; в чужих же землях они не могут, да и не хотят оставаться. Поэтому они держатся в крепости до последнего человека, скорее согласятся погибнуть до единого, чем идти под конвоем в чужую землю. Немцу же решительно все равно, где бы ни жить, была бы только возможность вдоволь наедаться и напиваться. В-четвертых, у русских считалось не только позором, но смертным грехом сдать крепость».

Да, со временем татары научили, и русские стали думать: «Если я демократ, то я должен быть рабом своего народа, я должен ему отдать все. Организуют нас на службу народу государство и его глава – царь. Следовательно, я должен быть не наемником за деньги, а рабом, добросовестным рабом государства и царя. Только став рабом народа, я освобожу народ от любого гнета, сделаю его свободным».

Но среди нас, рабов, очень много мудраков, которые считают народом только себя лично и хотят быть как на Западе – свободным от службы и ему (народу), и государству. Чем их больше, тем больше тягот и по защите народа, и по защите их – мудраков – падает на меня, на раба. Это несправедливо. И если царь действительно служит, как и я, народу, то у него должна быть железная рука против мудраков: он должен их либо заставить служить народу, как это делаю я, либо перебить, чтобы другим неповадно было становиться мудраками и перекладывать на меня, как на раба народа, все трудности и опасности службы.

Таким образом, трехсотлетняя власть татар привела к тому, что все больше и больше россиян по своему мировоззрению становились истинными демократами – рабами своего государства.

Между прочим, подобный образ мыслей не был понятен не только жителям Запада, но и большинству наших историков. Сложилось устойчивое мнение, что Россия – страна рабов (и это правильно), но мало кто понимал, чьи это рабы, кому они служат. Считалось, что русский – это такая тупая скотина, которая без плети жить не может. При этом подобные историки и исследователи как-то обходили вниманием то, что за пятьсот лет после рабства у кочевников эти тупые

скоты не склонили головы ни перед кем, ни один захватчик больше не смог поставить их на колени в то время, когда почти все западные страны по паре раз в столетие на колени становились.

Причем Россия была свободной даже тогда, когда численность россиян была вдвое меньше, чем численность любого их западного соседа.

Что касается плети, то Запад не видел, кому она предназначается, не понимал, что раб-россиянин, раб своего народа, меньше всего боится этой плети, так как она в идее своей не ему предназначалась. Правда, попадало от этой плети и преданным рабам, но лишь тогда, когда в руки ее брали холуи-мудраки, желающие продемонстрировать свою мудрость и преданность царю. Такое было, и от этого ненависть россиян-рабов к мудракам еще больше возрастала.

Сейчас наши мудраки-демократы пеной исходят от ненависти к Ивану Грозному: как же, в его царствование были казнены от 4 до 5 тысяч князьев, да бояр, да прочей тогдашней «интеллигенции». А спросите их, чего вы, собственно, слюной брызжете? Ведь Иван Грозный давно умер, и если говорить о ненависти, то тогда надо говорить о ненависти к нему его современников. Иван Грозный вел очень неудачные войны с польским королем Стефаном Баторием, в рядах последнего дрался наблюдательный немец Гейденштейн. Он записал о Грозном: «Тому, кто занимается историей его царствования, тем более должно казаться удивительным, что при такой жестокости могла существовать такая сильная к нему любовь народа, любовь, с трудом приобретаемая прочими государями только посредством снисходительности и ласки. Причем должно заметить, что народ не только не возбуждал против него никаких возмущений, но даже высказывал во время войны невероятную твердость при защите и охране крепостей, а перебежчиков вообще очень мало. Много, напротив, нашлось во время этой войны таких, которые предпочли верность князю, даже с опасностью для себя, величайшим наградам»;

Иван Грозный так и остался для мудраков кровопийцей, а в сказаниях народа – очень добрым царем. Историк Ключевский даже делает вывод, что вот, дескать, русский народ – это очень незлобивый народ. Это не так. Русские в ярости своей жестоки и злы. Но у раба-русского не может не вызвать добрых чувств раб-царь. Царь – раб своего народа.

Идея о том, что русские очень любят быть рабами своего царя, своего государства, тешит наших мудраков. Любое упорство россиян по защите своего Отечества объясняется ими боязнью царя или государства. Это и понятно. Ведь мудрак все мерит по себе и царя и государства страшно боится, так как не хочет им служить. Мудрак обычно говорил: «Россияне потому так упорно защищались, что иначе царь их убил бы!» И не задумывался, что человеку в принципе все равно, кто его убьет – враг или свой царь. Да и в истории России все было не так. Парю как таковому не служили. Служили Родине.

В 1980 году первым изданием вышла замечательная книга Ф.Ф.Нестерова «Связь времен». Многие из вышеприведенных примеров взяты из нее. И хотя автор не со всеми выводами Нестерова согласен, но книгу его считает поистине замечательной. Не для мудраков.

Для обоснования того, что русские служили не царю, приведем пример, взятый также из книги Нестерова.

«С 21 сентября 1609 года по 3 июня 1611 года армия польского короля Сигизмунда осаждала Смоленск. За время осады успело рухнуть Московское государство: в 1610 году Василий Шуйский был свергнут с престола, бояре для защиты Москвы от Лжедмитрия впустили в нее польское войско гетмана Жолкевского и отправили в стан Сигизмунда посольство, чтобы просить у него сына, королевича Владислава, на русский трон. Сигизмунд соглашается, но требует от послов Смоленск. Послы передают его слова смолянам.

Так, совершенно неожиданно защитникам города пришлось самим решать, продолжать ли оборону, или впустить Владислава с польским войском. Смоляне согласились впустить Владислава как русского царя, но не как польского королевича, сопровождаемого польскими ратными людьми. Но на последнем настаивает Сигизмунд, это его последнее условие.

Над Смоленском не было уже верховной власти, церковь разрешила всех от клятвы верности низложенному царю, смоляне с крепостных стен видели плененного Шуйского в королевском лагере на пути в Варшаву – некому было «казнить их казнью» за сдачу города. Многие русские города признали Владислава царем, и поляки на этом основании называли жителей Смоленска изменниками. Все знали, что Смоленск – ключ к Москве, но зачем хранить ключ, когда сбит замок? К тому же город в течение года выдержал осаду, горел от раскаленных польских ядер, страдал из-за отсутствия соли и был поражен каким-то поветрием. Превосходство польской

армии было очевидным, падение крепости оставалось лишь делом времени так как неоткуда ждать помощи, а условия сдачи были милостивыми. Не пора ли подумать о жизни женщин и детей, прекратить бессмысленное кровопролитие? Дети боярские, дворяне и стрельцы колебались в ответе, воевода молчал, архиепископ безмолвствовал. Черные люди посадские, ремесленники и купцы настояли на обороне до конца, и Смоленск ответил королю: «Нет!» Перед русским посольством во главе с митрополитом Филаретом смоленские представители, дети боярские и дворяне, разъяснили, что хотя поляки в город и войдут, но важно, чтобы их, смолян, в том вины не было. Поэтому они решили: «Хотя в Смоленске наши матери, и жены, и дети погибнут, только бы на том стоять, чтобы польских и литовских людей в Смоленск не пустить».

Потом был приступ. Поляки, взорвав башню и часть стены, трижды вламывались в город и трижды откатывались назад. Потом вновь перешли к правильной осаде, днем и ночью засыпали Смоленск ядрами. Потом снова приступали к крепости, снова отступали, снова долбили ее стены и башни из пушек, снова вели подкопы и взрывали укрепления. Так в течение еще одного нескончаемого года. К лету 1611 года число жителей сократилось с 80 до 8 тысяч душ, а оставшиеся в живых дошли до последней степени телесного и душевного изнурения. Когда 3 июня королевская артиллерия, сосредоточив весь свой огонь на свежеотстроенном участке стены, разрушила его полностью и войско Сигизмунда вошло наконец в город через пролом, оно не встретило больше сопротивления: те смоляне, которым невмоготу было видеть над Скавронковской башней польское знамя, заперлись в соборной церкви Богородицы и взорвали под собой пороховые погреба (по примеру сагутинцев, замечает польская хроника); другим уже все было безразлично: безучастно, пустыми глазами смотрели они на входящих победителей. Сигизмунду передали ответ пленного смоленского воеводы Шеина на вопрос о том, кто советовал ему и помогал так долго держаться: «Никто особенно, никто не хотел сдаваться». Эти слова были правдой. Одного взгляда на лица русских ратных людей было довольно, чтобы понять, что брошенное где попало оружие не служило просьбой о пощаде. На них не было ни страха, ни надежды – ничего, кроме безмерной усталости. Им уже нечего было терять. Никто не упрекнул бы Сигизмунда, если бы он предал пленных мечу: не было капитуляции, не было условий сдачи, никто не просил о милости. Сигизмунд, однако, не захотел омрачать бойней радость победы и разрешил всем, кто не хочет перейти на королевскую службу, оставив оружие, покинуть Смоленск.

Ушли все, кто мог еще идти. Опустив головы, не сказав слова благодарности за дарованные жизни. Пошли на восток от города к городу по истерзанной Смутой земле, тщетно ища приюта, питаясь подаянием Христа ради. Когда добрались до Арзамаса, местные земские власти пытались было поселить под городом нищенствующих дворян и детей боярских, да арзамасские мужики не захотели превращаться из черных крестьян в крепостных и прогнали новоявленных помещиков дубьем.

Эти странники с гноящимися под драным рубищем ранами, с беззубыми от цинги ртами еще не знали, что пролитая кровь, смерть товарищей, гибель семей не были бесцельной, бессмысленной жертвой. Они выполнили долг перед государством как смогли, но где оно, их великое государство? Без малого восемьсот верст прошли они, но на своем скорбном пути видели лишь одну и ту же мерзость запустения. Защитникам Смоленска мысли не могло прийти о том, что истинными победителями остались они.

Однако это было именно так. Польская и литовская шляхта, истомленная долгой осадой, сразу же после взятия города разошлась по домам, несмотря на все уговоры и посулы короля. Сигизмунд с одними наемниками был не в состоянии продвинуться дальше в глубь России и оказать существенную помощь засевшему в Москве польскому войску. Восстановив стены и оставив в крепости гарнизон, он вернулся в Варшаву. В России между тем начиналось народное движение за освобождение Москвы и восстановление Московского государства. Нужно было время, чтобы оно разрослось и набрало силу. Верный Смоленск и послужил ему, сам того не ведая, надежным щитом.

История обычно чуждается театральных эффектов. Ее герои, вышедшие на сцену в первом действии драмы, как правило, не доживают до заключительного. Для смолян было сделано исключение. Неисповедимыми путями приходят они в Нижний Новгород как раз тогда, когда Минин бросает свой клич. Смоляне первыми откликаются на призыв, образуя ядро собираемого народного ополчения. Потом в его рядах с боями доходят они до столицы, отражают у Ново девичьего монастыря и Крымского моста последний, самый страшный натиск войска гетмана Ход-

кевича, прорывающегося к осажденному в Кремле и Китай-городе польскому гарнизону, и наконец среди пылающей Москвы на Каменном мосту во главе с Пожарским принимают капитуляцию королевских рот, выходящих из Кремля через Боровицкие ворота.

Личная судьба смоленского воеводы Шеина также имеет определенный исторический интерес. Вернувшись из Польши по обмену военнопленными, он вскоре по указу царя Михаила Федоровича возглавил десятитысячную рать, отправленную отвоевывать потерянный Смоленск. Едва русские расположились под городом, отстроили палисад и деревянную крепость, острожек, как на помощь осажденным пришел со всей армией Владислав, теперь уже король Польши. Осаждающие оказались между двух огней и осажденными в свою очередь. Прорвать внешнее кольцо и дать бой в чистом поле русская рать не могла из-за численного и, главное, качественного превосходства регулярного польского войска; а отсиживаться в окружении также не было никакой возможности, поскольку запасы продовольствия быстро подходили к концу. К тому же иностранные наемники, бывшие на этот раз под началом у Шеина, громко требовали сдачи, грозя бунтом и переходом в польский лагерь. Шотландцы принялись сводить старые счеты с англичанами. Те и другие открыто показывали свое пренебрежение к требованиям воинской дисциплины. Полякам, со своей стороны, не было смысла лезть на русские укрепления; дожидаться же того, чтобы упорные московиты перемерли с голоду или пошли на безоговорочную капитуляцию, тоже не хотелось – и так всю зиму пришлось провести в поле без дела. Так или иначе, Шеину удалось выговорить условия выхода из окружения.

Утром 19 февраля русская рать без барабанного боя, со свернутыми знаменами и с затушенными фитилями вышла из своих укреплений и остановилась у подножия холма, где на коне сидел польский король, окруженными сенаторами и рыцарями. Русские знамена были положены у его ног, а знаменосцы отошли на три шага назад. Шеин и другие воеводы, спешившись, низко поклонились Владиславу. Пушки тут же были переданы победителям. Предложено было выйти из рядов тем, кто пожелает перейти на королевскую службу. Иностранцы вышли почти все, из московских людей 8 человек (из них 6 казаков). После этого Владислав в знак приязни к своему знакомцу еще со времен первой осады воеводе Шеину, дозволил взять с собой 12 полковых пушек (последнее условиями капитуляции не предусматривалось). По знаку короля знаменосцы подняли и развернули знамена, стрельцы запалили фитили, раздалась дробь барабанов, и все войско двинулось восвояси по Московской дороге.

На этот раз все прошло на уровне лучших европейских стандартов: красочная мизансцена, музыкальное сопровождение и даже заключительный милостивый жест короля воспроизводили в деталях представления, которым Запад не раз был зрителем в эпоху Тридцатилетней войны. Опущенной оказалась лишь одна частность. Там побежденные полки в полном составе с охотой переходили под знамена великодушного, а главное, более щедрого победителя (ибо победитель, как правило, получал возможность быть щедрым). Здесь перешла лишь жалкая горстка московитян.

Причиной столь странного для европейцев явления не могло быть какое-то особое озлобление русских против поляков. Несмотря на то, что борьба России против Литвы и Польши велась более трех столетий, в ней не видно того ожесточения, которое, например, всякий раз прорывалось в более коротких столкновениях русских с Орденом. В разгар Смуты русские города по доброй воле присягали Владиславу, а польско-литовская шляхта не раз выдвигала кандидатуру московского царя на престол Речи Посполитой. Московские щеголи, отправляясь на войну с Польшей, наряжаются в платья, сшитые по варшавской моде, и берут с собой в поход книги, переводы с польского. Вообще говоря, Речь Посполитая не должна была казаться русским ратным лицам, стоявшим у подножия холма, совершенно чуждым государством. Она включала в себя русские земли, пользовавшиеся широким самоуправлением. Русские магнаты Острожские, Вишневецкие, Ходасевичи, Чарторыйские, Сапеги и другие вошли в высший слой польской аристократии, оттеснив чисто польских по своему происхождению Пястов. И напротив, до трети всех боярских и дворянских семей в Московии произошли от выходцев из Польши и Литвы. Иногда граница разрезала одну семью.

Так, князья Мосальские, служившие в Варшаве и Москве, вполне могли встретиться друг с другом на поле боя. Польский король был одновременно и «князем русским». Почему бы русским дворянам и детям боярским, этим «холопам государевым», составлявшим ядро войска Шеина, не признать Владислава своим князем, не выбрать шляхетскую «злату вольность», не оста-

вить тяжкую и неблагодарную службу царскую ради вольготной и хорошо оплачиваемой королевской, почему бы не распроститься с московским и кнутом и батогами? Не последним по силе доводом был еще и голод. Русские ратные люди были голодны. За три месяца сидения в осаде недоедание успело смениться самым настоящим голодом. Многие от слабости едва держались на ногах. И многие были больны: уже давно в костры пошло все, что могло гореть, последние недели приходилось дневать и ночевать на морозе.

Польский лагерь совсем рядом, манит дымком, запахом горячей пищи. Москва далеко, на другом конце снежной пустыни. Как еще встретит она свое опозоренное воинство? Больным лишь нечего бояться – для них довольно места по обеим сторонам Смоленской дороги. И все же нельзя выходить из рядов. Нужно стоять, опустив от стыда головы, а потом идти. Жить не необходимо, идти необходимо. Туда, где бьется суровое сердце России.

Пятая часть вышедшей из-под Смоленска рати погибла в пути. Шеин в докладе, представленном боярской думе, привел точную цифру убыли от болезней: 2004 ратника. Они тоже сказали свое «нет!».

Кремль не оценил дипломатического искусства своего воеводы. Шеину и его молодому помощнику Измайлову было предъявлено обвинение в государственной измене. Бояре выговорили им: «А когда вы шли сквозь польские полки, то свернутые знамена положили перед королем и кланялись королю в землю, чем сделали большое бесчестие государеву имени...» Выговор завершился приговором... Палач, подойдя к краю помоста, поднял обе головы над толпой, чтобы хорошо видели все: пусть замолчат те, кто толкует о том, что московскому люду не под силу стоять против литовского короля; пусть Польша полюбуется на плоды своего рыцарского великодушия; пусть ждет новую рать и пусть знает, что, если даже вся Смоленская дорога превратится в сплошное кладбище, Смоленск все же будет русским».

Эти строки Ф.Нестерова трудно читать без внутреннего содрогания, без спазм в горле. И тогда – в 1980 году. Но каково читать их тем, кто видел так называемое Всеармейское совещание офицеров Вооруженных Сил СССР? Эти алчные и трусливые шакальи рожи с генеральскими звездами, это лакейство, эту подлость людей, получивших от народа все, но в трудный для него час плюнувших на присягу, на волю народа, высказанную на референдуме? Наши предки Шеину голову снесли. Боже, что бы сделали они с этими подонками?!

Итак, держа Россию на грани жизни и смерти, татаро-монголы создали из нее особую нацию, которая начала смотреть на себя как на единую семью, целью которой было выживание. Но семье нужен единый глава, единый, а не несколько. Иначе стало бы уже несколько семей и не было бы гарантии их совместного действия. Таким началом был царь-самодержец. Самодержавие создавалось несколько веков, и в этот период народ в массе своей безусловно поддерживал кандидатов-самодержцев, с пониманием относясь к их жестокой борьбе со всеми суверенитетчиками.

Однако монархия, основанная на престолонаследии, имеет существенный дефект – дети могут не повторять родителей. Отец мог быть рабом своего народа и отдавал ему все, а сын или внук порой оказывался придурковатым романтиком рыцарских эпох, да еще и западного толка, да еще и мудраком вдобавок. И не было закона избавиться от неудачной шутки природы. Приходилось русским каждый раз что-то придумывать. Если возьмем глав и наследников императорского рода России и посмотрим, какой смертью они закончили свой путь, то статистика будет довольно поучительная.

1. Петр I – своей смертью
2. Алексей Петрович, наследник – убит отцом
3. Екатерина I – своей смертью
4. Петр II – своей смертью
5. Анна Иоанновна – своей смертью
6. Иоанн Антонович – убит конвоем
7. Анна Леопольдовна, правительница – умерла в тюрьме
8. Елизавета – своей смертью
9. Петр III – смещен гвардией, убит
10. Екатерина II – своей смертью
11. Павел – убит гвардией
12. Александр I – своей смертью

13. Николай I – своей смертью? (покончил с собой?)
14. Александр II – убит революционерами
15. Александр III – своей смертью
16. Николай II – убит революционерами
17. Алексей, наследник – убит революционерами

С 1721 года, когда Петр объявил себя императором, по 1917 год, за 196 лет империи, из 17 человек, имевших непосредственное отношение к ее управлению, своей смертью умерло всего 9 человек, если считать и Николая I, то есть чуть более половины. А другая половина оказалась России так или иначе не нужна. Среди убитых были и явно невиновные, скажем дети, но и явные мудраки, чье мудрачество и явилось причиной их смерти.

196 лет на 17 человек – это менее 12 лет на каждого или 14 лет на тех, кто действительно правил. Для такого срока 50-процентная вероятность смерти – это много. Должность российского императора была опаснее должности летчика-испытателя или космонавта.

И заметьте, ни в одном случае не было того, что, например, обычно и на Востоке и на Западе – не было убийства с целью захвата трона претендентом. Смещали императора силы более мощные, чем претендент. Можно было бы говорить об интриге Екатерины II против Петра III, но с того момента, когда он подписал свой первый указ, Россия подписала ему смертный приговор и судьба его была уже предрешена и без Екатерины.

Но к чести российских великих князей, царей и императоров большинство из них понимали свое предназначение и честно исполняли свой долг, не жалея ничего. И – подчеркнем – никого.

Пожалуй, уместно рассказать о действиях Дмитрия Донского на Куликовом поле, так как эта книга все-таки об управлении людьми, а перед Дмитрием стояли чрезвычайно тяжелые управленческие задачи. Он их решил и показал русским, что они могут победить доселе непобедимую армию татар.

Прошло 150 лет после битвы на Калке, русские немного окрепли и увеличили сопротивление Орде. Московский князь самовольно уменьшил выплату дани, набеги мелких отрядов татар встречали вооруженное и часто успешное сопротивление князей. Новгородские «демократы» посылали по Волге отряды разбойников (ушкуйников) грабить татарские поселения.

Правитель Орды Мамай, в конце концов, собрал огромную армию, возможно, 100 000 человек, чтобы по-настоящему проучить Русь, напомнить ей, кто есть кто. Действовал он в союзе с литовским князем Ягайлом и в битву должен был вступить вместе с литовскими войсками. Для Дмитрия политическая обстановка была отвратительна. Русь не объединена, с Дмитрием враждовали многие князья, рязанцы вообще выступили вместе с Мамаем и участвовали в битве на стороне татар.

Перед Дмитрием стояла и тяжелейшая военно-экономическая задача. Ему подчинялось уже довольно много российских князей со своими дружинами. Это были воины-профессионалы, храбрые, умеющие драться, достаточно хорошо вооруженные и защищенные. Но их было не боле 40 тысяч. Выходить с такими силами на бой с сильнейшей армией было безумием, даже если бы она и не превосходила россиян численностью.

И Дмитрий призвал народ – крестьян и горожан, сделал то, что и в голову никому бы не пришло за Западе. И не только потому, что это были нонкомбаттанты. Дело в том, что имеющийся к тому времени опыт говорил, что 15-20 конных рыцарей без труда разгоняют 3-4 тысячи восставших крестьян. Использование пехоты против кавалерии в те времена вообще не практиковалось, с точки зрения западных мудрецов это было бессмысленным идиотизмом.

Устав Ордена Тамплиеров даже не возбранял пешим кнехтам разбегаться при встрече с кавалерией без ущерба для их чести. Да и значительно позже положение не изменилось. В 1456 году две сотни московских дворян рассеяли новгородскую рать из пяти тысяч человек, а в 1471 году 4,5 тысячи московского феодального войска разгромили без труда сорокатысячное новгородское ополчение.

Но Дмитрий вопреки западной мудрости призвал народ – свыше 100 тысяч человек. При этом возникла такая экономическая проблема: ни латами, ни мечами, ни арбалетами, ни даже щитами обеспечить их не было возможности. Единственно, что он смог сделать, вручил каждому короткое копье – сулицу – и надеялся, что они захватят с собой ножи и топоры.

Российская армия быстро собралась под знамена Дмитрия.

Литовский князь Ягайло, хоть и был союзником татар, по-видимому, ненавидел их. Поэтому он формально пошел на соединение с Мамаем и на бой против Дмитрия, но шел такими длинными дорогами, так медленно и так петлял, что к бою «не успел». Кроме того, закрыл глаза на то, что два его князя не присоединились к его армии, а вместе со своими дружинами поспешили на помощь Дмитрию. И успели.

Дмитрий собрал армию общей численностью свыше 150 тысяч человек. Пришли все. Все, кроме новгородцев. Мудраки-демократы посоветовались и решили, что грабить беспомощные кочевья и доходнее, и безопаснее, чем противостоять татарам в открытом бою. Сочли, что будет мудро, если за их грехи рассчитаются остальные россияне.

Две армии двигались к месту встречи – это было просторное Куликово поле, способное их вместить. Без колебаний Дмитрий переправил свои войска через Дон, отрезав себе пути к отступлению. Он построил армию в линию, уперев правым флангом в болото, плохо проходимое для конницы, и поставил на правом фланге Олгердовичей, литовских князей Андрея и Дмитрия. Дмитрий Донской заранее планировал прорыв противником линии своих войск, и ему было важно, чтобы кочевники прорвались не на правом, а на левом фланге.

Дмитрий не планировал отбить удар Мамая или только выстоять перед ним. Да это было и нереально. Он замыслил, казалось бы, безумное – разгромить татар. Безумное, если учесть качество армии его и кочевников, учесть, что до сих пор татары в таком числе никогда не знали поражений. Но он не был мудраком и эту идею реализовал гениально.

Он сделал то, чего бы не сделал мудрак – заранее запланировал три подряд тактических поражения своих войск, заранее часть своих людей отдавал в жертву.

Вспомним о тактике татар. Это были прирожденные кавалеристы. Еще не умеющего ходить мальчика сажали на коня и давали маленькие лук и стрелы. Кочевники не могли сами сделать мечи и кольчуги, наконечники стрел и копий. Но луки они делали сами, и огромной мощности. В их руках эти луки били без промаха. Причем стреляли татаро-монголы с ходу, с коня.

Этот вид оружия, его превосходство, определял и два тактических приема боя. Если враг был слабый, то татары, не вынимая луков, своей конной лавой сминали противника, заставляли его бежать, вырубая его – бегущего – сзади. Так достигалась победа быстрая и для татар почти бескровная. Но если противник был сильный или сильно укреплен, то татары, не соприкасаясь с ним, кружили вокруг него, расстреливая его солдат из луков до тех пор, пока противник не слабел для окончательного удара. Так как и противник стрелял, то потери татар росли, и этот прием для них был вынужденным.

Дмитрий сознавал: увидев перед собой россиян, численностью в полтора раза превышающих силы татар, Мамай не станет сразу атаковать. Он сперва расстреляет армию русских. А крестьянам без лат, без щитов укрыться от стрел будет невозможно. Их легко выбьют. Дмитрию надо было, чтобы татары приблизились к его крестьянам вплотную, на расстояние копья и топора, смешались с ними, тогда, действуя, скажем, по трое против двух конных татар, крестьяне получали шанс на успех.

И Дмитрий перед основной линией своих войск выстраивает еще две слабые передовые линии. Их задача была – умереть. Замысел был таков -конная лава татар не стала бы останавливаться перед слабой сторожевой линией, а с ходу смяла бы ее, не стала бы она останавливаться и перед передовым полком. И тогда, увидев, как легко они справляются с русскими, татары по инерции ударили бы по основной массе российских войск и застряли бы в ней.

Однако для разгрома Мамая этого было еще мало. Его военачальники могли опомниться и вывести свои войска из соприкосновения с русскими, могли отойти и расстрелять их из луков, могли вообще выйти из боя, чтобы навязать его в другом, более удобном, месте. Разгромить татар или кого угодно обороной невозможно, надо было атаковать их. Но как? Пехотой кавалерию? Абсурд! А своей кавалерии было слишком мало, чтобы атаковать противника в лоб. Эффект от нее мог быть, только если бы атаку удалось провести внезапно в – спину.

И Дмитрий планирует третье тактическое поражение своих войск. Он строит их так, что левый фланг оказывается самым слабым, он планирует его гибель, планирует прорыв кочевников и выход их в свой тыл.

Но на левом фланге, в своем тылу, он ставит лучшую кавалерию – засадный полк, с лучшим воеводой во главе, и прячет его за рощей. Расчет таков: когда масса татарской конницы прорвет левый фланг, ей, чтобы атаковать с тыла центр и правый фланг россиян, придется раз-

вернуться на 180 градусов, и в этот момент она подставит находящейся в засаде кавалерии русских свои спины. Засадная кавалерия ударит, будет гнать противника и рубить, не давая ему развернуться и перестроиться.

Чрезвычайно сложный, громоздкий и потому уязвимый план не предусматривал, чтобы Дмитрий непосредственно руководил его осуществлением. И этому были причины.

Мы уже говорили, что установившиеся на Западе и на Руси рыцарские традиции предусматривали, что герцоги и рыцари служили лично королю или князю. Да и впоследствии, когда Россия стала уже царством и империей, все ее дворяне и офицеры давали по традиции клятву в верности не ей, а государю; Дмитрий понимал: если его убьют, то князья и дружинники освободятся от этой клятвы и побегут с поля боя. Увидев, что бегут воины-профессионалы, побегут и крестьяне. Это был бы разгром.

И он ставит последнюю точку в подготовке к битве. Когда татары уже появились на горизонте и стали строиться для атаки, он выехал из строя своих войск и на их глазах снял с себя золоченый шлем, серебряные княжеские доспехи и надел их на Андрея Бренка – своего друга детства. Тот в доспехах великого князя сел на коня и возглавил войска под княжеским знаменем. А Дмитрий в простых доспехах на глазах у всех ушел в передовой полк, стал в ряды воинов, которым по его плану суждено было погибнуть.

Видевшие это князья и дружинники (а это видели все) были поставлены в сложное морально-правовое положение. Теперь, если знамя князя упадет и человек в серебряных доспехах будет убит, покинуть поле боя без потери чести они не смогут – это не Дмитрий убит, не его знамя упало. А судьбу князя в течение всего сражения не дано будет знать, только после боя можно будет выяснить, жив он или нет.

Началось сражение, и прошло оно – в силу ли случайности, или в силу гения Дмитрия – точно по его плану. Татары ударили по сторожевому и передовому полкам и легко их вырубили. С разгону конница ударила по основным русским войскам и застряла в них. Битва переросла в индивидуальные бои, в которых татары с каждой минутой несли все больший и больший урон. Литовские князья отбили удар на правом фланге и в боевой ярости сами напали на татар, ослабив этим давление на центр. Мамай не терял надежд на скорую победу, и казалось-, она уже очень близка. Его воины прорвались к всаднику в серебряных доспехах, и он пал под их ударами, пало красное знамя князя. Но русские сражались. Наконец, левый их фланг был уничтожен, кавалерия татар в последнем, казалось, рывке бросилась в прорыв и в тылу русских развернулась для решающего удара. Но здесь, как и было задумано, сидевший весь бой в засаде боярин Волынский-Боброк махнул рукой – и отборная русская кавалерия обрушила удар в спину врагу. Татары не выдержали и побежали. Русские ринулись за ними и гнали их 20 верст от поля боя. Разгром был полнейший, победа изумила мир.

Но пока это была лишь победа духа, так как материальные потери оказались огромны. Считается, что в живых осталось только 40 тысяч русских. Долго среди убитых искали Дмитрия, нашли его без сознания, «Дмитрий с трудом пришел в себя, с трудом распознал, кто с ним говорит и о чем; панцирь его был весь избит, но на теле не было ни одной смертельной раны».

Что нужно отметить? Во-первых, обратите внимание на отсутствие у Дмитрия мудрачества, на способность его принимать решения, которых требовало Дело, а не тех, которые были освящены официально признанной мудростью. Руководителю в подобных случаях приходится ставить себя в условия, когда при неудаче тебя все объявят дураком, бездарностью, человеком, из-за глупости или подлости которого погибли другие люди. Для этого нужна смелость, т.е. способность принимать рискованные решения, а не слепо следовать «мудрости» не отвечающих за результат Дела советчиков. Рисковать, зная, что твои поступки потом попадут под жестокую критику мудраков. Ведь если бы Дмитрий потерпел поражение, то представьте себе, как бы измывались над ним мудраки: и крестьян нельзя было на бой выводить – не мудро; и передовые линии на гибель не выставлять – не мудро; и кавалерию весь бой в тылу не держать – не мудро; и самому от руководства боем не устраняться – не мудро.

Во-вторых. Обратите внимание на мужество Дмитрия, на способность его отдать в жертву Делу жизни своих людей. Только болтуны, никогда не отвечающие за Дело, считают, что это просто, но в жизни, особенно для верующего, это всегда огромная тяжесть. И необходимо мужество, чтобы решиться на это,

И наконец, жертвенность Дмитрия, способность его во имя России, своего народа пойти на

смерть без колебания, без шума, его презрение ко всей мишуре и почестям, окружающим должность великого князя, выделение из нее только службы народу, службы, ответственней, чем у других, и только.

Надо сказать, что жертвенностью своих руководителей Россию было трудно удивить, более того, для нее это было естественно, так как народ рассматривал их, как отца в семье, а для отца жертвенность во имя семьи естественна.

Причем отца именно всего народа, а не собственно монархического семейства. Наоборот, очень часто члены царской семьи в России становились жертвой, положенной на алтарь Отечества, препятствием, которое сметалось монархом во имя народа.

...Тяжело болел великий князь Иван III, готовится предстать перед судом Господним. Он боится Божьего наказания за грехи, боится преисподней. А в тюрьме в это время по его приказу находится его брат Андрей, и митрополит просит за него, предлагает Ивану не брать грех смерти в тюрьме родного брата на душу. Но Иван и боится, и не может освободить Андрея: «Жаль мне очень брата, и я не хочу погубить его... но освободить его не могу. Иначе, когда умру, будет искать великого княжения над внуком моим, и если сам не добудет, то смутит детей моих, и станут они воевать друг с другом, а татары будут Русскую землю губить, жечь и пленить, и дань опять наложат, и кровь христианская опять будет литься, как прежде, и вы снова будете рабами татар».

Наши отечественные мудраки все ищут близость между русскими и европейцами. А между тем, хотя бы по вышеприведенному примеру, не лучше ли поискать близости между русскими и японцами? Самурай превыше всего ставит исполнение своего долга. Он тоже боится греха и загробной жизни, и этот страх обязывает его исполнять долг. Но кодекс самурайской чести требует от самурая, чтобы он исполнил свой долг, даже если он сделает такое, за что попадет в ад.

Начав формировать регулярную армию, Петр I столкнулся, как и другие цари, с необходимостью призыва большого количества людей, не представляющих себя солдатами, а отсюда робкими, не способными подавить в себе страх. Проходило время, и эти люди в конце концов становились хорошими бойцами, но поначалу они пугались первого неприятельского выстрела, легко поддавались панике и разбегались от первого вражеского натиска. Под Полтавой Петр, боясь Карла XII и того, как бы не повторился нарвский конфуз, вводит в боевое построение войск отряды, которые в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. получат название заградительных. Сзади боевой линии своих войск он выстраивает линию солдат и казаков и дает им приказ: «Я приказываю вам стрелять во всякого, кто бежать будет, и даже убить меня самого, если я буду столь малодушен, что стану ретироваться от неприятеля».

Так ли уж нельзя умом понять Россию, как это казалось поэту? Наверное, нельзя, если мерить ее не своим русским аршином, а западным.

Чтобы понять разницу в образе мыслей россиян и народов Запада, нужно учесть следующее. Любую страну Запада можно образно представить в виде гостиницы. Люди живут каждый в своем номере и платят за него ими же избранной администрации гостиницы за охрану и обслуживание, т.е. то, что в государстве называют налогами. Существует основной договор между администрацией и жильцами (Конституция страны) и правила (законы), в которых оговаривается, кто что и кому должен. Жильцы могут быть патриотами своей гостиницы, но при этом не вызовет недоумения и их переезд в другую гостиницу или случай, когда охранник гостиницы, законно расторгнув договор с администрацией, перейдет на службу в другой отель. Абсолютно естественно, что одни живут в бедных номерах, другие в комфортабельных. Каждый оберегает неприкосновенность своего номера (мой дом – моя крепость) и личную свободу как от остальных жильцов, так и от администрации.

В своей весьма ценимой личной свободе житель стран Запада привык ориентироваться на себя, на свою активность и предприимчивость. Он не ждет ничего особенного от своего правительства: если оно защитит его жизнь от внешнего врага и уголовника, то и это хорошо. Причем не важно, как оно это сделает, лишь бы сам житель не пострадал или пострадал в минимальной степени. В своих делах он требует, чтобы никто не вмешивался, не ограничивал его свободу, не мешал ему. Заплатил налоги – и отстаньте! Он в делах коммуникабелен, для получения какой-либо выгоды легко сходится с другими людьми. Но он и при этом остается индивидуалистом, его мир сосредоточен в нем самом.

Мировоззрение русских совсем другое.

Татары сбили нас в одну семью, научили истинной демократии, и мировоззрение наше

приняло формы мировоззрения члена огромной семьи, русские перестали рассматривать свое государство, как гостиницу, они стали смотреть на него, как на огромный дом с многочисленной, но очень близкой родней. Во главе семьи, естественно, стоял отец – царь или правительство. В связи с этим доверие к ним было полнейшее: действительно, не может же отец что-либо делать в ущерб собственной семье. И те цари и правительства, которые это понимали, достойно играли свою роль.

Причем действительными и полноправными членами семьи в старые времена рассматривались только так называемые простые россияне, т.е. по тем временам – крестьяне, и, разумеется, сам царь. Люди, занимавшие промежуточное положение между царем и крестьянами, особенно чиновники органов управления государством, тоже считались членами семьи, но не совсем полноценными. «Народом – миром» крестьяне считали только себя. Если вспомните, то первыми чиновниками государства были воеводы, бояре, дружинники – те, кто организовывал народ и управлял им при военной опасности.

Эти люди в те времена очень часто были не только пришлыми, но и просто иностранцами, служившими князю или царю по найму. Возможно, поэтому к ним и впоследствии сохранилось несколько недоверчивое отношение.

В качестве анекдота можно напомнить, что до самого конца Российской империи царь ко всем обращался на «ты», в то же время ему говорили: «Вы, Ваше Величество». Говорили все, кроме крестьян, которые вели себя с царем, как с отцом, несколько фамильярно, обращаясь к нему: «Ты, царь».

Николай I как-то объезжал Россию, и в очередной деревне к нему вышли крестьяне с хлебом и солью. Бедный староста, зубривший приветственную речь, при виде царя сумел произнести только первые три слова: «Царь, ты столп...» – и его заклинило. Он снова начинал: «Царь, ты столп» – и снова забывал, что дальше. Наконец Николаю надоело: «А ты бревно», -сказал царь, забрал хлеб-соль и закончил этим митинг.

Тем не менее и чиновники и офицеры – все были членами семьи. О каких-либо договорных отношениях с царем и речи не могло быть – ну, кто же в семье договаривается с отцом? Дескать, я тебе плачу определенную сумму, а ты меня защищай, или – ты мне плати определенную сумму, а я буду защищать семью. В семье это немыслимо, в семье это естественная обязанность и тех и других. В этом незаметное, но резкое различие с Западом.

Когда Россия, объединяясь в семью вокруг Москвы, стала крепнуть, к ней с окраин от татарских границ стали стекаться крестьяне. Великий князь Московский ни о чем не договаривался с вновь прибывшими детьми -он давал им землю, давал семена, если мог, то и скот, ничего не требуя взамен. А что может потребовать отец за исполнение своего долга перед детьми? Но когда приходила пора защитить семью, то царь и брал у крестьян столько, сколько было нужно, включая и их самих. И почему он это делал, было всем понятно. А как может быть в семье иначе?

В Москву приходили князья и бояре из других княжеств. Князь и с ними ни о чем не договаривался, а ставил их в строй. Но по тем временам для содержания одного воина требовался труд не менее десяти-тридцати крестьянских семей. Поэтому князь закреплял за своими дворянами крестьянские семьи, эти семьи дворян кормили, их трудом дворяне вооружались, нанимали дополнительно солдат и защищали под руководством князя или царя этих же крестьян.

Формально в России был феодализм, но в отличие от Запада дворяне по отношению к крестьянам имели прав не более, чем ротный командир на своего солдата. Если на Западе рыцарь мог повесить своего крепостного крестьянина, имел право первой ночи, тот был фактически его рабом, хотя и вел самостоятельное хозяйство, то в России это было немыслимо. Российский дворянин мог только восстановить дисциплину, выпороть крестьянина за проступки и в крайнем случае вернуть его царю – отдать в солдаты. Но ни посадить в тюрьму, ни тем более убить крестьянина дворянин не мог. Это было делом отца-царя, делом только его суда.

Дворянин мог сделать и то, что выглядело продажей, он мог отдать крестьянина другому дворянину и получить за это деньги. И это действительно выглядело бы продажей, если не учитывать, что крестьянин для дворянина был единственным источником дохода, при помощи которого дворянин защищал тех же крестьян. Передавая источник своего дохода другому, он имел право на компенсацию. Разумеется, что при такой продаже законом исключалось разделение семей.

Крепостных дворянин имел до тех пор, пока служил он и служили его дети. Прекращалась служба – отбирались крепостные. Заметим, служба русского дворянина князю, как и служба человека своей семье, не имела сроков. Уйдя на службу в 15 лет, он мог до глубокой старости просидеть в крепости на границе за тысячи километров от своего имения и так никогда и не увидеть своих крепостных. Тяжелые условия, в которые попала Россия, требовали такой же тяжелой службы ей.

Мировоззрение члена семьи выработало особые черты российского характера, и прежде всего российский демократизм. То, что каждый человек должен в первую очередь служить народу, обществу, страдать во имя общества, было для россиян вещью безусловной. Поэтому всякое уклонение от этой службы, противопоставление ей своих личных интересов было для русских противоестественно, что тогда уже вызывало удивление западных современников, которые не без резона считали, что родина у человека там, где ему хорошо живется.

Автор позволит себе еще одну пространную цитату из Ф.Нестерова, очень уж хороша книга.

«В июле 1701 года шведская эскадра в составе семи боевых кораблей входит в Белое море и направляется к Архангельску, чтобы согласно королевской инструкции «сжечь город, корабли, верфи и запасы». Шведы знают, что русские считают Архангельский порт своим глубоким тылом, а потому и рассчитывают на внезапность диверсии. Операция закончилась, однако, провалом. Шведский историк XIX века А.Фриксель, используя сохранившуюся в архивах документацию, объясняет следующим образом неудачу экспедиции:

«Когда шведские корабли вошли в Белое море, то они стали искать лоцмана, который сопровождал бы их в дальнейшем пути в этих опасных водах. Два русских рыбака предложили тут свои услуги и были приняты на борт. Но эти рыбаки направили суда прямо к гибели шведов, так что два фрегата сели на песчаную мель. За это оба предательски действовавших лоцмана были избиты возмущенным экипажем. Один был убит, а другой спасся и нашел способ бежать. Шведы взорвали на воздух оба своих фрегата и затем возвратились в Готенбург. Царь Петр тотчас вслед за тем поспешил в Архангельск, одарил деньгами, а также из собственной одежды рыбака, который с опасностью для жизни посадил на мель шведские корабли, назвал его вторым Горацием Коклесом».

Русские источники кое-что добавляют и исправляют в шведской версии события. Архангельский воевода князь Прозоровский через голландских купцов был осведомлен о готовившейся экспедиции, а потому запретил рыбакам выходить в море. Дмитрий Борисов и Иван Рябов ослушались приказа воеводы и были захвачены шведами, которые угрозами и посулами принудили их показать безопасный путь к берегу для высадки десанта. Лоцманы, как видно, действительно хорошо знали свое дело, коль скоро не только посадили на мель шведские фрегаты, но сделали это как раз напротив недавно поставленной береговой батареи. После десятичасовой перестрелки русские пушкари разбили оба корабля (другие, опасаясь мелей, держались вдалеке), шведы не взорвали их, а покинули на шлюпках. Русские обрели на шведских судах 13 пушек, 200 ядер, 850 досок железных, 15 пудов свинца и 5 флагов. Дмитрий Борисов был застрелен на палубе шведского флагмана, а Иван Рябов выбросился за борт и вплавь добрался до берега, после чего был засажен в острог за самовольный, вопреки указанию воеводы, выход в море.

Князь Прозоровский, следует признать, действовал более в духе своего общества, нежели царь Петр. Он, конечно, доволен поступком рыбаков и даже избавляет Рябова от причитавшихся ему батогов, но не разделяет восторга Петра. Будь на месте Ивашки с Митькой, думал воевода, Сидорка с Карпушкой, то, наверное, тоже не оплошали бы; чего же ради смотреть на Рябова как на чудо морское? За выполнение долга не требуется особой благодарности.

Европейский взгляд, выраженный А.Фрикселем, прямо противоположен русскому. Характеризуя действия рыбаков как предательские, он подразумевает, что Рябов с Борисовым поступили бы разумно и порядочно, если бы указали шведам слабые места русской обороны и, пересчитав добросовестно заработанные деньги, с низким поклоном удалились. Разные шкалы этических ценностей действуют на западной и восточной частях одного континента.

Петр попытался применить европейское понятие героизма к российской действительности, но, наверное, не был понят окружающими. Его подданные классического образования не имели, Тита Ливия не читали, а поэтому приняли Горация Коклеса скорее за одного из тех голландских капитанов, с которыми любил бражничать государь.

Вообще в этой стране было неведомо, что такое героизм в том смысле, как его понимали на Западе. Мост через реку Каланэбру в Эстляндии шведы успели облить горючей смесью и поджечь до подхода русских. По приказу Петра солдаты, бросив на горящие мостовые клети бревна, ползком перебираются по ним на другую сторону и штыковым ударом выбивают шведов из предмостного укрепления. Первоисточник сухо сообщает об этом бое местного значения и не упоминает, были ли после него розданы награды: такое поведение солдат в порядке вещей. Было бы очень трудно растолковать прошедшим через огонь гренадерам сущность героического.

Героизм в его классическом понимании всегда есть исключение из правила. Герой, то есть сын бога, полубог, совершает непосильные простым смертным деяния. Он возвышается над толпой, которая служит пьедесталом для его неповторимой личности. Долг, совесть, различие добра от зла -все это хорошо для низкой черни, не для него. Цезарь Борджа, а потом Наполеон Бонапарт – любимые герои Европы, в них видела она апофеоз,своего индивидуализма. Но такая компания вряд ли подходит скромному Ивану Рябову, и на пьедестале он должен чувствовать себя не слишком удобно.

Со времен Петра понятие героизма все же вошло в обиход русской мысли, но при этом оно обрусело, потеряло первоначальную исключительность. Антитеза между героем и толпой как-то незаметно стерлась, и на ее месте появилось маловразумительное для европейца словосочетание «массовый героизм», то есть что-то вроде исключения, которое одновременно является и правилом».

Семейность определяла и взаимопомощь русских, причем здесь и не пахло благотворительностью. Человеку, попавшему в тяжелые условия, не требовалось особо унижаться, он знал, что помощь ему обязательно окажут, Особо сильно это проявлялось в трудные времена, но и в обычное время Россия, например, не знала такого явления, как бездомность. Было такое понятие «пойти по миру», и оно означало, что человек, в силу каких-либо обстоятельств не способный себя содержать, например, ребенок-сирота или беспомощные старики, жил на всем готовом определенное время в каждом доме крестьянской общины по очереди, пока не вырастал или не умирал. Было множество и других видов обязательной поддержки, о которых будет рассказано позже, а сейчас коснемся очень сложного для русских вопроса – вопроса справедливости.

Это вопрос вопросов, вызывающий подавляющее количество споров и ссор между самими русскими. Они ведь понимали, что среди них достаточно много хитрых мудраков, норовящих тяготы службы России или обществу переложить на других. Понимали, что при пользовании общими благами своего народа-семьи найдутся любители отхватить побольше. Оценить точно вклад каждого в благо семьи, рассчитать пользу его службы ей – невозможно. Эта невозможность требовала точного равенства в распределении общих благ, и каждый русский тщательно следил, чтобы это равенство не нарушалось. Он в принципе всегда был готов бесплатно служить народу вместе со всеми, но не готов был бесплатно содержать бездельничающего мудрака.

Это очень напоминает детское мировоззрение. Представьте детей за столом перед огромным тортом, и каждый берет примерно равные куски Но вот один ребенок выхватил непомерно большой кусок. Это немедленно вызывает зависть и жалобы на него отцу, и если после этого отец хлопнет юного мудрака ложкой по лбу, то это вызовет у остальных детей одобрение.

Рассказывал очевидец. Во время последней войны отступающие немцы проходят через деревню. Дождь, на улице непролазная грязь. Перед избой на дороге застряла легковая машина. На завалинке избы сидит дед. Из машины выскакивает немецкий офицер, шофер останавливает грузовик, просит помощи. Офицер подходит к деду: «Давно здесь живешь?» Дед решил, что офицер интересуется его родословной: «Всю жизнь, и отец мой здесь жил, и дед, и прадед...» – «Что же ты, русиш швайн, до сих пор дорогу перед домом не вымостил?» – обрывает его офицер.

Действительно, почему? Скорее всего потому, что дорога-то общая, что же он как дурак будет общую дорогу делать, а другие нет. Вот если бы всех кто-нибудь заставил, тогда – да, тогда как все.

Исследователи русской деревни единодушно замечают, что если нет индивидуального стимула труда, то на общественных работах, скажем, на барина, без понукания все русские будут равняться на худшего. Даже невестки одной семьи при работе на семейном поле без присмотра свекра или свекрови, скорее всего, выберут темп самой худшей работницы.

Делить что-либо между русскими – большая проблема, нельзя ошибаться, иначе даже маленькая ошибка может вызвать большой скандал.

Когда русским приходилось собираться в артели, в которых доход делился поровну, главной задачей артельщика было не только следить за тем, чтобы никто не работал меньше, чем все, но и за тем, чтобы сильные не работали больше, чем все. Иначе проблемы при дележке. Кстати, объективно разделить может только артельщик, который не зависит ни от кого из членов бригады. Но если его выбирать, то кто-то проголосует за и будет мил артельщику, а кто-то против и не мил.

Автору приходилось цифрами проверять это положение. Как-то по долгу службы он проводил социологический опрос среди рабочих завода: кого из своих начальников они считают нужным избирать – бригадира, мастера или начальника цеха.

Начальника цеха захотели избирать 70 процентов, мастера – 30 процентов, а бригадира – 14 процентов. Все, кто непосредственно работали с людьми, подтвердят правоту этого положения.

Эту русскую справедливость можно назвать как угодно, но она действует, и ее невозможно не учитывать.

У автора в цехе работали лаборантами три молодые специалистки, подруги, две из них были членами цехкома. Одной полагалась квартира, и при очередном распределении две ее подруги, члены цехкома, горячо поддержали кандидатуру своей однокашницы на получение квартиры. Но случилось непредвиденное уже после распределения – квартиру у цеха отобрали. На следующем распределении эти две подруги яростно протестуют против предоставления квартиры той, за которую они голосовали на прошлом заседании цехкома. Автор ничего не может понять, сами подруги ничего не объясняют. Может, автор так бы ничего и не понял, но опытная женщина, руководитель с большим стажем, объяснила: «Они трое окончили один и тот же техникум, пришли в одно и то же время, но недавно, уже после первого распределения квартир, у нас открылась одна вакансия инженера, и мы назначили на нее ту, которой полагалась квартира. Подруги ей этого простить не смогли».

Три уборщицы, две работают с 8 утра до 5 вечера, одна с 6 утра без обеда до 2 дня. Две другие жалуются автору: – Она уходит в 2. – Но она начинает работу в 6. – Пусть начинает в 8. – Технологически надо начать в 6. – Пусть уходит в 5. – Но она начинает в 6! Может, вас назначать на эту работу по очереди? – Не хотим. Пусть уходит в 5! – Идите к... своей работе, разговор закончен!

Через пару месяцев обе эти работницы подали заявление на увольнение – не смогли вынести «несправедливости».

Четверо рабочих чисто украли три холодильника, продать не захотели, разделить на четверых не смогли. Спустя некоторое время обделенный донес на себя и товарищей.

Над этим можно смеяться, можно негодовать, но это мы – русские. И это тоже наша национальная черта.

Когда я смотрю на тех людей в российском правительстве, которые собрались разделить и раздать землю и государственную собственность в частные руки, не могу скрыть своего восхищения – это геройские ребята. Ничего не могу сказать про то, есть ли у них мозги – не знаю, но ребята они геройские.

Могут подумать, что неприятие русскими парламентской формы управления и приверженность к самодержавию определена их отсталостью и умственной тупостью. Что, дескать, они просто не понимают, как это хорошо, когда твою свободу отстаивает в парламенте профессиональный депутат и большинством голосов принимаются мудрые решения.

За сотни лет в России видели все, в том числе и «демократию» по-западному. И твердо знали, что большинством голосов принимаются решения, нужные не всему государству, не всему народу, а только большинству голосующих. А это большинство голосующих руководствуется чаще всего не пользой страны, а исключительно своим, корыстным интересом. А этот корыстный интерес легко купить, были бы деньги. И сама самодержавная Россия на протяжении всей своей истории только и делала, что покупала голоса «демократов».

Мы помним, что Речь Посполитая три столетия вела войны с Россией, и, пока это государство было монархией, Россия терпела от нее непрерывные поражения. Дошло до того, что русские не в состоянии были в открытом поле сопротивляться полякам. Отчаявшиеся бояре во время Смутного времени покупают в Швеции наемников, чтобы хоть что-то противопоставить профессионализму и удали поляков.

Но вот Речь Посполитая ступила на «цивилизованный» путь развития, «демократизировав»

свое общество. Короля отодвинули на второй план, на первое место вышло «демократическое» собрание – сейм. Сейм очень быстро довел Польшу до полного политического и военного бессилия – до полного маразма.

...1 февраля 1733 года умер польский король Август II. Предстояли выборы нового короля.

Россию по-прежнему терзали набегами крымские татары – вассалы Турции. Органическим врагом Турции была Австрия. Враг моего врага -мой друг. Так надолго Австрия стала пусть и неверным, но союзником России. Но соперником Австрии на континенте была Франция, по тем же причинам для нее любой враг Австрии и России был другом. В Швеции нарастали силы, жаждавшие реванша за поражения, нанесенные Россией в Тридцатилетней войне. Пруссия спокойно выжидала в нейтралитете, чтобы отхватить в этой драке куски пожирнее.

Европа разделилась на два лагеря – в одном Россия с Австрией и лишь потенциально Англия – традиционная противница Франции. В другом -Франция, Турция, Швеция. Оба лагеря бросились в Польшу с тем, чтобы обеспечить там короля, лояльного к своему союзу. Франция боролась за Станислава Лещинского, Россия – за курфюрста саксонского Августа.

22 февраля 1773 года российская императрица собрала министров и генералитет, которые постановили:

«1) По русским интересам Лещинского и других, которые зависят от Короны Французской и Шведской и, следовательно, от Турецкой, до Короны Польской допустить никак нельзя.

2) Для того отправляемые в Польшу министры должны усильно стараться, денежные и другие пристойные способы употреблять, сообща с министрами союзников, чтобы поляков от избрания Лещинского и других подобных ему отвратить, для того этих министров надобно снабдить денежными суммами.

3) А так как может случиться, что вышеозначенные способы для отвращения таких вредных русскому государству предприятий окажутся недостаточными... без упущения времени на самих границах поставить 18 полков пехоты и 10 полков конницы... донских казаков 2000, гусар украински» сколько есть, из слободских полков 1000, из Малороссии 10 000, Чугуевских калмыков 150 да волжских тысячи 3».

Как в воду глядели: «пристойных способов» оказалось недостаточно. Пока из Вены в Варшаву шло 100 000 червонных, а посланник саксонский давал ежедневные обеды всего на 40 человек, пока русские везли туда «денежные суммы», шустрые французы сунули польским демократам более миллиона ливров, и те проголосовали за Станислава Лещинского.

Но подоспели деньги австрийские и русские. Ничего. Польские демократы и их взяли и еще раз проголосовали. Теперь за курфюрста саксонского. В Польше оказалось два «законных» короля – один профранцузский, другой – прорусский. Россия двинула в Польшу войска.

Лещинский стал собирать вокруг себя верных шляхтичей. Казалось, в патриотическом подъеме гордые поляки должны были дать мощный отпор интервентам. Куда там! Польша ведь стала демократической и цивилизованной. Историк Соловьев эти события описывает так.

«... русские беспрепятственно били приверженцев Станислава в Польше и Литве. Мы видели, что этих приверженцев было много, но вместо того, чтобы вести войну с русскими, они занимались усобицею, опустошением земель своих противников, приверженцев Августа. Они вредили русским войскам только тем, что утомляли их бесполезными переходами. Иногда большие массы поляков приближались к русскому отряду, распуская слух, что хотят дать сражение: но не успеют русские дать два пушечных выстрела, как уже поляки бегут; никогда русский отряд в 300 человек не сворачивал с дороги для избежания 3000 поляков, потому что русские привыкли бить их при встречах». Дожила Польша!

Лещинский сбежал в Данциг – сильную крепость, к тому же усиленную 2000 присланных Францией солдат. К Данцингу подошла русская пехота. Однако король Пруссии не давал подвезти через свою территорию осадную артиллерию. Пока российский фельдмаршал Миних с ним по этому поводу торговался, пехота взяла укрепленное предместье Данцига, разумеется, с польскими пушками и боеприпасом. С помощью этих пушек блокировала Данциг и вела его бомбардировку. Наконец, подтянули осадную артиллерию, и Данциг сдался вместе с французами. Лещинский снова бежал.

И в цивилизованной демократической Швеции к тому времени был такой же маразм. Россия усмиряла крымских татар и вела войну с Турцией. В Швеции в это время истосковались по грабежу офицеры, и образовалась значительная партия, требующая войны с Россией. Король

Швеции был связан представительными органами власти. Он искренне не хотел новой войны с Россией и даже пытался обосновать свою позицию отсутствием необходимой конъюнктуры. На что «ястребы» шведской секретной комиссии нагло ему ответили: «Надобно жалеть, что мы нынешними конъюнктурами не пользовались и войска на помощь Станиславу не послали, особенно в то время, когда город Данциг еще не покорился: мы все ждем революции в России, ждем уже 14 лет и все не дождемся, видно, мы до тех пор будем ждать, когда небо на Россию упадет и всех подавит: тогда нам полезна конъюнктура будет».

Разумеется, что эти настроения у дворянства умело подогревал ливрами французский посол и, естественно, русский посол Бестужев рублями подогревал мирные настроения шведского кабинета министров, представителей бюргеров, духовенства, крестьян. Но вот нахальный француз, который уже истратил на эти цели по слухам 300 000 ефимков, взял и в одну ночь сунул бюргерам 6000 ефимков сразу. Бюргеры переметнулись на французскую сторону. Мир между Россией и Швецией повис на волоске.

Шведы через Марсель посылают в Турцию предложения заключить наступательный союз против России. А дубликаты предложений дают опытному разведчику майору Синклеру, чтобы он их доставил в Турцию напрямую – через Польшу.

Шведский король информирует о миссии майора Синклера российского посла, тот слезно просит Петербург перехватить Синклера и «аневлировать» его, а потом пустить слух, что на него напали разбойники. Петербург, как всегда, промедлил, и Синклер проскользнул в Порту. Но и в Петербурге все же дела двигаются: на охоту за Синклером уезжает поручик Левицкий, а за Рогоци и молодым Орликом (курьерами между Турцией и Францией) отправляются в путь капитан Кутлер и поручик Веселовский. Этим тоже дают ориентировку на Синклера. Как видно, и в те времена разведка России кое-что умела. Синклер попался Кутлеру и Левицкому на обратном пути, когда ехал с ответом Турции в Швецию. Разумеется, этот Джеймс Бонд восемнадцатого века скоропостижно скончался, а бумаги его были переданы русскому послу в Польше. Но на разбойников смерть Синклера свалить не удалось. Кутлеру и Левицкому срочно сменили фамилии и отправили служить в полки подальше от западных границ.

В Стокгольме же начался скандал. За смерть Синклера шведские «ястребы» пообещали убить Бестужева. Посол в одночасье деньги для взяток отдал на хранение голландскому послу, все расписки и счета взяточников, а также секретные бумаги сжег и в посольстве укрепился, ожидая смерти. Но король усилил охрану посольства и погрома не допустил. Конечно, это сюжет для «Трех мушкетеров», но смотрите последствия парламентаризма. Король Швеции за мир, часть парламента куплена русскими, часть французами, часть англичанами. В то время не стеснялись, никто не придумывал словосочетаний типа «Движение Демократическая Россия», а говорили прямо: русская партия, французская партия, английская партия. Иностранные государства спокойно и нагло преследовали свои интересы в шведском, так сказать, парламенте.

А в Польше в это время русские министры продолжают тратить «денежные суммы», пытаясь «пристойным способом» утихомирить расходившихся демократов. Страницы истории, посвященные этому периоду, напоминают бухгалтерские книги: «Теще коронного гетмана 1500 и 20 000, дочери его – 1300, литовскому гетману – 800, жене его – 2500, примасу – 3166 (ежегодно), духовнику его – 100, сеймовому маршалу на сейме 1738 года – 1000, депутатам – 33 000 и т.д.»

А ведь это соседние с Россией страны, Россия хорошо знала, что там творится и вследствие чего.

Да и в последующие времена при словах «цивилизованная демократия» российский император с тоской вытаскивал кошелек. Россия продала Аляску, однако посол США всю сумму в Россию не привез и на вопросы заинтересованных лиц: «Где деньги?» – начал застенчиво мяться, пока царь не сказал: «Я знаю где». США ведь цивилизованная демократия, ну как там осуществишь такую сделку, не «смазав» конгресс и сенат?

Так что опыта у России по «демократическим преобразованиям» было полно, но она не захотела им воспользоваться, мудраки всегда оставались в меньшинстве.

А случаев было предостаточно. Между прочим, декабристы выбрали самый плохой. И хотя действовали они решительно (под руководством Пестеля был, например, вынесен смертный приговор всем членам дома Романовых, так что большевики, по сути, только привели его в исполнение), но достичь успеха не могли – слишком много в этот момент было законных наследников на

престол, было из кого выбрать императора.

Самыми удобными для преобразований России в парламентскую республику были случаи, когда пресекались династии и дворяне становились перед вопросом: «Кого избрать царем?» И действительно, в такие моменты у мудраков возникали мысли о парламенте.

В 1613 году на престол был избран первый царь из династии Романовых – Михаил. Ему было всего 17 лет, и это прощает его собственную попытку создать над собой нечто вроде боярского парламента. Церковь эту попытку юного мудрака пресекла.

19 января 1730 года в возрасте 14 лет умирает российский император Петр II – внук Петра I и сын казненного Петром I сына Алексея. По линии Петра I на престол ставить было некого. Дочери Петра I Елизавете 21 год, но она слыла по-девичьи легкомысленной и ветреной. Верховный тайный совет России на таком ответственном посту ее пока не представлял. Внуку Петра I от дочери Анны было 2 года – ставить его императором было страшно, ребенку умереть в те времена ничего не стоило.

Остановились на племяннице Петра I, дочери его родного брата Ивана ~ Анне, герцогине курляндской. Ей было 37 лет, ее знали как умную и рассудительную женщину, и она довольно хорошо знала российский двор, так как часто посещала его.

Но Верховному тайному совету захотелось большего, и он готовит тайно конституцию страны – Кондиции, – которую Анна должна была тайно подписать перед вступлением на престол. В этой конституции о правах народа еще не говорится, в ней идет речь только о правах 8 членов тайного совета и пункты об ограничении самодержавия. Анна спокойно эти пункты подписывает, вступает на престол, но тайну отнюдь не блюдет. Узнав о происках Верховного тайного совета, российское дворянство вскипает. Большинство из них не бежит к тайному совету и не требует расширения представительства, всеобщего равного и тайного дворянского права избирать и быть избранным и т.д. (хотя были и такие). Большинство бежит к императрице со словами: «Не хотим, чтоб государыне предписывались законы... Государыня, мы верные подданные Вашего Величества; мы верно служили прежним великим государям и сложим свои головы на службе Вашего Величества; но мы не можем терпеть, чтобы Вас притесняли. Прикажите, государыня, и мы принесем к Вашим ногам головы Ваших злодеев». Анна спокойно разорвала подписанные Кондиции, и инцидент с мудраками был исчерпан, Верховный тайный совет упразднен.

А ведь могли и после Беловежской Пущи прибежать к Горбачеву офицеры со словами: «Прикажи, и мы принесем к твоим ногам головы Ельцина, Кравчука и Шушкевича». Ясно, что Горбачев не тот человек, но разве офицеры те?

ГЛАВА 4. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

РУССКИЙ ПОДХОД

Само собой разумеется – если русские слились в одну семью, им безразлично, кто из братьев и сестер какой национальности. Они братья и сестры – это главное, а остальное не имеет значения. Действительно, женщина могла иметь мужей разных национальностей и от каждого – детей. По матери они родные, и никакая добрая и разумная мать не допустит их вражды или сволочного разделения.

Не допускала разделения ни в государственном, ни в личном плане, по национальностям и Россия. Заметьте, даже понятие «Родина» у русских неразрывно связано с понятием «мать». Надо думать, это первая и самая главная причина исключительной национальной терпимости России, исключительного безразличия русских к национальностям вообще и к своей собственной в частности. Невозможно было построить то государство, что построили великороссы, и при этом заложить в его основу национальные различия.

Был и еще момент, который обусловливал единство всех национальностей. На протяжении многих веков Россия хронически испытывала недостаток в людях. Известно, какие опустошения среди русского населения делали предки наших еще недавних братьев, а теперь суверенных соседей. Хоронить не успевали, приходилось трупы топить в реке, что для набожных русских невероятно. Ведь Дмитрий Донской после победы не побежал радостный в Москву, а стоял «на костях» на Куликовом поле, пока всех не предал земле. Несколько позже, когда новый хан Орды

Тохтамыш обманом взял и сжег Москву, Дмитрий приказал подобрать и похоронить убитых. За это он платил по рублю за погребение 80 трупов, издержав на это 300 рублей. То есть только незахороненных трупов, трупов, у которых не осталось ни родственников, ни знакомых, Тохтамыш оставил в Москве 24 000 за один набег. А сколько похоронили родственники? А сколько он увел с собой?

Если к началу шестнадцатого века в германских княжествах и в Италии жило уже по 11 миллионов человек, во Франции 15 миллионов, то к концу семнадцатого века население России составляло всего 4,8 миллиона человек, да плюс 0,8 миллиона в присоединившейся Левобережной Украине. А у Речи Посполитой и без Украины на тот момент население составляло 11,5 миллиона.

Людей катастрофически не хватало. Их зазывали в Россию практически на протяжении всей ее истории, применяя порой комические способы.

Например, после упоминавшегося уже взятия Данцига пленных французов вывезли в Россию в лагерь для военнопленных. Война кончилась, пленных предстояло организованно доставить в балтийские порты и вернуть французской короне. Но императрица Анна Иоанновна, упреждая это, посылает в лагерь знающего французский флотского капитана Полянского с тайным приказом коменданту помочь пленным бежать из лагеря, «...понеже из них есть мастеровые люди, и буде они будут уходить, то тот их побег к лучшему нашему интересу воспоследует, чего ради не токмо б их от того удерживать, но еще по крайней возможности в том им способствовать и к тому приговаривать...». Императрица считала, если они побегут во Францию неорганизованно, то многие из них по дороге останутся в России, да и знающий французский Полянский должен был послужить агитатором в деле прибавления населения России.

Приглашали в Россию жить всех, кого можно было. Греков, сербов, немцев – национальность не имела значения. Любимец Петра I, негритенок Абрам, обучившись во Франции, стал генералом инженерных войск русской армии. Наверняка на первых порах всех удивляло, что он черный, но, что он русский генерал, вряд ли русским казалось необычным. Кстати, его внука – А.С.Пушкина – недоброжелатели из высшего света шельмовали как могли, но никому в голову не могло прийти оскорбить его тем, что он «нигер». Русские бы просто не поняли, в чем тут оскорбление.

Особенно внимательно Русское государство относилось к коренному населению приобретенных территорий/Особенно стремилось сделать из них российских граждан. Примеров много. Но предварительно вспомним, как и зачем присоединяла Россия эти территории, поскольку последнее время наши мудраки усиленно называют русских колонизаторами, ставя их на одну ступеньку, скажем, с Англией.

Англия имела мало земли и много людей, а в России земли было всегда очень много и не хватало людей. Стремления этих государств были совершенно различны, и уже поэтому говорить о русском-колонизаторе может лишь откровенно тупой мудрак.

Не надо забывать, что англичане и исповедуют в некотором смысле извращение христианской веры, одну из форм протестантизма. А это религия торгашей, достаточно жестокая и подлая вера. Ведь что по совести должны были сделать христиане, высадившиеся на берегах Северной Америки? Принять все меры к обращению индейцев в христианство. А они что сделали? Они их просто вырезали. Напрашивается и такой вопрос – почему не сделали индейцев рабами? Почему начали вывозить негров из Африки? Негры, как и европейцы, на Американском континенте пришельцы, а индейцы хозяева. Сделать их рабами – всю жизнь сидеть на ящике с динамитом. Так что, следуя формальной логике, англичане поступили достаточно логично, хотя в конечном итоге теперь негры создают в США проблему, которой, поступи англичане действительно по-христиански, могло и не быть. Ведь нет же расовых проблем в Латинской Америке, где колонизацию проводили испанцы и португальцы – католики.

Англия вела колонизацию и иначе, превращая коренное население в рабов (в переносном смысле) военным и экономическим путем. Пример -Индия. Только английские купцы скупают индийские товары и продают их в мире, только английские купцы торгуют на рынке Индии.

Это дает огромные прибыли, а чтобы индийцы особенно не возмущались, английские интересы в Индии охраняет английская армия и английский флот. Управляет Индией английская администрация.

Могла ли Россия использовать какой-либо английский способ при движении на Восток?

Нет!

Во-первых, она двигалась на Восток не за землей, а за миром, ей надо было усмирить кочевников и защитить от набегов собственные земли.

Во-вторых, представим, русские, взяв Башкирию, вырезали бы всех башкир по примеру цивилизованной Англии. Получились бы огромные пустые земли. А кем их заселять? Земли немедленно были бы заняты кипчаками, киргизами и другими соседями, которые бы снова с этого плацдарма ударили по Руси.

Ну а если бы русские пошли вторым английским путем и сделали бы башкир рабами? А где взять надсмотрщиков, армию для усмирения восстаний?

Вот и получается, взяв Башкирию, у русских оставался лишь один способ колонизации – сделать башкир членами своей семьи, своими братьями. И теперь уже, защищая вместе с ними их землю от набегов, автоматически защищать и свою.

Кроме того, русские – православные, а православие, как и католичество, и мусульманство, не признает разделение людей по нациям. Христианин – значит свой. А православие в России научено терпимо относиться ко всем интернациональным религиям. Православные священники вели, разумеется, миссионерскую деятельность. Их даже поощряли за это орденами, правительство, безусловно, делало все для укрепления православия, но никогда принадлежность гражданина России к другой религии не ставилась ему в вину и никакого ущемления гражданских прав и свобод не следовало. (За исключением иудейской религии, но об этом ниже.)

Следует упомянуть еще об одном моменте в подтверждение сказанного. За столетия движения на Восток Россия почти не приобрела земель более удобных для жизни человека, чем, скажем, Киевская, Харьковская, Рязанская или даже Московская области. Крым, немного земель на юге Средней Азии да немного на Дальнем Востоке. Все остальное – огромный холодный континент с резко континентальным климатом и с очень суровыми условиями жизни. Если вы посмотрите на карту Канады, не найдете там сколько-нибудь крупных городов севернее 53-градусной широты. А у нас за этой параллелью не только Ленинград, Москва, Свердловск и Новосибирск, но и Казань, и Рязань, и Тула, и Минск.

Северная граница США (без Аляски) проходит по широте намного южнее Киева, Вашингтон построен примерно на одинаковом расстоянии между северной и южной границами США, но и он расположен на такой широте, что Ташкент по сравнению с ним – город северный. Кроме того, и США, и Канада омываются двумя океанами, в этих странах очень мягкий климат. Сейчас у нас показывают много американских фильмов, и можно обратить внимание на стены индивидуальных домов американцев, да и вообще, как эти дома построены. В большинстве случаев они деревянные, но не в нашем понимании – они не из бревен. Стены – из досок внахлест. У нас так не каждый хозяин рискнет построить холодный сарай. Но их климат им это позволяет.

У людей, клеймящих Россию колониализмом, должен возникнуть вопрос – а зачем ей такие колонии? Почему она не двигалась на запад? Неужели русскому мужику в Рейнской долине жилось бы хуже, чем, скажем, в Семипалатинске? Скажете, что там жили грозные цивилизованные народы, которые не отдали бы своей земли?

Так-то оно так, но России почти 1100 лет. За это время русские войска во многих западных столицах побывали по военной надобности и во многих по нескольку раз. Случалось, когда можно было и не уходить. Но уходили. Поскольку не нужны были России земли, а нужна была безопасность.

Именно обеспечивая безопасность, Россия шла на восток, пока не упиралась в естественную границу, прикрывающую ее от соседей, скажем, в Памир, либо в государство с оседлым народом, скажем, в Китай, государство, с которым можно договориться и жить в мире.

ОБЪЕДИНЕНИЕ В СЕМЬЮ

В старину во многих российских областях существовало правило: когда сын приводил в дом невестку, один год ей не давалась никакая обязательная работа. Она привыкала. Естественно, она помогала чем могла, но ее не неволили.

Таким же правилом пользовалась Россия, когда присоединяла к себе очередные народы. Полное равенство в правах с русскими, а порой и существенное уменьшение обязанностей. И дело даже не в том, что почти всю историю империи тяготы службы в регулярной армии несли

только русские (автор считает украинцев и белорусов тоже русскими). Тяготы были немалые. Практически бессрочная и очень тяжелая служба. Скажем, в период от войны 1812 года по крымскую войну русская армия в различных столкновениях имела боевых потерь 20 тысяч человек, а небоевых, то есть умерших от тягот и болезней, – 100 тысяч.

Для вновь прибывших в семью имелась масса и других льгот. И наверное правильнее было бы начать с примера, где русские выступают колонизаторами в буквальном смысле этого слова.

В 1732 году русские открывают Аляску. С 1772 года они строят на Аляске постоянные поселения. Центр – г. Ситха и построенная там крепость Новоархангельск. (До 1906 года г. Ситха – столица штата Аляска.) Для освоения Аляски требуются капиталы, и в 1799 году под руководством российского правительства создается акционерное общество по ее освоению -Русско-Американская компания (РАК).

Но есть проблемы. На Аляске живут индейцы (алеуты, колоши, колюжи, тлинкиты, эскимосы), и им не нравятся пришельцы. В 1802 году тлинкиты сжигают Новоархангельск и вырезают русских колонистов, в 1805-м такая же участь постигла русское поселение Якутат.

В 1817 году главным комиссионером РАК в Америке становится купец Хлебников. Он оставил интересные записки, где бухгалтерские выкладки сочетаются с различными жизненными обобщениями. Дела у него идут не особо, он не может получить для акционеров большой прибыли, анализирует доходы и расходы, приходя, в частности, к такому мнению: «Предосторожность от враждебных соседей заставляет содержать излишний гарнизон в Ситхе, и сей излишек есть уже превышающий меру потребностей в людях; и следовательно, составляет перевес со стороны убытка... без неприязненного расположения колош не было бы сего убытка...»

Гарнизон – 100 человек и 450 работников, – собственно русских и креолов (потомков от брака русских и индейцев). Да еще и арсенал нужно держать на 140 тысяч рублей. При таких непроизводительных расходах действительно большой прибыли ждать не приходится.

Но неужели русский купец не знает, что делать? Ведь индейцев на острове едва ли 1000 человек с женами и детьми. Взял бы он, как его английский цивилизованный коллега, назначил премию за каждый скальп индейца (за мужской скальп побольше, а за женский и детский поменьше) и в месяц избавил бы себя от всякой опасности «враждебных соседей».

Но ведь это «варвар-русский», а не «цивилизованный» англичанин, а у «варвара-русского» есть инструкция, утвержденная царем, и в ней объясняется купцу, что России в общем-то не так важна его прибыль, важно другое: «Истинные силы областей состоят во множестве селений и людстве. Всякого благоустроенного правительства главный предмет есть умножение народное». Вот так! Простенько, но доходчиво. А если попался непонятливый, ему объясняют дополнительно: «Островитяне в качестве подданных России находятся под заступлением закона, и следственно, собственность и личность каждого неприкосновенна. Американцы, не находящиеся на службе компании, а промышляющие собственными силами... имеют полное право промышлять земляных и морских зверей... Все ими приобретенное есть их неотъемлемая собственность».

Купец приехал в Америку денег заработать, а царь ему заявляет: «Власти колониальные должны стараться ознакомить островитян с выгодами общественной жизни, отвести им нужное количество земли для заведения огородства и помогать им не только советами, но и самым орудием землепашества и семенами». Вот так! Бросай все и беги индейцам картошку сажать, да еще и со своей лопатой и семенами.

А креолы вообще получаются чуть ли не цацами. Учить их – за счет компании, обязательная работа до 29 лет с оплатой не меньше, чем у русского, и полное освобождение от всех податей.

Ведь русский отправлялся в Америку на 7 лет. РАК платила за него подати царю и оброк помещику. Если он хотел, то и выплаты его семье. Он приезжал в Америку уже с долгом в 400 – 700 рублей, не все успевали за 7 лет с долгами расплатиться. А с креола снимают все подати, а индейцу вообще – беги ему огороды сажай!

И что толку, что царь запретил РАК продавать индейцам порох, ружья (для охоты выдавали все это за счет компании) и водку. Все равно русскому в лес выезжать надо до зубов вооруженному и регулярно проверять, не отсырел ли порох в пушках и есть ли в стволах картечь.

Но что сделаешь? В крепости пять священников, и вся надежда, что их общение с туземцами со временем даст какой-то результат.

Как видим, правила, применяемые русскими при движении на восток, сохранялись и в за-

морских колониях.

А в самой России они действовали методично и неукоснительно.

...Императрица Анна Иоанновна, все глубже вникая в экономическое состояние России (как всегда паршивое), вдруг с удивлением обнаружила русские платят налоги 150-200 копеек в год, а не русские – всего 110. Она высказала своему совету возмущение: «..в государстве много иноверных народов, называемых ясачными: прежде они платили деньгами и звериными кожами, но когда установили подушную подать, то на эти народы неосмотрительно наложена подать, именно 110 копеек, а так как эти народы... в хлебе, скоте имеют большое довольство, притом звериные, рыбные ловли и пчеловодство, многие из них торгуют, то эта подать для них безмерно легка, тогда как в других государствах везде иноверцы более податей платят, нежели природные единоверцы, поэтому надобно положить на них еще прибавочную подать умеренную, со всякой души по 150 копеек в год, и так как их около полумиллиона, то прибавочном суммы будет тысяч двести и больше... из хлебных мест выбежали многие крестьяне, так что в некоторых местах только половина против генеральной переписи осталась, а кой-где и меньше, снять хлеб стало некому, подати за беглецов принуждены платить оставшиеся... Большая часть беглецов умещается внутри государства... особливо в ясачных, волостях... делает из их земель пристанище беглецам по причине доброты земель, на которые навозу не кладут, и потому земледельцам только половина труда, а там, откуда бегут, приходится по полтора и по два рубля на душу, и надобно уравнением податей пресечь бегство».

Как видим, императрица основательно подготовилась к своему выступлению – не только знала, где сколько податей, но и откуда бегут, почему бегут и сколько где навоза кладут. Ее можно понять и в ее предложениях, она ведь бывшая курляндская герцогиня, человек, у которого на русское мировоззрение наложено западное, а с западной точки зрения невозможно объяснить, почему русские имеют такое налоговое бремя, что живут хуже ясачных, и настолько, что вынуждены сбегать и селиться между ними.

Князь Черкасский и граф Остерман деликатно поддакнули императрице, дескать, можно по 40 копеек прибавить, но мудрачество пресек обер-прокурор Анисим Маслов, человек сугубо русский. Он, во-первых, с цифрами в руках показал, что императрица ошиблась в расчетах, но главное -она не в том месте деньги ищет. Поскольку «из-за таких небольших денег не стоит подвергаться опасности, что ясачные разбегутся к чужим народам».

Между прочим, включая в себя дикие народы, Россия понимала ответственность перед ними и принимала посильные меры по их образованию за свой счет – «для обучения иноверческих детей учредить четыре школы: в Казани – в Федоровском монастыре, в Казанском уезде – в дворцовом селе Елабуге, в городе Цивильске и в городе Царевококшайске; обучать их русской грамоте, причем смотреть, чтоб они и своих природных языков не позабыли (1740 г.)». В 1989 году выяснилось – не позабыли они своих природных языков, напрасно цари беспокоились.

Вообще-то, русский – это не национальность, это должность. Должность сына своей Родины. По национальности русским может быть любой, был бы сыном.

Но, конечно, семья большая, и всегда есть люди, которые ценят в себе только кровь – националисты. Интересны подходы русских националистов к национальным проблемам империи.

Так, например, после того, как бюрократия развалила Советский Союз и тупые «национальные кадры» полезли к власти в республиках при помощи законов о языках, русские националисты высказались несколько даже парадоксально. Они потребовали запрета «туземцам» разговаривать на русском, причем русским нельзя разговаривать с «туземцами» на русском – только на «туземном» или через переводчика. Логика здесь такова – мы делали из них людей, научив говорить по-русски, так пусть же теперь возвращаются в свое первобытное состояние. Это, конечно, от обиды.

В прошлом веке националисты, например, горячо отстаивали идею отсоединения от России ряда областей, в частности Кавказа и Средней Азии, причем по чисто материальным соображениям. Эти области требовали больших затрат на освоение ввиду низкой культуры населения и слабого развития производительных сил. Требовалось вкладывать и вкладывать чисто русские деньги в строительство дорог, ирригационных систем, производств и т.д. А отдача была крайне малой. Области были убыточны, и с узких позиций промышленной экономики националисты были правы. Но существует другая экономика – государственная, а она говорит, что ничто так не

разоряет страну, как войны. Лишить противника этих территорий, предотвратить нападение на страну с этих территорий стоило того, чтобы в мирное время тратить на них деньги.

И Россия вооруженной рукой присоединяла территории, и устанавливала для их жителей льготы по сравнению с собственно русскими, и тратила деньги на развитие этих территорий.

Но не только кочевники или дикие народы включались в Россию в ходе войн. На западе России в ее состав вошли или входили и оседлые народы, с достаточно высоким уровнем развития. Шел этот процесс двумя путями. В ходе войн с каким-либо тяжелым противником освобождались области, в которых жили под гнетом этого противника, как сейчас говорят, коренные народы. Так или иначе, сразу или со временем они попадали в состав России. Это можно сказать о молдаванах, латышах, эстонцах. Были области, которые невозможно было отдать, чтобы не усилить этим потенциального противника. Нельзя было в то время вернуть Швеции ее провинцию Финляндию без того, чтобы не усилить Швецию финнами и не придвинуть ее границы вплотную к Петербургу. Нельзя было не участвовать в разделе Австрией и Пруссией уничтоженной собственными демократами Польши. В результате в составе России появились княжество Финское и царство Польское.

Король Пруссии и герцог бранденбургский Фридрих II повел успешную войну против Австрии и сильно потрепал ее. Россия пошла на выручку союзнику, отобрала у Фридриха II Пруссию и включила в состав России. Этим актом несчастный Фридрих был разжалован из королей в простые герцоги.

С этими народами Россия поступала, пожалуй, еще более деликатно.

Например, что означало для Пруссии присоединение к России? Вмешательство во внутренние дела немцев произошли в двух вещах: вместо короля Фридриха II в Пруссии появился русский наместник (кстати, отец Александра Суворова) и на прусских деньгах стали чеканить профиль российской императрицы Елизаветы. Никакие другие стороны внутренней жизнине были задеты. Те же чиновники, те же законы, те же школы, тот же язык, те же суды и те же обычаи. Но... Распахивалась граница между Пруссией и Россией. Убиралась пошлина, сырье для прусской промышленности становилось дешевле, а сгои товары продавались дороже. Пруссия автоматически захватывала (сдавшись) огромную Россию. Воинственных пруссаков ждали офицерские должности в русской армии и возможность отличиться в войнах. (Чего-чего, а этого у России хватало.) Гражданских чиновников ждала карьера в государственном аппарате огромной России. Надо ли удивляться, что Пруссия дружно, одним махом дала присягу верности новой могущественной родине. Все – и мастеровой, и философ Кант.

Король Пруссии, прошу прощения, – герцог бранденбургский очень обиделся за это на своих неверных пруссаков, и потом, когда мудра к Петр III вернул ему Пруссию, он до самой смерти не ступил на ее территорию. Между тем он был весьма талантливым полководцем, гонял австрийцев и французов, как школьников, пока не наткнулся на русские полки.

Точно такое положение существовало и в царстве Польском, и в княжестве Финском. Свои законы, свои деньги. Финны даже время держали отличным на 20 минут от петербургского.

Но как ни странно, больше всего потерь и подлости Россия видела не в этих случаях, не тогда, когда она из врага делала брата, а когда присоединяла к себе народ, который сам хотел к ней присоединиться. Так с Россией воссоединились Левобережная Украина, Грузия, Казахстан.

Дадим еще раз слово Ф.Ф.Нестерову.

«...История воссоединения Украины с Россией служит нагляднейшим тому примером. Богдан Хмельницкий, как и казачьи вожди до него, не раз обращался к России с просьбой о присоединении. Московское правительство долго колебалось и, каким бы самодержавным оно ни было, не решалось самостоятельно, без совета «со всей землей», начинать войну против сильнейшей Речи Посполитой. Созываются два Земских собора в 1651 и 1653 годах. Колебания и нерешительность Москвы более чем понятны: отношения между Польшей и Швецией, блокировавшей выход России к Балтике, накалились до предела. Разрыв между ними стал неизбежен, что давало царю возможность в союзе с Речью Посполитой разрешить наконец ливонский вопрос. После тяжких поражений Московия копила свои боевые силы именно для борьбы в Прибалтике, а тут мольба о помощи терзаемой Украины!

Все же Земский собор 1653 года высказывается за принятие Малой Руси «под высокую руку государя всея Руси», и едва окрепшая Россия вновь вступает в четырнадцатилетнюю войну. Удар царских войск в белорусском направлении приковывает туда основные польские силы, что

позволяет казакам очистить от панов всю Украину. Вторая фаза завершена. Начинается третья.

Преемник Богдана Хмельницкого гетман Выговский поднимает призывом против «москалей» малороссийские города, которые изгоняют иногда подобру-поздорову, а иногда и вооруженной рукой царские гарнизоны. Сам он вместе с крымским ханом громит под Конотопом дворянскую московскую конницу. После такой победы «самостийность» по отношению к Москве немедленно оборачивается зависимостью от Польши, которая спешит признать привилегии казачьей старшины, чтобы вернуть под панский гнет рядовых казаков и украинское крестьянство. Все возвращается на круги своя.

Начинается новый цикл. «Черная рада», то есть такая, на которой присутствует «черный люд», сбрасывает Выговского, избирает гетманом Юрия Хмельницкого, бьет челом перед царем о возобновлении статей Переяславской рады и о помощи против Польши. Московское войско вновь вступает в Украину, но и оно, преданное казацкой верхушкой, вынуждено капитулировать перед поляками под Чудновом (1660 г.).

Потом были новые рады, новые гетманы (иногда по два, по три враз), новые челобитья и новые измены. Дело дошло до того, что крымские татары, эти верные союзники в борьбе за самостийность, не стеснялись уже обменивать украинских девушек и женщин прямо под окнами гетманского дома. Растерзанная междоусобицами Украина являла собой одну сплошную руину... Позднее украинские историки так и назовут этот смутный период – «руиной».

А вот выход из смуты и конец последнего цикла. Украинские города просят московское правительство ввести в них войска. Москва, ссылаясь на прошлые «воровство и измены», отказывается. Тогда малороссийские мещане просят царя править ими по всей его государевой воле, так же как и всеми прочими городами царства. Иными словами, «статьи» Переяславской рады, гарантирующие самоуправление в границах Магдебургского права для украинских городов, перечеркиваются самими украинцами. На этих условиях, то есть на условиях безусловного подчинения, царская Россия возвращается на Украину».

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

Рассматривать национальные проблемы России и СССР без рассмотрения еврейского вопроса нельзя, хотя и принято. Эта нация в России, как и во всем мире, стоит особняком и вызывает к себе у всех остальных народов специфические чувства, которые (в среднем) симпатией не назовешь.

Конечно, очень интересно ответить на вопрос: «Почему так?» – хотя ответ на этот вопрос хорошо известен всем, включая евреев. Тем не менее, не лишне ответить на него еще раз.

Как мы видели, совершенно безразличным было отношение в России ко всем национальностям: немец ты или негр – не имеет значения. Служишь ей и этим уже хорош. Кроме евреев. Историк Соловьев пишет, что Петр I любил все нации, кроме жидов. И мы можем прочесть в его труде такие строчки: «Относительно жидов Меншиков остался верен взгляну Петра Великого, и на доклад о жидах приказал: «Чтоб жидов в Россию ни с чем не впускать».

Значит ли это, что гены еврейской крови, форма носа, ушей вызывали у Петра такое страшное отвращение? Отнюдь! Любимый сподвижник Петра I Шафиров был крещеный еврей, и, как мы понимаем, его вид не вызывал у Петра каких-либо неприятных эмоций.

Тогда, может, дело в иудейской вере? Вопрос есть, и ставился он порой жестоко и, как увидим, далеко выходил за рамки просто борьбы с иноверчеством. С другими верами боролись, но нельзя сказать, что с большим азартом. В Россию в то время вливалось много протестантов, и порой сама православная церковь принимала меры, чтобы новые граждане не чувствовали себя слишком неуютно. Тех, кто пытался уйти из православия, наказывали, но, как правило, деньгами. Раскольник-крестьянин платил податей, скажем, на 70 копеек больше истинно православного.

Но прочтите, например, такое сообщение, относящееся к восемнадцатому веку! «Флота капитан-лейтенант Возницын был превращен в жидовство и обрезан жидом Борохом Лейбовым; обрезание было совершено в Польше, в Дубровне. И обольститель и обольщенный были сожжены в 1738 году».

По таким примерам можно было бы решить, что иудейство чем-то сильно пугало христианскую Россию. Нет, сама вера здесь ни при чем. Да если вдуматься, то и разница между иудей-

ством и христианством подобна разнице между первым томом сказок и двухтомником. Мусульмане вообще этих сказок не признавали ни в одном томе, ни в двух – у них были свои сказки. Тем не менее, как граждане мусульмане пользовались на Руси полнейшим доверием. Иван III уходит на войну с Новгородом, а вместо себя оставляет татарского царевича Муртазу. Святая Русь под пятой у мусульманина! И ничего, русскими это переносится нормально.

В своих мемуарах женщина-кавалерист Дурова, героиня войны 1812 года, описывает случай. В ее эскадроне был гусар, доброволец из евреев, в бою он отличился – убил двух французских драгун и заслужил Георгиевский крест. Но он не мог этот крест принять – иудейская вера не позволяла. Царское правительство быстро отреагировало на подобное безобразие и ввело награды без символов креста.

Надо напомнить, что вообще-то Россия такого понятия, как национальность, не знала, это понятие и ни в каких анкетах не фиксировалось. Знали одно – вероисповедание. Если еврей принимал православие, он как бы переставал быть евреем для русских. Но со временем мирились и с верой. Например, на государственную гражданскую службу принимали лиц любого вероисповедания, кроме, разумеется, иудейского, за исключением случаев, когда еврей переходил на гражданскую службу с военной.

Как видим, и вера иудейская сама по себе мало что значила. Тем более, что 70 лет Советский Союз вообще обходился без такого понятия, как вера. Тем не менее, неприязненное отношение к евреям сохранилось.

А может, неприязнь вызвана какими-либо чертами характера, которые есть только у евреев? Может, они лукавы, хитры, способны на обман? Иными словами – люди, с которыми невозможно жить и иметь дело.

Во-первых, каждый из нас знает из личного опыта, что это не так, а во-вторых, исследователи, специально изучавшие идею о том, что евреи в сути своей мошенники и нечестные торговцы, пришли к интересному выводу. Оказывается, по мнению русских и украинцев, по части жульничества евреям не удалось занять первого места. Его занимают греки. На серебряные медали евреи тоже не потянули – здесь их опередили армяне. В наше время мы греков видим не очень много. (В Москве был один, и того мэром избрали.) Что касается армян, действительно иногда говорят: «Там, где прошел армянин, еврею больше делать нечего».

Но на греков и армян в России никогда гонений не было, никто в правах их не ограничивал. Следовательно, и эта версия не та.

Возможно, дело в другом. Ведь все остальные нации входили в Россию, образно говоря, вертикально. Они входили сразу во все слои общества. Наиболее характерны в этом отношении немцы. В Россию въехали немцы-крестьяне, немцы-ремесленники, немцы-купцы, немцы-чиновники (ученые, врачи), немцы-офицеры и немцы-князья, высшая аристократия. Вертикали могли быть и неполными. Греки – рыбаки, крестьяне, купцы. Сербы – крестьяне и солдаты.

А евреи, практически не распадаясь по классам и сословиям, входили в Россию горизонтально – в узкую прослойку купцов и оттуда в прослойку людей, так или иначе кормящихся из бюджета, – врачей, ученых, журналистов, чиновников. В другие слои общества – в крестьян, в рабочих или армейскую среду они распространялись очень мало, и до сего времени это те сферы человеческой деятельности, где евреев нечасто встретишь даже в тех местах, где их очень много.

Так, может, Петру нужны были не те, кто торгует, а те, кто работает и служит, и поэтому он настроен был против евреев? Ну мы же знаем, что это не так. Петру нужны были все, и тем не менее евреев он в Россию пускать не хотел.

Получается какой-то бред: люди как люди, всем хороши; если есть недостатки, то не хуже, чем у других; религия терпима; бытовые обычаи не вызывают ни у кого раздражения, и вдруг неприязнь к ним всех остальных народов. Тут нечего скрывать – может быть, в первую очередь неприязнь русских. Которые без труда терпят всех.

Автору сложно сказать, были ли официальные ограничения для евреев Советском Союзе до пятидесятых годов, похоже, что нет. Но в 70-80-х годах ограничения были, и автор знает об этом достоверно.

Дело в том, что автор родился, вырос и закончил институт в Днепропетровске, городе, где до войны числилось 36 процентов евреев. Естественно, он имел друзей и приятелей – евреев, судьба которых ему была небезразлична.

Автор окончил институт довольно успешно, три человека из потока в сто студентов-

металлургов имели красные дипломы. Автор был вторым. Первым оказался его друг – еврей, он вообще за пять курсов не имел ни одной четверки. Третьим, кстати, тоже был еврей, звали его Цезарь Кацман.

Автора всегда удивляла статистика СССР, которая точно знала, сколько в стране евреев. Когда Цезарь перевелся в группу автора из Минска, он в анкетах написал: «белорус». Это позволило автору подначить другого своего знакомого, тоже Кацмана. «Слушай, Владик, к нам поступил студент, твой однофамилец, но белорус». – «Что делать, – по философски вздохнул Владик, – среди нас, евреев, это часто случается». Правда, на следующем курсе Цезарь уже везде писал, что он еврей.

С круглым отличником автор был достаточно дружен, был период, когда они делились многими интимными вещами, и автор запомнил, как в один из таких разговоров его друга неожиданно прорвало: «Ты знаешь, Юра, я убежденный коммунист и уверен: все, что делается в СССР, – правильно, но я бы уехал в Израиль только из-за одного – чтобы моих детей никто не называл жидами».

К моменту распределения выпускников обоих евреев должны были забрать в армию, и автор в отсутствие первого на курсе распределялся первым сам. Полагалось так. Комиссия по распределению обязана объявить, на какие заводы и в какие институты требуются молодые специалисты. Далее, по мере убывания среднего балла оценок, полученных за годы учебы, выпускники должны были выбрать себе место будущей работы. Автора место будущей работы не волновало. Кафедра решила оставить его у себя, и научный руководитель посоветовал взять любое, самое плохое место – после защиты диплома кафедра бралась открепить автора и устроить у себя.

К удивлению автора да и всех выпускников, никто не объявлял, какие есть места для работы. Их по одному приглашали на комиссию, и там декан называл то место, которое считал нужным. Автор шел на комиссию первым и, в общем, не очень удивился, когда ему предложили одно место в Грузии, а другое – в Сибири. Грузия славилась тем, что в ней без взяток шагу нельзя ступить, поэтому автор выбрал Сибирь. Но как комсорг курса, он был еще и членом комиссии, поэтому присутствовал на распределении всех выпускников. Престижными или выгодными считались места в Днепропетровске или в пределах Украины. И автор был свидетелем, как декан спокойно отклонял просьбу оставить в Днепропетровске студента с лучшим баллом, а потом так же спокойно предлагал место в Днепропетровске студенту с гораздо худшим баллом. Так или иначе, но автора подобное распределение сильно возмутило. Когда студенты поняли, что случилось, среди них также нашлось много возмущенных. (Часть, по понятным причинам, не возмущалась.)

Автор написал о случившемся заявление в партком института, подписал его и предложил подписать всем возмущавшимся. Это был хороший урок! Никто не подписал! Когда автор зарегистрировал заявление в секретариате парткома, на бумаге по-прежнему была только его подпись.

Но злость проходила, да и получалось, что не за кого бороться – ведь автор хлопотал в пользу тех, кто даже в самом правом деле боялся открыто выступить. Партком тоже не знал, что с бумагой делать. Разобрать по существу нельзя – надо наказывать начальство и менять распределение, а тут уж очень многие влиятельные лица города заинтересованы. Обвинить в чем-то автора нельзя, просто не в чем. Партком намекнул – нужно бумажку-то забрать обратно. Но, видимо, автор действительно украинец, а хохлам, как известно, свойственно упрямство. Поэтому он заявление не забрал, что позволило, в свою очередь, Владику Кацману подначить автора: «Э, да ты, мой друг, или Юро Бруно, или Джордано Мухин». Эта кличка автора -Джордано Мухин – некоторое время была популярна.

Научный руководитель автора был крайне недоволен его безрассудством. Но придумал следующий план. Дело в том, что направление на работу, которое получал молодой специалист, не имело обязательной силы, нельзя было молодого специалиста с милицией привезти к месту назначения. Направление на то место работы, куда специалист распределен, давало ряд оговоренных законом льгот, и только. Но молодого специалиста по закону без направления никто другой не имел права принимать на работу, и если его где-либо принимали, то прокурор мог потребовать увольнения, хотя автору никогда не приходилось слышать о подобном. И научный руководитель предложил ему устроиться в Днепропетровске в очень большой проектный институт «Гипромез», который днепропетровчане называли иногда «Синагога».

Отдел кадров принял документы без вопросов, предложил написать заявление и завизировать у начальника отдела, где автору предстояло работать. Начальник отдела подписал заявление с удовольствием. Как-никак, автор был потенциально ценный работник, даже невзирая на красный диплом, одно то, что он не женщина, значило много. (Правда, это может понять только тот, у кого было в подчинении много женщин.) Кроме того – у автора было жилье в Днепропетровске.

Но когда на следующий день он зашел в отдел кадров, чтобы получить обходной лист, ему вернули документы. Автор поднялся в отдел и сообщил о случившемся будущему начальнику. Тот вывел автора в коридор и прямо спросил: «Ты случайно не еврей?» – «Случайно нет», – ответил автор. «Тогда я ничего не понял», – сказал начальник и пошел к директору института. Вернулся, не глядя, сунул в руки автора его диплом и сказал: «В твоем институте тебе дали крайне хреновую характеристику. Я не смог уговорить директора». Так автор понял, что быть евреем – это равнозначно крайне хреновой характеристике.

Автор уехал в Сибирь и никогда за прошедшие 20 лет не пожалел об этом. Но с друзьями переписывался и еще долгие годы встречался. Цезарь вернулся из армии и не смог найти в Днепропетровске работу по специальности, хотя он имел квартиру, жену (украинку) и маленькую черноглазую курчавую дочку. Взял жену, ребенка, поехал в Москву, получил как демобилизованный офицер направление в Челябинск, там трудился рабочим, потом перешел в исследовательский институт, получил квартиру, защитил кандидатскую и... все-таки уехал в Израиль.

Друг-отличник точно так же не нашел работы в Днепропетровске, но приткнулся на машиностроительном заводе на маленькой инженерной должностишке, на оклад, который был столь мал, что его родители-пенсионеры доплачивали ему из пенсии 50 рублей, чтобы его доход сравнялся с доходом жены и ему было не так обидно. Автору тоже было за него обидно, все-таки лучший из ста человек выпуска. И он попытался кое-что сделать, но об этом несколько позже.

А пока данные примеры должны подтвердить, что ни революция, ни интернационализм коммунистов не сняли ограничений для евреев полностью. Они были. Была и остается неприязнь к ним русских.

Естествен вопрос: «А как сами евреи объясняют причины негативного отношения к себе остальных народов?»

Умные и порядочные объясняют правильно, остальные примерно так. Евреи – это если и не Богом избранная нация, то, безусловно, очень умный народ с очень высоким уровнем интеллекта. Потому они материально живут лучше, чем народы, среди которых расселились, а это вызывает у хозяев приступы зависти, которые, в свою очередь, ведут к еврейским погромам и гонениям, что само собой еще более мобилизует нацию, и она еще более умнеет.

Если суммировать – это выдающийся ум евреев и зависть к нему. В качестве обоснования идеи особого ума евреев приведут в пример Маркса, Эйнштейна, Чаплина или же то, что среди советских ученых, профессоров, академиков, среди кинематографистов, артистов, музыкантов, врачей и т.д. евреев очень много – на порядок или два больше, чем их в среднем по стране.

Но здесь надо различать следующее. Да, действительно, если сто раз сказать «халва», то во рту от этого слаще не станет. Но это не значит, что если со страниц газет и с экранов телевизоров сто раз повторить « Рабинович – гений», то в это никто не поверит. Поверят, и еще как! Ведь люди теряются, они думают: «Если все так считают, а я нет, то не дурак ли я?»

Органы формирования общественного мнения – это самая сильная власть в любом государстве, и если евреи имеют влияние на них, то идею об особенном уме евреев нетрудно внедрить в обществе и поддерживать.

Все же давайте посмотрим на еврейский интеллект без рекламной шумихи, по участию этого интеллекта (суммы еврейских мозгов) в выдающихся достижениях нашей страны.

Ни в одной стране мира нет столько ученых, сколько их было в СССР, причем только в СССР и Испании они сидят на шее народа, финансируются не от конечного результата работы своих мозгов, а только за то, что они имеют официальное звание ученых. Считается даже: каждый четвертый ученый мира – советский. Очень много среди них евреев. Но ведь результат нашей науки, результат работы суммы мозгов наших ученых очень скромный. Очень. Где же здесь доказательства какого-то особого ума евреев?

Такое же положение и в медицине. И здесь каждый четвертый врач мира работает в СССР. И здесь много евреев. И здесь результатов нет.

Меня могут упрекнуть в противоречии, ведь несколькими абзацами выше я показал, что евреям в СССР не давали ходу, не принимали на работу, а значит, и мешали работать. Что же спрашивать с них за результат, если они работали, образно говоря, со связанными руками? Вот в США – там есть где развернуться!

Может быть. Но до начала 50-х годов, до начала борьбы с космополитизмом, гонения на евреев не было, более того, они находились даже под некоторой опекой государства, были особо доверенной нацией. Тогда проявлять свои умственные способности им никто не мешал. Давайте рассмотрим участие еврейского интеллекта в делах того времени, жизненно важных для судьбы страны.

Главным и очень важным событием была война с фашизмом. Причем для славян эта война была войной в целом за свободу. Все-таки Гитлер не собирался их всех уничтожить. До линии Урал – Волга предполагалось оставить около 40 миллиона русских, украинцев, белорусов, остальных выселить за эту линию или уничтожить. Далее Волги и Урала немцы не предполагали продвигаться.

Но для евреев это была война за выживание. Уж они-то подлежали полному уничтожению. И было бы естественно, если бы в этот страшный момент еврейский интеллект блеснул своей мощью. Но он почему-то не блеснул.

Если мы посмотрим список командующих фронтами и армиями, людей, чьим умом была уничтожена армия фашистов, то почему-то не увидим в этом списке еврейских фамилий. В основном это славяне: Жуков, Василевский, Рокоссовский, Черняховский, Конев, Малиновский, Штеменко и т.д. Грузинский интеллект блеснул. Блеснул и армянский – в лице маршала Баграмяна. А интеллект еврея Мехлиса – начальника ГлавПУРа – блеснул один раз в Крыму и с таким результатом, что Сталин блистать ем, больше не дал. Отсутствие среди генералов, выигравших войну, евреев поражает. Наверное, автор не прав, но он не может вспомнить ни одной фамилии, кроме бесстрашного комбрига Драгунского. Напоминаю, речь идет не об участии или неучастии евреев в войне, так вопрос даже ставить нельзя, а речь идет именно об участии еврейского интеллекта в ней.

Мне могут сказать, что у каждой нации есть особенности, и пацифизм – это особенность евреев. Нет, не в этом дело. Даже не вспоминая арабо-израильские войны, вспомним, сколько евреев было на генеральских должностях в гражданскую войну.

Израильский писатель Аарон Абрамович написал книгу «В решающей войне», дав в ней список должностей в Красной Армии во время гражданской войны, которые в те или иные периоды занимали евреи. Строго говоря, евреев на генеральских должностях было меньше, чем количества, которые будут указаны ниже, так как они перемещались с должности на должность, но А.Абрамович их так зафиксировал в своей книге.

Реввоенсовет республики состоял из 11 человек, в нем было три еврея: Л.Троцкий – председатель, Э.Склянский – его зам, Розенгольц – член совета. Полгода членом совета был и Я.Драбкин.

Членами реввоенсоветов фронтов (на должности, которую обычно занимал Сталин) евреи были 23 раза на 9 фронтах. Армиями командовало пятеро евреев, причем не только такие известные, как, например, Э.Якир, но и такие, как Наум Семенович Соркин – командующий 9-й армией, данных о котором нет и в энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР».

Что еще более интересно. Ведь евреев в царской армии было не очень много, хотя и были. То есть, казалось бы, среди евреев не должно было оказаться много людей, подготовленных к генеральской работе. То, что они без военного образования были командующими – это как-то можно объяснить: а какое такое особое образование было у юноши Александра Македонского?

Но начальниками штабов должны быть люди не только с военным, не только с академическим образованием, но и с огромным опытом и знаниями обо всех родах войск: артиллерии, связи, снабжении, санитарном деле, инженерном и т.д.

Поясним эту мысль таким анекдотическим случаем. Двоюродный дед автора, офицер с довоенным стажем. В 1937 году вместе с ним в полку связи служил старшина, командир взвода конной разведки. Рубака, знаток лошадей, но абсолютно неграмотный. К 20-летию революции были просмотрены списки участников гражданской войны. Оказалось, что этот старшина прошел ее всю и не раз отличался. Его наградили орденом Красного Знамени и присвоили звание

капитана. Но в полку не было должности для капитана-кавалериста, и он уехал в Харьков, в штаб округа, за новым назначением. Ему предложили должность командира кавалерийского дивизиона. Он наотрез отказался и заявил, что меньше кавалерийского корпуса под команду не примет. Время было суровое, капитан был с орденом на груди. Его деликатно спросили, чем вызваны такие претензии. Он ответил просто: «В корпусе есть штаб, начальник штаба приказ напишет, а я подпишу. А в дивизионе мне придется самому приказы писать». Дед встретил его после войны уже майором. Оказывается, он всю войну провел в Монголии, принимая у монголов лошадей.

В том, что евреи командовали армиями и дивизиями, нет ничего удивительного, не они одни это делали без военного образования. Удивительно, что в 21 общевойсковой армии должность начальника штаба (звание генерал-лейтенанта) евреи занимали 69 раз! Командирами дивизий были 27 евреев, начальниками штабов дивизий – 39. Это при том, что в Красной Армии только царских генералов служило более 200.

То есть в гражданскую войну, когда еврей был главнокомандующим, генеральские должности уровня генерал-армии – генерал-майор занимало довольно много евреев и, следовательно, военная область знаний не была абсолютно чужда для этой нации. Пацифизм пацифизмом, но то, что евреев в Отечественную войну не было у руля советской военной машины, говорит не в пользу еврейского интеллекта. То есть в этой области у русских, нет оснований завидовать уму евреев.

Однако, может быть, на чисто государственном поприще, у руля государства, евреи проявили себя в этот тяжкий час? Да, тяжелейшей отраслью народного хозяйства командовал Каганович. И командовал успешно. Но не менее успешно внешней торговлей командовал армянин Микоян. То, что к началу пятидесятых годов золотой и платиновый запас СССР достиг невиданного за всю историю размера – это ведь и его заслуга. Тоннаж был таков, что являлся страшнейшей государственной тайной, даже слухи о количестве золота и платины в СССР могли бы вызвать катастрофическое падение цен на них на мировом рынке.

Мы невольно начали сравнивать евреев и армян в истории СССР. Как видим, молва тоже сравнивает их и даже отдает преимущество армянам. Причем численность их в смешанном населении СССР можно считать почти вдвое меньшей, чем евреев. Энциклопедия оценивает общую численность армян в СССР на 70-е годы примерно 3,6 миллиона, но 2,2 миллиона из них живет в Армении и составляет там полный состав населения – от колхозника до премьера. Следовательно, в остальных республиках их около 1,4 миллиона, что меньше общей численности евреев – 2,1 миллиона человек. (Да и можно ли эту численность посчитать точно, вычислить всех юмористов Хазановых, числящихся, например, осетинами?) В Еврейской автономной области общее население (вместе с русскими, украинцами и т.д.) всего 195 тысяч, этим количеством евреев в подсчетах можно пренебречь.

Учитывая, что в остальных республиках СССР довольно в большом количестве работали строительные бригады армян, можно считать, что в среднем в СССР на тех работах, где требуются только мозги, армянские мозги по численности примерно вдвое уступали еврейским.

Но по качеству, как видим, не уступали. В том интеллекте, что управлял СССР в эти тяжелые годы, видное место занимал, например, грузинский интеллект – Сталин и Берия. О Берии можно говорить что угодно, он многого заслужил, но если Курчатов и Сахаров – отцы атомной и водородной бомб, то Берия этим бомбам мать. И для этого требовались мозги.

Но в основном государственный интеллект СССР был представлен славянскими мозгами Молотова, Ворошилова, Маленкова, Вознесенского и особенно в части рабочих лошадок государства – Вахрушева, Ефремова, Ломако, Малышева, Паршина и снова мозгами армянина – Тевосяна.

Могут сказать, что евреи в общем нечестолюбивы, органически не могут занимать руководящие должности, тем более в тоталитарном государстве, а больше они проявляют свой интеллект в науке, в инженерном деле. Могут сказать, что на них держалась оборонная промышленность, что фашизм был уничтожен оружием, появившимся на свет усилиями еврейского ума.

Давайте рассмотрим оружие. Начнем со стрелкового. Энциклопедия «Великая Отечественная война» дает такой список конструкторов и ученых, усилиями которых было создано стрелковое оружие Победы: «М.Е.Березин, С.В.Владимиров, П.М.Горюнов, В.А.Дегтярев, С.Г.Симонов, А.И.Судаев, Ф.В.Токарев, Г.С.Шпагин, А.Э.Нудельман и др.» Список не полный, в

нем, например, почему-то нет Б.Г.Шпитального, о котором есть статья в этой энциклопедии, который создал ряд образцов авиационного пулеметно-пушечного оружия и стал Героем Социалистического Труда еще в 1940 году, нет Стечкина.

В этом списке конструктор с еврейской фамилией А.Э.Нудельман один, стоит он последним после алфавитного списка, как бы из вежливости, перед «и др.», статьи о нем в энциклопедии нет, поэтому нельзя и сказать, в конструировании какого оружия он участвовал. Об этом, видимо, знают только узкие специалисты. Скажем прямо – не густо!

Артиллерия. Энциклопедия дает отдельно три имени: Василий Гаврилович Грабин, Федор Федорович Петров, Иван Ильич Иванов. О роли этих конструкторов говорит, например, тот факт, что из 140 тысяч артиллерийских стволов полевой артиллерии, использованных против фашистов, 90 тысяч орудий изготовлено на заводе, где В.Г.Грабин был Главным конструктором, и еще 30 тысяч были изготовлены по его чертежам.

Энциклопедия дает (без опубликования статей) еще 33 фамилии, из которых лишь несколько «подозрительных», скажем, Ренне или Вылкост, но сказать, что эти конструкторы евреи, автор не берется. Остальные чисто славянские. Для демонстрации еврейского интеллекта тоже не густо.

Боеприпасы. До слов «и др.» в списке конструкторов тоже 33 фамилии. Среди них только одна – А.Е.Гринберг – такая, что у ее владельца уместно спросить, а не еврей ли он. Не известно отношение к евреям А.Г.Каллистова, И.Г.Лапука и Н.А.Холево. Может быть, им такой вопрос покажется обидным. Остальные – это русские, украинские, возможно, татарские или кавказские (В.В.Хожев) фамилии. И тут не густо.

Патроны. Здесь отмечается конструктор роторных автоматов для их производства – Л.Н.Кошкин.

Танки. Лучший танк войны Т-34. Конструкторы – Василий Иванович Морозов, Михаил Ильич Кошкин, Николай Алексеевич Кучеренко. Танк КВ – Николай Леонидович Духов, Жозеф Яковлевич Котин. Легкий танк Т-40 – Астров Николай Александрович.

Самолеты. Яковлев Александр Сергеевич, Лавочкин Семен Алексеевич, Микоян Артем Иванович, Гуревич Михаил Иосифович, Ильюшин Сергей Владимирович, Петляков Владимир Михайлович, Туполев Андрей Николаевич, Поликарпов Николай Николаевич, Мясищев Владимир Михайлович, Гудков М.И., Горбунов В.П. И в авиации еврейского интеллекта не густо. Здесь же можно упомянуть Сергея Павловича Королева, Владимира Николаевича Челомея и Михаила Кузьмича Янгеля – глав КБ, конструирующих ракетную и космическую технику. Все трое, таксказать, православные.

И, наконец, медицина. Та же энциклопедия в разделе «Медицина военная» дает до обычного «и др.» шесть фамилий. Ефим Иванович Смирнов, Николай Николаевич Бурденко, Меер Семенович Вовси, Тихон Ефимович Болдырев, Николай Иванович Завалишин, Федор Григорьевич Кроткое.

Примеров, по-видимому, хватит, и надо, наверное, остановиться и спросить себя: «Где основания представителю другой нации завидовать уму евреев?» Особенно русскому. Да, интеллект евреев присутствовал в общем интеллекте, обеспечившем победу СССР над фашистской Германией, но не более того. Нет причин считать, что, когда Господь Бог запускал в серию евреев, он применил какое-то необычное ноу-хау или ужесточил госприемку. Люди как люди.

Так что и это не объяснение тому, почему у остальных народов существует к евреям неприязнь.

Надо приступать к истинной причине. А она в том, что евреи – это всегда организация евреев.

Автор не имеет в виду какие-то масонские ложи или сообщества. Возможно, и даже наверное, они есть. Не исключено, что они составлены еврейскими магнатами либо эти магнаты имеют в них преимущественный вес. Не исключено, что вес у масонов имеют и какие-либо сионистские политические организации. Но какое это имеет отношение к евреям Советского Союза? Что, наши евреи исполняют какие-либо команды этих масонов? Да если бы хотя бы одна, пусть даже маленькая, команда масонов поступила в нашу страну, через час о ней бы уже говорила вся Одесса. А через сутки весь Союз, а не только КГБ. Обвинять в масонстве евреев СССР – это искать врага там, где его нет, и начинать борьбу не за СССР, а против евреев как таковых. И только.

Речь идет о другой организации, об организации по оказанию евреями друг другу взаимопомощи. Предлог как будто крайне обычный и благовидный. Казалось бы – ну почему нет? Оказывают ведь помощь друг другу родственники, оказывают друзья. Почему евреям нельзя?

Дело в том, что любое государство в своей изначальной цели – это организация какого-либо народа или народов по оказанию взаимопомощи себе. Что значит ситуация, когда гражданин служит государству? Он оказывает помощь своему народу. Что значит – он погиб на службе государства? Это значит – он оказал своим согражданам помощь за пределами возможного. Что означит – он платит налоги? Его деньги пойдут на помощь больным, старикам, обеспечение будущего его народа.

Но в государстве должно быть равенство всех (помните: «Свобода, равенство и братство»). Равенство в службе государству (обязанности) и равенство в получении помощи от него (правах). Обязанности могут быть очень большие, а права очень маленькие. Может сложиться в государстве такая ситуация. Это не главное, главное для равенства в другом – чтобы каждый человек имел равные с другими людьми обязанности и равные с другими людьми права.

Если такого равенства нет, то нарушится гражданское равновесие, и это будет вести к расколу государства, к его ослаблению, к вражде граждан друг к другу. Те, кто имеет большие обязанности и меньшие права, будут постоянно бунтовать против тех, у кого большие права, и либо выпихнут их из государства, либо сами из него уйдут. Вспомним, русские – это народ, очень мало эмигрировавший по своей воле. Но тем не менее есть поселения русских и в Канаде, и в США, и в Бразилии. Кто эти русские? Это раскольники, люди, которые не признавали догмы официальной церкви, в связи с чем государство наложило на них большие обязанности и ограничило их права. Они не в силах были бороться с государством и ушли.

Положение с евреями можно смоделировать следующим образом Представим семью, где два брата русских, два татарина и два еврея. Один русский приносит полученный на земле семьи каравай, и как ему ни хочется его съесть, он делит его на шесть равных частей. Другой приносит оттуда же молоко и тоже делит его поровну между всеми. Татарин приносит выкормленного на земле семьи барана, и как он ни любит баранину, но делит ее поровну между всеми шестерыми. Другой татарин приносит мед и делит его таким же образом.

А братья-евреи на основании того, что они обязаны в первую очередь помогать друг другу, – поступают таким образом. Один приносит выращенный на землях семьи арбуз, наедается сам и дает насытиться своему брату. Остатки арбуза отдает русским и татарам. Второй приносит дыню и поступает с нею точно так же.

Как будут смотреть на это другие братья? Как любил говорить мудрак Горбачев – неадекватно.

Совершенно понятно, что чем больше государство похоже на семью, тем острее это будет чувствоваться. Предположим, что у нас не семья, а гостиница, где каждый отдает остальным половину (налог) того, что принес, а остальное продает по рыночной цене. Но и тут братья-евреи имеют выгоду от взаимной помощи. Если остальные жители гостиницы не будут сговариваться, не будут оказывать друг другу «помощь», то их товары будут конкурировать друг с другом и продаваться по минимальным ценам. А братья-евреи, помогая друг другу, и купят дешевле, и продадут дороже. Но в гостинице, повторяю, это не так видно.

Например. В США продолжается эмиграция со всего мира. Лет десять назад сообщалось о таком случае. Мексиканцы, пытаясь эмигрировать в США, закрылись в пустой железнодорожной цистерне и по дороге испеклись в ней. А евреи едут в США со всем комфортом, их учитывают, им покупают авиабилеты, платят пособие, устраивают на работу. Права по Конституции у евреев и мексиканцев вроде одинаковы, а как по-разному на них тратятся деньги американцев! Еврейское лобби в конгрессе США есть, а о мексиканском не слышно. А спрашивается, как можно иметь чье-либо лобби в законодательном органе страны, которая уверяет, что защищает интересы всех граждан одинаково? США придурковатым правителям России пообещали 24 миллиарда долларов – менее, чем 150 долларов на жителя России, но взамен показали большой кукиш. А Израилю вроде ничего и не обещали, но взяли и тут же дали 10 миллиардов – по 3000 долларов на душу. Лобби есть лобби!

А представим себе, что в семье есть общественные деньги и блага, которые должны быть распределены каждому поровну или по заслугам. И их сел распределять брат-еврей с идеей, что он в первую очередь должен помогать своим братьям. Что будет в семье? Будут ли братья-евреи

в этой семье материально жить лучше или хуже остальных? Вне зависимости от их ума? Будут ли при этом они вызывать у других зависть, или это чувство надо все-таки называть по-другому?

А ведь для того, чтобы распределять материальные блага, необязательно быть только заведующим товарной базой. Это и директор научно-исследовательского института, распределяющий выделенные ему государством деньги, а деньги эти взяты у всего народа. В его правах принять на работу того или иного, и по логике он должен принимать самых способных. Он может дать деньги на исследования тому или иному ученому и по идее должен дать их на самые важные исследования. Но если он руководствуется принципом помощи братьям-евреям, то в институте будут работать евреи, а не самые способные, деньги будут даваться евреям, а не там, где они нужнее, кандидатами и докторами наук будут евреи. А те, кто действительно мог бы ими быть и кого обществу было бы предпочтительнее видеть на должностях докторов и академиков, – тех можно просто не принять в институт. Соответственно успехи института будут так себе, но слава у него может быть отменная, так как органы формирования общественного мнения в помощь братьям-евреям могут организовать хорошую рекламу.

И вовсе необязательно быть евреем директору института. О приеме еврея на работу может попросить академик, помогающий директору защитить докторскую. Необязательно еврею быть редактором газеты или телепрограммы. Просто этому редактору может потребоваться автомобиль, и ему за помощь братьям-евреям помогут его купить.

И тут создается такой узел, который невозможно распутать. Если уж какой-то народ решил себе помочь, то вычислить эту помощь невозможно. Она всем видна, а не высчитывается, начни кто-нибудь разбираться – как дважды два докажут, что именно этот человек на своем месте, именно этот сценарий достоин постановки, именно этому режиссеру надо было дать снять фильм и т.д.

Петр I был более последовательным, когда запретил евреев вообще пускать в Россию. Советское правительство, когда спохватилось и поняло, что произошло, в ответных действиях только усугубило положение запретом на работу евреям в учреждениях, где их было и без того много. Во-первых, от этого запрета толку все равно мало, а оскорбления евреям много. Этот шаг правительства лишь добавил им уверенности в том, что они должны помогать друг другу.

Уезжать в Израиль стали не только любители длинного доллара, но и патриотически настроенные евреи, которые от обиды сменили себе родину. А патриот – это такой человек, что и Советскому Союзу всегда нужен. И было от чего обидеться. К примеру, друзья автора, фигурировавшие выше, действительно были очень способными парнями, лучшими из ста таких же парней. Забудем, что они евреи, разве с государственной точки зрения разумно было не дать им работу по способностям? Разве они лично виновны в том, что до них эти институты уже обсели евреи с разными способностями, в том числе и с «так себе»?

Следует оговорить еще один нюанс. Возвращаясь к модели с семьей, зададим себе вопрос: «А как могут евреи на глазах других членов семьи так нахально устраивать свои дела? Ведь не моральные они уроды, понимают, что делают. Ни в какой семье братья так поступить не смогут, потому что не найдут этому морального оправдания для себя».

Братья, может, и не найдут, а евреи нашли. Автору трудно объяснить, в чем здесь дело, возможно, действительно в их религии. Представим, что в этой модели оба брата-еврея больны и на этом основании требуют себе повышенного внимания. Ведь знаете, в обычной семье, когда кто-либо заболевает, остальные чувствуют себя как бы виноватыми, больному оказывается больше внимания, его освобождают от обязанностей, ему дают самое лучшее.

И евреи усиленно убеждают себя, что они гонимая нация, вот их никто не любит, все их хотят уничтожить, все их от себя гонят и т.д. Вот такая у евреев болезнь. И для лечения этой болезни они видят только один путь -всячески поддерживать самих себя, где бы они ни жили.

Есть такой, бывший советский, ныне американский еврей Эфраим Савела. Написал несколько интересных произведений о жизни советских евреев за рубежом, кстати, с большим юмором и сарказмом по отношению к самим евреям. Но тоже больной. Дает интервью газете и ликует, дескать, русские в суверенных наших государствах теперь узнают, что значит быть гонимым народом, он рад, что увидел в глазах у русских многовековую еврейскую тоску.

А спросил бы себя Савела – с чего это взяться в еврейских глазах многовековой тоске? Неужели кого-то в мире еще не успели облапошить? О каком гонении речь идет? Египетский фараон их гонял? Так, а мы здесь при чем? Вот рядом с евреями в древние времена жили асси-

рийцы и численностью были куда поболее евреев. Так их действительно гоняли. Как взялись за них Мидия с Вавилонией, так до сих пор их численность во всем мире едва один миллион. Как взялся Чингисхан за половцев, черных клобуков, так от них одни названия остались. Как взялись вы, евреи, вместе в англичанами за североамериканских индейцев, так численность их с того несчастного времени, когда вас на Североамериканском континенте не было, по сегодняшнее счастливое, когда вы там есть, сократилась с 2 миллионов до 200 тысяч. Вот у них действительно должна быть тоска в глазах. Загляни им в глаза, Савела. В мире ведь евреев почти 20 миллионов. И до сих пор все гонимые и гонимые?

Какой народ в мире в среднем богаче вас, гонимых? Откуда тоска в глазах? Может быть, тоска от того, что Гитлер вас уничтожал? Так ведь он и нас уничтожал. Двое дядьев автора убиты в той войне немцами. Но отец автора и оставшийся в живых дядя за братьев своих с немцев взяли только кровью и не имеют тоски в глазах. А вы, международные евреи, взяли с немцев в ФРГ за каждого убитого еврея золотом. С невинных взяли непострадавшие. И все тоскуете? Ведь с вами немцы наличными расплатились. Чего тосковать?

Несколько тысяч лет истории еврейского народа, или иудейства, или сионизма. Сложно все это назвать. Так неужели к старости нельзя остановиться, нельзя перестать дурачками прикидываться?

Ведь русских это не оскорбляет, это оскорбляет самих евреев, ведь если кому-то постоянно нужна помощь, значит, он не равен другим, значит, он ущербный, неполноценный. Неужели это не понятно?

Понимают ли это сами евреи. Умные – да! Приведу такой пример, связанный с предыдущими. На востоке за Уралом в СССР евреев существенно меньше, чем на западе, а в малых городах их вообще мало. А работы много. Проблем у способного человека получить работу по способностям нет. В этих местах «еврейского вопроса» либо нет, либо нет остроты в нем.

Как-то в отпуске автор встретился со своим другом-отличником после того, как он уже отчаялся найти в Днепропетровске работу по уму и прозябал на паршивенькой должности. Возникло желание помочь ему, но помочь автор мог только у себя. Автор придумал, как его получше и поэффективнее использовать на заводе, и пошел к директору. Объяснил ему, что к чему, предложил пригласить друга на завод и устроить на работу к автору, в исследовательскую службу завода. Людей не хватало, и завод приглашал в это время очень многих. (Кстати, на заводе все знают точно одного еврея -директора. Наверное, есть и другие, но это как-то никого не интересует. А о том, что директор еврей, он чаще всего напоминает сам сентенциями типа: «Правительственная делегация Казахстана тащит меня в Израиль – хочет, чтобы я там обозначил еврея и дружбу народов».)

Директор согласился пригласить протеже автора, но, неожиданно, сменным инженером и в цех № 2. На то время это был самый каторжный цех, без плана и с ужаснейшими условиями работы. Видя, что автор его не понимает, объяснил свое решение просто: «Был бы я русским, я бы согласился с твоим предложением – оно разумно. Но я еврей, и он еврей. Если я его приму сразу в контору, на нем всю жизнь будет лежать печать, что он своей карьерой обязан не себе, а мне. Пусть начинает с самого тяжелого места, будет польза и ему, а если твоя характеристика верна – то и цеху. А потом, если у него останется тяга к исследовательской работы, я его переведу к тебе. Но тогда его уже никто ни в чем не упрекнет».

Да, еврейский вопрос – запутанный клубок, но концы всех нитей держат в руках только сами евреи. Другие нации им здесь не помощники. Начни они вмешиваться – и евреи еще теснее приникнут к своей вонючей идейке, что они угнетенная нация.

Им надо однажды утром встать и сказать самим себе: «Все! Баста! Я больше не угнетенный, мне не нужна ничья помощь, чтобы устроиться в этой жизни, я не глупее других народов и пробью себе дорогу без чьей-либо поддержки. Какой будет дорога – второй вопрос. Но она будет моя! А если кто назовет меня жидом пархатым, тому, не раздумывая, – в морду!»

Государство им, конечно, тоже поможет, но попутно. Дело в том, что все неравенство возникает при распределении. А бюрократическая система – это система распределения. Заменить ее делократической – и блату не останется места вообще, вне зависимости от того, еврейский это блат или нет.

Этими словами автор хотел закончить «еврейский вопрос», но он неожиданно продолжился «русским вопросом». Секретарь автора, перепечатывая эту работу', обычно не делала ему ни-

каких замечаний по сути написанного, но здесь осмелилась на протест. «Зачем вы так, – уговаривала она, -пишете: «вонючая идейка». Ведь евреи обидятся! А смотрите, какие у нас хорошие врачи-евреи... директору тоже будет неприятно».

Между тем, сама она живет в Северном Казахстане, в чужом государстве, так как Верховный Совет Казахстана принял Конституцию, где черным по белому записано, что обустроенный и обихоженный русскими Казахстан теперь государство «самоопределившейся казахской нации». На ее глазах казахские шовинисты снесли в городе памятник Ермаку, переименовывают данные русскими названия местностей. И всем глубоко плевать, обижаются русские или нет. Она отлично знает, что творится в других республиках, она знает о сотнях тысяч русских беженцев. У Эфраила Савелы злорадный блеск в глазах, а она беспокоится, не обидятся ли евреи за то, что автор назвал их идейку об угнетении еврейского народа «вонючей». Хорошо, Наташа. Пусть будет «идеей с запахом, вызывающим некоторые сомнения».

Но надо обратить внимание, что сейчас все народы в СССР, кроме русского, срочно записываются в евреи. Вернее, национальная бюрократия их записывает. Все – оказывается – гонимые. Все от русских пострадали, несчастные. Все требуют себе по этому поводу преимуществ. Посмотришь на них – слезы душат и капают. Бюрократия унижает свои народы, делает их, по сравнению с русскими, недоносками, неспособными выдержать конкуренцию русских. Меня – украинца – это унижает, так почему такое положение не должно унижать еврея? Для меня, украинца, идея о том, что украинцы пострадали от русских – это вонючая идея, так почему идея о вечном угнетении еврейского народа должна пахнуть хорошо?

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ

Автор, как должен был обратить внимание читатель, не пользуется марксистско-ленинским учением. При всем уважении к нему, оно пока было без надобности.

Но сейчас нам придется разделить всех людей на два класса, хотя несколько и не так, как делают марксисты.

Часть людей общества своим умом и руками создают материальные ценности, пользующиеся спросом духовные ценности и различные услуги. Они при помощи денег обмениваются этими ценностями между собой. Это один класс. Это, безусловно, крестьяне и рабочие, непосредственно занимающаяся производством и сельским хозяйством часть технической и научной интеллигенции, солдаты и милиционеры, офицеры, принимающие непосредственное участие в уничтожении врага и обезвреживании преступников, лечащие врачи и учителя.

В нашем насквозь обюрокраченном государстве границы этого класса размыты, и, пожалуй, единственным более-менее точным критерием является способность всех остальных людей самостоятельно определить качество и безусловную нужность им результатов труда этих людей. То есть все люди должны, безусловно, желать обменять свой труд на труд этих людей.

Нам, безусловно, нужен хлеб, нам, безусловно, нужен дом. Люди, руками которых созданы хлеб и дом, люди, чьим умом они стали лучше и дешевле, – это люди первого класса.

Офицер милиции, своим умом и мужеством обезвредивший опасную банду, – в первом классе. Этот его труд обменяет на свой труд любой гражданин.

Врач, лечащий любого больного, независимо от того, испортит он ему статистику или нет, – это работник первого класса.

Режиссер, создавший фильм, на который валом валит народ и по нескольку раз, вне зависимости от того, что думают по этому поводу мудраки из «Кинопанорамы». Этот режиссер в первом классе.

Эти люди создают ценное; я, и только они имеют право ими распоряжаться. Но по своему усмотрению они не могут 100 процентов ими созданного обменять на эквивалентное количество. Часть того, что они создали, у них изымается и передается людям, которые могут находиться в первом классе работников, а могут и не находиться в нем, то есть тем, кто либо свой труд не предлагает в обмен либо не дает возможности оценить его качество.

Это люди второго класса, но они делятся на три категории: буржуазию; аппаратную и государственную бюрократию; мудраков.

Буржуазия отнимает у первого класса труд на основании частного владения ею средствами производства, как основными (предприятия), так и оборотными (деньги). Ей всегда нужны рын-

ки сбыта, а это пространство и люди, а точнее – покупатели. В межнациональных конфликтах от буржуазии уходят покупатели, и она беднеет. С этим она не согласна. Она всю жизнь ведет войны за покупателей, она – объединитель. Буржуазия -принципиальнейший противник любого деления, а поскольку она легко покупает следующие две категории своего класса – бюрократию и мудраков, – то мы будем долго ждать отделения Ирландии от Великобритании, басков от Испании, французских провинций от Канады, Корсики от Франции и т.д. Какой бы прогнившей эта буржуазия ни была, но с ума она не сошла. Но буржуазия была и есть не во всех странах, и тогда на первое место выходят оставшиеся две категории второго класса.

Бюрократия от объединения народов страшно беднеет. Вспомним, что это различные министры или нечто подобное, что было в старину, со своими аппаратами. Эти люди получают в свое распоряжение деньги налогов и повинностей и распределяют их. Качество их работы первый класс не в состоянии ни понять, ни оценить. Бюрократия в своих интересах настолько запутывает свою деятельность юридическими уловками, что и сама перестает понимать, что она делает и зачем. «Так надо, так исстари повелось, так требуют государственные интересы, так требует закон, так делают в цивилизованном мире и т.д.» – это стандартные ее потуги понять смысл своих же действий.

Но в ее руках деньги народа и их эквивалент – повинности народа. За их счет она жиреет.

При объединении, мало того, что бюрократия сокращается и деньги у нее отнимают, союзная бюрократия к тому же включает в свое число только лучших, дураки остаются за бортом.

Бюрократия прямо (деньгами) или косвенно (государственной поддержкой) кормит мудраков. Жирная бюрократия – жирные мудраки. В число мудраков входит большая часть так называемых ученых, почти все журналисты и писатели.

Правда, может возникнуть вопрос о том, что журналисты и писатели, дескать, напрямую обменивают свой труд с первым классом и не стоило бы их заносить во второй. А качество? Ведь первый класс сначала покупает газету, книгу, радиоприемник, телевизор, а уж потом пытается оценить качество работы журналиста. Да и для оценки его требуется очень много информации, которую своей бюрократии легко пресечь.

При объединении народов мудраки также в проигрыше – уменьшается количество бюрократии, а новая, более капризная, подбирает себе мудраков поумнее. Почему в СССР не были затребованы знания таких, скажем, светочей ума времен перестройки, как Бурбулис или Попов – людей уже в годах? Видимо, Суслов считал, что в его аппарате дураков уже хватает, с одними Яковлевыми вон сколько хлопот. Глаз да глаз нужен.

Таким образом, народ разделяется на два класса, и в отсутствие буржуазии в области государственно-национальных отношений у них резко различные интересы. Первый стремится объединиться с другими народами. Даже с точки зрения уменьшения налогов и повинностей ему при этом становится существенно легче. Второй класс стремится разделить страну при малейшей возможности.

Смотрите сами. Когда КПСС передала в странах социализма (странах без буржуазии) власть бюрократии и мудракам, те немедленно начали делить эти страны на более мелкие везде, где была и есть хотя бы малейшая возможность.

Ту же борьбу двух классов без буржуазии мы видели при воссоединении Украины с Россией в уже описанном примере. Гетман Хмельницкий пересилил себя и перешел на службу первому классу – народу, а гетмана Выговского подмял под себя второй класс и заставил служить себе.

Что означало для рядового украинского казака, члена первого класса, воссоединение с Россией на практике? Это означало, что в тот момент, когда на пригорке появятся пышные султаны первых рядов польских улан и есаул скомандует: «Пики – к бою, сабли – вон!» – а походный атаман заорет: «С Богом, братцы, в добрый час!» – рядом с ним наклонят пики башкиры, казанские татары и калмыки, а курские драгуны выхватят палаши из ножен и пистолеты из седельных кобур. Это украинскому казаку мешало?!

А что означало для гетмана Украины и его старшин воссоединение? А означало, что к ним будет приезжать дьяк из Москвы и будет проверять траты разных государственных сумм. Воровать-то воровали в России везде, но ведь и наказывали! К примеру, видный по тому времени флотоводец, полный адмирал Змаевич за подделку платежных ведомостей на сумму 333 рубля и использование в личных целях 1100 казенных бревен был приговорен к смерти, император его,

правда, помиловал, разжаловал, сослал в Астрахань и приказал убыток взыскать втрое. Надо это было украинской казацкой старшине? В конце концов от татарских набегов, от польских притеснений страдали ведь представители первого класса в первую очередь, а бюрократия – она и от боев подальше, и, случись что, за деньги того же первого класса выкупится.

При воссоединении первый класс обретает свободу на объединенной территории, а бюрократия теряет свободу. Когда был единый Советский Союз, Литва была размером от Бреста до Камчатки и везде литовец первого класса был нужен и был хозяином. А вот бюрократия литовская свободной не была, поехать за границу – деньги и разрешение у союзного правительства проси. Надо это литовской бюрократии? Теперь у литовца первого класса везде заграница, везде другая валюта, везде паспорта, визы и везде на него косятся как на сукиного сына. А литовской бюрократии простор! Захотел поехать в Германию – нет проблем. Визу референт получит, валюту из казны принесут, и вперед! Вот это свобода!

Мудракам литовским теперь полное раздолье. Теперь литовцы читают и слушают только литовских мудраков, всем остальным дороги в Литву нет, памятник Пушкину и тот снесли.

Но, помимо этого, мы видим, что развалившиеся «государства» почти поголовно начинают между собой бойню. Причем в ней участвует опять в основном первый класс – люди, которые ничего от разъединения не выигрывают, а бюрократия с мудраками, как и водится, в глубоком тылу. Причем эти войны до необычайности жестокие.

Читаешь прессу: «Зверства, которым подвергаются пленные, не укладываются в голове. Одним из наиболее ярких тому примеров является случай, происшедший с семьей Величко из Дубоссар. На глазах мужа была изнасилована его жена, после чего к ее шее привязали гранату (так, что ее нельзя было снять) с сорванной чекой и, дав ей возможность зажать рукой предохранитель, отпустили в город. Самому Величко отрезали половые органы, затем его облили бензином и подожгли...»(АиФ, №24, 1992 г.)

В Белграде накануне блокады Сербии автор смотрел телепрограмму, и в ней плачущая сербка из Боснии у кровати с перебинтованным сыном рассказывала, как боснийские боевики выкололи ее сыну один, а затем другой глаз и заставили его проглотить их.

Одни от этих сцен белеют от ужаса, другие краснеют от ярости. Но должны же быть люди, которые задумаются – зачем это делается? В чем смысл таких зверств, не присущих и животному?

Почему молдавские полицейские просто не убили семью Величко выстрелами? Почему им надо было, чтобы их зверства стали широко известны? Почему боснийцам надо, чтобы об их зверствах было известно?

Запугать противника? Но ведь это глупо! Во всех войнах, ведущихся государствами, главный козырь военной пропаганды – это то, как хорошо живется пленным. А здесь все наоборот. Почему?

Постараемся ответить ниже, а сейчас обратим внимание на следующее: агрессором в этих войнах выступают пока не государства с их государственным интересом, а бюрократическая банда, с ее желанием стать многочисленной и надежно взять власть в стране. Банде, воюющей с цивилизованным государством, нужно запугать своих членов, своих сторонников. В этих зверствах абсолютно точная логика банды, эти зверства вполне осмысленны и действуют на пользу банде. Это не приступы у отдельных шизофреников, это логика данных войн.

Ошибочно считать, что конфликты на территории СССР или СФРЮ -межнациональные конфликты. Ничего подобного! Мы ничего не поймем, если примем эту мысль за основу. Ни к какому национальному возрождению эти войны не имеют отношения.

Возьмем, к примеру, Приднестровье. На стороне фашистов Снегура воюют русские офицеры, которые за квартиру и зарплату дали ему присягу. Воюют литовские наемники, румынские специалисты. И в то же время корреспондент цитированной автором АиФ пишет: «Побывав в одном из райвоенкоматов, я убедился, что в Молдове война крайне непопулярна. Из 50 повесток, разосланных военкоматом на тот день, на сборный пункт не явился ни один новобранец. И это несмотря на то, что по закону неявка грозит штрафом в 25 минимальных зарплат, составляющих ныне (как и пенсия) 850 рублей».

Само же Преднестровье, осколок СССР – цивилизованного государства – на 39 процентов состоит из молдаван. И мы здесь же читаем: «Несмотря на то, что враждующей стороной Приднестровья является Молдова, никому в голову не приходит вымещать накопившееся негодова-

ние на воюющих рядом приднестровских молдаван».

Так где же здесь межнациональный конфликт? Где национальные интересы?

Просто банды, взявшие власть в СССР, в качестве легальной идеи принимают идею некоторого «национального возрождения». Власть банды -гибель нации, но никто не хочет об этом и думать.

Давайте рассмотрим, как сплачиваются, как действуют банды, какие у них интересы.

В системе высшего образования СССР существовал дефект, который считался большим достоинством нашей страны. Культивировалась идея, что окраинные народы СССР менее образованны и для получения высшего образования им нужно дать преимущество. Когда-то так и было, но за последние десятилетия процент населения с высшим образованием окраинных народов уже давно превысил тот же показатель русских.

Тем не менее, вузы в республиках предоставляли преимущество при поступлении своим национальным абитуриентам и, кроме того, вузы России также принимали их на учебу в обязательном порядке. Это преимущество – страшнейший дефект. Во-первых, нет настоящего отбора способных людей из представителей окраинных народов, а, во-вторых, нет и настоящего стимула учиться. Не хочу сказать, что Россия при этом была обворована. И там наплодилось людей тупых и ленивых, но с дипломом о «верхнем» образовании хоть пруд пруди.

Получение дипломов кандидата наук, доктора, получение профессорских должностей, выборы в академию – все стало делом техники. Человек, очень желающий получить подобные регалии, имеющий некоторые материальные или политические возможности, всегда мог их получить. Такая же ситуация сложилась и в области писательской, поэтической, журналистской, композиторской деятельности. Но настоящая слава, настоящий почет и уважение даются не за обладание определенным документом с печатями. Они заслуживаются конкретными, нужными людям результатами работы А результатов-то не было!

Это обусловило, что к моменту прихода к власти в СССР совершенно безголовых лидеров, к тому периоду, что мы называем «перестройка», в стране на деньги, взятые из налогов, выплачиваемых рабочими и крестьянами, содержалось огромное количество людей тупых, ленивых, неспособных качественно исполнять свою работу, но имеющих звания, дипломы и непомерные личные амбиции.

Станьте в положение этих людей. Они ведь думают: «Ну, почему я, такой хороший, умный, имеющий такой же диплом, как и у всех, получаю мизерную зарплату, работая клерком в министерстве Литвы (Казахстана, Молдавии, Украины...)? Я всю жизнь прожил в Вильнюсе (Алма-Ате, Кишиневе, Киеве...), а какой-то Иванов, с таким же дипломом, как у меня, который к тому же всю свою жизнь проболтался по стройкам Сибири и Средней Азии, вдруг назначается министром (директором института, президентом Академии наук, секретарем обкома...)? Почему я, который так хорошо пишу книги на литовском (казахском, молдавском, украинском..) языке, где очень гениально описываю, как утром солнце встает (вечером солнце заходит, жена изменяет мужу, завод не выполняет план...), а литовцы (казахи, молдаване, украинцы...) читают книги каких-то Бондаревых, Симоновых, Гамзатовых?» Люди вообще не склонны обвинять себя в чем-то, а уж люди с дипломами – тем более.

Естественно, что в головах этих людей рождается и живет мысль о том, что их незавидное положение, отсутствие славы – это результат угнетения русскими их маленького, такого несчастного народа и их самих лично.

Смотрите, могла ли прийти в голову Раймонда Паулса – известнейшего и любимейшего композитора СССР – мысль, что ему для славы не хватает отделения Латвии от СССР и поста президента суверенной Латвии? А что могло прийти в голову композитору В.Ландсбергису, не имеющему и сотой доли талантов Р.Паулса, никому не известного и мало кому нужного?

Этим людям нужны были государственные посты, которые они рассматривают исключительно как государственные кормушки. Они жаждали их, делали все – вступали в КПСС, хвалили коммунизм, – но талантов, работоспособности для занятия высших постов в интернациональном, едином государстве не хватало. Да и самих постов было мало. Скажем, пост министра иностранных дел один. А сколько желающих стать этим министром? Поэтому с началом «перестройки» эти люди скопом кинулись выталкивать со всех кресел старых, более умных чиновников и занимать их места. Кроме того, началось бешеное размножение должностей.

И цель всех наших «национальных» движений – замещение этих людей, элитарной, но ту-

поватой бюрократии у государственных кормушек и создание для них новых кормушек. Не обманывайте себя – никакой другой цели у этих движений нет и никогда не было. А цель всех межнациональных войн – защита этих людей и кормушек. Поэтому молдаванин Снегур и убивает молдаван Приднестровья с помощью русских, литовских и румынских наемников.

Прорыв новой бюрократии к должностям, охрану их у кормушек осуществляют различные национальные партии и движения. Как и в КПСС, у Этих партий есть бюрократия (для которой пост в партии – это прежде всего кормушка) и рядовые члены, рядовые бойцы. Но у КПСС, и у ее бюрократии была конечная, осязаемая, предметная цель – коммунизм. Цель была неблизкой, и каждый человек, поступая на работу в партийные органы, знал, что он и на пенсию из них уйдет, и пенсию будет иметь неплохую, и соответствующий вес в обществе. В этом плане для единства общества это была безобидная бюрократия, даже если и не говорить о ее интернациональной сути.

Совершенно отлична бюрократия «национальных» движений. У нее нет предметной осязаемой цели. Ее цель – борьба. Пока есть борьба, бюрократия жива. Кончилась борьба, и этим людям вновь надо возвращаться к станку, к школьной доске, быть нечитаемыми писателями и поэтами.

Мы удивляемся, почему грызутся между собой народы. А чего же мы хотим еще, если позволили возглавить народы людям не с идеями «строительства», а с идеями «борьбы»? Эти люди не могут строить, они могут только бороться. Уберите идею борьбы – и они моментально станут политическими трупами... как минимум.

Самое страшное, до чего додумались перестройщики, – позволили сформироваться и дорваться до телевизионных экранов людям, чьей профессией стало нагнетание межнациональной напряженности.

Дорвавшаяся до власти бюрократическая элита новой волны может успокоиться, зачавкав у государственных кормушек. Профессионально не успокоится бюрократия национальных партий и движений. Раз они появились, то обществу спокойно уже не жить. Война неизбежна.

Существенно больше симпатий вызывают рядовые бойцы национальных движений. Вы скажете – ведь это они выкалывают глаза, насилуют и убивают. Да, они. Когда они это делают, их надо уничтожать. Другого выхода нет. Но это не значит, что мы не должны их понять. Представьте себе, что вы казахский парнишка, родившийся и выросший в степном ауле. Что вы видели в жизни? Отца, который, пока вы еще спите, уж в седле и за десятки километров в степи с отарой. Да зимой, на тебеневке, при 30 градусах мороза. Мать, которая с утра уже с коровами, холодный дом, для которого топливо всегда проблема, вода из колодца за сотни метров или привозимая раз в месяц, магазин за 50 верст, перебои с электроэнергией, отсутствие элементарных бытовых удобств. Это наше несчастное село. Оно такое почти по всей территории СССР. Но ведь этому парнишке пока плевать на всю территорию СССР, для него СССР – это те условия, в которых живет именно его мать, его отец, его братья и сестры.

И вот он приезжает учиться в город и что видит? Дома с горячей и холодной водой, квартиры, которые не надо топить, телевизор, полно магазинов, везде автобусы, троллейбусы, трамваи. И кто здесь живет? Правильно, в основном русские или, правительней сказать, неказахи. А теперь сколько угодно рассказывайте ему про экономические перекосы между городом и селом. Он слушать не будет, у него перед глазами будет стоять мать в промерзшем доме, и он пойдет и запишется в боевики «Аттана» или «Азата». Отныне он пушечное мясо подлых политиков, но двигать им будет святое чувство патриотизма. Уродливого, неправильного, извращенного циничными политиками, которые на его крови построят свое материальное благополучие, но чувство это – патриотизм – святое.

Что в этом деле обидно – в конфликте будет уничтожена именно эта, наиболее порядочная часть националистов, будут уничтожены патриоты, а действительно подлая сволочь успеет скрыться.

Вот состав бюрократической банды, действующей под национальным флагом: элитарная бюрократия, для которой все и делается; партийная бюрократия национальных движений, которая автоматически вызывает конфликт между национальностями; патриотическая часть национальной молодежи да и более старших поколений – бойцы.

Введя в органы формирования общественного мнения своих людей -для чего не надо стараться, там мудраков и так хватает, – банда в основном легко берет власть в государстве, и вер-

хушка ее могла бы успокоиться, но партийная бюрократия остановиться не может и быстро ведет дело к кровавому конфликту. Тогда для банды возникают проблемы. Ведь она малочисленна. Потому что патриотизм с идиотизмом путает незначительная часть населения. Возникает необходимость поднять на защиту элитарной бюрократии всю нацию. Но как это сделать, если нация не хочет убивать кого-то только потому, что он русский или серб? Еще раз присмотримся к развитию событий.

Партийная бюрократия национальных движений, связанная необходимостью непрерывно за что-то бороться, все время вынуждена искать цели борьбы и направлять на их реализацию рядовых бойцов. Уничтожены памятники – начинается возня по переименованию городов, переименованы города – возникает проблема государственного языка, достигли и в этом вопросе полного идиотизма – встанет вопрос о преимуществах для «коренных» граждан и т.д.

Сумма гражданских преимуществ «коренных» жителей растет, обстановка накаляется до момента, когда патриоты противоположной стороны начнут оказывать физическое сопротивление. Появятся потери. И патриоты обеих враждующих сторон пойдут по домам, поднимая на войну всех остальных одноплеменников. Никто не будет хотеть воевать, но патриоты силой погонят в бой.

Если мы будем рассматривать в качестве примера пока очень спокойный Казахстан, то будет так. Придут к казаху аттановцы и скажут: «Вот автомат, пошли убивать русских оккупантов!» Тот попытается отказаться, а ему скажут: «Тогда мы тебя, как дезертира, расстреляем для примера другим у порога твоей юрты» – и вопрос с призывом будет решен. Точно так же по квартирам русских пойдут чубатые парни с лампасами на шароварах и скажут то же самое. И поступят точно так же.

Не будем наивными. Неужели кто-то думает, что омский казак бросит свою семью и приедет в Павлодарскую область на смерть за русских, а семипалатинские или павлодарские русские будут в это время у телевизора сидеть? Кто им позволит? Или алма-атинский националист приедет в Павлодарскую область умереть за казахскую нацию, а павлодарские казахи в Баян-Ауле отсидятся? Надо быть круглым дураком, чтобы так думать. Причем эти боевики действительно будут до крайности решительными и действительно расстреляют дезертиров. Почему?

Ведь вначале будет какой-нибудь незначительный конфликт, в котором, возможно, даже случайно будут участвовать разные национальности. Но появятся убитые. Тот, кто убил, – убийца. По законам государства ему грозит расстрел. Убийцам уже особенно нечего терять. Но если свой поступок представить как борьбу за «национальный интерес», то убийца уже не убийца, а революционер и герой гражданской войны. У убийц появится будущее, но для этого им потребуется заставить убивать и других.

И здесь возникает такая проблема. Явившись на призыв под страхом смерти, люди возьмут оружие и формально выразят свою готовность убивать. Однако в первом же бою они сложат оружие и перейдут на сторону противника, к которому они не испытывают вражды, или сдадутся ему в плен. Патриоты опять останутся одни!

Так вот, чтобы этого не произошло, чтобы твой насильно мобилизованный товарищ по оружию не бросил тебя и не сдался в плен, патриоты-националисты начинают творить зверства с пленным противником и захваченным гражданским населением. Понимаете, людям Снегура надо явственно показать мобилизованным, что им нет пути и спасения среди молдаван Приднестровья, что те, мстя за зверства над своими пленными и женами, в лучшем случае убьют пленных и перебежчиков. Снегуру надо, чтобы его насильно мобилизованные сражались до последнего патрона. Поэтому и зверства. Это логика данных войн.

Отсюда и вырезанный азербайджанский городок в Карабахе. Отсюда расстрелянные осетинские женщины и дети. Все отсюда.

Вспомните, когда начинались события в Нагорном Карабахе, ЦТ непрерывно показывало простых армян и азербайджанцев, которые абсолютно искренне утверждали, что не испытывают вражды друг к другу. Где они теперь? Они в окопах с автоматами и стараются как можно точнее прицелиться друг в друга.

Никто не будет хотеть воевать, никто не испытывает сейчас вражды друг к другу, но все начнут убивать друг друга.

Ни одному русскому в Павлодарской и Семипалатинской областях не надо, чтобы отсюда выехали казахи, как выехали азербайджанцы из Нагорного Карабаха. (Разве что государственной

администрации, где идет быстрая замена русских на казахов.) Ведь русских просто не хватит, чтобы занять рабочие места казахов, да и непривычны они к такой работе, нет ни опыта, ни умения.

Ни одному казаху не надо, чтобы отсюда выехали другие национальности. Их, казахов, тем более не хватит занять те рабочие и инженерные места, что сейчас занимают русские.

И тем не менее, если Республика Казахстан спокойно взирает на политические организации, которые поставили себе целью нарушить национальное равноправие, если она дает им спокойно орудовать в парламенте и органах формирования общественного мнения, то конфликт неизбежен. Не надо по-страусиному прятать голову в песок, конфликт – это дело только времени. Если уж этим людям дают возможность прыгать, то они, в конце концов, допрыгаются.

В конечном итоге людям первого класса все равно, кто там в Киеве, Кишиневе или Алма-Ате у власти – атаманы, ханы или президенты. Если они поставили своей целью защитить народ, то почему не надо им служить? Они служат народу, мы – им. Все в порядке.

Но ведь беда в том, что националисты такой цели не ставят. Их цель -занять места у государственных кормушек. И только. А этим они не защищают свою нацию, более того – делают ее особенно беззащитной. Ну как им служить?

Посмотрим на те достижения, которых они уже добились или к которым стремятся, взяв националистов спокойного Казахстана. Автор не будет останавливаться на разрушении памятников или переименовании городов, тут все понятно – ведь уже очень давно стал известен и не оспаривается диагноз, что национализм – это клиническая форма идиотизма. Еще соплеменник солдата Шовэна Р.Роллан заметил, что национализм – это последнее прибежище идиота. Так что не в памятниках дело.

Государство – это население и власть, это не земля. Земли каждое государство имеет столько, сколько способно удержать. Но земля – это и будущее нации, вспомните, как немецкое население 1939 – 1945 годов, не жалея крови, пыталось обеспечить будущее нации землей. Ни один народ, если его лидеры не откровенные трусы или проходимцы, так просто свою землю не отдаст, даже если он и не имеет сил сегодня удержать ее. Любой передел – это, как правило, война.

Россия очень долгое время оставалась слабым государством с технической, научной и военной точек зрения. Просторы ее были велики, естественных границ (гор, океанов) не было, а численность населения не давала возможности защитить страну даже при массовом задействовании в войнах не только армии, а и всего народа. Это определяло политику России. Столетиями она боролась самыми разнообразными способами за увеличение населения, о чем мы уже говорили.

Казахстан сегодня в таком же положении, что и Россия несколько веков назад. Территории хватит на одиннадцать Великобритании, а население всего 17 миллионов человек, причем собственно казахов около 7 миллионов. А рядом Китай, у которого территория больше всего в 3,7 раза, а население... язык не поворачивается такие числа выговаривать. Да что Китай, возьмем других соседей – Пакистан или Иран. Территория в два – три раза меньше, а население в три раза больше.

Что в этих условиях должно делать государство? Нет другого пути – необходимо принимать все меры для увеличения числа граждан. Любыми способами, включая предоставление вновь прибывшим преимущества перед старожилами.

Что же делают националисты в Казахстане? Их лидеры с упорством, достойным лучшего применения, стремятся уменьшить число граждан! И дело не в том, что националистические функционеры проводят демонстрации под лозунгом: «Русские, убирайтесь домой!», нимало не заботясь о том, что русские на этой земле живут уже 400 лет, а казахи едва 100, так как до этого времени они на этой земле не жили, а кочевали по ней. (Ведь так и цыгане могут объявить, что весь мир – государство самоопределившейся цыганской нации.) В конце концов – это демонстрации, и от них несложно избавиться, не только Колбин, но и сам Назарбаев знает, как это делается. Страшно другое. Воспользовавшись тем, что парламент Казахстана -это те же чиновники, подчиненные чиновникам Алма-Аты, националисты с тупой настойчивостью вписали в проект Конституции Республики Казахстан: «Республика Казахстан как форма государственности самоопределившейся казахской нации обеспечивает учет, реализацию и защиту интересов представителей всех национальностей, проживающих на ее территории».

Заметьте, Казахстан – это не государство всех национальностей, а государство казахов, которое от щедрот душевных учитывает интересы других национальностей. У других нет даже территории – это территория казахской нации.

Националисты, в тупом угаре от вожделенных кормушек, даже не задают себе вопрос, который любой чиновник Казахстана немедленно должен задать: «А нуждаются ли остальные нации в том, чтобы их интересы «учитывало» именно государство Казахстан?» Ведь все они граждане СССР и находились под защитой СССР, а по договоренности между государствами СНГ правопреемником СССР является Россия. Почему националисты решили, что после принятия Конституции все национальности бросятся записываться в граждане Казахстана? А почему им не подать заявление в МИД России и не оформить для начала гражданство российское? А потом уже посмотреть, устраивает ли их Республика Казахстан «как форма государственности самоопределившейся казахской нации».

А смогут ли чиновники Казахстана предъявить этим людям какие-либо моральные претензии? Какие? Ведь интернациональная группа в парламенте добивалась равноправия, хотела быть в братском союзе с казахами! И это не русские казахам, это казахские националисты русским сказали, что они им больше не братья.

Сказать русским, что, дескать, казахи их облагодетельствовали? Да они просто рассмеются, ведь все, что есть в Казахстане, – это дело рук русских не в меньшей мере, чем казахов. Если не в большей, так как не они сюда просились, а их сюда приглашали, имея в виду их квалификацию, опыт и работоспособность. Они казахам ничего не должны, как казахи ничего не должны казакам, сотни лет защищавшим их от набегов воинственных соседей, включая их собственных сородичей. Мы были братьями, так чего уж было тут считаться.

А можно ли будет силой заставить неказахов принять гражданство Казахстана? Без проблем! И не такие мероприятия проводили. Можно будет запугать, возможно, большую часть населения, например, лишением квартир, каких-то благ. И заставить прийти в милицию, и поставить в паспорте штамп гражданства. Но здесь две сложности.

Во-первых, это не заткнет рот тем, кто объяснит людям, что чем могущественнее государство, тем оно надежнее защищает своих граждан, в том числе и их право на собственность, где бы она ни была. Ельцины приходят и уходят, а Россия есть Россия.

Во-вторых. Еще страшнее то, что присяга под угрозой – это не присяга. И по человеческим и по юридическим нормам от такой можно отказаться. И те, кто станет гражданином Казахстана под какой-либо угрозой, откажутся от этого гражданства в первый же выгодный для себя момент. А момент этот будет не выгоден для Казахстана – будьте в этом уверены.

Что же может получиться? А то, что на огромных территориях Казахстана граждан его будет меньшинство, и автоматически возникнет вопрос – а чья это земля? Вот это уже поганым самогоном ударит в головы и тех казахов, которые до сих пор еще не отравлены националистической дурью. Но даже если этот вопрос сразу не возникнет, то чиновники Казахстана все равно окажутся перед проблемой огромного количества иностранцев, занимающих подавляющее число рабочих мест в узловых отраслях общественной и хозяйственной жизни.

Возьмите завод, на котором работает автор. В Павлодарской области живет 28,5 процента казахов, а на заводе их сейчас работает 7,3 процента (на 01.01.92 г.) Пять лет назад, на 01.01.87 года, процент казахов составлял 6,6 процента, то есть темп прироста около 0,14 процента в год. С такими темпами, чтобы довести процент казахов на заводе хотя бы до их среднего процента по области, потребуется 151 год. Расчет, конечно, некорректен, но все же...

Здесь нет никакого упрека казахам, их работа в совхозах не менее тяжела, а условия жизни хуже. Просто места хватало всем и каждый занимался тем, к чему и привычка была, и душа лежала.

Но что делать чиновнику Казахстана, если 90 процентов работников завода станут иностранными наемными работниками? Ведь им плевать на Казахстан, им нужны будут только деньги, причем в больших размерах, чем гражданам Казахстана – на строительство жилья в России, на обучение там детей, на многое другое. Выгнать их, остановить завод? Но ведь завод -это источник денег, которые сыплются не только в кормушку алчным националистам в Алма-Ате, но идут и на социальные нужды простых, нормальных казахов, идут на ту защиту, которую и обязано предоставить им государство Казахстан. Иначе зачем нужно это государство?

Если подобная запись в Конституции – это забота о «казахской нации», то что тогда пре-

ступление против нее?

Рассмотрим такой любимый националистами вопрос, как вопрос о культуре казахского народа.

Культура народа, культура государства – это способность создавать то, что могут и другие государства, но лучше то, что другие не могут. Это и есть культура, а не только песни и пляски. То, что люди культурно развлекаются – поют, слушают музыку, смотрят картины, – это, конечно, хорошо, но главное – культурно ли они работают, культурно ли созидают. Торгуют ли они с другими народами своими знаниями, умением своих рук или только богатствами недр своей земли.

Мир мало знает о развлечениях японцев, мало кто воспроизводит их музыку, танцует их танцы, перенимает стиль их живописи. Но кто скажет о них, что это малокультурная нация? Их товары заняли все рынки, их инженеры консультируют и создают производства во всем мире. Их рабочие могут сделать то, что мало кто может повторить, даже если очень старается. Вот это культура!

А кто в мире сейчас знает что-нибудь о Казахстане? Кто едет учиться к его ученым? Кто заказывает его инженерам проекты? Кто рвет из рук продукцию казахстанских рабочих?

Да, конечно, в Казахстан могут приехать туристы послушать и посмотреть песни и пляски казахов, купят они и оригинальную картину. Но они сделают это и в любом диком племени Африки. Должно быть обидным такое положение для националистов, для государственных чиновников, которые по должности обязаны быть националистами Казахстана? Конечно!

Разве не обидно любые переговоры с иностранцами начинать подробной справкой о географической новости – рассказывать, что такое Казахстан, кто там живет и чем занимается. Это ненормально. Это оскорбительно, и в первую очередь оскорбительно для казахов. Если в мире известны своей культурой японцы, южные корейцы, то почему не могут быть известны казахи?

Это, конечно, шведская шутка, но с большой долей правды: шведы говорят, что их восьмимиллионный народ известен всему миру автомобилями «Вольво» и водкой «Абсолют». Причем, водкой они стали известны благодаря тому, что СССР сбил корейский авиалайнер, и в одну ночь американцы стали бойкотировать «Московскую» и покупать водку шведскую. Но «Вольво» – чисто шведская заслуга.

Действительно, маленький народ не сможет добиться известности во всех областях науки и техники, такой, как добивался СССР, добиваются США или Япония – у них не хватит налоговых сборов на научные исследования по всем направлениям. Дай Бог, чтобы ему хватило сил и средств на какую-либо одну отрасль, для доведения достижений в ней до высочайшего мирового уровня.

И, между прочим, для Казахстана такой отраслью могли бы стать космические исследования либо технология ядерных взрывов, учитывая наличие готовых исследовательских баз. В остальных областях Казахстан вынужден будет базироваться на знаниях, добываемых остальным человечеством. Конкретно это означает, что придется готовить своих профессоров, доцентов и аспирантов в других странах, не исключено, что придется там же готовить инженеров и даже рабочих. Придется пользоваться литературой и информацией других стран – тех, где высоко развиты остальные области знаний.

Самой близкой страной с наиболее развитой наукой является Россия. Я не говорю о проживающих в Казахстане русских, но только с точки зрения подъема культуры казахов русский язык обязан быть распространен повсеместно, учить разговаривать на нем детей нужно как можно раньше, потому что казахский язык – это культурный тупик для казахов. Это может звучать обидно, но это так.

И уж, безусловно, русский должен, обязан стать государственным языком, как английский в Индии, где и англичан-то уже не осталось. Англичане-то выехали, да умных руководителей в Индии оставили, националистов, но умных, заботящихся о культуре народа.

А в Казахстане? В Конституцию вписан государственным языком только казахский, а русский оставлен языком некоего межнационального общения. Получается, что казах должен обращаться к русскому, знающему казахский, на русском языке, а русский к русскому в любой государственной конторе по-казахски. Бред? Да как сказать, нужно просто понять цели тех казахов, которые упорно вписывают в Конституцию это положение. Этим людям плевать на культуру казахского народа, плевать на то, что в культурном и умственном развитии казахи будут отброше-

ны лет на 100 назад. У националистов цели – занять в государстве должности с жирными кормушками. И они государственным языком пользуются

довольно ловко.

Автору рассказывал один русский, бывший заместитель одного из министров Казахстана, как этот министр от него избавился и посадил на его место своего человека. Делалось это просто, но со вкусом. Этот министр -казах, отлично говорящий по-русски и говорящий всегда. Коллегию же министерства вел только на ломаном казахском и все приказы своему заместителю отдавал только на казахском, приговаривая – я не обязан нанимать для тебя переводчика. Он не выгонял этого замминистра – тот сам ушел. И гонений на русских нет, и все в порядке.

Вы полагаете, этому министру, стремящемуся устроить родственника, нужна какая-то там культура какого-то там казахского народа?

Кстати, если русские откажутся принять гражданство Казахстана и станут просто иностранными работниками, то в ходе своих экономических требований к республике они заставят Казахстан нанять для себя переводчиков.

Подытожив сказанное, можно спросить – много ли успели сделать националисты в Казахстане? Националисты в Карабахе, Молдове и Прибалтике успели, конечно, больше. Но и мы уверенно движемся к развалу Казахстана, а в итоге – к кровавой бойне. Вы скажете, что автор сильно боится? Да! Но есть дела, в которых лучше вовремя перепугаться. Поскольку поздно испугаться – будет поздно. Придет война – надо будет воевать, а не бояться.

ГЛАВА 5. РУССКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Строго говоря, выражение «русская демократия» должно звучать столь же абсурдно, как и «русская химия», «русская математика» и т.д. Но ведь не мы первые свели понятие «народовластие» к абсурду, украшая его определениями «западная, «парламентская», «народная».

Демократия – это такое положение дел в обществе, когда все – и рядовые граждане, и исполнительная и законодательная власти – в конечном счете подчинены интересам народа, именно он, народ, «демос», имеет над ними власть. Разумеется, само по себе избрание тайным голосованием говорунов в парламент (в переводе с французского – «говорильню») еще не значит, что в стране демократия, может быть и обратное – именно эти болтуны демократию и пресекли.

Мало кто это понимает. Мало кто разумеет, что демократия – это служба народу, и чем больше ему служат, тем больше в стране демократии. Но еще хуже обстоит дело с организацией этой службы. Служба народу организуется дачей населению конкретных команд. Кто их должен давать? Само население? Законодательная власть? Исполнительная? Какие именно команды? Кто отдаст приказ начать войну? Население, правительство или парламент? Кто установит размер налога, взимаемого с данного конкретного человека? Кто определит землеустройство в районе его проживания? И так далее, и тому подобное.

Здравый смысл подсказывает: таковые команды должны исходить в каждом конкретном случае от того, кто лучше всех в соответствующих вопросах разбирается и за их решение отвечает. От того, кто несет ответственность за Дело, ему порученное. Скажем, за безопасность страны отвечает правительство, в которое должны входить люди, наиболее компетентные в военной области. И наверное, ему, а не митингующим болтунам определять: разоружаться или вооружаться, начинать войну или нет. Но, заметим, правительство это действительно должно отвечать за результаты своих команд-постановлений. Царь за таковые отвечал – и своей судьбой, и судьбой наследников трона.

А определять, сколько налогов платить Иванову либо Сидорову, должны люди, которые за ошибки в политике налогообложения заплатят из своего кармана, то есть сами ответят за свою глупость, если подать налогоплательщика разорит. Чтобы понимать все то, о чем шла речь выше, нужно обладать историческим чувством свободолюбия и достоинства. Русский народ такое свободолюбие и достоинство приобрел за тысячу сто лет борьбы за независимость.

Автор представляет, как, прочтя эти строки, потешаются мудраки: «Да разве наши тупые Ваньки с Маньками свободолюбивы? Вот американские Джоны энд Мэри, те – еще как!»

Это всесветный идиотизм, повинна в котором подвластная США индустрия формирования общественного мнения. Именно она убеждает всех, что Соединенные Штаты Америки – цивили-

зованная страна свободных людей. Но кто пробовал их свободолюбие на зуб? Кто его испытывал? Кто скажет, сколько надо убить Джонов, чтобы все американцы подчинились немцам, русским, китайцам – кому угодно – так же охотно, как они подчиняются людям с деньгами?

Как-то Ричард Никсон в одной из своих речей выразил полное согласие с мнением Андре Мальро, что США – единственная страна в мире, которая стала великой державой, не приложив к тому ровным счетом никаких усилий. А сколько усилий приложила она к отстаиванию своей свободы?

Вот и получается, что русских свободе учат те, кто не представляет, что это такое, для кого демонстрация гомосексуалистов на главной улице города и является высшим проявлением свободы и вершиной «цивилизованной демократии». Ситуация выглядит так, как если бы пятилетний сопляк, умеющий губами удачно имитировать звук работающего двигателя, стал бы учить водить машину шофера с сорокалетним стажем.

И мы бы это поняли, не будь органы формирования общественного мнения в СССР забиты подобными имитирующими интеллект сопляками и выжившими из ума мудраками.

Повторяем, для осуществления механизма демократии очень важным является то, кто именно получает право давать команды. И здесь сразу возникает противоречие между двумя силами государства. Собственно народ и его представители – население того или иного региона – заинтересованы только в том, чтобы команды поступали от компетентных, а главное, отвечающих за свои действия лиц. Другая известная нам сила – бюрократия – заинтересована в том, чтобы все команды, направленные на защиту народа, поступали только от нее. (Правильные это будут команды или нет – это второй вопрос.) Ведь чем больше команд, тем больший нужен контроль за их исполнением, тем, следовательно, больше бюрократии и солидней ее доходы – законные и незаконные. От этой аппаратной бюрократии прочно зависят мудраки, значит, здесь затрагиваются и их интересы.

Автор писал в первой части, приводя в пример армию, что к делократическому – единственно верному – способу управления люди и их организации приходят, лишь будучи поставленными на грань уничтожения. Приходят – если успевают. Россия успела. Нельзя сказать, что ее организация была идеалом, эмпиризм есть эмпиризм, но это было лучшее из того, что наличествовало в мире.

Однако, по мере того как опасность для страны уменьшилась, мудраки все более активно вели их многовековую борьбу с делократической системой управления Россией, все в больше степени обюрокрачивали ее, выскребая из основ государственности заложенную русским народом справедливость.

Еще раз напомню читателям, что эта книга – об управлении людьми, все в ней рассматривается именно с таких позиций – и история России, и сегодняшние события в ней, и образ мыслей и дух россиян.

Внешне Россия выглядела «как все». В ней был государь – при нем бюрократия, под ними – основное податное сословие – крестьяне. Но свободолюбие русских, их многовековая борьба с ордынским игом вели к делократизации общественной жизни, к изменению отношений между людьми в сравнении с такими же отношениями на Западе.

Бюрократия – она везде одинакова, о царях мы уже поговорили, теперь рассмотрим статус русского дворянства и крестьянскую общину.

ДВОРЯНЕ И КРЕПОСТНЫЕ

Уже упоминалось, что русские – а это в большинстве своем были крестьяне – рассматривали как народ, как мир только себя и царя. Дворяне -да, дворяне – тоже «свои»... но не совсем, они – как бы боевые друзья царя, «отца»-государя, с помощью которых он защищал своих «детушек»- народ. Поскольку дворяне шли на смерть за эту семью-отечество – у них по отношению к ней были особые, довольно большие права, но все-таки они не являлись полноценными членами семьи, к ним название «народ» – не подходило.

И немудрено, если вспомним, что царю и дворянам предшествовали князь и его дружина. А дружина была сплошь набрана из воинов каких попало государств, в понимании русских – каких попало семей.

Когда русский попадал в войско, его ставили в строй под начало дворянина. Дворянин во-

дил его в бой, а в случае нерадивости в службе давал команду выпороть. В те времена это было обычным наказанием. В отношении личной свободы русского в мирной жизни помещик имел ровно столько же прав. Ни убить, ни посадить в тюрьму, ни судить как-либо своего крепостного русский дворянин не имел права, и само притязание на это было преступлением. Другое дело, насколько неукоснительно исполнялось это положение, если учесть, что следствие по подобным преступлениям велось теми же дворянами. Но сама идея отношений между крепостными и крестьянами была именно таковой.

Солдату, чтобы оставить часть, нужно спросить разрешение своего командира. И крестьянину, чтобы покинуть своего помещика, нужно было получить у того паспорт. А как уже писалось, крепостной мог заняться любым делом, в том числе уехать за границу, стать купцом или промышленником на Аляске.

Дворянин служил России, защищал ее. Для этого он должен был быть сыт и вооружен. Его крепостные (а на содержание одного воина требовался труд 10-30 семей) давали ему эту возможность. Тремя путями. Они могли быть дворовыми, фактически членами семьи помещика. Они могли отрабатывать ему барщину, то есть работать на дворянина оговоренное число рабочих дней в неделю. Они могли быть на оброке – платить дворянину определенную сумму денег, занимаясь тем, чем пожелают.

Но надо постоянно помнить, что основная цель закрепления крестьянина – обеспечить вооруженного воина-дворянина – защитника Родины. Поскольку это обеспечение так или иначе исчисляется в деньгах, дворянин при передаче другому дворянину своего крепостного получал за него деньги. Формально это выглядело как продажа. Но продают свою собственность, а если это ваша собственность, то вы можете продать ее кому угодно. Русский крепостной не был собственностью помещика, поэтому в отличие от западного крепостного он не мог быть продан кому угодно. Только дворянину и только российскому дворянину. На Западе дело обстояло совершенно иначе.

Там дворянин – мини-король и имел порой всю полноту королевской власти над крепостным, включая право судебной расправы и казни. Естественно, что он распоряжался своей собственностью как хотел и мог продать ее кому угодно. Вот свидетельства о наших ближайших соседях – поляках, взятые нами из «Истории кабаков в России» И.Прыжова, а им – из подлинных документов.

«В 1517 году князь Александр Пронский и жена его милости княжна Федора Сангушковна выдали арендное условие благородному пану Бурлацкому и славному пану Абрамку Шмойловичу, жиду Турийскому, по которому они получили в аренду город и замок Локачи (в повете Владимирском) на три года за 12 000 злотых со всеми доходами, со всеми людьми тяглыми и нетяглыми, со всеми жидами и получаемыми от них доходами, с корчмами и с продажею всяких напитков, с правом судить крестьян и наказывать виновных и непокорных по мере вины даже смертью». Или: «Григорий Сангушко Кошерский с женою отдают все свои имения, ничего себе не оставляя, славному пану Абраму Шмойловичу и жене его Рыкле Юдинне и его потомкам, со всеми доходами, с корчмами, шинками и продажею всяких напитков, с данью медовою, деревом бортным и с правом наказывать непокорных денежною пенею и горлом карать».

Для русских подобное было немыслимо. Наверное, за всю историю России был случай, когда русский дворянин женился на француженке, не принявшей российского гражданства, и вскоре умер, вследствие чего оказалось, что часть земли русской и часть народа России принадлежат гражданину другого государства. Это было чрезвычайное происшествие, которым занимался лично император.

Европейцы вышли из своего феодализма рабами, с рабской психологией и мировоззрением. Они, не понимая сути происходящего в России, могли предложить русскому помещику продать крепостных девушек для вывоза в гарем – и удивляться матерному ответу. Англичане, например, без всякого злого умысла высказали Екатерине II пожелание купить русских солдат для войны в североамериканских колониях. Ведь покупали же они служивых тысячами по всей Европе. И им совершенно невдомек, почему Екатерина сердится, а Потемкин исходит потоком слов, которые невозможно перевести на английский. Как невольнику понять свободного?

Не был русский ничьим рабом, кроме Родины; он был закреплен за дворянином, чтобы обеспечить его готовность к бою за Россию – но и только. Да потом царь-мудрак, предшественник мудрака-Горбачева, по тупости своей положение изменил, заставив Россию умыться кровью

в гражданской войне за народную справедливость. Но изменение это, сделанное Петром III, к личному рабству русских не привело, русский ничьим личным рабом никогда не был, даже рабом царя.

В потоках лжи послеоктябрьской пропаганды, да и в дореволюционных сочинениях мудраков дело представляется так, будто крепостные очень уж страдали от ощущения личной зависимости от помещика. (Автор не имеет в виду барщину и оброк, которые, по сути, являлись налоговой повинностью и налогом.) Не так все просто. Уйти от дворянина, освободиться, выкупиться стремились лишь те, кто благодаря освоенной профессии был твердо уверен, что занимает надежное место в обществе и не подвержен случайностям.

Были крепостные и врачами, и юристами, и художниками, и музыкантами. У графа Шувалова был крепостной-миллионщик, имевший десятки своих судов на Балтике. Платил Шувалову оброк такой же, как и все его крепостные, и не думал выкупаться «на волю», пока его сын не влюбился в дочь прибалтийского барона. Согласитесь, что столь безумная идея – выдать дочь за крепостного – не прельщала барона – ведь сам он мог своего крепостного даже повесить. Шувалов покочевряжился – жаль было терять объект для хвастовства перед другими дворянами, – но судовладельцу вольную дал.

Ярый ненавистник крепостного права Герцен описал случай, когда его родственник «отпустил на волю» своих дворовых людей. Они бросились к нему с криком: «Батюшка, не гони!» Мудраки этот пример прокомментируют однозначно: русские по образу мыслей типичные рабы.

Но давайте разберем эту ситуацию. Дворовые люди «по специальности» – конюхи, кучера, повара, лакеи. Что им делать, будучи свободными? Пойти к другим барам и наняться к ним на те же самые должности? Получать зарплату, которую затем потратят на еду и одежду? Но еду и одежду они, безусловно, получали и у своего барина. Но вот когда наступит старость, то чужой барин их выгонит на улицу. А свой не выгонит, докормит до смерти и с честью похоронит. При своем барине не подохнешь под забором. А если у барина не найдется места в доме, то он в своей деревне построит для старика избушку и обеспечит его до смерти и едой, и одеждой, и дровами. И крестьянской общине за похороны заплатит. Так заведено, ведь дворовый, в сущности, член семьи. Так зачем же ему свобода от всего этого? Описанный Герценом «благодетель» фактически хотел избавиться от затрат по содержанию своих людей, которые столько работали на него.

Скажем, украинскому поэту Т.Г.Шевченко был смысл выкупиться у своего помещика Энгельгардта. К моменту выкупа стало ясно, что он – хороший художник и проживет самостоятельно. Но дворовым и крестьянам -зачем?

У Тургенева есть рассказ об очень богатом крепостном крестьянине, который только в аренде держал 300 десятин земли, но не хотел выкупаться из крепостных и объяснял это просто. Пока он у барина, ни один чиновник-мздоимец к нему не приедет и не ограбит – барин не позволит. А освободится – чиновники поборами разорят.

Салтыков-Щедрин, описывая свое детство, рассказывает об одном помещике, своем родственнике, который был очень жаден. Жаден настолько, что по ночам регулярно ходил воровать овощи на огороды своих крепостных крестьян. Те его там ловили и... били морду. Что помещику, впрочем, плохо помогало. Здесь хорошо чувствуется отношение между дворянами и крестьянами. Они обязаны отработать барщину, но то, что их – это их, и, защищая свою собственность, в средствах они не стеснялись.

Когда этот помещик умер, его крепостная любовница украла все деньги и передала их своему, уже свободному, сыну. Сын помещика, вернувшись из армии, попытался заставить отцову пассию вернуть деньги. С каковой целью начал пороть женщину, но та скоро потеряла сознание. Ее снесли в «холодную», а утром обнаружили, что она умерла.

Узнав об этом, крестьяне тут же пожаловались в судебные органы, и хотя судебно-медицинская экспертиза определила, что женщина умерла не от порки как таковой, что у нее не был поврежден ни один орган, тем не менее следствие длилось три года, и когда дело дошло до Петербурга, там определили лишить сына помещика дворянского звания и сослать навечно в солдаты.

Рассуждая о крепостном праве, привычно вспоминают, по-видимому, умалишенную Салтычиху, замучившую десятки своих крепостных девушек и сосланную за это в монастырь. Но ссылали не только в обитель, да и отнюдь не ссылкой подчас оканчивалось дело.

Жена описанного выше сына помещика была очень жестока по отношению к своим крепостным и кончила тем, что ее задушили подушками ее же горничные.

Кстати, в рассказах о жестокости российских помещиков амплуа злодея достается чаще женщине. Может, потому, что место дворян-мужчин все-таки было в армии.

Вот еще пример. Историк Соловьев приводит любопытный факт. Жестокосердная помещица обожала есть щи под крики своей кухарки, которую для этого во время обеда специально пороли. По-видимому, жалобы на мучительницу последствий не возымели, и случилось следующее: внезапно на помещицу напали разбойники, любимую собачку ее застрелили, а хозяйке прикладом выбили все зубы. Обчистили – до нитки. Помещица созвала по соседям погоню за грабителями. Но хитрые разбойники оставили на дороге бочонок водки. Погоня, естественно, уперлась в бочонок, как в непреодолимое препятствие, и, пока тот не опустел, никуда не двинулась. Разбойники скрылись. Соловьев к этому случаю относится, по-видимому, как к курьезу, но нам интересен столь радикальный способ удержания помещиков в рамках закона.

Ситуацию нельзя рассматривать как однозначную, но видим, что если что-то и ущемляло свободу русского человека, то отнюдь не закон и не обычай, а извращение оных, под прикрытием бюрократической судебной камарильи.

Изначальным предназначением дворян в России было не сельское хозяйство: их стезя – военная служба, извечная и непрерывная.

Пока Русское государство было невелико, а татары нападали в основном в начале лета, когда есть корм для лошадей, западные же противники – только в разгаре зимы, когда замерзнут болота и установятся дороги, дворяне выкраивали время для ведения хозяйства и отдыха дома. Но территория России расширялась, на окраинах закладывались и строились крепости, нуждающиеся в гарнизонах. Ездить на побывку домой дворянам стало некогда. В 15 лет призванные «новиком» на службу, они до самой старости могли ни разу не побывать в родном краю, не повидать своих крепостных, которых тем временем разорял недобросовестный управляющий. Отпуска не приветствовались, чтобы получить их, приходилось давать огромные взятки чиновникам, да и что решал отпуск... Тяготы службы лежали равно на всех. Фельдмаршал Шереметев, глубокий старик, слезно просил Петра I отпустить его со службы. Петр даже не ответил.

Лет тридцать спустя, в октябре 1736 года, фельдмаршал Лесси, храбрый и скромный генерал-трудяга, участвовавший почти во всех более или менее крупных военных кампаниях того времени – и в Польше, и на юге, -напишет рапорт: «Понеже я с начала отбытия моего в Польшу уже четвертый год в домишке моем не бывал и бедной моей фамилии не только не видал, но за отдалением и мало писем получал, паче же дети мои одни без всякой науки, а другие без призрения находятся, того ради Ваше Императорское Величество приемлю дерзновение утруждать, чтобы нынешнее зимнее время соизволили от команды меня уволить в Ригу». Но вместо отпуска получит выговор.

Непрерывность и длительность службы дворян, помимо трудностей общего порядка, имела следствием деградацию их поместий. В России за службу державе Российской не платили ничего и никогда. Какую плату должен получать сын за служение семье? Если и давали плату, то в тех пределах, чтобы мог служить. Тех, кто имел крепостных, естественно, содержали они. Но крепостное хозяйство – это предприятие, им надо управлять, ему нужен рачительный хозяин. Иначе предприятие хиреет и уменьшается доход владельца. Вот и получалось: чем лучше и труднее служишь, тем хуже живешь.

Люди знающие могут возразить: в те времена-де воин любой армии получал не только доход от своего поместья, не только жалованье соответственно чину и заслугам, но и часть военной добычи, а она порой могла быть весьма значительной.

Например, Горацио Нельсон, став капитаном корабля, быстро разбогател. И для английского флота это было естественно. Уже в первых боях доля Нельсона в добыче составила 800 фунтов стерлингов, а его биографы сетуют, что их герой не участвовал в захвате и ограблении испанского порта Омоа в Гондурасском заливе, где «гонорар» моряков и морской пехоты составил 3 миллиона долларов. Обычное дело. Но это – «цивилизованная» Англия.

А вот Россия. Русские под командованием фельдмаршала Шереметева взяли шведскую крепость Мариенбург. Среди трофеев – женщины, и это тоже по тем временам обычно. Фельдмаршалу приглянулась одна из них, но он не берет ее как свою долю добычи, а покупает за рубль у солдата. Впоследствии эта женщина станет первой российской императрицей. Но нас интере-

сует другое: почему солдаты с добычей, а фельдмаршал без?

«Наука побеждать» А.В.Суворова – поучение солдату: «Обывателя не обижай: он нас поит и кормит. Солдат – не разбойник. Святая добыча: возьми лагерь – все ваше! Возьми крепость – все ваше! В Измаиле, кроме иного, делили золото и серебро пригоршнями. Так и во многих местах». Вопрос: почему Суворов в одном месте пишет «нас поит и кормит», а в другом – «все ваше», а не «все наше»?

Ответ прост, хотя его и мало кто знает. В отличие от западных дворян русские в «святой» военной добыче никогда не участвовали, не имели прав. Она принадлежала только царю и солдатам – отцу и семье. Для русских дворян война была делом всегда бесприбыльным. Можно гадать, почему дело обстояло именно так, но обратим внимание на то, что и здесь налицо некоторое отделение дворян от народа.

Рассуждая о дворянах, о воинстве, не лишним будет сказать пару слов о русских как о солдатах.

Солдат – сложная профессия, в основе которой должны быть заложены два начала.

Первое. Это профессионал, то есть человек, хорошо умеющий убивать в бою солдат противника. Для этого он должен знать большое количество специальных приемов и хорошо владеть ими, точно так же, как и работник любой другой профессии. И как в любой другой профессии, для этого нужен стимул. Сознание того, что солдата могут убить, если он будет плохим профессионалом, тоже стимул, но он, как ни странно, работает обычно плохо, ведь ясно, что с появлением оружия дальнего поражения в бою убить могут любого. К тому же учатся убивать в мирное время, когда этого стимула нет.

Стимулом может быть личный доход, позволяющий достичь благосостояния благодаря своему профессионализму. Платой может быть как жалованье наемного солдата, так и возможность грабежа, мародерства, дележа добычи. Но в любом случае возможность разбогатеть благодаря своей профессии, безусловно, хорошо влияет на степень ее освоения.

Для русских это никогда не было стимулом. Армия России никогда не была наемной, а русские никогда не были наемниками. Военная служба -долг, священная повинность, ее обязаны нести все. За то, что служишь, денег не платили, платили для того, чтобы служил. Многим не понятна разница, но она есть, и существенная. Скажем, один сын в семье может заниматься ее охраной профессионально, и для этого семья платит ему деньги Платят деньги и наемнику. Но вдруг создалось положение, что у семьи нет денег. Наемник скажет: «Гуд бай, май фрэндз», и будет прав: ему обязались платить за то, что он служит.

Сын так сказать не может ни при каких обстоятельствах. Он защищает свою семью... есть у нее деньги или нет, для сути его службы значения не имеет. Это его долг.

А возможность грабить во время войны чаще всего отсутствовала. Подавляющее число войн, которые вела Россия, были войнами оборонительными. Кого грабить? Свои, освобожденные тобой города? Да и в отношении противника грабеж, начиная с девятнадцатого века, перестал поощряться, а затем начал преследоваться. Материальный стимул в освоении солдатской профессии в России отсутствовал всегда.

И надо сказать, что, как это ни парадоксально, но с профессиональной точки зрения в мирное время и в начале войны русские солдаты всегда уступают иностранным.

Мы имеем тому в истории сотни подтверждений. Вот лишь некоторые. В Смутное время отчаявшиеся бояре, не способные во главе ополчения справиться с поляками, нанимают шведов. Под Нарвой Карл XII буквально разгоняет втрое превосходящее численностью его армию русское войско по командованием Петра I. Под Полтавой Петр ставит за линией своих войск заградительные отряды. Кутузов под Бородином принимает жесткие мер) против бегущих и дезертиров. Кавалерист-девица Дурова с отрядом улан ночью натыкается на казачий разъезд, и уланы, решив, что это французы, удирают, бросив даму и свою начальницу. И та вздыхает о хорватах, с которыми раньше служила. А 1941-й?

Но в профессии солдата есть и другое начало. Он действует в условиях опасности для жизни, он должен морально принять неизбежность своей смерти в бою и на жизнь смотреть как на счастливый случай. И чем тяжелее бой, чем тягостнее война, тем больше жертв требуется от солдата, тем тверже он должен быть.

И никакой материальный стимул этой твердости не даст. Зачем мертвому деньги? Даже если он профессионал.

Только сознание того, что от тебя зависит жизнь твоей семьи, только кровная привязанность к ней, только патриотизм дает такую твердость. Не слава великого воина, не лавры героя, а преданность своему народу.

Да, русские тоже из костей и мяса. Им тоже страшно. И они в первых боях бегут, паникуют, сдаются. Но проходит время, появляется ярость, обида за потери, страх не за себя, а за семью, накапливается по крупице опыт бить врага – и русская армия превращается в силу, которую никто не в состоянии остановить.

И вот уже великий полководец Фридрих II, не потерпевший ни одного поражения в войнах с Францией и Австрией, отдает русскому солдату и Пруссию, и Берлин, сетуя: «Русского солдата мало убить, его нужно еще и повалить!»

Еще недавно Красная Армия, бросая пушки, танки, пленных, бежала к Волге, но прошло два года – и она берет сильнейшую крепость Кенингсберг, теряя в 8-дневном штурме менее 4 тысяч человек. Осажденные немцы в этих мощнейших укреплениях Европы теряют 40 тысяч, да 92 тысячи успевают сдаться.

Это прописная истина, но мудраки никак ее понять не могут, покажут им по телевизору учения американской наемной армии, и они аж млеют от восторга. Профессионалы! Да, и неплохие. И дел могут наделать много. В начале. Но русская армия и не таких видала. Конечно, нелегко будет, но справимся, как деды-прадеды справлялись.

Когда немцы подходили к Москве, академик Вернадский высказал свои опасения Калинину и удивился полнейшему спокойствию последнего. «Ничего, – успокаивал его Калинин, – нам надо разозлиться». Но Калинин -исконный русский мужик, с ним все ясно, он обязан понимать.

А вот тоже русский, но шотландец. Раненный под Аустерлицем генерал Барклай де Толли в госпитале обсуждает возможные пути победы над Наполеоном. Уже тогда, в 1805 году, он видел единственный путь для этого: пропустить войска Бонапарта в глубь России и начать уничтожать их там, в глубине, всем миром. Уж очень сильная была армия у Наполеона. Но ничего. Европа с ней не справилась, а Россия сладила. Чисто русским путем, тяжелым путем, кровавым. За это Россия и не любит войны. Профессионалов, чтобы воевать, у России нет, а детей жалко.

Но вернемся к дворянам и крепостным. В любом случае мы видим, что положение дворян в России до второй половины восемнадцатого века, пожалуй, худшее из всех сословий.

Как ни тяжело крестьянину, но он дома, у него есть жена, дети, праздники, нет постоянной опасности для жизни, у него есть пусть и призрачная, но надежда разбогатеть и жить лучше. У дворянина есть только служба. «Служба дни и ночи». Дворянские дети стали тайно записываться в купцы.

Жалобы дворян стекались ко двору, и наконец в 1736 году императрица распорядилась, со многими оговорками, что из нескольких братьев-дворян в семье одного можно оставить для ведения хозяйства; остальным определить службу в 25 лет, считая с 20, то есть до 45 лет. В этом возрасте дворян можно увольнять, если они действительно служили в армии, а не Бог знает где ошивались. Впрочем, гласит указ императрицы: «А понеже ныне с турками война, то оставлять по вышеписанному только по окончании войн». И все же дворяне вздохнули свободнее – справедливость восторжествовала. Далее в судьбу дворян вмешивается мудрак Петр III, но об этом – ниже.

Заканчивая раздел о дворянах и крепостных, следует упомянуть, что крепостные были в распоряжении еще нескольких сословий или институтов России.

Во-первых, в распоряжении собственно государства, то есть ими командовали бюрократы.

Во-вторых, крестьяне прикреплялись к монастырям. Дело в том, что монастыри исконно строились как крепости, как военные опорные пункты для русской армии. Почти все они были оснащены вооружением, а такие, как Соловецкий, например, могли выдержать осаду силами одних монахов. Кроме того, обители были своеобразным органом социального обеспечения. Здесь доживали свою жизнь престарелые и увечные солдаты и офицеры. Причем как русские, так и иностранцы, служившие в русской армии. Сначала вышла заминка с вероисповеданием, но потом на него махнули рукой: «Пусть живут в монастырях, а молятся как хотят». К тому же церковь благодаря этим крепостным накапливала изрядный запас денег и материальных средств, которые пускала в дело в трудное для России время.

Крепостных церковь не покупала, обычно деревни, приписанные к монастырям, были пожертвованиями царей и дворян.

И в-третьих. Крепостных имели сами крепостные крестьяне! Что здесь интересно, так это то, что свободные крестьяне, а их было около 40 процентов от числа всех крестьян России, крепостных, разумеется, иметь не могли, так как не несли военной службы государству и не имели других способов их приобретения. Юридически не могли иметь крепостных и крепостные, но фактически имели. Делалось это так. Разбогатевший крепостной, решивший вложить деньги в приобретение крестьян, оформлял покупку на своего барина, но крепостными они были его. Поскольку они прятались, так сказать, за его спиной (хребтом), то и назывались – «захребетники».

Автор хотел бы, чтобы читающие эти строки уразумели, что русский крепостной – это не то что поляк или чухонец. Это не раб – ни в душе, ни в мировоззрении. Для него помещик – не Бог и не царь, а только командир, содержать которого необходимо для своей собственной безопасности. И подчиняться ему нужно тоже только из этих соображений.

Для русского немыслимо, чтобы его не прикрепили к другому русскому воину, а продали разбогатевшему кабатчику, да еще и с правом кабатчика убить своего крепостного. Для русского немыслимо, чтобы его, даже если он солдат, продали за границу. Воевать в составе войск союзников за Россию, воевать за союзников – это понятно. Но быть проданным, как немец, чтобы убивать Бог знает где индейцев или североамериканских поселенцев, которые ничего России не сделали – это не по-русски.

Исконно дворяне только воины. В другом качестве они и даром не были нужны России. Это издревле заведено, и в этом была высшая справедливость, которой не понимал Петр Ш и другие мудраки вместе с ним. И только до тех пор, пока дворяне преданно служили России своей кровью, -только до тех пор они имели право на часть рабочего времени закрепленных за ними крестьян, имели право дать им ограниченный круг распоряжений и потребовать исполнения последних, прибегая в случае необходимости к традиционному способу наказания – порке. И только.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА

Основная масса населения России, собственно русские люди, люди, которые несли в себе то, что называют духовной силой народа, это крестьяне. Даже в 1917 году их количество превышало 85 процентов населения страны.

Как «технарь», скажу, что 85 процентов – достаточно весомая величина: если есть 85-процентная вероятность получения ожидаемого результата, то соответствующий процесс перестают в ряде случаев контролировать -такая вероятность считается достаточной.

Если мы хотим понять Россию, то обязаны понять образ мыслей крестьян, ибо они – суть России. Мы все из крестьян, если не в первом, то во втором или третьем колене. И в нас самих сидит крестьянский дух, русский дух. И когда поэт говорит: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет», значит, здесь пахнет крестьянином, поскольку ничего более русского у нас нет.

Русские крестьяне никогда не жили отдельно друг от друга, а вернее сказать, много сот лет жили вместе, общинами, и именно эти общины они называли «мир». Не зная правил «мира», основополагающих его принципов, бессмысленно говорить о русских. Ибо все мы оттуда – из общины, из мира.

Почему «среднестатистический» западный человек в случае, если ему надо переехать с квартиры на квартиру, наймет за деньги машину и грузчиков, которые перевезут пожитки его? И почему 99 процентов русских, если им надо сделать то же, пригласят приятелей, для которых купят водки и закуски на сумму, превышающую ту, что они заплатили бы грузчикам, и после переезда устроят с приятелями попойку?

Почему самой стабильной валютой России остается бутылка водки, причем выпиваемая зачастую совместно? Потому что русские пьяницы? Но ведь не пьют же они больше, чем, скажем, французы.

Формально русский мир, русская община была убита в, пожалуй, столетней борьбе с бюрократией, но дух ее живет в нас. Он пока неистребим, и его нельзя не учитывать.

Каковы с точки зрения демократического правления основные особенности русской общины? Чтобы понять это, нужно ясно представить то, что есть сейчас, и то, что было.

Сейчас законодатели регламентируют мельчайшие подробности нашей внутренней жизни, причем делают это одинаково (единообразно) для всего населения страны и еще гордятся этим.

Председатель Верховного Совета СССР А.И.Лукьянов с гордостью сообщил, что Съезд народных депутатов СССР за два года принял более 200 законодательных актов, а Председатель Верховного Совета РФ Р.И.Хасбулатов хвастался, что российский съезд за два года принял 700 таких актов! А сколько еще напринимают?

В этих актах регламентируется все, что бюрократия может только придумать: какую армию иметь, сколько ей платить, сколько налогов собирать, сколько денег давать учителям, сколько гражданам страны работать, сколько врачей иметь, как продавать и покупать – и прочее, прочее. Со всех сторон несется крик, что у нас власть народная, но народ не имеет к ней никакого отношения, так как команды – всему населению сразу – дает единая бюрократия из одного центра. Народ в законах и указах, как в тисках. Но бюрократии – раздолье.

Свободолюбивый русский народ прежде этого не терпел и, объединенный в общины, очень долго оказывал сопротивление подобному бюрократическому безумию.

Схема управления в России изначально строилась таким образом. Царь – и законодатель, и исполнитель – командовал, казалось бы, безраздельно всей Россией. Внешне это выглядит так, но мало кто обращает внимание, что с точки зрения подданных, с позиции народа, он командовал в очень узких областях общественной жизни. Крестьянам с его указами, с командами центра сталкиваться приходилось очень редко.

Сначала царь занимался только внешней защитой, для чего и обязывал народ поступать по его царской воле, а не так, как тот считает нужным, в трех случаях: при выплате податей; при отработке урочного времени на дружинника, а впоследствии – дворянина; при поставке рекрута в русскую армию. Стоит упомянуть еще уголовное право – царь с помощью утверждаемых им законов преследовал уголовных преступников на всей территории России, но если крестьянин не преступал закон, то его это прямо не касалось. Впоследствии цари стали обращать внимание на промышленность, науку, интеллектуальную защиту народа – строили и содержали университеты, поощряли искусства и т.д. Но и это касалось крестьянина только опосредованно, через налог – подать.

Сколько раз в год крестьянину приходилось вспоминать, что у него есть царь, а у царя законы? Как часто он сталкивался с этими законами?

С одним трижды за неделю – это обусловленная царским законом необходимость отработать урочное время на дворянина. А с остальными? Два-три раза в год – не более!

А нам, живущим ныне, сколько раз приходится сталкиваться с законами и указами, спускаемыми из столицы? Из области?

Пример из недавнего прошлого. Мы утром просыпались в квартире, размеры которой были определены в столице, плата за которую устанавливались там же; одевали костюм, цена его определялась в Москве; ели еду, качество которой регламентировалось сверху; выходили из дому и садились в автобус, в котором зарплату водителя, цену билета, штраф за безбилетный проезд определили в Москве; приходили на работу в те часы, в которые нам предписали делать это в столице, и получали за свой труд ровно столько, сколько постановили нам дать там же. А работники сельского хозяйства сеяли и растили то, что было определено свыше – сеяли и растили под неусыпным доглядом начальства всех мастей.

Мы были опутаны бюрократическими цепями, причем бюрократия и ее мудраки громко кричали, что все это делается для нашего блага, что иначе – ну никак нельзя! Сегодня эта же бюрократия штампует еще большее количество законов и по-прежнему убеждает всех, что иного не дано.

Нет! Можно! И было можно, пока цари не склонили головы перед бюрократией и мудраками. Русская крестьянская община не имела над собой никаких законов высшей власти, кроме немногих упомянутых нами, и в общественной и хозяйственной жизни управлялась самостоятельно. Народ управлял собой сам. Как это еще назвать, если не демократия? Да, русские крестьяне не избирали всеобщим и тайным голосованием депутата, чтобы тот якобы от их имени что-то там вещал в парламенте, причем то, что ни он сам, ни они, избиратели, не понимают. Общине этого не требовалось, так как свои законы для себя она устанавливала сама, и каждый ее член, подчеркнем – каждый, оказывал непосредственное влияние на формирование этих законов.

В различных общинах и законы самоуправления были разные. Русская поговорка того времени гласила: «Что город – то и норов, что деревня – то и обычай». Писаных-то законов не было, законы утверждались в виде обычаев, которые запоминались миром, и этим обычаям неукосни-

тельно следовал каждый член общины. В этом смысле любая деревня, любая община были отдельным государством, как сказали бы нынешние мудраки, – суверенным.

Тем не менее было несколько правил, обычаев, общих для всей России. Веками русские люди подмечали, что требуется, чтобы дружно жить вместе, и в принципе они недалеко ушли от заповедей ортодоксальных христиан или правоверных мусульман. Главное – это всеобщая справедливость, здесь русские не сделали никакого открытия, но интересны пути, которыми обеспечивалась эта справедливость.

Разумеется, что для России, объединенной по принципу семьи, главным законом, или главным обычаем, было то, что и община формировалась по принципу семьи, но без конкретного отца во главе. «Отцом» было общее собрание общины – коллективный орган ее управления. Причем это собрание не было собранием представителей, каждый член общины автоматически был членом этого собрания, и голос его был настолько весом, что подобное не могло и присниться, например, депутатам предтечи всех парламентов – английского.

С принципом семьи, русской семьи, органично был связан следующий принцип – ни один член общины не может быть исключен из нее ни при каких условиях. Родился в общине либо был принят в нее – все, нет силы, способной тебя из нее выдворить. Правда, в обычной семье отец мог отделить от себя сына, отдав ему равную и для всех других долю имущества. В общине же наоборот – ее член мог уйти из нее только добровольно, но ничего из коллективного общинного имущества ему не причиталось.

Тем не менее, и тот и другой принцип сохраняли справедливость, но только в разных условиях. И в семье, и в общине человек был уверен: какие бы новые веяния ни овладели его отцом или общиной, никакой несправедливости лично с ним не произойдет.

Из принципа семьи вытекал и другой принцип, или особенность – община весьма пренебрежительно относилась к «священному праву» личной собственности вообще и к личной собственности на землю в особенности.

В семье не может быть у кого-либо какой-то личной собственности на то, благодаря чему вся семья существует. Непризнание личной собственности на землю – вот подлинно священная русская идея, пронесенная через тысячелетие. Только общая собственность, и находиться земля должна в распоряжении только того, кто ее обрабатывает.

Третий русский принцип, единый для всех общин: решение на собрании общины могло быть принято только единогласно. Община не утруждала себя подсчетом голосов. Если был хотя бы один несогласный, решение не принималось.

Это такой принцип, о возможности которого парламентские мудраки и не подозревают. Ну как, действительно, хоть в какой-либо «говорильне» мира этот принцип внедрить? Ведь это тупик. Парламент не примет ни одного решения. Действительно, в парламентах это невозможно, а сотни тысяч русских общин на протяжении тысячелетия управлялись этим принципом. Решения принимались только единогласно.

Тут нужно понять вот что. Русский мужик, русский человек в своей коренной сути – истинный демократ, то есть он всегда понимал, что общественный интерес выше личного, причем не просто понимал, но и руководствовался этим.

И на мирских сходках крестьяне думали именно об интересах общины, а не о своих собственных, следовательно, разногласий быть не могло ни у кого.

А в парламенте идет борьба личных интересов, даже если это интересы групп, или партий, или слоев населения. Этих интересов много, поэтому невозможно достичь и единогласия.

Далее. Для крестьянина община – это дом, в котором живет он и будут жить его дети. Разорение общины – разорение его лично. Крестьянин персонально отвечал своей судьбой за свое решение, за свой голос.

А в парламентах, особенно советских и постсоветских, депутаты за свои решения лично не отвечают и поэтому могут позволить себе голосовать как Бог на душу положит.

Крестьянские сходки, особенно по запутанным вопросам, могли длиться много вечеров подряд и порой принимали весьма грубую форму, доходило чуть ли не до драки. Там не стеснялись и не обязаны были стесняться, обсуждались все мелочи, все аспекты решаемого вопроса, даже если они затрагивали деликатные стороны чьей-либо жизни, о которых в обычное время спорящие не рискнут спросить. Общинная проблема выворачивалась наизнанку, рассматривалась абсолютно со всех сторон – до тех пор, пока каждый член общины не начинал понимать,

что обсуждаемое решение должно быть принято, пусть оно лично его и не устраивает, но для всей общины в целом это решение единственно возможное. И решение принималось только тогда, когда затихал, соглашаясь, последний спорящий.

В сравнении с традиционной крестьянской сходкой сегодняшние парламентские бдения выглядят крайне позорно. Депутаты собираются обсуждать тяжелейшие вопросы государства, но начинают с того, что договариваются, когда закончить свое собрание. А кто сказал, что отведенного времени хватит? Ведь вопрос еще и не начинали обсуждать!

А могло ли случиться, что, несмотря на длительность обсуждения, какой-либо член общины, преследуя личный интерес, все-таки не согласится с большинством? Да, могло. В этом случае, устав от споров, две или три сотни человек могли уступить одному и принять решение, выгодное только этому человеку. Но община – не институт благородных девиц – в нее входили занятые тяжелой работой, лично преданные обществу и достаточно решительные люди. Человеку, пошедшему против мира, никто и ничего не прощал. Он обязательно за свою дерзость расплачивался и часто вынужден был из общины уходить. С ним начинали случаться всякие неприятные вещи – тонула в болоте корова, сгорало сено, внезапно ломались колеса у подводы – и так далее, пока человек не начинал понимать смысл поговорки: «Против мира не попрешь!»

Кулаки-мироеды, впоследствии насиловавшие общину благодаря деньгам, всегда строились только в центре села, только в тесноте других домов, настолько тесно с ними, чтобы пламя от их горящего дома обязательно перебросилось на другие избы. Понимали, что только в этом случае их не подожгут.

А что давало единогласие при принятии решений отдельному человеку – понятно всем. Это гарантия того, что твоим голосом, твоим личным интересом никто не пренебрежет. Поскольку интерес общества – это учесть интересы всех. Никто не прекратит прений, не захотев выслушать твое мнение, не дождавшись, пока выскажутся все желающие. Можно много болтать об уважении к каждой отдельной личности, а можно ввести в закон уважение к ней. Можно кричать, что раз в этом государстве свобода слова, то это очень цивилизованное государство, и при этом забыть, что свобода слова без обязанности слушать – это забава для мудраков. Что толку говорить, если тебе никто не собирается внимать?

Крестьянская община России в отличие от подавляющей части российской интеллигенции, предпочитающей мудрачествовать на западный манер, это понимала и этим руководствовалась.

Еще одно правило, общее для всех крестьянских общин – справедливость в распределении средств своего существования – земли. Конкретные способы размежевания земельных угодий у каждой общины были разные.

И наконец, единой для всех общин была коллективная ответственность по внешним обязательствам – уплаты налогов, поставки рекрутов в армию.

Если, к примеру, в общине было 200 человек, обязанных платить подати царю, то ни один из них непосредственно свои положенные 12 целковых в налоговое ведомство не носил, все 2400 рублей община платила одной суммой, а сколько с кого взять, решала самостоятельно.

Так же и с набором рекрутов. Если, к примеру, полагалось выставить в армию одного человек из 100, то военное ведомство не искало этих людей по деревням и селам. Община определяла, кому идти служить, причем очень часто стремилась купить рекрута на стороне, то есть найти пригодного к службе бессемейного мужчину, который бы за огромные по тем временам деньги, собранные миром, согласился пойти в солдаты. Если такого сыскать не удавалось, мир решал, из какой семьи взять служивого. И тогда платили ему. Решение общины, приговор мира обжалованию не подлежал, выбранного могли доставить к призывному пункту без его согласия, связанным.

Община исполняла свои обязательства добросовестно и требовала к себе такого же отношения. Если помещики или чиновники, нарушая уложения и обычаи, наносили общине обиды, а та законным путем не могла добиться справедливости, она решалась на крайние меры.

Вплоть до бунта. Между тем и цари понимали, что причины волнений часто коренятся в действиях самих властей, сознавали, что пролитая кровь может вызывать потоки ответной. Понимая это, государство при вспышке бунта всегда старалось погасить его без крови, насколько это было возможно. Характерно, что орденом «Св. Владимира», четвертая степень которого уже давала дворянство, награждались те офицеры и чиновники, которые сумели погасить крестьянские волнения, не прибегая к оружию. Это действительно требовало мужества, так как возму-

щенная община не щадила ни себя, ни своих обидчиков.

Характерный пример. Если общине не удавалось мирными способами призвать к порядку своего помещика, то она могли не бунтовать, а сделать, скажем, следующее.

Выбирались несколько мужчин, которые шли и убивали помещика с семьей, а усадьбу поджигали. Затем сдавались властям. Россия не знала смертной казни, вернее, смертная казнь применялась в исключительных случаях по узкому перечню статей уложения. Поэтому суд приговаривал преступников к каторжным работам на тот или иной срок и дальнейшему поселению в Сибири. Брачные узы почитались священными, считалось, что браки заключаются на небесах и не людям их разрывать. Поэтому, по существовавшему закону, семья осужденного (при ее желании) на казенный счет также отправлялась в Сибирь к месту каторги и ссылки, поселялась у тюрьмы, и там же ей за счет казны назначалось содержание. Но помимо этого вся община регулярно собирала деньги и отправляла их в Сибирь осужденным, поскольку в ее глазах, естественно, это были не преступники, а герои, «пострадавшие за мир».

Мы видим, что русские люди были объединены в полностью самоуправляемые общины, имевшие хотя и строгие обязательства перед государством, но по очень небольшому перечню вопросов. Община была способна в ряде случаев эффективно защитить свой суверенитет перед кем бы то ни было, как это может сделать только семья.

Приоритет духовных ценностей, таких, как преданность обществу, готовность к самопожертвованию ради него, обостренное чувство справедливости и пренебрежительное отношение к абсолютизируемым ценностям материальным, таким, как неприкосновенность частной собственности, включая собственность на землю, определяли различие в поведении русских людей, с одной стороны, и людей Запада и приверженцев их мировоззрения в России (так называемых западников»!), с другой.

Много веков подряд русские расселялись по всему свету, осваивали необжитые места, укоренялись там. То же самое делали англичане, французы, немцы. Они так же переселялись на новые земли – в Америку, Африку, Австралию.

Но те и другие делали это по-разному. Скажем, европейские переселенцы осваивали североамериканские прерии. Они приходили на пустые места, столбили выделенный им участок земли, ставили дом и ферму, устанавливали дружественные отношения с соседями для совместных действий против общих бед и опасностей. Налоги они платили в зависимости от количества находившейся в их владении земли, и с течением времени удары судьбы разоряли часть из них, их участки скупались более удачливыми соседями, а неудачники становились городскими и сельскими пролетариями. Это соответствовало образу мыслей западного человека, в этом не было ничего, что бы тревожило его совесть.

Русские поступали иначе. Когда крестьянская община приходила на выделенную ей на всех землю, то прежде всего выбирала самое удобное место для села или деревни. Исходя из того, сколько в ее числе нераспавшихся семей, отводила каждой участок под усадьбу. Эти участки нарезались рядом друг с другом, образуя одну или несколько улиц будущего селения. Одновременно община учитывала, что семьи будут расти и делиться, в связи с чем оставлялся резерв для будущего расширения селения.

Оставшаяся земля делилась на три части: луга, пастбища и пахотная земля. Могла быть и четвертая часть – лес. Всей этой землей община пользовалась сообща. Вспомним, каким образом это делалось.

На земле, выбранной под усадьбы, всем миром строились дома, и, независимо от того, была это сильная и богатая семья или маленькая и бедная, мир не прекращал работу, пока дома не стояли у всех.

Весь скот села единым стадом выпускался на пастбища.

С пашней и лугами было сложнее.

Пахотная земля, во-первых, делилась на сорта в зависимости от ее качества: одна на пригорке, другая в низине, в третьей больше глины, в четвертой – песка и так далее. В разных общинах земельные угодья подразделяли на разное количество сортов, в некоторых – до 15.

Далее земля делилась на участки – наделы. Исходили при этом из следующих соображений. Налогом – податью среди крестьян облагались только лица мужского пола, но зато все: стар и млад. Перепись населения производилась периодически раз в семь лет. Зафиксированное в переписи количество лиц мужского пола оставалось для налогов единым на весь этот период. То

есть фактически облагались податью не отдельные люди, а вся община, а число мужчин в ней было, по сути, количественной оценкой налогоспособности данной общины.

Если в ней на момент переписи было сто мальчиков, мужчин и стариков, а размер налога с каждого 12 рублей в год, то общая подать составляла 1200 рублей, и в течение ближайших семи лет платить нужно было именно эту подать. Со сбором налогов внутри общины должен был разобраться сам мир. Что он и делал. В каждой отдельно взятой общине это могло происходить по-разному, но принцип был един – мир не принуждал крестьянина платить налог, если не предоставлял ему землю, чтобы требуемую для уплаты сумму заработать. Наделение землей происходило чаще всего таким образом. Каждый сорт пахотных угодий делился на число налогоплательщиков. Получившийся в результате надел мог состоять из полосок земли разного сорта – в количестве до 15. К тому же эти полоски располагались в трех полях – яровом, озимом и пару. (Над этим сильно смеялись столичные мудраки – сначала в Петербурге, а потом в Москве и Ленинграде, однако не стоит забывать: прежде всех неразумность такого дележа понимали сами крестьяне, но справедливость для них была выше целесообразности.)

Далее, нарезанные наделы распределялись между семьями, но не поровну, а с учетом силы каждой семьи, в зависимости от того, сколько она имела рабочих рук для обработки земли.

Скажем, в состав семьи входили четыре лица мужского пола – отец и трое малолетних сыновей. Формально она имела право на четыре надела или надел четырехкратной величины. Но община могла выделить этой семье всего лишь два, так как в ней фактически некому было бы эти четыре надела обрабатывать, а следовательно, была низка вероятность, что семья окажется способна внести в общинную кассу свою часть податей. А другой семье, в которой только один мужчина – отец, но есть три взрослые незамужние дочери, община могла дать не один, а три надела.

В промежутки между переписями населения состав семей мог измениться: мальчики взрослели, дочери выходили замуж. Община ежегодно оперативно реагировала на эти перемены. У ослабевших семей наделы изымались и передавались тем семьям, которые входили в силу. Никаких условий получившим землю не ставилось, разве что заплатить предыдущему владельцу за улучшение качества надела, скажем, за изгородь вокруг поля. Свято исповедовался принцип – землей владеет только тот, кто ее обрабатывает.

В некоторых губерниях велся более точный учет силы семьи: мальчик 10 лет получал право на 0,25 надела, 12 лет – 0,5 надела, 14 лет – 0,75 надела, мужчина с 20 до 55 лет мог получить до 2 наделов, но с 55 – всего 0,5 надела, а с 60 лет крестьянин освобождался и от земли, и от подати. Очень редко, но бывало, что общины делили землю «по едокам», то есть пропорционально сумме числа мужчин и женщин в семье.

В других общинах для уменьшения числа полосок земли, составлявших один надел, тщательно высчитывали прибыль, которую может дать одному работнику земля того или иного качества. Пропорционально этой вероятной прибыли устанавливалась длина шестов, которыми мерили землю разного сорта. То есть в одном наделе земля оказывалась похуже, но ее было больше, а в другом – получше, но меньше.

Чтобы определить, кому какой надел достанется, метали жребий. Да и вообще в России жеребьевка применялась практически в любом случае, когда надо было что-то делить.

Многие русские исследователи, жившие на селе в прошлом веке, предсказывали развитие общины в направлении коллективного хозяйства, но, конечно, не в такой обюрокраченной форме, какую явили собой колхозы в их окончательном виде.

Действительно, во многих общинах выделялись специальные поля, которые обрабатывались всем миром. Собранный урожай иногда делился, но чаще шел в уплату налогов, на помощь немощным, короче говоря – на социальные цели. Иногда для этого арендовалось поле у помещика или вся его усадьба.

Разумеется, никто в общине не мог продать свой надел, правда, его можно было сдать в аренду. Но вся община могла продать часть угодий, она же могла и купить землю, пополнив ее запас.

При косьбе лугов также отмечалась тенденция к коллективному ведению хозяйства. Общины в те годы могли и луга разделить на полоски, и каждую такую полоску выкашивал хозяин. Но некоторые общины делились на артели и луга делили по числу артелей и количеству членов каждой из них. Затем артель дружно косила весь луг, ставила и ровняла стога по числу людей,

после чего по жребию делила готовое сено.

Община обеспечивала каждому своему члену право на труд безо всяких оговорок. Хотел человек работать – ему предоставляли для этого равные со всеми условия.

Община являлась и органом социального обеспечения. Обычно немощные старики доживали свой век у детей, а сироты-малолетки воспитывались и взрослели у близких родственников. Но случалось, когда и старики оставались одни, и дети. Чаще всего в таком случае они «шли по миру». Это означало, что они жили в каждой семье общины по очереди определенное время, скажем, неделю, а одевались – за общинные деньги. (Кстати, в такой заботе была подчас изрядная доля прагматизма: до отмены рекрутских наборов особую ценность для общины представляли мальчики-сироты, за их здоровьем, здоровьем будущих солдат, особенно следили).

Способы вспомоществования могли быть разные. Скажем, община снабжала стариков хлебом и кормами, собранными с миру, или же они жили за счет того, что члены общины регулярно носили им уже готовую к употреблению пищу. И это не было подаянием, благотворительностью. Община попросту обязана была содержать своих немощных членов, и того, кто нуждался в помощи, не заставляли унижаться, ее выпрашивая.

Община собирала больше денег, чем требовало от нее государство. Дополнительные средства шли на те цели, достичь которых сегодня пытается государство за счет увеличения налогов. Община создавала резервы хлеба, община строила школы и нанимала учителей, а если была достаточно сильна, то и врачей или фельдшеров. Фактически ее член платил налог больший, нежели предусмотренный правительством, но размер взимаемого сверх подати устанавливал сам крестьянин и тратил эти излишки тоже сам. За то, что могло сделать только центральное правительство, деньги платились царю; на то, что могла сделать сама община, деньги собирались ею и в руки бюрократии не попадали. Это важно отметить, чтобы понять конечные цели борьбы бюрократии с общиной.

Во всех русских общинах существовала система взаимопомощи. Но особенность ее состояла в том, что каждый, к кому обращались за поддержкой, оказывал ее не от щедрот душевных, а потому, что обязан был помочь.

Эта помощь (в народе говорили: «помочь») подразделялась, в общем, на три категории. В первом случае, если тебя приглашали помочь, нужно было идти, не рассчитывая на какое-либо вознаграждение, а лучше всего вызваться самому, не дожидаясь, пока тебя позовут. Так поступали, как правило, в самых тяжелых случаях, когда член общины сталкивался с обстоятельствами непреодолимой силы, скажем, стихийным бедствием (наводнение снесло избу и т.п.). Тут уж те, кого он просил, или вся община в полном составе отстраивали утраченный дом заново, и никто не вправе был потребовать за это никакой платы.

В другом случае член общины звал на помощь, затеяв дело, которое со временем стало ему не по силам. Скажем, надумал поставить мельницу; или запахал и засеял столько земли, что не в состоянии собрать урожай; или в семье внезапно умер муж, а вдова решила сама сжать созревшую ниву, но не отказываться от надела. В этом случае каждый, кого звали, обязан был помочь, но и хозяин, в свою очередь, должен был отплатить «за помочь» – устроить ужин с выпивкой (отсюда и все наши бутылки во взаиморасчетах).

В третьем случае речь шла, скорее, не о помощи, а о найме на работу в условиях, когда патриархальные отношения не позволяли давать и принимать деньги за работу. Скажем, кулак или помещик зазывают к себе на уборку урожая. В этом случае они обязаны заранее оговорить, каким будет вознаграждение: например, только ужин с выпивкой или еще и танцы. Кого обещанное не устраивало, тот мог с чистой совестью отказаться.

Системой взаимопомощи крестьяне наивно пытались обмануть... Бога. Дело в том, что в страду каждый день был дорог, а в воскресенье Бог запрещал работать, нужно было отдыхать. Но ведь запрещал-то он работать, а не помогать! Вот и помогали, с июня по сентябрь, каждое воскресенье, падая к вечеру без чувств от усталости.

Отметим разницу между русской крестьянской общиной и ее пародийной копией – колхозом.

Во-первых. Колхозная идея зиждилась на марксистской догме, что и крестьянин должен стать пролетарием, то есть наемным рабочим, который пришел на работу, скажем, в 7 утра, добросовестно сделал, что ему приказало начальство, и, получив за это деньги, ушел. А дальше хоть трава не расти. Эта догма превращает рабочего в скотину в промышленности, сделала она рав-

нодушным быдлом и крестьянина. Марксизм базируется только на законах экономики, не обращая внимания на то, что людьми еще надо и управлять – надо предписать им, работникам, определенное поведение.

Русская крестьянская община, хотя и была по сути своей более коммунистической, чем сам основоположник научного коммунизма, но законы поведения людей учитывала.

Крестьянин, трудясь в общине, обрабатывая надел принадлежавшей общине земли, получал за свой труд не зарплату от начальника, а сам конечный результат своих усилий в полном объеме и натуральном виде.

Во-вторых. Община была суверенной, никто не вмешивался в ее дела. Колхоз – это предприятие, где бюрократия властвует как хочет, колхоз –. это предпоследняя победа бюрократии в сельском хозяйстве. (Последней будет расчленение колхозов.)

В остальном идеи общины и колхоза совпадают, да и не могут не совпадать, так как община шла к коллективному труду, а колхозы строились на общинных принципах.

Итак, подытожим сказанное, позволив себе повторить основные положения и выводы, помня, что повторенье – мать ученья.

Итак. Народ – это население страны и будущие поколения. Государство – это население, законодательная и исполнительная власти. Цель государства – защитить народ. Защищает себя государство руками и жизнью населения. Команды населению по защите народа дает законодательная власть. Организует население на эту защиту – исполнительная.

В своей первоначальной идее демократия в России строилась по следующей схеме.

Царь – законодательная власть и глава исполнительной – брал на себя обязанность дать населению команды по защите народа и организовать население на исполнение этих команд только в тех случаях, когда само население себе таких команд дать не могло. Это команды по защите народа от внешнего врага, уголовника (на всей территории России). Это команды по защите интеллекта народа – посредством подготовки научных и инженерных кадров, научных исследований. Это команды по части экономической защиты – путем создания государственной промышленности, наконец, это защита граждан России за рубежом.

В остальных случаях население России, объединенное в общины, команды по своей защите давало себе само.

Можно оспаривать целесообразность отдельных элементов устройства России – крепостное право, монархия и т.д.

Но никто не докажет, что российская идея управления для осуществления демократии (власти народа) была порочна. Она была абсолютна верна. Мало провозгласить власть народа, нужно народу предоставить способы управлять.

Население (крестьяне) не лезло в вопросы управления тем, чего оно понять не могло (армией, внешней политикой и т.д,), и не избирало от себя депутатов, чтобы те в эти вопросы лезли.

А правительство не влезало в те вопросы, в которых оно было некомпетентно – в вопросы внутреннего управления общинами, их экономическими и социальными делами.

При этом государственный аппарат был минимальным по численности, а соответственно, и расходы на него – то есть налоговое бремя народа – были не слишком велики. Подавляющая масса и военных, и гражданских чиновников действительно отвечала за нужное народу Дело, и налоговые средства, взимаемые с народа на их содержание, были оправданы.

Но в России уже созревали две силы, для которых демократия в принципе неприемлема. Об этих силах мы говорили – это буржуазия и аппаратная бюрократия.

Вы видите, что здесь автор поправляет марксизм и, хотя он сам не любит ничего усложнять, тем не менее считает, что Маркс проблему борьбы в обществе сильно упростил. Считать, что мы имеем только два класса-антагониста: рабочих и капиталистов – этого недостаточно. По марксистским понятиям бюрократия – это порождение буржуазных отношений, и, стало быть, по пути движения к коммунизму она исчезнет. Но мы на истории СССР убедились, что дело обстоит далеко не так. Эти две силы различаются сферами приложения: буржуазия занята в той области, где действуют экономические законы, а бюрократия – в области действия законов управления. Тем не менее, объект ограбления у них один – народ. Способы грабежа разные: буржуазия отнимает часть труда у работника в виде прибавочной стоимости, а бюрократия – в виде налога и взятки. Но дерут-то они шкуру с одного барана.

Они конкуренты, они соперники друг другу в отношении к объекту грабежа, но могут стать

на какое-то время союзниками, чтобы сломить сопротивление тех, кого собираются грабить. Но когда сопротивление сломлено и начинается сам процесс ограбления, они становятся заклятыми врагами и, как это ни странно, действуя по принципу: «враг моего врага – мой друг», могут стать и союзниками народу, уничтожая с его помощью конкурента.

В этом классическом треугольнике – народ, буржуазия, бюрократия -все ненавидят друг друга, но все стараются использовать друг друга в борьбе со своим врагом.

Возьмем современность. Ельцин – вождь бюрократии – во имя ее целей развалил Советский Союз. При этом он обещал сытную жизнь и буржуазии, почему та и выступила его верным союзником, хотя она по своей сути – интернациональна. Буржуазия деньгами и боевиками поддержала Ельцина на баррикадах Белого дома и дала его бюрократии разместиться в креслах бывших союзных ведомств. Но эта бюрократия очень быстро смекнула, что налоги с народа и выплачиваемые из этих средств оклады позволяют жить, мягко говоря, скромно – и набросилась на жирные взятки с буржуазии. Та взвыла, буржуазные партии и объединения стали даже в оппозицию к Ельцину.

Но вот Верховный Совет России начал готовить освобождение Ельцина от должности, и буржуазия снова безоговорочно бросается ему на помощь, покупая телевидение, демонстрантов и т.д.

Буржуазия и бюрократия ненавидят друг друга, но больше всего они ненавидят власть народа – демократию, понимают, что они с демократией несовместимы.

Вернемся к крестьянской общине, к миру. Крепнущая буржуазия и уверенно формирующаяся среди чиновников аппаратная бюрократия, не отвечающая непосредственно за защиту народа, начали боевые действия против русского мира. И это естественно.

Чем община не устраивала буржуазию? Последней, чтобы отнимать у народа свою долю прибавочной стоимости, нужно было получить в собственность средства производства, а для крестьян – это земля. Следовательно, буржуазии требовалось, чтобы земля общин поступила в продажу, но для этого нужно было общины уничтожить.

А чем буржуазия не устраивала крестьян? Ведь отбирал же у них прибавочную стоимость в виде податей царь, в виде оброка – помещик! Почему же нельзя делать это буржуазии? По одной простой причине. Царь брал деньги для защиты крестьян, и дворянин в своем первоначальном предназначении – для того же. А буржуа – кулак или капиталист-фабрикант -брали деньги для личного обогащения, ни на какую защиту народа тратить их не собирались, да и никем на то не обязывались. Это грабеж в чистом виде, наглый, беспардонный.

С бюрократией сложнее. Дело в том, что она плодится, жиреет и грабит народ исключительно благодаря идее о его все более надежной защите.

Техника тут простая. Какие-либо чиновники, отчаявшиеся сделать быструю карьеру и не слишком обремененные обязанностями по действительной защите народа, подбрасывают идейку о необходимости той или иной дополнительной защиты его. Скажем, в России много пожаров. Убытки огромны. Как можно такой вопрос ставить без государственного вмешательства? Мудраки активно включаются в кампанию и, расталкивая друг друга, спешат показать свою мудрость и знание жизни «цивилизованных государств». Царь или правительство, не желающие вникнуть в суть вопроса, становятся в положение людей, которые не хотят предотвратить народные убытки. Им это положение не нравится, и они на деньги казны, деньги, полученные за счет налогов, нанимают чиновников и мудраков подготовить соответствующий документ, затем утверждают этот документ и опять же за деньги народа нанимают новую бюрократию, чтобы она следила за исполнением правил, изложенных в документе.

При этом никто не обращает внимания, что убытки от пожаров несет не казна, а сами люди, никто у этих людей не спрашивает, нужны ли им эти правила, эти чиновники, эти контролеры. У подданных забирают деньги и платят новому отряду аппаратной бюрократии. И еще утверждают, что делают это для их же блага.

Царю или другому законодателю нужно выработать собственное понимание вопроса, чтобы не попасться на очередную бюрократическую провокацию. Для этого надо осознать, что такое бюрократия. Но кто это понимал и понимает? Правда, редкие цари верили своей бюрократии, но коварству ее ничего противопоставить не могли.

Отвлечемся немного от проблем общины и посмотрим, как орудовала, бюрократия в недрах самого государственного аппарата.

Легкость, с которой множится бюрократия, особенно характерна для контрольных организаций, которым еще в момент своего создания удается ловко завуалировать истинную цель своей деятельности. Парадокс в том, что их бесполезность для Дела всем ясна, но жить без контроля в системе с бюрократическим механизмом управления никакой начальник не может.

Пример из истории вопроса. Николай I усмотрел всяческие недостатки в составе чиновничества, в их продвижении по службе. Кроме того, были очевидны различные злоупотребления, связанные с назначениями и перемещениями чиновников в необъятной России, присущие бюрократическому механизму. Строго говоря, царю следовало бы потребовать от министров конечного результата их работы, не вмешиваясь в подбор министерских кадров, но он решил улучшить дело тем, что приказал разработать правила, как этим министрам нужно подбирать себе кадры для достижения конечного результата, и учредил контроль за точным исполнением этих правил. В 1846 году для этого был создан Инспекторский департамент, по поводу которого Николай I писал: «Цель достигнута: порядок, отчетность заменили беспечность и злоупотребления различного рода». Департамент быстро разросся, разбух и вскоре уже бодро рапортовал царю: «Четырехлетний опыт доказал, что высочайшая мысль принять в державную руку Вашу нить управления... принесла пользу во многих отношениях: а) все, что не имело общности, что исполнялось отдельно, пришло к возможному единству; б) «Устав о службе гражданской» получил должную силу... в) поступление на службу, увольнение от оной, переход из одного ведомства в другой, производство в чине... совершаются ныне на положительных началах системы центрального управления в одинаковом общем порядке».

Какой эффект принес «общий порядок» России, департамент скромно умалчивал. Об убытках не рапортуют. Служба честных людей резко осложнилась, а мерзавцам, как и прежде, было раздолье. Ведь департамент отвечал не за их искоренение, а за правильность прохождения и полноту заполнения бумаг. Так, заполняя графу об источниках доходов, наглецы откровенно издевались: «Имение приобретено женою на подарки, полученные в молодости от графа Бенкендорфа». И ничего, проходило.

Немудрено, что после смерти Николая I жалобы потекли к его сыну. В 1857 году Александр II «соизволил повелеть предоставить всем министрам и главным управляющим сообразить, какими средствами можно было бы уменьшить и ограничить огромную переписку, возникшую с учреждением означенного департамента»

Описанные события происходили тогда, когда еще не все виды деятельности в России были централизованы и на фоне делократического управления частными предприятиями Инспекторский департамент выглядел особенно убого. Поэтому министры «сообразили», царь согласился, департамент был упразднен.

Но не тут-то было, ведь бюрократический механизм остался! И вот сын Александра II вновь дает указ об учреждении этого ведомства. Министерства всполошились, министр юстиции Н.В.Муравьев пишет царю записку с просьбой задержать опубликование указа. На что царь ответил: «Если бы я желал получить отрицательный ответ, то, конечно, обратился бы к министрам». (Царь невольно проговорился, что своих ближайших помощников порядочными людьми и верными слугами не считает, без контроля со своей стороны их работы допустить не может.) Итак, в 1894 году департамент «восстал из пепла» под названием «Инспекторский отдел», все началось сначала, но – в худшей форме. Даже близкие к царю люди писали: «У нас все делается как-то случайно, не соображаясь ни с чем... Вообще произвол министров был ничем не связан, но теперь впали в другую крайность... Выходит, что теперь за все назначения дураков или мошенников, за которые прежде отвечал министр или губернатор, будет нести ответственность царь!»

Стонам министров внял сын Александра III, прочтя записку, в которой сравнивалась работа Инспекторского департамента и Инспекторского отдела: «Но затруднения того времени, как бы они ни были велики, бледнеют перед теми затруднениями, кои возникают ныне по случаю учреждения Инспекторского отдела, и перед той перепиской, которая достигает уже до пределов физической невозможности...»

Нерешительный Николай II, правда, не ликвидировал по примеру деда этот контроль, но все-таки вынужден был его существенно ограничить.

И заметьте – это гадючье бюрократическое гнездо нагло формировалось на глазах у царя и действовало в Петербурге при противодействии не простолюдинов, но – министров!

С простыми людьми, с крестьянами, бюрократия вообще не церемонилась, и мы видим, что именно ее всесилие было одной из причин боязни крестьянина выйти не только из общины, но даже из крепостной зависимости.

Тесно связанный с крестьянами второй половины девятнадцатого века русский писатель Лесков приводит множество подобных примеров; некоторые из этих историй автор считает нужным пересказать в сокращении.

В деревню, уже после освобождения крестьян, приезжает новый уездный начальник. Крестьяне сбрасываются по двадцать копеек ему на «подарок». Он с негодованием отвергает эти деньги, шумит, что является честным слугой государю и никогда не будет брать с крестьян никаких поборов. Но... будет требовать от них строгого исполнения всех законов и указов государства.

После этого он идет с обходом по домам. Дело происходит зимой, печи топятся. Начальник открывает толстый том правил и читает, что для предотвращения пожаров лежанки печей должны укрываться пуховиками, ватными одеялами, войлоком... Солома не указана, а печная лежанка в инспектируемой избе укрыта соломой. Это явное несоблюдение закона, и предусмотренный штраф за нарушение этого пункта – 10 рублей. Начальник требует уплатить указанную сумму. Крестьяне падают на колени, молят не разорять. Наконец, начальник «смилостивился», взял у хозяев (естественно, в свой карман) 3 рубля и пошел к следующему дому. Там уже все знают, и солома с лежанки сметена. Но начальник не унывает. Он лезет на чердак, открывает том правил и вопрошает крестьян о бочке с водой, которая, согласно правилам, должна стоять на чердаке на случай пожара и за отсутствие которой полагается штраф аж в 50 рублей. Крестьяне пытаются объяснить ему, что на случай пожара вся деревня расписана в пожарной дружине. По тревоге из каждого двора прибегут дружинники с инструментами по расписанию: кто с топором, кто с багром, кто выкатит насос, кто бочку с водой. А бочка с водой на чердаке – это глупость. Ведь вода в ней замерзнет, какая польза от глыбы льда при пожаре? Начальник соглашается с крестьянами, но что он может сделать – ведь не он эти правила писал! Крестьяне его упрашивают, и наконец он соглашается взять с каждого двора по десяти рублей и с тем отбыть. И крестьяне рады – какой добрый начальник попался.

Видите, как все просто. Вроде правильная инструкция, написанная мудраками в Петербурге, и умелое применение ее бюрократами на местах. И те и другие при деньгах, и те и другие – под предлогом защиты народа -ловко грабят его.

Но чтобы такой грабеж стал возможен, требовалось уничтожить общину, ведь в традиционной общине мир просто не дал бы себя проверять, поскольку обязан был только платить подать и поставить рекрутов, а остальных дел общины никто не касался.

Мир, конечно, уважал начальство, существовали традиции, что, если деревню посещал начальник (не слишком высокого ранга), жарилась специальная яичница и подносилась стопка-другая водки; начальнику чином повыше полагалась курица. Но уж коли община не чувствовала своей вины перед государством (такой «виной», например, могло быть мертвое тело человека, обнаруженное на территории общины), то она и не унижалась перед государственными чиновниками, не давала им совать нос в свои дела.

Русская демократия – ее свободолюбием, независимостью, ее непризнанием частной собственности как средства грабежа других людей – мощным препятствием стояла на пути алчных интересов буржуазии и бюрократии.

И устояла бы, не начни в династии Романовых проявляться капризы наследственности, не начни в ней на престол восходить мудрак за мудраком. Остались в прошлых столетиях Петр Великий и даже Екатерина Великая, цари, способные понять Дело самостоятельно, державшие советников только для помощи в оценке обстановки и выработке решения, а не для подсказки всего решения в целом. Не стало царей, самостоятельно и ясно представлявших суть подписываемых ими указов и характер их воздействия на защиту народа.

Пошли цари, за которых решения вырабатывали министры, цари -«плешивые щеголи, враги труда», а закончила династия Романовых таким маразмом на престоле, когда уже не гнушались советами подлого секс-маньяка Распутина.

Цари предали мир, поедали Россию, и крестьянская община начала подвергаться одному удару за другим со стороны объединенных сил буржуазии и бюрократии. Началом открытых боевых действий можно считать, пожалуй, 1861 год, год реформ, год «освобождения» крестьян.

Мудраки до сих пор радуются этому «освобождению», до сих пор ругают революционеров, убивших Александра II – царя-освободителя. А чему, собственно, радоваться? До 1861 года крестьяне обязаны были обработать поля помещика, которые, кстати, были меньше по площади, чем после 1861 года. После реформы они уже не обязаны были их обрабатывать. Так что же, эти поля остались необработанными? Нет, эти поля, как и раньше, обрабатывались. Может быть, их обработали негры или китайцы? Нет, их обрабатывали все те же русские крестьяне. Тогда от чего их «освободили»?

Они что, с жиру бесились на помещичьих полях, от нечего делать там работали? Может быть, они от этой работы на помещика так разбогатели, что сами стали жить, как баре?

Проанализировав статистику через три с лишним десятилетия после освобождения, энциклопедия Брокгауза и Ефрона дает такие «радостные» цифры, характеризующие состояние русского народа, осчастливленного «освобождением» и «свободным» трудом на помещика.

В 1896 году Россия вывезла за границу продукцию сельского хозяйства на сумму 534 865 тысяч рублей. Это те деньги, что были отняты у крестьян владельцами земли и взимавшим подать государством, отняты частной собственностью на землю и бюрократией, именно отняты – поскольку лишнего хлеба у русских крестьян не было. Сельских жителей в России на это время числилось 109,8 миллиона. То есть в пересчете на одного жителя села вывозилось продукции на 4 рубля 87 копеек.

Средний состав семьи в России в ту пору – 6,6 человека, следовательно, на одну семью приходится 32 рубля 14 копеек. При крепостном праве крестьянин, уходя на оброк, помещику должен был платить не более 20 рублей. Если считать, что хлеб, проданный для уплаты податей, остался в России, то что крестьянин выиграл от «освобождения»? Раньше платил 20, а теперь 32 рубля!

А как он «роскошествовал» в своей избе? В Московской губернии на один дом в среднем приходилось 8,4 человека. И 80 процентов таких семей жили в домах от 8 аршин до 6 и менее. То есть рубленных из бревен от 5,6 метра до 4,2 и менее.

А здоровье какое было крепкое! Из 1000 родившихся мальчиков до 10 лет доживало целых... 498, а из 1000 девочек – аж 530! Немудрено, что в Англии и Швеции, куда Россия экспортировала хлеб, средняя продолжительность жизни была соответственно 45,25 года и 50,0 лет, а в самой России: для мужчин – 27,25 и для женщин – 29,38 лет.

Александр II освободил крестьян от помещиков и тут же отдал в рабство владельцам земли. Но и бюрократия захотела своей доли. Она начала энергично вламываться в общину, стараясь ее подчинить себе. Мы говорили, что общиной руководило собрание, сходка, но между сходками текущими делами управлял староста – исполнительная власть общины.

В первую очередь была подорвана русская демократия. Ее заменил западный парламентаризм. Решение сходки стало считаться действительным не при единогласном ее одобрении, а при наличии двух третей голосов, поданных «за». В мир ворвался кулак, вооруженный таким мощным средством, как подкуп, «покупка» голосов.

Далее бюрократия взялась за старост, стремясь обюрократить их, подчинить себе, а не миру. Старосты сопротивлялись, их подкупали серебряными медалями и именными кафтанами, со строптивыми поступали круто – только в год реформы и только в Самарской губернии было сослано в Сибирь почти 70 сельских старост, отказавшихся подчиниться волостным старшинам и сохранивших верность мирским приговорам.

И буржуазия, и бюрократия сняли намордники и спустили с поводков своих мудраков. Те, начитавшись глубокомысленных книг западных ученых (написанных для условий Запада, но и там – для умных людей), бросились хаять общину, русских крестьян и все с этим связанное. Нам это не сложно представить, мы видели, что получилось, когда Горбачев спустил с цепи своих мудраков.

Одни, услышав, что в германской армии в рацион солдат вводится гороховая колбаса, рьяно стали требовать от крестьян сеять и есть горох (как тут не вспомнить Никиту Сергеевича с его кукурузой!). Другие издевались над общинными наделами и прочностью традиций. Третьи обзывали крестьян пьяным и ленивым скотом.

Кстати, о лени русского крестьянина. Те же Брокгауз и Ефрон сообщают, что самые гибельные месяцы в России, месяцы, когда смертность населения резко превышала среднегодовую численность, – июль и август. Это месяцы страды, тяжелейшей крестьянской работы. В эти ме-

сяцы надрывались и умирали на работе самые слабые. Зато следующие месяцы – сентябрь и октябрь – по смертности были наиболее благополучными в году. То есть, не будь страды, часть тех, кто умер в июле – августе, по идее, должны были дожить до сентября – октября.

Те русские интеллигенты, кто знал и понимал народ, но не мог донести своих мыслей до царей сквозь мудраческий словесный понос, отчаивались: «Знаете, шибко я боюсь вашей петербургской стряпни. Уж как вы, господа чиновники, да к тому же петербуржцы, да еще вдобавок ученые, приметесь законодательствовать, право, из этого может выйти чисто-начисто беда, да еще какая! Знаете, мороз по коже дерет и меня, и Хомякова от одних опасений. Много мы от вас боимся, но на деле вы будете страшнее и ужаснее.

Старайтесь сделать как можно неполно, недостаточно, дурно: право, это будет лучше» писал более ста лет назад А.И.Кошелев, а получилось – ну прямо как про наши сегодняшние дни. Ни на грамм не поумнели мудраки, да еще московские, да вдобавок ученые.

Автор уже не раз приводил примеры, когда мысль, кажущаяся правильной в столице, превращается в «шедевр» идиотизма там, где она должна внедряться в жизнь. Но так как идея демократизма, проводимая автором, к его сожалению, очень туго понимается, а те, кто не утруждает себя пониманием, а предпочитает просто верить, как правило, не видят оснований верить автору – новые примеры, надо думать, книге не повредят, как не испортит каши масло.

Лесков описывает такой случай. Он подсаживается попутчиком в телегу к мужику, едущему в волость, и расспрашивает его о деле, позвавшем в дорогу. Мужик рассказывает, что мир собрал взятку и он теперь везет ее в волость отдать начальству. Цель взятки – чтобы волость не давала в эту деревню коров голландской породы.

Давайте посмотрим на этот эпизод глазами городского мудрака. Он знает, кто коровы дают молоко, и знает, что те коровы, которых держат крестьяне, дают этого молока, причем плохой жирности, едва 700 – 1500 литров в год. Он также знает, что от голландской коровы надаивают 5000 -7000 литров в год. Одна голландская – десять российских! Но ведь одну держать выгоднее, чем десять, и по трудозатратам, и по кормам!

А тут крестьянам дают бесплатно голландских коров, царь потратился, на деньги казны купил, чтобы породистость российского скота улучшить, а крестьяне деньги собирают и взятки дают, чтобы их от этого подарка избавили. Ну кем их после этого назвать, как не тупицами? Правильно? Правильно-то оно правильно, да вот вопрос: а кого царь спрашивал, прежде чем потратить деньги казны, как их потратить, чтобы увеличить молочность российского стада? Мудраков? А почему не крестьян? Почему он их не спросил, что им надо для этого?

Немного отвлечемся от данного сюжета. Автор как-то сам попался на подобном мудрачестве. В Павлодарской области есть славный колхоз «30 лет Казахстана». Несколько десятков лет им руководил Яков Геринг, Герой Социалистического Труда. Немец, как вы, наверное, уже поняли. Известная фамилия. Да, председатель был немец, и колхозники – тоже в основном немцы по национальности. Но Яков Геринг был человек исключительно преданный своему Делу, смелый, не боящийся принимать собственные, а не утвержденные свыше решения. В его жизни по тем временам было много дел рискованных, попадись на его пути дурак в обкоме и такой же умник в прокуратуре, наверняка бы сел лет на пять. Он и колхозный скот в бескормицу перегонял километров на 400 к югу, и в Оренбургской области зимой достал брошенный под снегом хлеб, и теплиц настроил, и поля оросил, нутрий и норок завел, да, пожалуй, и не найдешь в сельском хозяйстве дел, которыми бы он не занялся и не сделал их прибыльными. Но особое внимание он обращал на молочное стадо, на селекцию, на повышение жирности молока и удойности коров. Он и его люди были большими специалистами в этом деле.

Автор не встречался с ним, Яков Геринг умер до того, как автор занялся делами, соприкасающимися с сельским хозяйством. Колхоз избрал нового председателя – своего, «выращенного» Герингом.

И этот председатель однажды приехал к автору с просьбой помочь купить для колхоза за границей некоторые нужные колхозу машины. А к автору в это время попала реклама одной испанской технологии подготовки кормов. Суть ее сводилась к проращиванию зерна на специальном оборудовании, получению зимой зеленого корма, причем с повышением кормовых единиц. Автор загорелся этой идеей и стал настойчиво предлагать наследнику Геринга вместе заняться данной технологией по схеме: «Завод купит, колхоз внедрит, прибыль – пополам». Колхоз ничем не рисковал и сам не тратил ни копейки.

Председатель вежливо (с тем, у кого просишь, нужно говорить вежливо) ответил, что они знают об этой технологии. «Но понимаете, – продолжил он, – наш скот, очень неплохой скот, подобран под наши корма. Корм по испанской технологии ему ничего не даст – вы напрасно потратите деньги. Под этот корм нам надо будет менять стадо, а это явно нецелесообразно. Давайте займемся покупкой того, что действительно нужно колхозу». Прав был председатель или нет, но автору урок дал: уважаешь специалиста в себе, уважай его и в других, занимающихся Делом. Не навязывай им своего мнения, как бы ты а нем ни был уверен, – они не глупей и не ленивей тебя, они свое Дело не могут не знать лучше тебя – дилетанта. Но чтобы понять это, надо самому заниматься Делом, а не учить других, как им заниматься.

Но вернемся к тем голландским коровам, которых царь купил и пытался бесплатно передать крестьянам, и к крестьянам, готовым платить большие деньги, лишь бы этих коров не иметь.

Крестьян легко понять, если вспомнить, что Россия тех времен не знала минеральных удобрений, ее полям не была знакома чилийская селитра. Должны были царские мудраки задать себе вопрос: «Как может Россия столетиями растить хлеб, не удобряя поля?» Могли мудраки понять, что для крестьянина в корове самое ценное не молоко и не мясо (это все попутные продукты), а навоз, и только навоз. Что без навоза у него не будет хлеба. И Россия имела свою породу крупного рогатого скота – навозную. Никто не кормил скот зерном – это было идиотизмом. В любой деревне главной ценностью была не пашня, а угодья – луга и выпасы. Именно их размеры определяли, сколько скота способна продержать деревня. А от размеров стада зависело, сколько пашни деревня может иметь и сколько десятин зерновых может засеять. Считалось, что одна голова крупного скота (лошадь или корова) или десять голов мелкого (свинья, овцы) дают навоза в количестве, минимально необходимом для выращивания хлеба на одной десятине. Нет навоза – не стоило и пахать. Навоз был главной продукцией, которую давал скот, а молоко, мясо, шерсть – лишь сопутствующей.

В пору становления Русского государства Ярославом Мудрым был написан судебник. В нем определялся штраф за уничтожение чужого скота. По сумме штрафа можно определить, какое животное для крестьян было особо ценным. Кстати, в те времена на крестьянском подворье в качестве домашней птицы жили и лебеди и журавли.

Так вот, самый большой штраф определялся не за племенного жеребца или удойливую корову, а за вола. Поскольку он совмещал функции лошади и давал много навоза. Молоко, как видим, не играло большого значения, главным было зерно, хлеб. А вол и пахал, и удобрял поле. И уже не покажется удивительным, что такой же штраф, как за вола (вдвое превышающий штраф за лошадь), взимался за уничтожение... кота... То, что вол помог вырастить, кот призван был сохранить от мышей.

Русская порода коров отличалась тем, что могла есть любой корм: от болотной осоки до соломы с крыши избы в затяжную зиму. И не сдыхать от такого корма. Этим она была ценна, а не молоком. А что мужику делать с голландской коровой? Ведь той нужен клевер, той подавай зерно – то, что мужику и для себя с чадами и домочадцами не всегда хватало. Голландская корова на русских харчах околеет немедленно. А бюрократия обвинит мужика, что тот уморил «царево подарение» из-за лени. И накажет. Вот мужики и собрали взятку начальству, чтобы оно переадресовало сей царский подарок куда-нибудь в другую деревню.

Все это не очень сложно понять, и целесообразность поступка крестьян не вызывает сомнений, но сколько обвинений в тупости наверняка излили на них столичные мудраки, провоцируя на действия против крестьян чиновников, не слишком вникающих в суть дела, но увлекающихся и энергичных. Среди таких чиновников оказался и Петр Столыпин.

Именно Столыпин бросил в лицо революционерам известные слова: «Вам нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия!» Красивые слова, но, наверное, ни один революционер не сделал столько для великих потрясений, сколько сам Столыпин.

И его потянуло мудрачествовать, и его угораздило реформировать сельское хозяйство! Нахватавшись поверхностных сведений о хозяйствах фермеров в США, о том, как там у них идут дела, Столыпин вознамерился реорганизовать крестьянскую общину России в общество единоличников-фермеров.

Городскому жителю, да еще причастному к какой-либо экономической деятельности, мысль Столыпина должна казаться крайне привлекательной.

Ситуация была такова. Согласно все тому же словарю Брокгауза и Ефрона, в Европейской части России деревня в среднем занимала площадь 8,6 квадратной версты, жило в ней 167 душ обоего пола. При среднестатистических 6,6 человека на один дом в этой части России – средняя деревня насчитывала 25 домов.

Пашня в этом регионе занимала 26 процентов земельной площади, остальное – луга, леса, неудобные земли. Следовательно, на один двор в такой средней деревне пашни приходилось около 8 десятин, а всех земельных угодий – 34,43 десятины. (Десятина примерно равна одному гектару.)

Площадь в 8,6 квадратной версты можно представить квадратом со стороной примерно 3 километра. Но лишь в редком случае план земель деревни имел форму квадрата, а избы располагались в центре его. Следовательно, вполне вероятно, что в средней российской деревне непременно были поля, удаленные от усадеб как минимум на 3 километра.

На эти поля надо ехать, чтобы вспахать их и засеять? Надо. Надо гонять лошадь на это расстояние. Снопы надо вывезти с поля? Надо. Снова запрягай лошадь и впрягайся в работу сам. А это все крайне затратно, неудобно, занимает уйму рабочего времени. Что касается навоза, то крестьяне переставали вывозить его, если до поля было больше 2-3 километров, это считалось невыгодным, на таких полях сеяли и сажали без удобрений и называли их «запольными».

То ли дело, когда у тебя ферма, когда твой дом, двор и скот находятся прямо на том поле, которое тебе надо обработать. Ведь 9 десятин – это участок 300 на 300 метров, следовательно, от порога твоего дома до любой крайней точки не более 300 метров – в десять раз короче, чем при проживании в деревне. Работа крестьянина по обработке поля может быть облегчена в 3 – 5 раз!

К тому же столичные мудраки, как и сейчас, упорно твердили, что крестьянин на земле, находящейся в его личной собственности, будет усерднее трудиться, лучше эту землю беречь и лелеять. Конечно, когда сидишь в городе, всегда есть что подсказать крестьянину.

Несмотря на такие «очевидные преимущества», процесс перековки русских крестьян в фермеров, даже с помощью энергичного Столыпина с его льготными кредитами и прочими послаблениями, шел очень туго. Считается, что с 1861-го по 1914-й, то есть за 53 года, из общин в хутора удалось вывести не более 14 процентов крестьян. Ну как тут городскому мудраку не утвердиться в мысли, что наши крестьяне чрезвычайно тупы и не понимают своей выгоды? Он, городской, понимает, а они, сельские, – нет!

Но давайте напряжем фантазию и представим, что мы – те самые крестьяне, которые выселились из деревни на свою личную ферму. Прежде всего прикинем, а какое расстояние будет до нашего ближайшего соседа? На один двор, как мы уже знаем, в Европейской России приходилось 34, 4 десятины всех земельных угодий, это площадь квадратного участка со стороной почти 600 метров. Значит, до соседей в среднем будет метров 600! А это значит, что до них не докричишься, а идти к ним даже по хорошей дороге и быстрым шагом придется 6-8 минут. То есть, без крайней нужды, даже летом в сухую погоду, к соседу никто не пойдет. А зима? А пять месяцев сугробы по пояс, да три месяца непролазной грязи! Это же добровольно заключить себя в одиночную камеру в тобой же построенной тюрьме!

Архангельские мужики говорили, что Столыпин потому не смог их выселить на хутора, что бабы воспротивились – им там не с кем было бы сплетничать. Шутка – шуткой, но это такая причина, которой и одной хватит, чтобы не выселяться из деревни.

Можно спросить, а как же американцы? Но американским фермерам несравненно легче работать из-за несопоставимого с российским климата. Несравненно лучше пути сообщения. У них оставалось свободное время, чтобы вечером сесть на лошадь, проехать 3-4 километра до салуна и там посидеть пару часиков за виски и картами с приятелями.

У русских же такое совершенно не принято, и не потому, что они не любят выпить, просто в основной массе их рабочие дни были заполнены трудом до самого вечера. Даже молодежные посиделки, когда девчата и парни собирались вместе в одной избе, сопровождались какой-либо монотонной, оставляющей свободной голову, работой, а не игрой в карты.

В деревне, где дома стояли друг от друга в 20 метрах, хозяйка всегда найдет время забежать на часок к соседке и посудачить с ней, излить душу, послушать сплетни, одновременно не выпуская из поля зрения свой дом и двор, своих детей и свой скот. На хуторе подобное невозможно.

Вы скажете, а как же финны, норвежцы, шведы, у которых климат ненамного лучше рос-

сийского? Живут же они на хуторах. Ну что же, видимо, скандинавы недостаточно влили в русских своей крови. Пить, как шведы, русские научились, а вот молчать, как финны, – нет.

Но менталитет менталитетом, а были и чисто экономические соображения. Дело в том, что самые тяжелые по напряженности сельскохозяйственные работы приходились на весну и вторую половину лета. Зимой работы было очень мало, и многие крестьяне занимались отхожими промыслами, добавляя к копейкам, заработанным на земле, копейки, заработанные извозом или на фабриках. Работы зимой было мало, но она все же была, и, если на хуторе жил только один мужчина, ему кинуть хозяйство и уйти на промысел было непросто. Другое дело в деревне, там всегда оставались мужики, которые могли завезти дрова, сено не только себе, но и соседям. В деревне, теряя в производительности труда на переездах к своим участкам, выигрывали на добавочных доходах от промыслов, и в целом для крестьянской России было выгоднее, чтобы ее население работало круглый год.

Возникали и другие проблемы: как посылать детей в школу за 5 – 6 километров в пургу, в распутицу; кто окажет помощь, случись несчастье, и т.д.

Но главное, видимо, не в этом. Не только сейчас, но и в те времена мудраки носились с идеей частной собственности на землю, как дурак с колокольчиком, не понимая, что для крестьянина земля сама по себе как товар ценности не представляет. Подлинная ценность, подлинный товар – эта урожай. А земля – один из инструментов, при помощи которого урожай получают. Доход крестьянина, его материальная заинтересованность – в урожае, а чья земля – личная или государственная – не важно. Как не важно рабочему, на чьем станке он точит болты – принадлежащем ему ли, капиталисту ли, или государству. Если он получает за болт 10 рублей – это хорошо, это повышает заинтересованность в работе, а если всего рубль, то какой толк с того, что станок его личный? Чтобы понять это мудракам типа Черниченко, им надо самим поработать.

Образ мысли русского, русская идея – в том, что лично тебе может принадлежать только то, что ты сделал своими руками. Землю ты не делал, она Божья, и сама идея личной собственности на то, что ты не сделал – на землю, для русских была крамольной. Да, за 53 года пропаганды образовался слой русских с западным мышлением, русских, смекнувших, что хотя земля и Божья, но на спекуляциях с ней можно неплохо поживиться; что земля может быть не только местом приложения своего труда, но и местом вложения денег. Такие русские были, но гражданская война 1918 – 1920 годов показала, что их было меньшинство.

Из недр русской крестьянской общины выходила и развивалась демократия высшей пробы, настоящая демократия. Но буржуазия с бюрократией при царе, а затем уже одна, победившая бюрократия при коммунистах основательно подрезали ей крылья.

ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ В РОССИИ

Наэту тему написано столько, что много о ней говорить не придется. Кроме того, неоправданно большое внимание уделяется самому бунту, мятежу, а не собственно войне. Ищут интересы кучки бунтовщиков, а не солдат многомиллионных армий.

Кто-то точно подметил, а С.Маршак перевел, что: «Мятеж не может кончиться удачей, в противном случае его зовут иначе». В противном случае его зовут революцией.

Действительно, представим, что Великая Октябрьская социалистическая революция закончилась неудачей и к декабрю 1917 большевиков и левых эсеров выловили и расстреляли. Предположим, что какая-то другая сила восстановила Российское государство. Как писали бы об этом учебники истории, созданные при новой власти?

Наверное, так: «К октябрю 1917 года в России радикальные газеты окончательно дискредитировали исполнительную власть. Они убедили население, что эта власть не служит интересам России и, следовательно, ей нельзя подчиняться. К несчастью, Петроград был перенасыщен госпиталями, и в нем было расквартировано до 40 тысяч солдат запасных батальонов – солдат, которых готовили к отправке на фронт. Но отправить их на фронт должны были чиновники исполнительной власти – офицеры и генералы, то есть те, кто, по утверждениям газетных писак, не служил России и кому, в связи с этим, нельзя было подчиняться. (Ведь если генерал служит России, то он поведет солдата на защиту России, а если нет – то на убой.)

Не учитывая этого обстоятельства, правительство Керенского решило отправить солдат на фронт, что вызвало среди них открытое неповиновение, вылившееся в мятеж.

Но каждый солдат, решившись на открытое неповиновение, понимал, что заслуживает расстрела, что он уголовный преступник. Единственным способом оправдать свои действия было подчинение любому органу, взявшему на себя функции правительства и одобряющему эти действия. Таким органом оказался Съезд рабочих и солдатских депутатов – новоявленное политическое образование в тогдашнем Петрограде.

Заправлявшие в нем большевики и левые эсеры, благодаря своим энергичным лидерам, не растерялись и объявили себя высшей властью России, берущей под свою опеку и защиту мятежников. Заручившись признанием законности своих действий, солдаты с небольшой частью рабочих города и, по-видимому, при участии всех уголовных элементов Петрограда арестовали правительство Керенского, лишив Россию, к тому времени уже безголовую, даже видимости главы. Большевики и левые эсеры стали нечаянно для себя «правителями» огромной державы. На самом деле они были не более чем главарями мятежного гарнизона Петрограда, да и с тем не справлялись. Не в силах, например, предотвратить грабежи винных складов (первым начинал грабеж приставленный к ним большевиками караул), они вынуждены были просто уничтожить все спиртное в городе...»

И так далее, и тому подобное.

Люди, слабо понимающие природу власти, пишут, что 25 октября 1917 года «большевики взяли власть». Это неправильно, потому что невозможно. Никакую власть взять, даже силой, нельзя. Можно просто попасть на то место, где обычно находится власть, руководящие органы страны, и только. Ведь власть утверждается не тогда, когда кто-то указы пишет и законы принимает, а тогда, когда люди начинают ей подчиняться, начинают исполнять эти законы. Большевики брали власть все три года гражданской войны да и потом еще, когда подавляли мятежи и восстания. И брали эту власть не они сами, ее взяла воюющая под их началом армия русских крестьян (и дворян, кстати) численностью более 5 миллионов человек.

Сейчас принято не верить Ленину, хотя его современники, причем, даже политические противники, отмечали его искренность. Большевистское правительство среди прочих эпитетов получило и определение самого простодушного правительства в мире. Так вот, Ленин утверждал, что в октябре 17-го большевики власть не взяли, а подобрали. Причем прежде других дивились тому они сами.

Герберт Уэллс, человек, достаточно близко видевший руководителей большевиков, отмечает их наивное удивление по поводу того, что в Англии никак не произойдет революция. И первым, кто удивлялся, был Ленин. Ведь по теории Маркса социалистическая революция прежде всего должна была свершиться в наиболее индустриально развитой стране, а в России – в последнюю очередь. Когда «революция» победила в России, это еще как-то можно было объяснить накладками, вызванными мировой войной. Но проходили годы, а она никак не желала свершиться в Англии, Франции и т.д. Вот в чем загвоздка! Уэллс отмечал, что те большевики, кто хоть как-то был знаком с учением Маркса, мучились вопросом: «А что это они такое сделали в октябре 17-го? Как это назвать?» Возможно, это было причиной того, что, как писал Горький, даже Ленин был не вполне уверен, смогут ли большевики эту власть удержать.

Они попали в положение жениха, который приехал на свадьбу, начал уже целовать невесту и вдруг понял, что и свадьба, и невеста – чужие. Но к чести Ленина и его соратников, начав дело, нужное России, они довели его до конца. Довели, поскольку видели, что больше – некому.

Уэллс это очень точно подметил и выразил фразой, которая на 100 процентов подходит для характеристики состояния России в период и горбачевской перестройки, и ельцинских реформ: «У правителей России не хватило ни ума, ни совести прекратить войну, перестать разорять страну и захватывать самые лакомые куски, вызывая у всех остальных опасное недовольство, пока не пробил их час. Они правили, и расточали, и грызлись между собой, и были так слепы, что до самой последней минуты не видели надвигающейся катастрофы. И затем, как я расскажу в следующих главах, пришли коммунисты...» («Россия во мгле», 1920 год).

Коммунисты пришли и... обуздали Россию. И Россия им подчинилась. Почему?

Ведь большевики были далеко не ангелы и поступали с населением весьма круто. На одном из заседаний Конституционного суда России, рассматривавшего «дело КПСС», бывший главный идеолог ее ЦК Яковлев, стремясь облить грязью историю организации, которая его всю жизнь содержала, приводил строчку из постановления СНК под председательством Ленина, в котором предписывалось взять из числа крестьян заложников и расстрелять. Яковлев не привел поста-

новление в целом, а в нем требовалось, чтобы крестьяне деревень, расположенных в 20 верстах вдоль железной дороги, срочно очистили пути от снега. В противном случае Ленин действительно предписывал из тех деревень, которые уклоняются от работ, взять заложников и расстрелять их, если пути к установленному сроку не будут расчищены. Понятно, что Петроград тогда умирал без хлеба, его нужно было срочно завезти, а занесенные снегом пути не позволяли этого сделать. Ситуация была крайней, но все-таки от таких приказов мороз по коже...

Последним актом гражданской войны стал сокрушительный удар Красной Армии, состоящей почти сплошь из крестьян, по остаткам Белой Армии под командованием Врангеля. А ведь, пожалуй, никто не дал столько разных привилегий крестьянам, как Врангель. Достаточно сказать, что в его армии расстреливали офицера-добровольца за кусок отнятой у крестьянина колбасы.

Тем не менее, белые войска сидели в Крыму голодные, глядя, как крымские крестьяне нагло перепродают зерно в Турцию. И добили Врангеля крестьяне, ставшие красноармейцами, крестьяне, отцов и братьев которых большевики в это время жестоко давили продразверсткой. Получается, что российские крестьяне, которых большевики и грабили и расстреливали, шли в бой и умирали именно за власть большевиков. Почему?

Чем трусливее и подлее человек, тем охотнее он утверждает, будто крестьяне шли воевать за большевиков только потому, что в противном случае в ЧК их бы расстреляли. Кстати, он же усердно доказывает, что и Советская Армия выиграла войну с Гитлером только потому, что ее солдаты боялись: за новые поражения Сталин их не пощадит. Хотя эта версия и подлая, так как представляет народ сборищем трусливых негодяев, но ее усиленно муссируют некоторые органы формирования общественного мнения.

Расстрел дезертира, как, впрочем, и любое другое наказание, – это не месть. Государство не мстит, оно предупреждает. В «Песни о вещем Олеге» ее герой стремится «отмстить неразумным хазарам», но это не значит, что Киевская Русь мстила, Олег, возможно, мстил, но не Русь. Русь предупреждала следующий «буйный набег» на свои «села и нивы».

Любое наказание преступника – это предупреждение подобных преступлений. Государственный аппарат, уклоняющийся от своей обязанности наказать преступника, сам преступает закон. Это обычно понимают.

Не понимают другого. Преступник нарушает справедливость. Совершая преступление, он добивается какого-либо преимущества для себя по сравнению с законопослушными гражданами. При наказании его восстанавливается справедливость: никто не имеет права добиваться в обществе преимуществ иначе, нежели признанными в этом обществе способами, законными способами.

Кем по сути своей, является дезертир? Человеком, решившим, что он сумеет спастись от смерти в бою за счет других, которые в этом бою погибнут. Они пойдут на смерть, а он в тылу будет насиловать их вдов. Про таких говорят: «Слишком умный».

Когда перед строем расстреливают дезертира – это не только предупреждение потенциальным дезертирам. Это и успокоение гражданам, не собирающимся дезертировать, гражданам, намеревающимся честно исполнить свой долг: «Идите в бой спокойно. Убьют вас в бою или нет – неизвестно. А с этим мерзавцем – как вы увидели – уже все ясно. И с другими будет то же».

Лет двести назад еще можно было укомплектовывать армию солдатами, которых туда привели силой, которые ни под каким видом не хотят воевать.

Скажем, в английском флоте матросов набирали против их воли – специальным командам разрешалось хватать на улицах английских граждан и силой тащить на корабль. Но корабль – это специфическое место боя, с него не сбежишь. Капитан, подведя английский корабль к кораблю противника или сцепившись с ним на абордаж, не оставлял насильно набранным матросам иного выхода – надо было сражаться.

Или, скажем, насильно рекрутированная пехота в армиях германских княжеств. Опять специфика. До боя они жили достаточно обеспеченно, после боя всласть грабили, а к месту боя их вели под конвоем, и в самом бою им некуда было деться – форма, надетая на тебя пусть даже насильно, такова, что противник, не раздумывая, убьет: ему некогда разбираться, доброволец ты или нет.

Фридрих II, имевший очень сильную армию, тем не менее водил ее к месту боя в окружении гусар и приписывал полководцам ни в коем случае не проводить свою пехоту по лесным до-

рогам – там гусары теряли над ней контроль, и пехота могла разбежаться.

Но способы ведения войны изменились, теперь противоборствующие силы стали образовывать фронты, разграничивающиеся порою сплошной линией полевых укреплений, за этими укреплениями они копили силы иногда в течение многих месяцев. Использовать при этом армию, состоящую из довольно большого количества людей, не знающих, за что они должны умереть или не желающих за это умирать, стало невозможно. Такая армия имела тысячи путей для перехода на сторону противника.

До присоединения к СССР прибалтийские государства имели свои вооруженные силы – по одной дивизии. После присоединения Литвы, Латвии, Эстонии эти дивизии вошли в состав Красной Армии и с началом Великой Отечественной войны вместе с нею отступали. Но использовать их в бою против немцев не удалось. Из эстонской дивизии, занявшей позиции на фронте, тут же перебежало к немцам 800 человек профашистски настроенных эстонцев. Эти дивизии пришлось с фронта снять, разоружить и переформировать в строительные.

Воевать во главе армии, солдаты которой не хотят воевать, – или невозможно, или очень и очень затруднительно.

Наверное, наиболее характерным примером может служить армия США – отрада наших сегодняшних мудраков. Если к ней присмотреться внимательно, то станет видно, что в нынешнем столетии, когда и в США органы формирования общественного мнения захвачены мудраками, американская пехота фактически небоеспособна и не сумеет противостоять более-менее упорному противнику. Напасть на безоружных, слабовооруженных или деморализованных эта пехота может. Но справиться с достойным врагом не в состоянии. Пока авиация и артиллерия США не уничтожат боевые позиции противника, американская пехота бесполезна.

Высадившись в Европе в 1944 году, американские пехотные подразделения продвигались вперед лишь тогда, когда противник издалека буквально смешивался с землей. Советские военные корреспонденты еще в ту пору с удивлением отмечали этот факт. Скажем, американская дивизия приближается к французскому городку. Десяток немецких фольксштурмовцев обстреливают американский разведдозор, садятся на велосипеды и уезжают из городка. Американский генерал вызывает авиацию, она сравнивает городок с землей. Пехота победно входит в город, имея трофеями... несколько тысяч уничтоженных бомбежкой мирных французских граждан.

При высадке американцев в Сицилии немцам удалось их несколько потеснить. Началась паника. Американский генерал Паттон срочно прибыл на место действий. В полевом госпитале он обнаруживает абсолютно невредимых американских солдат с диагнозом: «перепугался». Один лежит на койке в каске, с головой укрывшись одеялом. Симптомы: ему все время кажется, что над ним свистят немецкие пули. Паттон выхватил револьвер и попытался выгнать «раненого» на позиции, но не тут-то было, врачи не дали. А впоследствии комиссия конгресса и мудраки в прессе так зашельмовали Паттона за это (хотя он официально и извинился перед тем солдатом), что фактически поставили крест на его карьере.

Как известно, Советская Армия до 9 мая не сумела занять те территории Германии, которые были определены договором как зона советской оккупации и на которых впоследствии была создана ГДР. После капитуляции Германии американцы добровольно освободили их. Были люди, которые упрекали за это Трумэна. Дескать, если бы американцы не ушли с этих территорий, то не было бы ГДР и последующего противостояния двух блоков. Но существует версия, почему Трумэн выполнил условия договора. Она такова.

Победить в войне с Японией без сухопутных войск было невозможно. Сталина связывал с американцами договор о вступлении СССР в войну с Японией после победы над Германией. Предусматривалось, что в этой войне пехота будет советская. Так вот, Трумэн освободил территории в Германии, боясь, что в противном случае Сталин нарушит договоренность относительно Японии.

Возникает вопрос: «Почему Трумэн не вывез из Западной Европы свои довольно многочисленные войска в Японию и не пренебрег помощью СССР?» Одна из версий гласит, что это невозможно было сделать, так как по дороге в Японию американская армия могла «самодемобилизоваться», иными словами – разбежаться.

Да и в «славной» кампании против Ирака американцы так и не ввели в дело свою полумиллионную армию, предпочитая принудить его к сдаче бомбовыми ударами по мирному населению. И это не случайно.

Что оставалось делать командующему экспедиционным корпусом США на Аравийском полуострове генералу Шварцкопфу? Ведь всего за несколько лет до этого анонимный опрос среди солдат лучших войск США – морской пехоты – показал, что 21 процент этих наемников постарается уклониться от любого боя в любом случае.

Но ведь здесь идет речь об армиях различных государств и о войнах, которые ведут эти государства между собой. А как быть в случае гражданской войны, когда солдаты одной воюющей стороны элементарно могут переходить на сторону противную? Как в этой ситуации собрать армию посредством насилия? Нет, это невозможно сделать!

В Красную Армию большевики призывали крестьян без их желания, и в Белую призыв также был в основном насильственным. Однако победили красные, и это говорит о том, что идеи красных были созвучны идеям народа, крестьяне, воевавшие в Красной Армии, понимали, за какие ценности они умирают, и были согласны с этими ценностями.

Белые оказались слабее, хотя имели огромное материальное преимущество перед красными.

Действительно, белые почти всегда имели под своей властью хлебные области России, лишая хлеба красных. На протяжении всей войны столицы красных – и Москва и Петербург – непрерывно голодали. Белые захватили весь золотой запас царской России. Белым помогала Антанта – как оружием, так и живой силой. Тем не менее они потерпели поражение. Почему? Единственно возможный ответ – они не выдвинули идеи, которые бы крестьяне сочли достойными борьбы.

Именно крестьяне. Во-первых, рабочих в России было немного; во-вторых, рабочие России – это те же крестьяне, в лучшем случае, они пролетарии в первом поколении; в-третьих – идеи белых были не чужды и части рабочих – в армии Колчака была дивизия, состоящая из рабочих.

Надо ли считать, что идеи марксизма прочно завладели умами крестьян – основы русского народа? Автор считает, что эти идеи вообще не имели для крестьян ровно никакого значения. Автор полагает, что крестьяне тех времен не имели представления, что такое марксизм и на что его намазывают. Наверное, они повторяли вслед за своими вождями слова: «диктатура пролетариата», «социализм», «коммунизм» и т.п. Но смысла их, надо думать, никто не понимал. Все говорили эти слова, ну и крестьяне тоже. Не упрекать же не знающих церковнославянского верующих за то, что они каждый день читают молитву «Отче наш» и не могут объяснить, значение слов «иже еси» из этой молитвы.

Да и что говорить о крестьянах той поры, если в наше время все эти горбачевы, ельцины, яковлевы, поповы, бурбулисы со своей многомиллионной компанией мудраков, паразитировавшие всю сознательную жизнь на марксизме, так и не поняли основ его политэкономии?

Тогда остается вопрос: «За что конкретно воевали крестьяне под руководством большевиков? За землю? Но землю, так или иначе, им предлагали и белые, да и земля в России – не столь уж большой дефицит. Можно было не воевать, а уехать в Сибирь на пустующие черноземы. Так за что?

Ответ один: «За извечную русскую демократию, предстающую теперь в виде сельских Советов. Не просто за землю, а за землю, находящуюся в распоряжении только тех, кто ее обрабатывает».

Идеи марксизма полностью совпали в некоторой части с русской идеей, и они победили в России вопреки другим положениям Маркса, к великому недоумению самих победителей.

Вначале, сразу после прихода к власти, большевики своими декретами полностью освободили крестьян от паразитов. Передав власть сельским Советам, они избавили крестьян от засилья бюрократии, правда, очень ненадолго и полностью освободили от буржуазии Декретом о земле. Что самое смешное, Декрет о земле был левоэсеровским, Ленин впоследствии упрекал левых эсеров за несговорчивость при закрытии правых газет – дескать, мы пошли вам навстречу, приняли Декрет о земле, а вы не хотите поддержать нас в этом вопросе.

Строго говоря, в те годы к власти должны были бы прийти левые эсеры, как чисто крестьянская партия. Но у них не хватило лидера такого ума и мужества, как Ленин. Надо думать, что именно это определило персональный состав правительства.

Согласно русскому образу мыслей, правительство – это царь, а царь – отец России. И семья понимает, что когда ей очень плохо, когда в ней разлад, то отец может и обязан применить очень крутые меры. И когда Ленин приказывал расстреливать тех, кто не очищает пути от снега, кре-

стьянин, задетый этим приказом, мог и протестовать, и ругаться, но в душе он понимал, что отец, у которого часть семьи умирает от голода, обязан любыми способами спасти ее. Ведь сегодня он расстреливает (или грозит расстрелять) тех, кто не спасает от смерти петербуржцев, но завтра он, возможно, столь же жестокими мерами заставит петербуржцев спасти от смерти крестьян.

Когда по приказу большевиков продотряды выгребали по деревням почти весь хлеб, довольных этим там не было, но и ограбленные продразверсткой крестьяне в душе понимали: а где еще отцу взять хлеб для семьи, как не в самой семье? Да, это было и тяжело и обидно, но Ленин действовал так, что у народа не оставалось ни малейших сомнений в том, что он действует исключительно во имя народа, и народ соглашался с Лениным в главном, хотя, возможно, и был недоволен большевиками за их отдельные действия. Народ признал Ленина отцом, признал за его «дворянами» – большевиками право на власть и в трехлетней гражданской войне отвоевал это их право.

Гражданская война 1918-1920 годов была войной за народную справедливость, за русскую национальную идею, за русскую демократию. Народ победил, но ненадолго, плодами победы тут же воспользовалась бюрократия – теперь уже большевистская. Тем не менее, победа в этой гражданской войне была достигнута, народ сбросил с себя паразитов одного рода, но вот бюрократию не осилил. Винить большевиков в этом нечего, средство от бюрократии тогда еще не было изобретено. И все-таки эта победа обнадеживала, поскольку в первой гражданской войне народ потерпел полное поражение.

Эта война началась в сентябре 1773 года и закончилась к лету 1775- го. В нашей истории она носит название крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева, в более ранней трактовке – пугачевского бунта.

Подготовил почву для этой войны мудрак у власти император Петр III Федорович. М.Горбачев – его точная копия.

Петр III был сыном немецкого герцога и дочери Петра I – Анны Петровны, то есть внуком Петра Великого. Кстати, по отцовской линии он являлся внуком и самого сильного и страшного противника Петра I – шведского короля Карла XП. Славная кровь текла в его жилах, да вот толку от этого не было никакого.

В 1742 году императрица Елизавета Петровна (его родная тетка) объявила его, 14-летнего юношу, наследником российского престола. Последующие 18 лет жизни в России русского из него сделать не смогли, он как был, так и остался немецким герцогом, помешанным на «западной цивилизации», восторженным поклонником военных талантов нещадно битого русскими войсками прусского короля Фридриха II. Скорее всего, он страдал инфантилизмом: так и не вышел из детских представлений о жизни.

Став в 1761 году императором, Петр III стал на «западный манер» мудра чествовать как только мог и за год успел многое.

Мы писали, что по понятиям русских – что крестьяне, что дворяне – все рабы государства и его главы – царя. Только одни служат ему сохой, другие – копьем. А по западному обычаю – дворяне чуть ли не ровня королю, заключают с ним договоры, крестьяне же – их личные рабы.

Сообразно русской натуре, война – это всеобщее горе и начинать ее следует только в том случае, если иным способом невозможно предотвратить реальную опасность вражеского вторжения в Россию. В обычае было у царей, например у Ивана Грозного, в указе о начале войны объяснять всем, как много усилий предпринял царь (отец – не забудем это), чтобы избежать ее. А по западному образу мыслей, война – это единственная потеха, достойная рыцаря.

По западному обычаю и закону, простой народ – это скот и его можно продать и подарить, как скот. А по представлениям русских, это невозможно, нельзя продать из государства-семьи сына или дочь.

Восемнадцать лет прошли для Петра III даром – он ничего не понял. Окружил себя такими же, как он сам, советниками, и те подготовили для него целый ряд указов, вопиющих по своей дикости, указов, за любой из которых этого царя Россия имела право распять.

Давайте рассмотрим его поступки с точки зрения тогдашнего русского, русского – сына своей Родины.

Петр III заключил мир с Фридрихом II, вышел из Семилетней войны и этим предал своего союзника в борьбе с Турцией и крымскими татарами – Австрию.

После чего он взял и подарил своему кумиру – Фридриху II Пруссию, чем снова произвел его в короли. Даже если не говорить о военных, стратегических и экономических интересах России, не говорить о пролитой за Пруссию русской крови, то и в этом случае его поступок просто в голове не укладывается. Ведь жители Пруссии стали россиянами, они дали присягу на верность России, как можно было их, на манер скота, дарить?

Далее, этот мудрак объявил войну Дании, у которой были трения с его бывшим герцогством. Но что Дания России? Бог знает где находящееся государство, с которым у Российской державы никогда не возникало никаких проблем, более того, дружески относящееся к России государство. Как объяснить необходимость этой войны русским? Петру III и в голову не приходило, что это надо как-то объяснять. Он же император, рыцарь. А для рыцаря война – его родная стихия. Вот надумал он объявить войну – и подданные-скоты должны идти по его приказу умирать неизвестно за что.

Когда он «обрадовал» этим известием фельдмаршала графа Разумовского, то тот заметил, что для войны с Данией нужны две армии, и в ответ на недоумение императора пояснил: «Вторая армия будет штыками гнать первую в бой».

Этими действиями Петр III развенчал себя как российского императора в глазах русских дворян, стало очевидно, что это не император, вернее – не российский император. Дворянами он был смещен, посажен под арест и вскоре убит. Народу объявили, что умер он естественной смертью (впрочем, для подобных мудраков именно такая смерть и естественна), но слухи, конечно, по России поползли.

Однако мир с Фридрихом II, дарение ему Пруссии, война с Данией -все это мало касалось основной массы народа – крестьянства. Хуже было другое.

Он освободил монастырских крестьян от крепостной зависимости. Фактически, он передал их в крепость бюрократии, так как, в условиях того времени, эти освобожденные крестьяне (их стали называть «экономическими») отрабатывали ту же барщину, но только на землях, принадлежавших уже не монастырям, а государству, и под присмотром не монастырской братии, но алчных, живущих одним днем чиновников. Тем не менее, имя Петра III оказалось причастным к понятию... «свобода».

Наверное, и это Россия пережила бы без больших потрясений. Но Петр III на западный манер освободил от службы Отечеству дворян.

Ни он, ни сегодняшние мудраки не поняли, что если дворянин больше не обязан защищать государство, то есть – крестьян, то почему тогда крестьяне обязаны его содержать за счет своего труда? По западным понятиям, в этом не было ничего необычного, но по русским представлениям, он посадил на шею крестьян паразитов. А свободолюбивые русские, в отличие от людей Запада, паразитов на своей шее не терпят, и привить им подобную терпимость трудно.

С русской точки зрения, следующим шагом должно было стать освобождение крестьян от крепости у помещиков. Но... царь внезапно умер. И народ стал ждать освобождения от Екатерины II.

Ждал напрасно. Екатерину вознесли на престол вооруженные руки дворян. Им (даже преданным России) дарованная вольность была выгодна. Императрица не могла отменить указ о вольности дворянства из-за опасения за собственную судьбу и не могла освободить крестьян и оставить без материальной поддержки военную силу Российской империи – дворян. Она оказалась в безвыходной ситуации, а может, и не спешила искать выход.

А крестьяне ждали... Год, два... пять. Среди них начались волнения, численность бунтовавших росла, накануне гражданской войны во внутренних губерниях России в волнениях участвовало уже около 250 тысяч крестьян. Для тогдашней малолюдной России это огромное количество. Солдаты для народной армии будущей гражданской войны были готовы, но некому было принять власть над ними, некому было подобрать эту власть.

И, наконец, такой человек нашелся. К концу 1773 года взбунтовались яицкие казаки, не желавшие идти на войну с Турцией. Образовалось некое количество вооруженных людей (сначала – 80 человек), поставивших себя вне закона. Разумеется, им срочно потребовался кто-то, чей авторитет мог бы придать их поступкам видимость законных. Этот кто-то объявился. Неграмотный донской казак, хорунжий с боевым опытом. Звали его Емельян Пугачев, но он возглавил яицких мятежников под именем Петра III, якобы чудом спасшегося от смерти и скрывавшегося среди народа.

Странного в этом ничего не было. Петру III вообще везло на «посмертные деяния». Подсчитано, что в различных крестьянских бунтах он «восставал из мертвых» до 40 раз. Но здесь обстоятельства были особые. События развивались на окраине России, где исполнительная власть и так была слаба, а вдобавок взбунтовались военные люди.

Но кто поверит неграмотному казаку, что он царь? Тот, кто знает, как настоящий русский царь должен поступить. Ведь Петр III «не успел» освободить крестьян, следовательно, настоящий русский царь, вновь придя к власти, обязан это сделать.

И Емельян Пугачев это сделал – он освободил от помещиков крестьян, и теперь уже мало кто из них сомневался, что он настоящий царь и есть и что дворяне к выгоде своей хотели его убить. Ненависть крестьян вылилась на дворян, нового царя признали на огромных территориях, за год войны под знамена Пугачева встало свыше 100 тысяч бойцов. Для сравнения: фельдмаршал Петр Румянцев в это время воевал (уже за Дунаем) с турками и татарами и никогда не имел под своей командой более 40 тысяч человек.

Но противоборствующая сторона – правительство Екатерины – не была дискредитирована перед народом внутренних и западных губерний, исполнительная власть России была крепка, то есть силы антинародной стороны в этой войне были велики. Тем не менее, оказать сопротивление Пугачеву, опираясь только на внутренние резервы, Екатерина не могла, хотя в ход было пущено все: против собственного народа вооружили даже нехристей и чужаков – пленных турок.

Тогда Екатерина срочно заключила преждевременный мир с Турцией, прервав дотоле успешную войну с ней, и двинула с турецких границ против Пугачева армии во главе с такими прославленными полководцами, как Суворов и Румянцев.

В сентябре 1774 года Пугачева предали казаки, и к весне 1775-го обезглавленная народная армия перестала оказывать сопротивление. Эта гражданская война закончилась победой идей мудрака Петра Ш. Победы русской идеи народу пришлось ждать еще 145 лет.

Давайте попытаемся ответить на вопрос: «Что требуется для того, чтобы в России вспыхнула гражданская война?»

Во-первых. Нужно нарушить социальную справедливость в России, для чего свободолюбивых русских надо рассматривать на западный манер -то есть считать их скотом, который все стерпит.

Во-вторых. Необходимо время, чтобы та часть народа, которая получит выгоды от нарушения справедливости, численно окрепла, иначе эти люди будут моментально раздавлены и воевать будет некому.

В третьих. Народу понадобятся вожди, и хотя за ними дело не станет, но этим вождям потребуется нужная и понятная народу идея, а также первоначальная военная сила, на которую они будут опираться до того момента, пока вооружится достаточное для расправы с негодяями количество народа. Иными словами – необходим бунт армейских частей.

А что требуется, чтобы нарушить социальную справедливость? Во-первых. Тупой мудрак у власти, мудрак, который перестает понимать сам, что творит, являясь марионеткой в руках либо таких же тупых, либо действующих в своих корыстных интересах советчиков.

Во-вторых. Необходимо, чтобы этот мудрак начал внедрять в стране идеи «цивилизованного мира», не понимая и не желая понять, что по степени цивилизованности Россия стоит выше всех остальных стран, по степени социальной справедливости она их давно опередила, и внедрение чего-то такого, что терпят западные народы-рабы, толкает русских назад, а долго они по этому пути идти не будут.

А что требуется, чтобы эти идеи были внедрены в головы других, чтобы мудраку сразу же не оторвали его собственную?

Нужно отдать мудракам «западного» толка органы формирования общественного мнения, дабы они убеждали народ, будто все, что делает мудрак, стоящий у власти, – делается на благо народа. Для этого, кстати, не надо формально передавать мудракам газеты, радио, ТВ.

Наши журналисты начинают заниматься своей работой в молодые годы, тогда, когда они еще нигде никаким Делом не занимались и профессионально ни в чем, кроме секса, не разбираются. Наши журналисты – мудраки по должности. Они, абсолютно убежденные в собственной правоте, с умным видом внушают народу мысли, сути которых сами не понимают.

Этим людям нельзя позволять работать без контроля, им нужно объяснять, что такое хорошо и что такое плохо, так как сами они не в состоянии этого понять. Их и винить за это не

приходится. Если человек не работал в экономике, то что он о ней может знать? Что он будет пропагандировать? Только то, что внушают ему другие, которых он считает мудрыми. Если он никогда не водил в бой солдат, не видел их убитыми из-за допущенных им, командиром, ошибок, более того, если он даже не служил в вооруженных силах, то что он может знать об армии? Что будет внушать другим?

Чем дольше мудраки в прессе будут орудовать, тем больше воспитают среди населения людей, верящих в благотворность идей западной цивилизации. Тем более многочисленной будет антинародная армия, тем больше крови прольется в гражданской войне.

Все ли сделано в Советском Союзе, чтобы на его развалинах началась гражданская война огромного масштаба?

После Сталина у власти в СССР постоянно находились мудраки, которые уже не понимали сути своих действий и поступали определенным образом только потому, что до них в государственный оборот были введены правильные идеи, которые и они, эти мудраки, считали правильными, верили в них, не понимая сути.

«Экономика должна быть плановой» – это действительно так, и мудраки от Хрущева до Горбачева довели плановость до абсурда именно потому, что не понимали, зачем, почему нужна плановость, что она дает экономике и народу.

«Пресса должна быть под контролем КПСС» – это тоже правильно, но ведь ни один мудрак не соображал, почему. Скажи ему, что Наполеон считал вонючую газетку по силе равной дивизии, и мудрак будет охотно повторять сказанное – ведь Наполеон считается мудрым. Но почему действительно неглупый Наполеон предпочитал иметь в армии на одну дивизию меньше, чем терпеть вонючую газетенку – это мудраку непонятно. «Свобода слова, свобода слова!» – будет вопить он, не соображая, от чего слово требуется освободить. Неужели от службы народу? Если так, то о какой же демократии ты болтаешь?

Славолюбие мудрака Горбачева кончилось трагедией. Он упразднил контроль над мудраками прессы, и все убедились в том, что и заранее должно быть ясно: умных журналистов у нас было столь мало, что их моментально смела лавина мудраков.

Пресса уничтожила исполнительную власть СССР. Что бы ни делали его чиновники по защите народа, по исполнению своего долга, пресса обливала их грязью и убеждала население, что эти действия во вред народу.

Мудраки в прессе обеспечили выборы народных депутатов СССР почти сплошь из мудраков. Эти мудраки предали народ немедленно, как только представился первый же удобный случай продать его с выгодой или без больших потерь лично для каждого.

Среди членов правительства СССР не оказалось ни Петра I, ни Ленина, ни Сталина. Правительство то ли сделало жалкую попытку исполнить свой долг перед народом, то ли имитировало его исполнение в августе 1991 года – и без сопротивления отдало власть бюрократии.

К началу 90-х годов ситуация в СССР стала точно такой же, как в Российской империи накануне пугачевского бунта. Очередь только за мятежом в армейском соединении и за несколькими решительными людьми во главе этого мятежа.

Но в отличие от пугачевского бунта, народ в этот раз не проиграет войну. Средства связи не дадут этого сделать.

Война обещает быть очень кровавой, так как предполагаемые вожди, к несчастью, не выдвинули убедительных идей для народа и сами боятся войны. А это усугубит разделенность населения и затянет боевые действия.

Судя по тому, как развиваются события, нетрудно прийти к заключению, что война неизбежна. Сегодня уже поздно ее бояться.

Тем не менее ее можно еще предотвратить, и данная книга именно этому посвящена.

ЧАСТЬ III. ПОСЛЕДНИЙ РЫВОК

ГЛАВА 1. В НАЧАЛЕ И СЕРЕДИНЕ ПУТИ

ТЕРМИНЫ

Мы видим, что поставленная на грань уничтожения Россия в своей затянувшейся агонии пришла к совершенно особой форме общественной защиты в своем государстве. В России под ударами татар произошел естественный отбор – те, кто не сдался, кого не угнали в рабство, обрели особое свободолюбие, причем не теоретическое, не декларативное, а практическое – воспитанное многими веками непрерывных войн и борьбы за свободу. Россияне влили в свою кровь особую ненависть к любому угнетению, к любой форме паразитирования.

Особенность такого государства – абсолютно единовластный царь, который может в России все. Единовластие давало царю уникальную свободу служить только своему народу. Независимый ни от кого, он никому, кроме всего народа, и не должен был служить – ни членам политических партий, избравшим его, ни мафии, давшей деньги на избрание – никому.

Царь мог все. Но делал для защиты народа только то, что без него его народ сделать не мог. Остальное делал сам народ, объединенный в общины.

Русская идея демократии: – верховная власть ни от кого персонально не зависит, никто в стране не имеет права давить на нее с целью получения собственных выгод; – верховная власть занимается только тем, с чем мир справиться не может, а в дела мира не вмешивается; – лично человеку принадлежит только то, что он сделал лично, заслужил у верховной власти или купил на честно заработанные деньги, все остальное принадлежит обществу; – вести между собой расчет за труд деньгами – это не по-русски: все обязаны помогать друг другу, в единой семье деньги не нужны; – каждый человек – личность и имеет право, чтобы его голос и мнение выслушали все и приняли во внимание.

Есть ли надежные данные, которые бы подтвердили эту особенность русской демократии? Да, и достаточно.

Как ни в одной стране, все сословия России в начале ее пути занимали по отношению к царю одинаково бесправное, а следовательно, одинаково равное положение. Бесправность заключалась в отсутствии каких-либо прав уклониться от службы России. Все обязаны были служить: дворянин копьем, крестьянин сохой, купец мошной. На царя все сословия имели одинаковые права – всех он обязан был защитить одинаково.

Сотни лет подряд в соседних с Россией странах безумствовали мудраки, носясь с парламентаризмом различных окрасок – от парламентаризма Турции до парламентаризма Швеции. Русские, окружив плотным кольцом царя, наблюдали друг за другом – не пробует ли кто подчинить царя своим интересам.

Как ни в одной стране мира, крестьянская община России имела исключительные властные права и свободу.

Как ни в одной стране мира, полное отрицание у русских частной собственности на землю, презрительное отношение к жадным, бескорыстие в служении России. В Смутное время купец Минин призвал купцов имущество продать, жен и детей заложить, но Россию освободить. Перед наступающим Наполеоном смоленские купцы сами подожгли свои лавки и склады с товарами.

Как ни в одной стране мира, русские смотрели на помощь ближнему как на обычную, не требующую благодарности обязанность.

Как ни в одной стране мира, в России на мирских сходках требовалось единогласие при принятии решений.

Соседние народы, рабы по духу и мировоззрению, выпрашивали у высшей власти, то есть у тех, кто содержится на их деньги, гарантии своих прав. И записав эти гарантии в конституцию, радостно считали, что наконец-то у них демократия.

У соседних народов из-за их рабской сущности не хватило ума на понимание очевидной вещи: хозяин у своего холуя никаких гарантий не выпрашивает – они ему не нужны. Хозяин имеет власть, ему служат, а гарантии выпрашивает холуй у хозяина, не наоборот. И если народу что-то гарантируют, то власть в этой стране имеет тот, кто гарантирует, а не народ, который радуется этим гарантиям. Сомнительна в этом случае демократия. Народу-хозяину, народу, имеющему действительную власть, никакие гарантии не нужны, и если он решит написать конституцию, то напишет ее для своего холуя – власти. И в этой конституции запишет: «Я, народ, обязую власть в моей стране обеспечить мне право на свободу слова, неприкосновенность жизни и т.д.» (обязую, а не прошу гарантий). Я – народ – хозяин, и я обязую, а гарантии для себя пусть просят

государственные чиновники и депутаты, раз взялись мне служить.

Русский (россиянин) был хозяин в своей стране, он имел власть, и, следовательно, в стране была демократия.

Своей властью русский народ требовал себе право на неприкосновенность жизни и свободы, и цари (его рабы) старались, делали все, чтобы отбить набеги, не дать ему попасть в полон к татарину или пасть от сабли поляка и меча ливонца. Но одежда прав шьется на подкладке обязанностей – гласит восточная мудрость. И русский народ считал своей обязанностью и дворянина содержать, и подать платить, и своей кровью эту свободу и жизнь народа отстоять.

Русский имел не просто свободу слова, свободу вякать в пустоту – его свобода была сопряжена с обязанностью остальных его слушать и стараться понять. Где и в какой стране была и есть сейчас конституция, которая бы так гарантировала эту свободу?

Русский уже тогда имел права, которые и сейчас не все имеют. Он имел право на жилище, и общество (община) ему это право обеспечивало своей помощью. Он имел право на труд, и общество предоставляло ему для труда землю на равных с другими условиях. Он имел право на обеспеченную старость. Он имел все, что могло обеспечить ему тогдашнее развитие производительных сил страны.

Ни один народ и близко не имел такого набора прав, как русский. Ни один народ не имел органов управления, которые были бы обязаны обеспечить ему такой объем прав. И все это было демократией особого, высшего порядка – русской демократией.

Единственное, чего никогда не могла обеспечить русская демократия -это право народа иметь умную интеллигенцию. Сколько бы народ свою интеллигенцию ни кормил – она, как волк в лес, все на Запад смотрит.

Термин «русская демократия» мы уже использовали, и автор считает, что этот термин имеет право на самостоятельную жизнь.

Развивались производительные силы России, росла производительность труда, Россия становилась все богаче. Появлялись экономические основания совершенствовать свою демократию Кроме того, становилось ясно, что и у умницы отца может быть сын дурак, становилось ясно, что в наследственности монархов есть дефект. Надо было совершенствовать русскую демократию и в этой области. Нам было чем заняться самим, нам не нужен был в делах демократии Запад, но мудраки все предопределили -начался длинный период уничтожения русской демократии бюрократией и буржуазией, который закончился в октябре 1917 года. Начиная с этой даты Россия совершила последний рывок к... К чему? Как назвать то, в чем очутилась Россия начиная с 1989 года?

Две тысячи лет назад человечество суммировало те моральные правила, которые позволяют людям жить вместе и достойно людей. Они вошли в христианство, а несколько позже в мусульманство, да и в других религиях присутствуют. Без исповедывания этих моральных норм люди нигде не считаются людьми. Давайте вспомним эти нормы.

Самоотверженное служение людям, лишения и смерть ради них – подвиг. Пренебрежение к богатству. Запрещение воровать. Запрещение убивать. Отношение ко всем национальностям как к братьям. Презрение к предателям.

Пришедшие к власти в апреле 1989 года люди открыто объявили свой символ веры: – обогащайся любым путем; если он преступный – мы закроем глаза; – предательство допустимо, если оно лично выгодно; – патриотизм – признак подлеца; – каждая национальность должна иметь барские преимущества над остальными.

В СССР были люди, которые обязывались служить людям больше остальных – коммунисты. Партия коммунистов была запрещена и ошельмована теми, кто пришел к власти. Причем они, пришедшие к власти, всю свою жизнь паразитировали на деньги именно коммунистов.

Приход к власти этих людей ознаменовался: – потерей народом свободы передвижения по разделенной границами стране и из-за резкого скачка цен на билеты; – потерей свободы слова после почти полного подкупа средств информации бюрократией и новой буржуазией; – потерей права на труд вследствие разорения своей экономики; – потерей права на жилье из-за резкого сворачивания строительства жилья для всего народа; – потерей или ущемлением права на высшее образование из-за превращения его в платное и размещение вузов в разных государствах; – потерей или ущемлением права на медицинское обслуживание из-за превращение его в частично платное; – потерей права на обеспеченную старость вследствие обесценивания сбережений.

Такого удара Россия никогда до этого изнутри не получала. Как назвать этих людей и эту власть только за одну утрату общечеловеческих моральных ориентиров? Дикарями, папуасами?

Но дикари и не знали никогда правил человеческой морали, а эти знали отлично и пошли на их нарушение из-за тех или иных соображений личной выгоды. Самое мягкое из определений этих людей – дерьмо. И власть их – дерьмократия.

Правда, автор должен оговориться, что этот термин – не его изобретение. С приходом этих людей к власти народ стал применять к ним это слово инстинктивно, возможно, и не догадываясь, что достаточно точно охарактеризовал явление в целом.

Да, к сожалению, термин «дерьмократия» звучит еще неблагозвучнее термина «мудрак», Но, что же тут поделать – явление ведь еще более мерзопакостное, чем само слово.

КОММУНИСТЫ И ИХ ИДЕИ

Автор считает, что последний бросок к дерьмократии Россия сделала начиная с октября 1917 года. В этот момент к власти пришли коммунисты. Мы уже затрагивали то, что их идеи – марксистские идеи – в некоторой части полностью совпадали с идеями русской демократии, и уже говорили, что считать русских коммунистов марксистами надо весьма осторожно. Трудно понять и оценить, насколько они понимали или верили идеям Маркса (если даже допустить, что какая-то часть из них удосужилась прочитать его произведения) и насколько внутри их сидели идеи русской демократии.

Но вряд ли стоит сомневаться, что коммунизм для русских коммунистов был прежде всего обществом всеобщей справедливости – тем единственно возможным обществом, в котором только и имеет смысл жить.

И если отбросить марксизм как таковой, то символ веры российских коммунистов можно было бы свести к следующему.

Общество не может существовать долго, если в нем нет справедливости. Без справедливости люди озлобляются друг на друга и общество распадается.

Люди не могут существовать без общества – оно их защищает. Наивысшая ступень достигнутой справедливости – это получение человеком от общества материальных благ и почета пропорционально принесенной обществу пользе.

Коммунизм в области распределения материальных благ предусматривает поднятие уровня справедливости в обществе и над этой ступенью, а именно – каждому по потребностям. В силу различных и часто не зависящих от человека обстоятельств он может работать на благо общества на небольшой работе и результаты его труда могут нести заметно меньше пользы обществу, чем результаты труда других людей. Но поскольку и его труд тоже будет нужен людям, то коммунистическое общество не собирается оскорблять себя высчитыванием пользы от конкретного человека. А так как результат труда человека высчитывается в деньгах, то коммунизму не нужны будут и деньги.

Но одновременно коммунизм предусматривает, что каждый член общества отдаст ему все, на что он способен как Человек – свой труд, свое мужество, свою порядочность.

Коммунизм – это не рай, где праведники, бездельничая, набивают себе брюхо нектаром под звуки ангельского пения. Это общество труда, где члены общества находят высшее удовлетворение и самовыражение в своем труде, где труд людям в радость.

Искусственно создать общество, где труд людям будет в радость, нельзя. Но можно создать людей, которым труд в радость – и с этими людьми построить такое общество. Для построения коммунизма главное люди, все остальное несущественно.

Для того чтобы жить, чтобы продолжать свой род, человек несет в себе все инстинкты животного. Они могут определить и его поведение: инстинкт сохранения энергии склоняет человека к лени, инстинкт удовлетворения естественных потребностей – к алчности, инстинкт продолжения рода – к разврату, инстинкт самосохранения – к трусости.

Некто по своей внешности и интеллекту может быть опознан как человек, но по своему поведению может являться животным. И каждый из нас таких людей знает или узнаёт в себе.

Чем больше в обществе людей-животных, тем дальше общество от коммунизма. Людей-животных сдерживает в человеческих рамках насилие их над собой или насилие над ними общества, а коммунизм насилия общества над людьми не признает, в нем будут жить люди, способ-

ные подавлять не ко времени проснувшиеся инстинкты без насилия над собой, и общество в насилии над ними нуждаться не будет.

Коммунизм – это не проблема экономики или техники, это проблема воспитания. Для того чтобы жить в коммунизме, требуется не партбилет в кармане, а способность быть Человеком. Способность без усилий над собой и внутренних мучений преодолевать в себе инстинкт лени и работать, находя в результатах работы высшее удовлетворение. Способность подавить в себе алчность в условиях, когда возможным будет все или почти все. Подавить инстинкт продолжения рода, когда это будет задевать других людей. Подавить в себе страх, когда это потребуется для людей и общества.

Люди, не способные стать Человеком, не могут жить при коммунизме. И не могут в силу недостаточности своего человеческого развития понять, что такое общество может быть. Их собственный жизненный опыт, основанный на собственной лени, алчности, трусости и подлости, не дает им фактов, подтверждающих возможность коммунизма.

Люди, понимающие, что коммунизм – это дело очень непростое, но осуществимое – это коммунисты.

Подготовить коммунизм обязан социализм. В нем в области распределения материальных благ должна действовать справедливость: от каждого по способностям – каждому по труду. Результаты труда необходимо оценить, и деньги при социализме нужны.

Справедливость социализма требует, чтобы результат труда, в который человек вложил свой ум и физическую силу, был обменен на требующий такой же суммы ума и силы результат труда другого человека.

Разделение труда в обществе достигло таких масштабов, что в каждый килограмм хлеба, безусловно, вложена частица труда каждого члена общества, как вложена она в любую машину и любое здание, и каждый на эти вещи имеет безусловное право. И это тоже причина, по которой обмен должен быть справедливым.

Справедливость социализма требует, чтобы в этот обмен не вмешивались другие обстоятельства, которые никак не зависят от труженика и которые он не в состоянии изменить – национальность, происхождение, определенного рода природные и искусственно созданные условия.

В силу случайных обстоятельств один человек может изготавливать одежду, другой хлеб. В случае засухи или неурожая тот, кто владеет хлебом, может за свой труд взять неимоверно большое количество труда того, ктоделает одежду. Это несправедливо.

Основана эта несправедливость на том, что право владения продуктом признается за человеком, занятым его обработкой на последней, дающей случайное преимущество, стадии. А это право и дает право частной собственности на средства производства.

Во имя своей справедливости социализм не признает этого права. Владелец средств производства, кем бы он ни был, может отнимать у работающих у него работников часть стоимости их труда, и эта часть может намного превышать стоимость его настоящего и прошлого труда. И это еще одна причина, по которой социализм во имя справедливости не признает права частной собственности на средства производства.

Коммунисты и социалисты – интернационалисты. Это вытекает из сути их представлений о справедливости, так как нет для них других справедливых оснований получения каких-либо дополнительных благ от общества, кроме дополнительного труда.

Капиталистическое общество в понятии справедливости полностью ориентируется на людей-животных. В формуле справедливости капитализма отсутствует требование «от каждого по способностям». Оно изначально неприемлемо, и в нем нет необходимости.

Право частной собственности дает его владельцу возможность не служить и не давать обществу вообще ничего взамен за получаемые от общества блага. Это первая причина, по которой понятие «от каждого по способностям» капитализм не приемлет.

Специфика беспланового хозяйства требует резервов на случай получения больших заказов, в том числе и резервов рабочей силы – безработных. Это вторая причина неприемлемости этого понятия.

Нет необходимости морально подстегивать людей к полному применению своих способностей – капиталистическое общество для этого имеет устоявшийся набор экономических и правовых средств насилия.

Форма справедливости капитализма: каждому столько, сколько он сумеет у общества изъ-

ять.

Много ли надо было русскому или россиянину, чтобы понять и принять эти идеи?

Много ли надо человеку, живущему в общине, где все обязаны оказывать друг другу помощь и не требовать за это денег, чтобы принять идею о том, что в будущем денег вообще не будет?

А много ли надо русскому, не признающему права частной собственности на землю, чтобы принять идею о том, что все средства производства должны быть общими?

И много ли надо ему, считающему всех, кто служит России, своими братьями и сестрами, чтобы принять идеи интернационализма?

Так что приход к власти в России коммунистов – это процесс абсолютно для нее естественный.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ БЮРОКРАТИЯ

Став у власти в Петрограде, большевики сразу же столкнулись с проблемой исполнительной власти. Без нее все их законотворчество пустое умствование. Без чиновников, которые организовали бы население на исполнение этих, даже воспринимаемых Россией законов, власти нет.

Старая исполнительная власть уже задолго до большевиков была дискредитирована, а потом добита с их помощью. Попытки большевиков подчинить себе ее чиновников окончилась неудачей: чиновники не признали правительство Ленина и пошли на саботаж.

Правда, какое-то подобие исполнительной структуры большевикам удалось создать почти мгновенно – это была система Советов в губерниях и уездах. Советы на местах стали отвечать за исход борьбы в России точно так же, как правительство в Петрограде и даже больше, так как политические противники расстреливали и рубили их депутатов в первую очередь. Поэтому команды из центра поступали на места и принимались к исполнению местными Советами безоговорочно, тут все понимали, что связаны с Петроградом кровью.

Но Советы – это скорее законодатели, которые указание большевистского правительства могли на своем заседании превратить в закон для данной местности. А ведь еще нужны и исполнители – чиновники. Те, кто мог бы обсчитать стоимость выполнения указания, найти деньги, людей, материалы, рассчитать время исполнения и организовать его.

Царских чиновников попытались заставить работать силой. Офицеров и генералов призывали в Красную Армию и приставляли к ним надсмотрщика-комиссара. Таких же комиссаров рассылали во все учреждения.

Часть чиновников принимала идеи коммунистов, часть честно работала под угрозой расправы, но часть и откровенно вредила, так как профессионалу обмануть дилетанта-комиссара нетрудно.

По этой последней причине так или иначе, но большевики вынуждены были все больше и больше ставить на места чиновников действительно преданных себе людей, а это в основном были рабочие и крестьяне, в лучшем случае люди с образованием, но без малейшего опыта. Качественный уровень исполнительной власти упал неимоверно.

Добавим, что чиновников большевикам потребовалось больше, чем царской России. Во-первых, из-за крайне низкого профессионального уровня, во-вторых, из-за необходимости охватить управлением и ту часть экономики, что находилась у буржуазии и управлялась набранным ею персоналом.

Кто были эти сотни тысяч человек, которые стали управлять Россией, полностью разрушенной мировой и гражданской войнами? Кто были те, кто стал требовать исполнения законов от граждан России, которые за три года внутренней смуты вообще отвыкли кому-либо подчиняться?

Конечно, все это были так или иначе образованные большевики, но, видимо, в большей мере командиры и политработники Красной Армии, которая к тому времени была демобилизована почти на 90 процентов. Они в гражданскую убивали и их убивали, они были преданы коммунистической идее безусловно, у них уже был опыт командования людьми. Но ни малейших знаний и опыта в хозяйственных и гражданских делах. Их срочно учили, срочно организовывались и работали различные курсы по их подготовке, но главный учитель – это работа. Должно было пройти время, чтобы она научила этих людей делать Дело. Запомним, что образовывался

государственный аппарат из людей новых, некомпетентных, готовых чиновников негде было взять.

Второе, что никем и никогда не учитывается, – это страх нового аппарата за свою судьбу и жизнь. Когда говорят, что Сталина всегда поддерживал партийный и государственный аппарат, никогда не учитывают этого страха.

Причем страх аппарату внушал не Сталин. Наоборот: аппарат сам жался к нему из страха. Мы писали, что даже Ленин не верил вполне, что власть большевиков устоит. А что делают с большевиками, когда их власть падает, за годы гражданской войны стало хорошо известно в первую очередь большевикам. Участь 26 бакинских комиссаров или Сергея Лазо никого не прельщала. Отсюда страх и лютая ненависть нового аппарата ко всем, в ком можно было заподозрить двурушничество или предательство.

По своему характеру это были люди разные. По мнению автора, наиболее талантливо описал первоначальных чиновников СССР М. Шолохов в «Поднятой целине».

Во-первых – это фанатик Нагульнов. Человек, за годы войны отвыкший и потерявший вкус к деятельности мирной жизни, человек, для кого борьба стала идеей-фикс. Фанатик, взявшийся самостоятельно изучать английский язык в надежде на скорую мировую революцию и свое личное участие в ней. Представим этого борца на месте прокурора или судьи. Что будет с теми подсудимыми, которые попадут к нему?

Во-вторых – это люди типа Давыдова, умные прагматики-коммунисты, старающиеся марсистские государственные догмы приспособить к российской жизни. Люди, для которых целью уже становится конкретное, полезное для людей и государства Дело.

И наконец – это люди типа Разметнова, которые честно и сознательно сражались на стороне красных, но которым весь этот марксизм, мягко скажем, малоинтересен. Вчера он еще ненавидел своих врагов, а сегодня, когда они побеждены, ему уже становится их жалко. Нормальные русские люди.

При этом все трое и в мыслях не допускают какого-либо покушения на советскую власть, на власть большевиков. И при первой же для нее опасности, не раздумывая, бросаются под пулеметный огонь.

Условия, в которые попал молодой государственный аппарат СССР, характеризовались действиями двух сил.

Первая сила – это сила некомпетентности, что чрезвычайно обюрокрачивало аппарат. Не зная, как поступить, чиновник запрашивает начальника, а тот – следующего. Входило я обычай и правило ничего самому не решать, застраховаться от ошибок и, кстати, от вышестоящей расправы за них.

С другой стороны, страх внешней и внутренней угрозы заставлял достигать конечного полезного для страны результата любым путем. Причем и здесь присутствовал страх расправы за недостижение этих результатов.

Страх – это извечный спутник ответственности. Без страха ее нет. Страх заставляет мучиться, выбирая решение, страх заставляет все тщательно взвешивать, страх заставляет действовать решительно. Профессионал-чиновник боится за свою репутацию, и этот страх, сопряженный со страхом потерять работу, которую он умеет делать, довлеет над ним. А у молодой бюрократии репутации нет, ей ничего не страшно, что хорошо видно на примере бюрократии, которую привели с собой к власти президенты-перестройщики во всех республиках СССР. Такой бюрократии, чтобы хорошо работать, посторонний страх полезен, иначе она долго будет осваивать свою профессию и увлечется взятками.

Под воздействием этих двух сил в СССР начал формироваться государственный аппарат, который сильно тяготел к полному обюрокрачиванию, но страх физической расправы от внешних врагов страны и от начальников уравновешивал положение, и этот аппарат был способен делать Дело.

Коммунистическому аппарату, как и любому другому, нужна была голова, безразлично какая – единая или коллективная. Главное, чтобы она была одна, чтобы выполненный приказ из одного места не наказывался и» другого. Чтобы была уверенность, что вся страна едина, что она не расколется на два лагеря в гражданской войне, что в ней не возникнет «пятая колонна», как в Испании.

Некоторое время такой головы не было.

ВОЖДИ

Лидеров большевиков, подобравших в октябре 1917 года власть в России, надо разделить на две группы: теоретики с малой практикой и теоретики с большим практическим опытом управления или просто практики. Напоминаем, что это книга об управлении. Автор уверен, что именно практический опыт или его отсутствие оказали влияние на подход лидеров к теории марксизма.

К первой группе лидеров надо отнести Ленина и всех тех лидеров, которые большую часть предреволюционной работы провели в эмиграции. Несмотря на всю глубину их ума, им неоткуда было приобрести опыт организаторской, управленческой работы, да еще и в такой самобытной стране, как Россия. Размышляя над путями развития государства после своего предполагаемого прихода к власти и после начала строительства социализма, они в качестве базы для своих умозаключений брали только теоретические посылки Маркса и его последователей. Не потому, что это были люди ограниченные или неумные, но как можно за границей много узнать о России, даже если интенсивно переписываться с ней? Да, кое-что можно было узнать, кое-какой опыт управления можно было получить, но насколько это глубоко? Такая вынужденная изоляция не могла не привести к определенному догматизму, ортодоксальности, правоверности этих марксистов. Для них учение Маркса, те дороги к социализму, что он указал, вынужденно становились святыми. Пожалуй, на крайнем фланге этих людей стоял Троцкий.

Другая группа лидеров большую часть своего опыта приобрела в России. Она выводила россиян, в общем инертных, на демонстрации, организовывала типографии, перевозку газет, доставала деньги и все время крутилась в гуще конкретных, а не книжных людей. Она сидела в тюрьмах и там тоже изучала людей, перенимала их опыт, знакомилась с теми, кому впоследствии суждено было стать средним звеном госаппарата СССР. Эта группа людей тоже хорошо знала учение Маркса, но она знала и Россию, поэтому волей-неволей она должна была относиться к марксизму более критически, рассматривать его «не как догму, а как руководство к действию».

Иными словами, эти люди понимали, что такое коммунизм и социализм, понимали их необходимость, как и первая группа лидеров (теоретиков). Но они не могли не видеть, что есть и другие дороги. Кроме того, они знали настоящую Россию, настоящий, а не приукрашенный или оболганный, как это часто бывает в книгах, народ.

На крайнем фланге этих лидеров, безусловно, был Сталин, которому и сейчас некоторые публицисты не могут простить, что он исповедовал «марксизм творческий».

Этой разницы между теоретиками и практиками обычно не понимают. Ее необходимо пояснить на примерах. Возьмем гипотетический.

Скажем, теоретик-географ проложил на карте самый короткий путь между точками А и В. Практик пошел из точки А в точку В, но никогда в реальной жизни он не пройдет точно по проложенной линии. Где-то встретится камень, завалы, болотца – он их обойдет; может, ему придется где-то временно и вернуться из тупика. Он пройдет большее расстояние, чем рассчитал теоретик, но пройдет и достигнет точки В. Для него линия на карте – это не догма, которой нужно следовать непременно и всегда и не думать почему. Практик не будет продираться через завал деревьев, его опыт подскажет ему, что он больше потеряет времени, сил и еще и одежду порвет.

Теоретику такое неведомо. Если его послать по маршруту, то он, вероятнее всего, попрется через болото и застрянет в нем. А такой теоретик, как журналист-экономист, любимый премьер-министр Ельцина Гайдар, который и карты читать не умеет, весь сидя в трясине по уши, еще и доказывать нагло будет, не краснея, что его путь – единственно верный. Да вот болото ему помешало! А в прессе и парламенте не найдется человека его спросить: «А чего ты в это болото залез, идиот! Где были твои глаза?» Но это гипотетический пример. А вот реальный мелкий случай. Плавильный цех. Жидкий металл из печей сливается в ковш, из него разливается в изложницы, после остывания из изложниц слитки складываются в короба, короба отвозятся на склад готовой продукции этого цеха, слитки там дробят грузчики (они же и дробильщики) на дробилке, дробленый металл из коробов высыпается в железнодорожные вагоны и увозится со склада, а пустые короба снова подаются в разливочный пролет цеха, где в них снова складывают слитки из изложниц, и так далее. Такая технология.

Вагоны должен подать железнодорожный цех, и подать их должны чистыми. Их перед отправкой в плавильный цех на этот предмет обязан проверить ОТК железнодорожного цеха. Обязан... должен...! Это в теории. На практике железнодорожный цех подал вагоны, в которых было по 50-100 килограммов мусора – на 5 минут работы лопатой. ОТК плавильного цеха запретил грузить в вагоны с мусором металл. Обычно в таких случаях начальник смены плавильного цеха просит грузчиков-дробильщиков очистить вагоны. Просит, так как оплата такой работы в плавильном цехе не предусмотрена – ее обязан выполнить железнодорожный.

Но случай был не первый, и грузчики-дробильщики взбунтовались и отказались чистить. Обещание премии не помогло. Теоретически начальник смены может дать любую работу и угрозой наказания заставить ее выполнять. Практически этот случай обещал начальнику смены месяцы хождения к юристу, в завком, в суд, и в результате рабочие бы отспорили свою правоту. И начальник смены тихо сдал смену своему молодому сменщику и уехал домой, а грузчики рассказали обо всем сменяющим их в новой смене коллегам, и те из чувства солидарности тоже уперлись и чистить вагоны отказались.

Но если короба с металлом не опорожнить в вагоны, то нельзя их вернуть в разливочный пролет, нельзя загрузить в них слитки и разлить в изложницы металл из ковшей, нет пустых ковшей – невозможно выпустить металл из печи, печи нужно останавливать.

Молодой начальник смены понимал, что если в цехе не будет электроэнергии и он остановит печи – его поймут, если не будет сырья не по его вине – его поймут, если случится авария – его поймут, но остановить цех потому, что двое его рабочих, не выполняя его приказ, не хотят сделать пятиминутную работу – его никто не поймет. Он звонит в железнодорожный цех и требует прислать грузчиков, но ему нагло сообщают, что они поставили вагоны чистыми и это, наверное, сам плавильный цех навалил в них мусор, вот пусть сам и чистит. В общем, дело принимало веселый оборот и прямой, теоретический путь обещал крупную разборку с привлечением всего заводского начальства. Из-за пяти минут нетяжелой работы.

Молодой начальник смены бежит докладывать о предполагаемой остановке печей начальнику цеха, с ужасом представляя, что начальник смены, не способный заставить рабочих выполнить пустячную работу, в глазах начальника цеха превратится в ноль... если не хуже. По дороге встречает старого, опытного начальника смены, к тому времени пенсионера, и рассказывает ему свою трагедию. Тот немедленно и невозмутимо дает совет: «Вызови дежурных электриков и прикажи им обесточить на складе все дробилки». Полное недоумение молодого: «При чем тут электрики, при чем дробилки, когда вагоны не грузятся!» Старый поясняет: «Скажи грузчикам, что не включишь дробилки, пока они не поставят в разливочный пролет цеха под металл 24 пустых короба. Заработок грузчиков от погрузки коробов в вагоны едва 10 процентов, остальные деньги они зарабатывают на дроблении металла. Если ты не позволишь им дробить, они вообще за смену ничего не заработают. А следующая смена обрадуется, так как сможет заработать вдвое. Она немедленно вычистит вагоны. И твои грузчики это отлично понимают». Молодой начальник тут же по телефону дал задание электрикам, а через час в разливочный пролет стали поступать пустые короба.

Пустячный случай, таких у каждого практика миллионы. Как они говорят: «Для этого мы и ходим на работу». Простое решение, справедливое или нет – это второй вопрос, так как перед ним следует другой: «А справедливо ли, чтобы пусть и из справедливого каприза двоих уменьшилась зарплата пяти сотен человек всего цеха, так как потерянный при остановке печей металл уже никогда нельзя восполнить?»

Но не об этом речь. Как видите, теоретики написали инструкции, нормы, правила, законы. Им кажется, что они все для практика предусмотрели. Но практик действует по инструкциям только тогда, когда это целесообразно, в остальных случаях – как требует Дело.

Практики отлично понимают смысл истины: «Нет ничего практичнее хорошей теории». Они всегда мечутся между сотнями вариантов решения и ценят возможность, опираясь на теорию, рассчитать лучшее.

Теоретики, к сожалению, чаще всего не понимают смысл другого изречения: «Критерием истины является практика». Им все кажется, что практики недостаточно хорошо использовали теорию и получили результат худший, чем если бы слепо следовали предлагаемым теоретическим посылкам.

Автор был свидетелем и участником сотен конфликтов при принятии решений, в которых

участвовали теоретики и практики. Можно быть уверенным, что если руководящий орган – коллективный и состоит из этих двух разновидностей специалистов, то в нем никогда не будет согласия. Он будет вечно метаться от одного решения к другому по одним и тем же вопросам, в зависимости от того, кто кого пересилит.

Иногда практики в борьбе идей применяют рискованный прием – они говорят: «Ты, теоретик, считаешь, что мы плохо делаем Дело? Что же -возглавь его сам и сделай лучше!» Он рискован тем, что среди теоретиков может найтись человек, который и в самом деле по глупости возьмется за это, хотя обычно они пасуют.

Автор, например, может привести эпизод, когда плохая работа одного из цехов завода обсуждалась комиссией, в которой членами состояли и несколько работников научно-исследовательских и проектных институтов. Один из этих теоретиков зачитал перечень ошибок, которые, по его мнению, допустили работники цеха и которых, надо думать, он бы не допустил, а также безапелляционным тоном дал перечень рекомендаций, среди которых основное место занимали ценные советы типа: «Надо хорошо работать, надо повышать дисциплину, надо усилить борьбу за качество ремонтов и т.д.». Выслушав его, директор внезапно предложил: «Я вам дам немедленно трехкомнатную квартиру не хуже, чем у вас есть, и зарплату втрое превышающую вашу. Переезжайте на завод, я вас назначу начальником этого цеха, и вы покажете всем нам, дуракам, как надо работать». Теоретик заткнулся до конца совещания, а остальные присмирели и стали думать, что советуют.

Вспомним, что до 1927 года, когда троцкизм был в основном побежден, Сталин трижды пользовался этим приемом, трижды предлагал заменить себя на посту генсека.

Если в коллективном органе возникнут именно такие два крыла, то мира и согласия в нем не будет. Они начнут бороться до тех пор, пока какое-либо из них не осилит оппонентов.

Забегая вперед, вспомним, что «перестройка» – это победа теоретиков. В ее начале со страниц прессы и с экранов ТВ полностью исчезли практики – директора предприятий, хозяйственники и рабочие. Практически под всеми статьями на экономические темы стояли фамилии, сопровождаемые учеными титулами или в крайнем случае званием «народный артист». Наконец, благодаря безголовым президентам и верховным советам профессора дорвались до власти и сбросили страну под откос.

Но вернемся к коммунистическим вождям в начале последнего рывка. Теоретики боятся власти над Делом, боятся ответственности за него. Некоторые историки считают, что факт поражения эсеров в политической борьбе с большевиками объясняется властебоязнью лидеров эсеров. Гавкать в составе оппозиции на власть – они с удовольствием, самим стать у власти и на себя возложить ответственность за последствия своих решений им было страшно.

Величие теоретика Ленина в том, что он не побоялся ответственности и стал у власти, а когда его придавил груз ответственности, то он не остался мудраком, а быстро стал смещаться в лагерь практиков. Поставив перед собой целью не красование у власти, а спасение случаем полученной страны, он отринул марксистские догмы в той части, где они расходились с нуждами текущего момента. Но считать, что он стал полностью практиком, наверное, нельзя. И по свидетельству Уэллса, он оставался несколько идеалистом, да и действия его свидетельствуют об этом.

Например, Сталин не смог убедить Ленина не организовывать союз суверенных республик, а организовать их федерацию, то есть лишить правовой основы сепаратизм. Ленин идеализировал ситуацию, считая, что союз народов, которые имеют право выйти из союза, будет более прочен, чем союз, из которого никто выйти не имеет права. Это идеализм и незнание реальной жизни. Народы никогда не выходят из союза, им это невыгодно. Их настраивают друг против друга и выводят из союза их лидеры, их мудраки и бюрократия.

А Сталин отлично знал, что за честолюбивая и корыстная сволочь может быть в их числе, ведь он десятки лет с ними непосредственно работал. Он понимал, что подобный союз – это почва власти для национальной бюрократии. Не умной, не знающей, а только мононациональной.

Но убедить Ленина Сталин не смог, а Политбюро – тем более. И через 73 года ситуация с развалом СССР полностью подтвердила правоту Сталина.

Ленин был огромным авторитетом и у теоретиков и у практиков, а это значило, что вся борьба между ними заканчивалась на нем. Когда он настаивал на том или ином решении, то после его принятия оно не оспаривалось. Управление страной и было и выглядело единым. И народ

и аппарат были спокойны.

Но вот Ленин тяжело заболел, отошел от дел, а затем умер. Стало некому ставить цели перед практиками и унять мудрачество теоретиков.

К этому времени Сталин уже достаточно давно занимался практической организационной работой в партии, а значит, и в стране. Он решал различные практические вопросы, и именно за этим к нему обращалась партия. Если нужно написать блестящую статью или книгу о мировой революции или о проблемах коммунизма вообще, то это лучше к Троцкому, Бухарину, Зиновьеву и т.д. А если нужно решить практический вопрос – то это к Сталину.

Возникало двусмысленное положение. Внешне в партии и стране блистали одни люди, а партия начинала все больше и больше признавать вождем другого.

Для многих это было обидно. Скажем, Сталин в гражданскую войну был только членом Военного совета фронтов, а Тухачевский командовал фронтами, Троцкий – тот вообще был командующим всеми вооруженными силами РСФСР. Масса людей, считавших себя лидерами, не могла понять, в чем дело, не понимала, что стране уже давно нужна не болтовня, а конкретные дела, что партия и страна боятся оппозиции, боятся вызванной ею конфронтации.

Троцкий так красиво говорил, так находчиво полемизировал, остроумно шутил. А Сталин говорил простыми фразами, сам себе непрерывно задавал вопросы и сам на них отвечал. Он и писал так, грешил тавтологией, редко употребляя местоимения. Было непонятно, почему в итоге члены ЦК, делегаты съездов голосовали за Сталина, а не Троцкого.

Мудраки не понимали, что в конечном итоге Троцкий убеждал всех в своем уме, и только. А Сталин обращался к людям и убеждал их в правильности своих идей. Поэтому и говорил просто. Поэтому и вопросы сам задавал. Поскольку у простых людей более-менее абстрактные, непривычные им вещи всегда вызывают вопросы. Троцкий, как ему казалось, стремился говорить умно, а Сталин – понятно. В результате от речей Троцкого у большинства оставалось впечатление собственной глупости, цели его оставались непонятны. Следовательно, для большинства слушателей было непонятно, понимает ли их полезность для народа сам Троцкий. А это не могло не раздражать делегатов – партийных и государственных чиновников. Ведь им для их собственной работы было необходимо понимать, чего хочет шеф, понимать и видеть, что это действительно полезно для страны, а не является какой-то очередной авантюрой типа мировой революции.

По этой причине практики во главе со Сталиным не могли не побеждать идейно теоретиков. Что касается путей строительства социализма, свобода слова в стране была полная и победа идей Сталина была достигнута в честном соревновании. До конца двадцатых годов в Верховном Совете, например, еще заседали депутаты-эсеры, анархисты имели свои типографии и издавали свою литературу. Оппозиция в это время была убита идейно, физическая расправа над ней началась уже в тридцатые годы, когда Европа, подзабыв войну, выпустила на сцену фашизм.

Победа практиков обусловлена тяжелым положением России в это время. России нужны были люди, умеющие делать Дело. И она их призвала. Сталин возглавил страну. Теоретикам было, конечно, обидно, большинство из них считало себя умнее Сталина. Тем не менее у них не хватило ума заткнуться. Здесь требуется пояснение.

Обсуждать решение, оспаривать его допускается только тогда, когда оно еще не принято. Но когда цель поставлена и миллионы людей уже взялись за осуществление этого решения, то продолжение его обсуждения становится преступным. Мудраки этого не понимают, они не понимают, что свободы слова просто так не бывает, слово тоже обязано служить народу, быть демократичным. И насколько это слово может быть кровавым, лучше всего рассмотреть на примере коллективизации.

КРОВАВАЯ ОППОЗИЦИЯ

Подобная постановка вопроса сегодня может вызвать удивление, поскольку именно оппозиция, ее лидеры были в тридцатых годах физически уничтожены. Казалось бы, правильнее было сказать «окровавленная оппозиция».

Да, конечно, можно и так. Но все-таки окровавленной она стала уже после того, как по ее вине, из-за ее безответственности захлебнулся кровью народ. Это было не раз, но наиболее тяжелым был случай с коллективизацией сельского хозяйства.

Прежде, чем заняться этим вопросом, надо сказать несколько слов о значении для общества сельского хозяйства вообще и в России в частности. Как-то неудобно писать, что людям для того, чтобы жить, нужно есть и что продуктами нас обеспечивает сельское хозяйство. Складывается впечатление, что об этом забыли. В сельском хозяйстве работают люди, и они тоже едят. Следовательно, часть того, что эти люди производят, они же и съедают. Для любой страны и любого государства очень важно, чтобы после того, как работники сельского хозяйства съедят то, что произвели, у них осталось еще что-то для остальных граждан. Это что-то называется товарностью сельского хозяйства.

Когда поражаешься средневековым творениям зодчества в Западной Европе – а это первое, что бросается в глаза, – невольно приходит мысль, что уже в XIV-XV веках там должно было быть огромное количество людей, которые профессионально, то есть круглый год и всю жизнь, занимались строительством, инженерным делом, ваянием и живописью. Следовательно, уже в те времена там должна была быть такая производительность труда на селе, такая товарность сельского хозяйства, которая бы позволяла государству иметь и кормить значительное количество людей, профессионально двигающих прогресс во всех областях знаний и экономики. Возникает вопрос – а почему в России было так мало этих людей?

Ответы просты. Во-первых, конечно, товарность сельского хозяйства была очень низка, ведь даже самые южные земли Московии были гораздо севернее всех земель Германии, Франции, Италии и т.д. Во-вторых, даже те небольшие излишки, что крестьянин мог оторвать от своей семьи, шли в первую очередь на прокорм армии и на обеспечение вооружения для нее. Россия абсолютно объективно не имела излишков сельскохозяйственной продукции, чтобы кормить инженеров, ученых, ваятелей и прочих. Имея высокую политическую культуру, она резко отставала от других стран в области культуры технической, научной, развлекательной.

Для оседлых народов основой сельского хозяйства является растениеводство и его главная отрасль – зерновое производство. Зерно, хлеб – это прямая, наиболее экономичная по затратам труда пища человека. Но когда производительность труда крестьянина начинает достигать определенного уровня, появляется возможность использовать хлеб не только на еду человека. Хлебом начинают кормить животных, получая мясо, а затем мясо едят люди. Здесь надо понимать элементарные вещи.

Человек, как и машина, для своей жизни нуждается в топливе и запасных частях. Но он, в отличие от автомобиля, получает топливо и запчасти сразу, в смешанном виде, вместе с пищей. Топливом для него является калорийность пищи, запчастями содержащиеся в ней белки. Еще одно отличие. Для автомобиля мы можем запасти топливо в канистрах, а запчасти сложить в багажник. Человек так не может. Он может запасти топливо в виде внутреннего и подкожного жира, но запаса белков, с помощью которых восстанавливаются клетки его тела и которых ему надо-то всего около 100 граммов в день, он сделать не в состоянии. Белков можно съесть в день очень много, но организм возьмет их ровно столько, сколько нужно сегодня – остальные он не усвоит.

Нет нужды влазить в физиологические дебри, но экономические аспекты питания может оценить каждый. Рассмотрим всего два продукта – хлеб и мясо.

В постном мясе калорий почти в два раза меньше, чем в хлебе, то есть это неважное топливо. Но в нем почти вдвое больше белков, чем в хлебе, и в мясе они в очень хорошем сочетании.

Отсюда следует, что человеку, который находится в очень холодных условиях и очень тяжело работает, нужно больше хлеба или один только хлеб – калорийное топливо. Вместе с хлебом он получит и достаточное количество белка – запчастей, и еды по весу ему нужно будет не очень много. Но если человек живет в теплом климате и расходы калорий на его собственный обогрев невелики, если его труд физически не очень тяжел, то ему лучше есть мясо. Если он будет съедать столько хлеба, чтобы в нем хватило ежедневной нормы белков, то быстро распухнет от жира. Будет не еда, а откорм.

В то же время, если тяжело работающий человек будет питаться только постным мясом, то его и есть придется много, и белки его будут бесполезно потрачены.

Можно сделать вывод, что нельзя сравнивать, скажем, душевое потребление мяса или хлеба в различных странах просто так, как факт, чтобы определить, хорошо или плохо там живут люди. Нужно оценить климат этих стран, степень комфорта тамошних жилищ и рабочих мест, доступность транспорта и физические усилия в быту и на работе.

Если мы вспомним, что Россия – это страна с очень длинной и холодной зимой, с огромными расстояниями и в прошлые века с тяжелым крестьянским трудом, то поймем, почему хлеб – это основа русской еды. (Под хлебом здесь имеются в виду и каши, и все мучное.) Мясо для крестьянина считалось скорее баловством. Считалось, что в крестьянской пище России даже прошлого века приоритеты были следующие: кислая капуста либо щи из нее, водка, мясо. От мяса, разумеется, никто не отказывался, особенно от жирного. В России всегда считалось, что сладко есть – значит жирно есть, ведь жир – это калории, энергия. Но если была возможность выбора между мясом и водкой, то предпочиталась водка. А если был выбор между водкой и щами, то предпочитались последние. Поскольку то большое количество хлеба, что ел крестьянин, нужно было чем-то сопроводить для лучшего усвоения. Народ подобрал себе в качестве сопровождения хлебу капусту и блюда из нее.

Когда наступал голодный год, крестьянин продавал корову или бычка по цене мяса за пуд, равной цене ржи за пуд. Мы не поймем смысла этой операции, если не вспомним, что в постном мясе калорий вдвое меньше, чем в хлебе – крестьянин вдвое увеличивал такой торговлей энергетическую ценность пищи.

Подтвердим правильность такой оценки парой примеров.

Еда прииртышских казаков Семипалатинского уезда в 1893 году.

Летом, в пост:

5 часов – чай с булкой

9 часов – то же

12 часов – редька с квасом, иногда рыба 17 часов – чай с хлебом 21 час – остатки обеда

В мясоед:

5 часов – чай, молоко, калачи

9 часов – то же

12 часов – щи, молоко, черный хлеб, квас 17 часов – чай, молоко, калачи 21 час – остатки обеда

А вот еда артели приволжских крестьян, работающих зимой на лесоповале. Описана П.И. Мельниковым примерно в те же годы. «Развел он в очаге огонь, в один котел засыпал гороху, а в другом стал приготовлять похлебку: покрошил гулены, сухих грибков, муку, засыпал гречневой крупой да гороховой мукой, сдобрил маслом и поставил на огонь... Петряйка нарезал черствого хлеба, разложил ломти да ложки и поставил перед усевшеюся артелью чашки с похлебкой. Молча работала артель зубами, чашки скоро опростались. Петряйка выложил остальную похлебку, а когда лесники и это очистили, поставил им чашки с горохом, накрошил туда репчатого луку и полил вдоволь льняным маслом. Это кушанье показалось особенно лакомо лесникам, ели да похваливали».

Артель, заметим, ела два раза в день из-за специфики работы в короткий зимний день и дальности езды к просекам. Это был завтрак

Как видим, пища и богатых казаков, живущих на вольных землях рыбного Иртыша, и у не бедных крестьян Поволжья в основном растительная, высококалорийная.

Хлеб был очень ценен, зерном скот в России кормили очень богатые люди, крестьянину это и в голову бы не пришло. Ведь для получения килограмма мяса необходимо почти десять килограммов зерна, в целом это энергетическая потеря калорийности почти в двадцать раз. Слишком мало было производство зерна в России, чтобы перейти в те годы на такой способ производства мяса.

Даже в 1913 году, самом урожайном за историю империи, зерна было произведено в границах СССР всего 98 миллионов тонн. В 1989 году, в год прихода к власти в СССР дерьмократов, производство зерна было 211 миллионов тонн, а были годы и с производством в 240 миллионов.

Так вот, из 98 миллионов тонн в 1913 году Россия продала на экспорт 9 миллионов тонн, и нынче мудраки по этому поводу вопят, что Россия «кормила хлебом всю Европу». Хлебом Европу Россия не кормила, потому что у нее самой душевое потребление зерна было вдвое ниже, чем в Европе. Россия своим зерном кормила скот в Европе, она кормила Европу мясом и молоком, хотя свои дети умирали наполовину, не доживая до 10 лет, в том числе и из-за отсутствия мяса и молока.

Князь Багратион, полковник генштаба русской армии (надо думать, потомок героя 1812 го-

да), в 1911 году писал: «С каждым годом армия русская становится все более хворой и физически неспособной... Из трех парней трудно выбрать одного, вполне годного для службы... Около 40 процентов новобранцев почти в первый раз ели мясо по поступлении на военную службу».

Между тем относительная цена на мясо в России тех времен нам должна казаться не очень большой. Вспомним, что в начале 80-х годов белый хлеб был доступен и стоил 24 копейки за килограмм. Мясо по 2 рубля в магазине нужно было во многих городах Союза исхитриться купить, но на рынке его можно было купить за 3-4 рубля. Соотношение между ценой килограмма хлеба и мяса было 1:16.

А в 1914 году в Москве, относительно дешевом по продовольствию городе, белый хлеб стоил 5 копеек фунт, а говядина – 22 копейки. Соотношение 1:4,5. То есть в 1914 году мясо относительно хлеба было почти вчетверо дешевле, чем, скажем, в 1985-м. И тем не менее тогда 40 процентов мужчин 21 года впервые пробовали его в армии!

Эти цифры и эти цены показывают состояние сельского хозяйства России, доставшейся большевикам. Несмотря на то, что Россия кормилась практически одним хлебом (о зерне для производства молока и мяса говорить не приходилось), то есть кормилась самым экономичным путем, тем не менее производительность труда в этой отрасли была столь низка и товарность ее столь невелика, что работало в сельском хозяйстве почти 85 процентов населения страны.

А это означало, что Россия не могла дальше развиваться, не могла строить электростанции и заводы, не могла увеличивать свою экономическую и военную мощь, так как для всего этого требовались люди, их нужно было брать в сельском хозяйстве, но товарность последнего была настолько низка, что оставшиеся там работники неспособны были прокормить уходивших в промышленность. Это был тупик. К концу 30-х годов, несмотря на все НЭПы, товарность сельского хозяйства упала до 37 процентов. То, что крестьяне выращивали, они практически и съедали: два человека в сельском хозяйстве едва способны были прокормить одного в городе даже одним хлебом.

Как поднять товарность сельского хозяйства, было всем понятно – через производительность труда. Как поднять производительность труда, тоже было ясно – необходимо было механизировать сельское хозяйство. В принципе СССР был к этому готов, начинал строить тракторные заводы, закупал технику за рубежом.

Но здесь возникал вопрос – кому ее дать? О том, чтобы трактор получил крестьянин-единоличник, «фермер», речи не могло быть – у него не хватило бы денег его купить, и он никогда бы не окупил его на своем крошечном наделе.

Очевидны были три пути.

Первый – быстро восстановить в сельском хозяйстве крупного землевладельца. Он купил бы трактора и комбайны, и те поля, что ранее обрабатывали 50 человек, у него стали бы обрабатывать всего 5. А 45 высвободились бы для промышленности. Даже если бы во главе государства стояли не коммунисты с их представлениями о буржуазии и всеобщей справедливости, а какое-то нейтральное правительство, то и перед ним, с точки зрения управления индустриализацией страны, возникли бы дичайшие проблемы.

Ведь рабочие руки стали бы высвобождаться непредсказуемо, помещику плевать на судьбу тех, кто остался без земли и работы. Любое правительство постаралось бы избежать ситуации с миллионами безработных и обездоленных людей. Коммунистам же эта дорога в принципе не подходила.

Второй путь был очень соблазнительным и теоретически хорошо проработанным, к примеру, экономистом Чаяновым. Это путь кооперации. Он кажется настолько хорошим, что его надо сразу сравнивать с третьим путем – коллективизацией сельского хозяйства.

Упрощенная идея кооперации. Крестьяне, продолжая владеть каждый своим наделом земли, своим тягловым и продуктивным скотом, сбрасываются деньгами или берут сообща кредит и покупают технику, скажем, один трактор в расчете на 10 человек. Этот трактор обрабатывает поля всех по очереди.

Упрощенная идея коллективизации. Крестьяне отказываются от своих наделов, своего тяглового и продуктивного скота, сдают это все в общее пользование и становятся работниками коллективного хозяйства, получая от него доход пропорционально количеству и качеству труда.

Если говорить о количестве сельхозпродукции от одной деревни, а следовательно, и от всего сельского хозяйства, то кооперация по сравнению с колхозом имеет очевиднейшие преиму-

щества.

За обработкой своего личного участка земли крестьянин присмотрит гораздо тщательнее, чем за обработкой колхозного поля. Своих быков и лошадей он обиходит лучше, чем конюх на колхозной конюшне. Его хозяйка за своими коровами, телками, бычками и свиньями присмотрит лучше скотницы, доярки или свинарки на колхозных фермах. А это, без сомнения, дало бы 10-15 процентов прироста сельхозпродукции по сравнению с колхозом на этой же земле.

Это настолько очевидно, что просто глупо обвинять большевиков и Сталина, что они этого не видели, не учитывали личного фактора в работе. Все видели и все учли, в отличие от критиков коллективизации.

Последние как-то оставляют в стороне то, что кооперация не дает повышения товарности и не высвобождает людей для промышленности. При кооперации с помощью трактора крестьянин весной обработает свой надел не за 20, а за 2 дня, покос закончит не за 10, а за один день и так далее. Работа его становится легче, но она есть, и бросить свой надел он не может. Он не может стать сталеваром или шахтером, инженером или офицером. Для крестьянина кооперация – облегчение труда, а для страны – тупик.

Да, и у Сталина были своры научных консультантов. Но Сталин, в отличие от тех, кто шел за ним, сам понимал, что делает. И он повел страну на коллективизацию. И достиг того, чего хотел.

Перед тем, как дерьмократы уничтожили СССР, в нем жило едва 5,5 процента населения мира, а в сельском хозяйстве работало только около 15 процентов трудоспособного населения. И это сельское хозяйство, при крайне неблагоприятном климате, произвело в 1989 году 11 процентов мирового объема зерна, то есть вдвое больше, чем в среднем в мире, в расчете на душу населения. Хлопка 15 процентов – почти в три раза больше, картофеля 27 процентов – почти в пять раз больше, сахарной свеклы – 36 процентов. По производству продуктов питания на душу населения СССР прочно вошел в компанию пяти самых высокоразвитых стран мира, несмотря на то, что климат в СССР для сельскохозяйственного производства во много раз хуже, чем в любой из этих стран. По данным за 1989 год:.

Продукты, кг	США	Англия	ФРГ	Япония	СССР
Зерно	842	380	462	114	683
Картофель	65	105	125	33	219
Мясо (убойный вес)	122	68	97	31	69
Молоко	268	263	400	60	374
Сахар-песок	24	22	50	7	29
Масло животное	2.0	2.6	6.0	0.6	6.3
Улов рыбы	24	17	3.4	97	40

По производству зерна СССР уступал немного США, но зерно не характерно, для хлеба его давно хватало, оно стало кормом скота, основой производства мяса и молока. По производству мяса СССР тоже уступал США и Германии, но по сумме мясо + рыба – только США и Японии.

По молоку только Германия несколько опережала СССР, зато остальные страны отставали чуть ли не вдвое. По сахару мы уступали только Германии, все остальные страны опережали, и значительно. По производству животного масла СССР в мире не было равных...

В 1989 году уже не Россия отрывала от себя зерно, чтобы в других странах у детей было молоко и мясо, теперь уже она сама покупала зерно и мясо, чтобы у советских детей все это было. И тратила на это всего лишь 1 процент доходов своего экспорта.

Структура питания советских людей изменилась. Их труд стал легче и в основном в теплых помещениях, общественный транспорт сократил затраты энергии на перемещения по стране, теплое жилье смягчало удары климата. Русским уже нельзя было есть столько хлеба, сколько раньше, иначе бы их разнесло от жира. Нужно было вводить в пищу больше мяса или рационализировать свою еду.

С мясом коллективное сельское хозяйство СССР не поспевало, но если не мудрачествовать, то видно, что именно колхозы были тем единственно правильным путем, выбранным большевиками в конце тридцатых. Такого стремительного роста товарности сельского хозяйства

не знала ни одна страна мира.

Но мудракам этого не объяснить. Им сказал кто-то, что фермеры лучше, и они долдонят это не переставая, часто абсолютно не понимая, что за слова они говорят.

К примеру. Как-то российское телевидение, уже дерьмократическое, показало телефильм, агитирующий за развал колхозов и замену их фермерами. Так следовало из текста фильма, так непрерывно талдычил диктор. А в кадрах фильма, между тем, шли эпизоды из жизни канадских фермеров. Показывают одного. Он только что купил небольшую ферму, сидит на пригорке и тешит себя радужными надеждами.

Показывают другого фермера. Он уже разорился. Купил высокоудойных коров, и банк с него процентами уже содрал три шкуры.

Наконец показывают братьев. Им в наследство достались значительные участки земли, и они, по идее наших мудраков, должны были бы разделиться и отдельно фермерствовать. Они и попробовали так сделать, но, поняв, что к чему, отказались от личной собственности на землю. Организовали фирму. Землю, все орудия, машины и скот сдали ей как свой взнос и нанялись к своей собственной фирме рабочими. При этом они сумели (фирма сумела) купить самые высокопроизводительные машины и обеспечить прибыльное ведение хозяйства, а себе, кстати, – довольно культурную жизнь благодаря разделению труда не только между собой, но и между женами.

Но если владельцы земли сдают ее в коллективное пользование, то по-русски это называется колхоз. Канадский колхоз! Нормальный человек это сразу поймет. Мудрак – нет. Там же, в Канаде, колхозники называются фермерами – значит, и в СССР ломай колхозы и заводи фермеров!

Читатели могут спросить автора – почему, назвав раздел «Кровавая оппозиция», он вдруг стал рассуждать о сельском хозяйстве?

Потому, что коллективизация сельского хозяйства в СССР – это абсолютно правильное и взвешенное решение, приведшее не только к резкому повышению производительности труда, но и к многократному абсолютному росту продуктов питания – в своем начале была сопровождена в отдельных районах страны голодом, унесшим миллионы человеческих жизней. Наши нынешние мудраки считают, что в голоде виноват Сталин, принявший решение создать колхозы. Давайте сами попробуем разобраться, кто виноват. Но прежде выясним для себя один момент. Голод, связанный с коллективизацией, был не во всей стране, не везде, где она проводилась. В одних районах люди умирали от голода, а в других колхозники отвозили с колхозных амбаров сотни пудов хлеба по домам. Районы голода – Украина, европейские районы казачьих войск и Казахстан. Чем же эти районы можно охарактеризовать?

Во-первых. Это парадоксально, но это районы самых лучших земель в СССР (первые два) и район, где оставалось кочевое скотоводство (в Казахстане голод задел в основном казахов). По идее, если бы случились какие-либо климатические неурядицы, то голода в этих районах нужно было бы ожидать в самую последнюю очередь. Но именно эти районы и пострадали.

Почему?

Во-вторых. Это районы чернозема, который лошадь не способна пахать, у нее не хватит сил тащить плуг. На Украине и на Дону пахали на волах. Но волы – это хорошая говядина, а конину русские практически не едят. Тем более конину рабочих лошадей, которую и казахи есть не станут. В северных же районах, где почвы легче, пахали сохой и при помощи лошади.

Третий момент. Мало пострадали от голода районы, где традиционно сильна была русская община, коллективизм. Ведь Украина – это территория сравнительно недавнего заселения русскими, с большим количеством хуторов.

Начнем задавать себе вопросы. В то время основой пищи у русских был хлеб, а у казахов – мясо приплода их скота, поскольку основное стадо должно быть сохранено для воспроизводства. Если начался голод, значит, у русских не стало хлеба, а у казахов скота. Что случилось? Может быть, хлеб вывезли за границу? Нет, экспорт оставался таким же.

Может быть, была засуха? Нет, засухи на Украине не было, а казахи в случае засухи могли бы откочевать в более благоприятные районы.

Значит, в районах голода зерна посадили меньше, а у казахов резко сократилось стадо? Да, именно так и было.

А почему посадили меньше? Потому, что меньше вспахали.

А почему меньше вспахали? Потому, что вырезали и сожрали, объедаясь, волов – тягловый скот. А казахи вырезали и съели основное стадо.

Так при чем здесь коллективизация, при чем здесь Сталин? Ведь большевики, как умели, объясняли преимущество коллективизации, они как могли препятствовали уничтожению рабочего скота. Почему же все-таки вырезали?

Потому, что в стране были не одни большевики. Была и оппозиция их решениям. И оппозиция, порой научно, доказывала, что колхозы – это блеф, что они разорятся, что все, внесенное в них, будет продано с молотка и навеки потеряно. Так зачем сдавать волов в колхоз, если все равно потеряешь? Уж лучше съесть.

Коллективизация была концом кулацких хозяйств, и естественно, что они были основными проводниками идей оппозиции.

Но ведь крестьяне понимали, что, уничтожив рабочий скот, они попадут в голод? Да, безусловно. Но наверняка была наглая мыслишка о том, что в случае чего государство поможет. И государство помогло бы, если это дело уже не было в руках бюрократического аппарата.

Похожее потом повторялось не раз, например, недавно во время кампании по борьбе с пьянством. Цель была – снижение пьянства. Но материальный показатель был – снижение продажи водки. И вместо борьбы с пьянством стали свертывать производство спиртного, уничтожать виноградники, останавливать пивзаводы, безжалостно разбивать сотни миллионов бутылок. Всяк спешил отчитаться в борьбе с пьянством.

Так и тогда. С коллективизацией в Политбюро торопились, но в шею никто не гнал. Предполагалось, что это дело сугубо добровольное, основанное на показе преимуществ колхозов. Но бюрократия спешила отчитаться в блестящих показателях, да плюс оппозиция со своей критикой уже начавшего осуществляться решения. Народ в тех местах, где общинные отношения были слабыми, был спровоцирован на безумие и смерть от голода.

Бюрократия не могла признаться в том, что она натворила в этих районах. С вновь образованных колхозов было взято зерно в обычных нормах и, вероятно, с надежной, что крестьяне как-то выкрутятся и все само собой образуется. Когда правительство бросилось спасать положение, то было поздно – люди уже умирали. Сталину ничего не оставалось, как выплеснуть ярость за смерть миллионов граждан на бюрократию (нарком земледелия возглавил список расстрелянных), на оппозицию, на кулаков.

Виноват в голоде Сталин? Да, виноват! Ему надо было понять, что такое его обюрокраченный аппарат. Но кто это понимает и сейчас?

Но даже идиотские в своей поспешности действия бюрократии не вызвали бы голода – она ведь не распространяла идей об уничтожении скота. Основная вина за кровь умершего от голода народа лежит на оппозиции, на людях, которые по своей амбиции или глупости, своими воистину кровавыми болтовней и умствованиями спровоцировали народ на смерть.

Автор полагает, что именно страшные потери в начале коллективизации, плюс наглеющий фашизм в Европе, плюс действия оппозиции – пятой колонны – в Испании привели к тому, что на оппозицию перестали смотреть как на заблуждающихся друзей по партии, как на заблудших овечек. Оппозицию стали рассматривать как бешеных собак, способных укусить в любой момент.

Но Бог с ней, с оппозицией, или черт с ней. Главное, что к середине тридцатых годов у СССР появилась единая голова – Сталин и народ СССР стал единым, готовым к любым испытаниям. А голова эта была не ординарная.

ГЛАВА 2. УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ

ДЕЛО ГЕССА

Поиск причин поступков выдающихся исторических личностей, например, того же Сталина, сродни детективу. В детективе следователь, вместе с читателями, обнаруживает преступное деяние, вместе с читателями определяет его мотивы и на их основе определяет круг возможных преступников. В политике эти детективные сюжеты лишь закручены слегка по-другому: есть поступок, есть действующее лицо – надо определить мотивы.

Но в детективах поиск причин преступления ведет следователь, который по своему уму, по жизненному опыту способен поставить себя на место преступника и в связи с этим способен и понять мотивы его действий. Глупо выглядели бы Шерлок Холмс, адвокат Мейсон или майор Пронин, если бы использовали для своей работы жизненный опыт семилетнего ребенка. Скажем, обнаружив в темном переулке волосатого мужика, снимающего с оглушенной девушки трусики, на основании этого своего опыта сделали бы вывод, что мужик собирается эти трусики постирать.

А в детективах нашей истории таких следователей хоть пруд пруди. Ведь все они мудраки, все они вышли из кухни государственного аппарата и имеют жизненный опыт борьбы в нем. Борьбы за обладание постом, креслом, привилегиями, а в конечном итоге – борьбы за деньги, за доступ в спецраспределители, где можно приобрести дефицитные продукты и набить ими брюхо. Для достижения этих целей им годится и подлость, и трусость, и низкопоклонство. Эти кухонные бойцы – люди способные. Способные на все. Естественно, что когда такой боец начинает исследовать мотивы поступков государственных деятелей, у него нет никакого опыта, кроме своего, и не хватает фантазии мысленно подняться до уровня этих деятелей.

Зачем Сталин вступил в коммунистическую партию? Потому что понимал, что счастье человечества – в коммунизме. Понимал и хотел служить человечеству. А зачем генерал Волкогонов вступил в КПСС? Чтобы с помощью партийного билета добраться до генеральских звезд и, в конечном итоге, до заветных баночек с красной и черной икрой в спецраспределителе. Так каким должно быть описание мотивов поступков Сталина в трудах этого кухонного бойца? Конечно, таким: в СССР была лишь одна миска с черной икрой, и Сталин хотел жрать ее без помех, а Троцкий, Киров, Зиновьев и другие у него хотели вырвать ложку, вот он их и поубивал. Все просто и понятно. Для Волкогонова с его братьями по разуму и совести.

Вспомним. Как-то последний премьер СССР Н.И. Рыжков упомянул, что никогда не ел тамбовского окорока. И все наши московские сексомольцы начали злорадно издеваться над ним, уличая его во вранье. Причем искренне. Им и в голову не могло прийти, что Рыжков мог не испытывать ни малейшего желания не то что есть, а даже попробовать этот окорок. Как так? Дорваться до власти и не нажраться дефицита? По мнению наших дерьмократов, это невозможно. По их мнению, власть именно для этого и существует. И, дорвавшись, до власти, они на деле доказывают, что это именно так.

Но если мы отвлечемся от образа мыслей подобных историков, попытаемся стать на место исторических личностей – и не просто стать, а с мыслью о беззаветном служении своему государству, то можем прийти к интересным выводам, причем вполне самостоятельно, не беря в проводники кухонных бойцов.

Давайте в качестве примера попробуем исследовать довольно интересный исторический детектив – дело Рудольфа Гесса.

Прежде всего, интрига любого детектива – преступление. Хитрость в том, что в деле Гесса именно преступление нам неизвестно, неизвестно, в чем оно состоит. Правительство и парламент Англии его тщательно укрывают. Материалы (их секретная часть) переговоров Гесса с правительством Великобритании после смерти Гесса в 1987 году снова засекречены до 2017 года! Интересно, не правда ли? Советские правительственные идиоты признались даже в том, чего СССР не совершал – например, в убийстве польских офицеров под Катынью. А англичане считают страшным для Англии сообщить правду о переговорах пятидесятилетней давности. И если они это так скрывают, значит, есть что. И значит, нам есть над чем подумать. Давайте начнем думать.

Время преступления. Об этом можно сказать только то, что началось оно с перелетом первого заместителя Гитлера, второго человека Германии, в Англию 10 мая 1941 года. Когда закончилось – неизвестно.

Действующие лица преступления: Черчилль и, видимо, узкий круг партийной и государственной элиты Великобритании; Гитлер и узкий круг немецкой государственной элиты.

Черчилль и Гитлер – выдающиеся исторические личности, имеющие много общих черт и главную между ними – фанатичную преданность идее величия и незыблемости своих империй. Оба умные и решительные политики, оба лично мужественные и храбрые люди. И один и второй на фронтах неоднократно доказывали, что во имя своих империй готовы отдать свою жизнь.

Масштабы преступления: по-видимому огромны, судя по той тщательности, с которой ан-

гличане скрывают, а немцы скрывали его.

Давайте вспомним некоторые факты, которые трудно объяснить, не поняв, в чем же состояло преступление, о чем договорились при посредничестве Гесса Англия и Германия в 1941 году.

В 1939 году Англия и Франция объявляют войну Германии. Если на то пошло, то они агрессоры по отношению к Германии, а не она по отношению к ним. К 1941 году Германия еще не успела совершить ничего такого, что впоследствии было оценено как преступление против человечества и за что можно было бы обвинять и Рудольфа Гесса. Но даже если он и успел совершить что-то преступное, то он явился с повинной, он перебежал во время войны на сторону противника. Такое всегда поощряется, да иначе и быть не может. Тем не менее Гесса судили как военного преступника (несмотря на имитацию им сумасшествия) и приговорили к пожизненному заключению. Паулюс, нанесший СССР огромные бедствия, был только свидетелем Нюрнбергского трибунала, Вальтер Шелленберг, руководивший разведкой Германии до последних дней войны, получил всего шесть лет. А Гесс – пожизненное заключение! Не многовато ли?

Гесс никогда не признавал себя виновным и считал Нюрнбергский приговор незаконным. Через тридцать лет после окончания войны возникло движение за освобождение Гесса, предполагалось его помилование. Но он был категорически не согласен с термином «помилование» и объявил, что останется в тюрьме, если его помилуют. Но его не помиловали.

Казалось бы, что предательство второго человека Германии, перелет его к врагу во время войны должен был вызвать у немцев прилив ненависти к предателю. Его должны были бы заочно судить и приговорить к самой страшной казни. Но... в Германии он был объявлен помешавшимся, то есть ему была оставлена широкая возможность для полной реабилитации впоследствии.

Сразу после его перелета англичане организовывают его переписку -формально с женой, оставшейся в Германии. С немецкой стороны Гиммлер поручает обеспечить эту переписку В. Шелленбергу – тогдашнему начальнику контрразведки РСХА. Шелленберг в своих мемуарах пишет, что письма Гесса были сплошь посвящены каким-то «непонятным» оккультным предсказаниям. Иными словами, Гесс слал в Германию кодированные сообщения, наверняка понятные Гитлеру.

Англия рассекретила только часть протоколов допросов Гесса, из которых мир должен был понять, что англичане с негодованием отвергли предложения немцев о мире и совместных действиях против СССР. Но часть архивов Англия засекретила и, как сказано, не собирается рассекречивать, тем самым давая понять, что какой-то сговор действительно состоялся.

Кроме этого, в деле Гесса есть масса мелких деталей. Например, есть подозрение, что в тюрьме Шпандау, в английской зоне оккупации сидел не Гесс, а его двойник. Или такой факт. В 1987 году англичане объявили, что 93-летний Рудольф Гесс повесился в деревянном домике во дворе тюрьмы Шпандау на электрическом кабеле. По приказу английского коменданта домик через несколько часов после снятия трупа сожгли, уничтожив возможные улики. У многих вызвало сомнение, что 93-летний старик со скрюченными артритом пальцами мог совершить такой подвиг – связать петлю из электрокабеля, привязать ее и повеситься. Кроме того, Гесс – немецкий офицер со времен первой мировой войны, а для немецкого солдата смерть от веревки – очень позорная смерть. Ведь недаром немецкие офицеры Геринг, Йодль, Кейтель просили у Нюрнбергского трибунала заменить им повешение расстрелом, а Геринг, как известно, накануне казни предпочел отравиться. А у офицера Гесса было в запасе 46 лет, чтобы подготовить себе любой иной способ самоубийства, но нет же – выбрал этот. Похоже, англичане сильно спешили спрятать концы в воду и не все додумали.

Но это все настораживающие мелочи. Главное в другом. В 1941 году Гитлер и Черчилль о чем-то сговорились и держали между собой связь через Гесса.

Чтобы понять, о чем у них мог быть сговор, давайте постараемся понять интересы Германии и Англии к тому времени.

Надо сказать, что Гитлер никогда не собирался воевать с Англией, он вообще считал англичан родственным немцам народом. В своей библии для немцев «Майн кампф» он по меньшей мере трижды возвращается к тому, что война с Англией в 1914-1918 годах была трагической ошибкой. Гитлер не видел точек столкновения интересов Британской империи и будущего тысячелетнего рейха.

Перед полетом Гесса в Англию Германия была готова напасть на СССР, и немцы этой войны боялись. Они понимали, что такой кусок заглотнуть им будет очень трудно. Они к войне готовились очень тщательно, учитывали любую мелочь.

(В качестве примера можно привести такую подробность. В повести Шолохова «Они сражались за Родину» и в фильме по этой повести есть эпизод, где пьяные немцы в полный рост ведут «психическую» атаку на позиции красноармейцев.

Это не художественный вымысел. Немецкие специалисты высчитали, что при атаке на необстрелянного противника потери войск в «психической» атаке меньше, чем в атаке обычным способом – при сближении короткими перебежками от укрытия к укрытию. Кроме того, немецкие психологи изучили русские пословицы, в том числе «пьяному и море по колено». Был дан приказ, чтобы при проведении «психической» атаки участвующие в ней солдаты притворялись пьяными.)

Понимая, за какую грандиозную задачу берется, Гитлер не мог не мечтать о мире с Англией, о войне на один фронт. Для него это было жизненно необходимым и по другим причинам. Если Англия выйдет из войны с Германией, то ее флот переместится в Тихий океан, а это может повлиять на японцев, может заставить их отказаться от операций на Тихом океане и напасть на СССР. Англичанам может стать безразлично, чье влияние преобладает в Турции – их или немцев – и Турция может стать союзником, и очень важным союзником, Германии в войне с СССР.

И англичанам продолжение войны с Германией ничего не давало. Было очевидно, что победить Германию можно, только оккупировав ее, и также было ясно, что ни у Англии, ни у Англии в союзе с США никогда не будет армии, способной на это. И конечно, Черчилль не мог не понимать что, пока английский флот охраняет берега метрополии, Сингапур открыт для удара японцев. Станем мысленно на его место, чтобы понять, что и ему мир с немцами был крайне необходим.

Но как ему заключить мир, как открыто сесть за стол переговоров с Гессом? Ведь речь шла не об островах, речь шла о Британской империи! А эта империя держалась силой, военной силой Англии. Колонии знали, что, попытайся они отделиться, Англия пошлет войска и будет воевать до тех пор, пока не победит. О чем разговор? Молодым офицером Черчилль подавлял восстание в Индии; подавляя восстание в Северной Африке, участвовал в последней кавалерийской атаке английской армии и был в ходе ее ранен; подавляя восстание буров в Южной Африке, был приговорен ими к расстрелу и едва сбежал в ночь казни. Ему ли объяснять, что после того, как Англия объявила войну Германии, пойти на мир с ней безо всяких видимых причин, а только в силу невозможности победить, смертельно для Британской империи.

Еще хуже обстояло дело в случае нападения Германии на СССР. Тогда у Англии автоматически появлялся мощнейший союзник – СССР. В этом случае ее выход из войны вообще выглядел крайне позорно.

Единственным нормальным поводом для мира с Германией был бы случай нападения СССР на Германию, то есть если бы на европейского агрессора № 1 напал европейский агрессор № 2. Тогда война превратилась бы в войну двух агрессоров, из которой Англия ну просто обязана была бы выйти. В связи с чем, скажите, она обязана была бы оказывать помощь агрессору № 2 в его войне с агрессором № 1?

Вот в этом наверняка состоял первый пункт сговора Гесса с руководителями Англии – как сделать, чтобы предстоящая война Германии с СССР выглядела так, будто это СССР напал на Германию. (Есть данные, что Гесс посвятил англичан в детали плана «Барбаросса».)

Но и Гитлер и Черчилль понимали, что им противостоит не Ельцин или Горбачев, их противником был Сталин, и вероятность его обмана была минимальна, а следовательно, минимальна и возможность Англии выйти из войны немедленно.

Но если Германия победит СССР, такая возможность снова появляется. Германия могла заявить, что все ее территориальные проблемы решены, война с Англией видится ей бессмысленной, и за мир с ней она готова предложить территориальные уступки за счет завоеванных стран. В этом случае мир для Англии не был позорным, она вышла бы из войны с приобретениями, компенсирующими ее затраты. Но для этого Германия должна была победить СССР!

Следовательно, нельзя было Германии мешать, нельзя было ослаблять ее военную и экономическую мощь.

Складывалась такая ситуация (и это могло быть следующим пунктом сговора): если Ан-

глия станет союзником СССР, то до его поражения она будет только имитировать войну с Германией и не окажет своему союзнику действенной помощи.

Мы знаем, что так оно действительно и было и что до 1943 года 96 процентов всех потерь немцы несли на советском фронте.

Но стали бы подобный сговор с немцами англичане прятать от мировой общественности, стали бы результаты своих переговоров засекречивать до 2017 года? Нет!

Начиная со времен «холодной войны» любая подлость по отношению к СССР Западом расценивается как подвиг. Такой вот пример. Английский писатель Том Клэнси написал в 1986 году книгу, ставшую бестселлером и разошедшуюся миллионными тиражами – «Охота за Красным Октябрем». Сюжет: офицеры суперсовременной подводной лодки СССР предают Родину и угоняют корабль в США. Эти офицеры описаны как стандартные ковбои из американских фильмов, и с этой точки зрения книга является бредом сивого мерина. Но не это главное. Ну хорошо, убежали предатели в США, там им, естественно, дают политическое убежище, бочку варенья и ящик печенья. Но лодку-то надо вернуть! Ведь это собственность СССР, и стоит она миллиард долларов. Все герои книги это понимают, но от президента США до последнего агента ЦРУ делают все, чтобы ее украсть! И это несмотря на пресловутое право собственности и его охрану. И совершенно очевидно, что и автор, и его миллионные читатели на Западе подлость американского президента воспринимают как доблесть.

Так что если бы Гитлер и Черчилль договорились в 1941 году о простом предательстве Англией СССР, то эти документы совершенно очевидно не стали бы секретными. Англичане не преминули бы похвастаться мудростью Черчилля. Да и немцы наверняка нашли бы способ отметить успехи внешней политики, хотя они им и мало помогли в итоге.

Но англичане это скрывают, и, значит, есть здесь что-то еще. И действительно, если Черчилль и Гитлер сговорились, то логически из этого предательства должен вытекать еще один пункт – как именно Англия и Германия должны имитировать войну друг против друга.

Договорились не высаживать войска в жизненно важных местах своих государств? Хорошо. Но это бездействие, а ведь нужно что-то и делать. Ведь английская авиация совместно с американской могла бы в считанные месяцы разбомбить ключевые заводы Германии и оставить ее армию без оружия. То же могли бы сделать и немцы с Англией. Но ни той, ни другой стороне это не выгодно.

Что же делать? А делать остается одно – договориться о том, что немецкая авиация в Англии, а английская в Германии будут бомбить исключительно мирное население. Особенно немцы в Англии. Ведь Черчиллю и пошедшей на сговор английской элите было крайне важно, чтобы английские избиратели к моменту победы Германии над СССР были морально готовы к миру с немцами, чтобы они боялись войны, чтобы они не воспринимали ее как футбол, чтобы они видели смерть не в виде похоронок на где-то далеко убитых английских солдат, а непосредственно – в виде своих убитых детей, сгоревших домов. Чтобы они жаждали не победы, а прекращения бомбежек.

Если принять эту версию, то становится ясно, почему англичане держат в секрете переговоры с Гессом, становится ясно, почему молчали и немцы. Этим не похвастаешься.

Мог решиться на это Черчилль? Вполне! Его не население Англии волновало, не их жизнь. В конце концов войны без смертей не бывает, а перед Черчиллем стояла грандиозная задача – сохранить Британскую империю.

Мог пойти на это Гитлер? Вполне! Он строил на крови немцев тысячелетний рейх, и будет к этой крови примешано немного больше или немного меньше детской крови – в конечном итоге для фанатика не имело значения. В конце войны он уже считал, что все оставшиеся немцы не имеют права на жизнь, так как лучшие из них уже убиты на фронтах, а тем, что остались, – лучше не жить.

Если принять эту версию, то по-новому смотрятся некоторые события второй мировой войны.

Скажем, Англия победила в войне с сильнейшим противником, и все эти годы ею руководил Черчилль. Как объяснить, что сразу же после войны (сразу же!) он был вышвырнут из большой политики? Потсдамская конференция победителей началась с ним, а кончилась с Эттли! Что это за форма благодарности вождю у англичан? Ну, а если эта война закончилась вопреки его политике? Если английская политическая элита знала, что его политика провалилась, то как он

должен выглядеть в ее глазах, несмотря на то, что официально был «победителем»?

Вы, конечно, можете сказать, что такого не могло быть, не было сговора немцев и англичан о бомбардировках мирных жителей, что все это бред. Автор не против, автор будет рад, если все описанное им – бред. Убедите его, откройте секретные архивы, связанные *с* пребыванием Гесса в Англии, и все прояснится. Ведь это просто.

ЗАГАДКА 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Те интриги, что плели Черчилль и Гитлер – умнейшие политики эпохи, в конечном итоге приходилось распутывать Сталину, человеку тоже не слабого ума.

У нас мудраками-историками до сих пор муссируется мысль, что Гитлер Сталина обманул. С этим можно согласиться, только если считать, что Сталин договорился с Гитлером отравиться первым, а Гитлер его обманул и отравился первым сам. В этом случае действительно – обман налицо.

А может, обманом надо считать наши огромные потери в начале войны? Но ведь Гитлер все-таки не потери нам хотел нанести – он ведь хотел поработить нас! Что-то не видно здесь покрупному особой тевтонской хитрости.

С другой стороны, когда это Россия имела малые потери в первых битвах с серьезным противником? Под Бородино? Под Нарвой? На поле Куликовом или на Калке?

А может, Гитлер был противником несерьезным? Так это надо спросить у Франции, Польши, Чехословакии, Дании, Голландии, Бельгии, Югославии, Греции, Норвегии и Ливии, которые Гитлер к 22 июня 1941 года захватил, потеряв 97 тысяч своих солдат. Или у 340 тысяч солдат английской армии, которые, бросив все оружие у Дюнкерка, бежали на острова на чем придется.

А может, наша армия была сильна? Первые два года войны показали, насколько она была сильна вообще, а миллионы пленных в первый год -насколько она была сильна духом и преданностью Родине. У сдавшихся солдат, возможно, не было хороших командиров и не всегда была современная техника, но винтовка Мосина у них была! И пока они не бросали эту винтовку, за Родину еще можно было сражаться!

Главным доводом тех, кто считает, что Сталин был обманут, является факт его упорного нежелания поднять войска по тревоге накануне 22 июня, несмотря на то, что обилие разведданных, настойчивые просьбы генералов, казалось бы, прямо требовали этого от Сталина. (При этом, чтобы обосновать факт обмана, историки-мудраки вынуждены приписать Сталину детскую доверчивость, хотя во всех остальных случаях Сталин в их описании выступает как человек с маниакальным комплексом подозрительности.)

Но если бы Сталин хоть на грамм верил Гитлеру, разве тратила бы страна такие огромные усилия на вооружение? Разве были бы в мае 1941 призваны и направлены под видом учебных сборов на пополнение дивизий западных округов 800 тысяч резервистов? Разве начали бы в это время переводить к западным границам несколько армий из внутренних округов и Дальнего Востока? Разве сделал бы Берия огромные запасы стратегического сырья за Уралом, сырья, на котором продолжала работать промышленность страны после потери западных областей СССР? Разве была бы численность советских войск у западных границ доведена до 2,8 миллиона человек, а вся армия до 5,1 миллиона? Силы немцев, которые они бросили на СССР, составляли накануне нападения 3,3 миллиона. О какой вере может идти речь, когда налицо отчаянная подготовка к тяжелейшей войне?

Казалось бы, ну какое значение имеет повод, если война неизбежна? Расплатиться за эту формальность десятками тысяч своих солдат, по которым немцы нанесут внезапный удар, причем предварительно хорошо разведав, куда бить! Ведь это преступление!

Да, к другому выводу трудно прийти, если рассматривать историю с мудраческой точки зрения, то есть оценив это действие Сталина без оценки той задачи, которую он хотел решить. Да, Жуков – авторитет, и именно Жуков обвиняет Сталина, что он не дал поднять войска по тревоге. Но ведь нельзя забывать, что перед Жуковым и Сталиным задачи стояли разные! Перед Жуковым тогда стояла задача уменьшить потери в приграничных сражениях. А перед Сталиным – выиграть войну! И задача Жукова в той задаче, которую решал Сталин, была лишь маленьким действием, имевшим огромное значение для Сталина, причем совершенно не то, которое придавал ему Жуков.

Чтобы понять причину, которой, вероятнее всего, руководствовался Сталин, надо мысленно представить себя на его месте и принять ответственность за результат будущей войны. Давайте именно так и сделаем.

Итак, мы на месте Сталина. Вспомним предшествовавшие события и постараемся оценить сложившуюся на 22 июня 1941 года обстановку.

Мы все еще отсталая в индустриальном отношении страна. Мы понимаем, что для войны нужно много оружия и моторов, много хорошо обученных людей, а у нас нет средств ни хорошо вооружить достаточное количество людей, ни обучить их. (По свидетельству ветерана, кадрового танкиста, до войны на учениях он делал всего один выстрел из пушки в год!) Мы сильно боимся войны.

Поэтому, как только ее очаг определился в Германии, мы усиленно пытаемся избежать войны дипломатическими средствами. Беда наша в том, что из-за нашей слабости нас всерьез не принимают не только крупные страны, но и те, которые по своему потенциалу могли бы вести себя поскромнее. Территориальные претензии имеет к нам Польша, да и не только к нам. Румыния не возвращает захваченную во время гражданской войны Бессарабию и любые дипломатические меры, выгодные нам, сопровождает шантажом признать этот захват. Даже в малочисленной Финляндии есть круги, серьезно претендующие на Карелию.

Об этом надо сказать отдельно и, пожалуй, лучше Э. Лимонова этого не сделаешь. Дадим ему слово: «Когда распалась в 1917 г. Российская империя, Ленин, еще неопытный лидер и потому идеалист и интернационалист, предложил взять независимость всем желающим ее нациям. (Будем циничны, впрочем. Ему ничего другого в тот момент и не оставалось. Советская власть едва родилась и была слабой.) С разрешения Ленина или без него Финляндия, Польша, Украина, Латвия, Эстония, Литва провозгласили себя независимыми республиками. Увы, так же, как полстолетия спустя это произошло в Азии и Африке, – свеженезависимые страны с поражающей быстротой превратились в тирании.

Маршал Пилсудский, хороший солдат и солдафон, член польской социалистической партии, убежденный националист (вам что-нибудь напоминает это словосочетание?), подобно Сталину, обильно усатый, стал в 1918 г. главой польского государства. Западная граница Польши была определена Версальским договором 1919 г. и приблизительно соответствовала границе 1772 г., то есть времен первого раздела Польши, в то время как восточная граница... Восточную границу (лорд Курсов, он же Керзон в советской историографии, английский министр иностранных дел, предложил провести ее через Сувалки, Брест-Литовск и по реке Буг) Пилсудский отодвинул, удачливо напав на слабую, раздираемую гражданской войной Россию. Как мы знаем, он занял и Минск и Киев, по пути опрокинув не свою – украинскую независимость. Рижский договор зафиксировал в 1921 г. границу где на 150, где на все 200 километров к востоку от Буга, оттяпав у СССР территорию. (Заметьте, что именно эту границу опрокинула в 1939 г. Красная Армия. Так что, войдя в Польшу, она одновременно вошла к себе домой, на территорию, захваченную у нее Пилсудским за 18 лет до этого.) Пилсудский не ограничился ни подарками Версальского договора, ни захватами на Востоке. Организовав беспорядки в Верхней Силезии, он захватил ее (с Катовице) вместе с большим количеством немецкого населения. У Австрии он отобрал всю Галицию. Эти подвиги было нетрудно совершить, ибо Германская и Австро-Венгерская империи распались, подобно Русской, в результате войны. Германия была побеждена своей собственной революцией, Австро-Венгрия расчленена «победителями». Уйдя от власти в 1922 г., Пилсудский вернулся к ней в 1926 г. в результате военного переворота, провозгласив себя диктатором.

В этом же самом 1926 г. Вольдемарас, сосед Пилсудского, сильный человек Литвы, провозгласил себя – догадайтесь, кем?

Верно, диктатором Литвы. В 1934 г. Карлис Ульманис захватил власть в Латвии. Цепная реакция? Местная мода на диктатуру? Очевидно, да, с вариациями. Командир финляндской национальной гвардии барон Карл Густав Маннергейм был «избран» регентом Финляндии в 1918 г. Что касается крошечной Эстонии, еще с XIII в. она была подчинена феодалам тевтонского происхождения – баронам. Мало что можно сказать о балтийских диктатурах, маленьких и скучных, потому проследуем сквозь историю за зверем среднего размера, за Польшей. Что делала Польша с 1926 по 1939 г.? Как мы уже знаем, в 1934 г. Польша Пилсудского заключила договор о ненападении с Германией Адольфа Гитлера (обратите внимание на дату. За пять лет до

пакта Молотов – Риббентроп!). Усатый Пилсудский умер в 1935 г. Его «настоящая диктатура (выражение принадлежит словарю «Петит Роберт») сменилась коллективной диктатурой полковников». В 1938 г. мы видим Польшу в компании Венгрии и Румынии, участвующей в пожирании (после Германии) трупа Чехословакии. (Так шакалы прибегают на труп антилопы, увидев, что лев наелся до отвала.) Перед тем как быть пожранной Германией, Польша, таким образом, сожрала кусок тела Чехословакии. Только столкнувшись с территориальными требованиями Германии вернуть ей захваченную Силезию, Польша оставила в 1939 г. компанию шакалов и сблизилась с Англией и Францией.

Тут следует остановиться и сказать читателю, что модель сильного режима, фашистского или полуфашистского, была в большой моде в Европе между двумя войнами. И в Восточной Европе в частности. До 1939 г., более того – уже до 1933 г. (даты прихода Гитлера к власти в Германии) многие страны этой части Европы уже находились под властью режимов откровенно фашистских, полуфашистских или же авторитарных, постепенно эволюционирующих к фашизму. Европа была населена диктаторами. Широкому читателю известно, что был Муссолини в Италии, Салазар в Португалии, Франко в Испании, расистский режим маршала Петена во Франции, Гитлер в Германии, но также были, не забывайте, Пилсудский – маленький Сталин в Польше, Вольдемарас в Литве, Карлис Ульманис в Латвии, Корнелиус Кордеану (и позже маршал Антонеску) в Румынии, маршал Маннергейм в Финляндии, адмирал Хорти (тоже регент) в Венгрии, Анте Павелич в Хорватии, монсеньор Тисо в Словакии... В Болгарии фашистским лидером стал сам царь Борис III.

В декабре 1934 г. шестнадцать (!) европейских стран были представлены на интернациональном конгрессе фашистских партий, созванном Муссолини в Монтро. Дуче, глава первого фашистского государства (1922 г.), мечтал о фашистском интернационале и тотчас после своего прихода к власти стал перевооружать секретно Германию, Болгарию и страны, появившиеся на свет в результате распада Австро-Венгерской империи (неразумно и впопыхах выкроенные в живом мясе Европы Ллойд Джорджем и Клемансо). Дуче снабжал оружием Венгрию (адмирала Хорти) и Австрию (основным получателем была крайне правая организация «Хеймверен», но не только она). Не ограничиваясь экспортом оружия и фашизма, дуче инструктировал и на месте. С 1926 г. венгерские солдаты проходили военную подготовку непосредственно в Италии.

В Румынии в 1931 г. Корнелиус Кордеану создал фашистскую Железную Гвардию.

Остановимся на мгновение. Если хорошо известно, что часть Румынии была аннексирована в 1940 г., знаете ли вы, что Венгрия захватила тогда же, участвуя в пире больших зверей, часть Трансильвании, а Болгария захватила у Румынии Добруджу? Сегодняшние свежедемократические страны эти избегают говорить о своих преступлениях того смутного времени. Но с удовольствием разглагольствуют о преступлениях нацизма или сталинизма.

Понаблюдаем еще немного за этим вольером со скорпионами, каким была Европа в 1918-1945 гг. В 1939 г. создано было словацкое фашистское государство, участвовавшее на стороне Гитлера в войне против Польши и через два года – против СССР. В 1940 г. Венгрия официально присоединилась к Тройственному пакту (германо-итало-японскому). Болгария, возглавляемая династией немецкого происхождения, воевала на стороне Германии уже в первой мировой войне. В 1919-1923 гг. видим в Болгарии диктатуру Стамболийского. В 1935 г. сам царь Борис III устанавливает свою диктатуру, как будто ему мало того, что он царь. В 1941 г. Болгария подписывает официальный пакт с Германией. Фашистское государство Хорватия создано в том же году. В 1940 г. маршал Антонеску становится диктатором («кондукатором») Румынии. В 1941 г. Румыния - союзник Германии...

Даже позитивные персонажи той эпохи не избежали влияния фашизма. В 1934 г. австрийский канцлер Дольфус (убитый прогерманскими нацистами несколько месяцев спустя) провозгласил установление однопартийного режима «фашистской модели» (!) и, прибегнув к насилию, уничтожил социалистическую оппозицию в Вене. Югославский король Александр (убитый в 1934 г. усташами Анте Павелича) сегодня выглядит как жертва фашизма, но, однако, он отменил в 1929 г. конституцию своей страны и правил единолично.

А Чехословакия, любимое дитя Клемансо и Ллойд Джорджа, созданное ими, чтобы сделать приятное интеллигентному, европейски образованному писателю Томашу Масарику, слепленное из восьми наций, искусственное государство? Она отдала себя Германии в 1938 и 1939 гг. (точно так же, как позднее, в 1948 и 1968 гг.) без единого выстрела. Несмотря на то, что обладала в 1938

г. хорошо вооруженной современной армией, а вермахт еще не был победоносным вермахтом. Осуждать Чехословакию за это невозможно. За слепленное из кусков государство солдату не очень хочется отдавать жизнь. Три с половиной миллиона судетских немцев открыли Гитлеру ворота сами. Они приветствовали Гитлера точно так же, как 97 процентов жителей Австрии.

Когда в июне 1941 г. 5,5-миллионная армия Гитлера вторглась на территорию СССР, в ее составе насчитывалось 900 тысяч солдат союзных стран. Впоследствии их количество увеличилось: итальянцы дуче, испанская дивизия, французские и голландские части. Да, но «невинная» Восточная Европа была представлена куда шире, чем Западная: румынские, венгерские, финские, словацкие дивизии. Чешские и австрийские немцы воевали в составе вермахта. И если польских дивизий не было в составе «Великой армии» Гитлера – это лишь случайность истории, последствие неумеренного аппетита усатого националиста и «социалиста» Пилсудского. Поляки ведь с удовольствием участвовали в походе Наполеона на Россию. Как и Гитлер, Наполеон пришел в Россию с солдатами всей Европы.

Я перечислил лишь некоторые факты европейской истории, каковые или тихо исчезают из словарей и книг, или игнорируются. Франция, страна, где я живу, стыдливо «пропускает» четыре года расистского петеновского режима, когда она была фактической союзницей Гитлера, задавив их непомерно раздутыми восемью месяцами подвигов де Голля. Зато здесь с удовольствием говорят о сталинизме...

Цель этого ревизионизма – спрятать очень неприятную для Европы и ее репутации правду. А именно, что гитлеризм был лишь крайне тяжелой формой болезни, что ВСЯ ЕВРОПА – метрополия нашей цивилизации – больна фашизмом в 1918-1945 гг. И что только благодаря вмешательству отдаленных провинций цивилизации – Соединенных Штатов Америки и Советского Союза плюс упорному сопротивлению близкой островной провинции – Великобритании фашистская эпидемия в метрополии была подавлена.

Советский народ нашел в себе силы коллективно признать преступления своей истории. Ему полезно знать о том, что другие нации (за исключением вынужденно раскаявшейся побежденной Германии), увы, этих сил не нашли. И это опасное расхождение ментальностей, могущее в будущем стать причиной новых конфликтов.

И последнее замечание, читатель. Я ничего не имею против поляков. Они храбрые солдаты, нация талантливая и сильная. Дай им Бог коллективного здоровья. Но пусть они перестанут истолковывать историю в свою пользу. Признают свой второсортный фашизм 1918-1939 гг. И не гордятся своей несуществующей невинностью вместе с другими восточноевропейскими якобы жертвами. Да, они жертвы истории, но они же и ее агрессоры». Закончим цитировать Э. Лимонова и вернемся к теме. Для защиты от агрессии мы пытались создать конвенцию всех граничащих с нами государств. Но Польша не согласна, она требует исключить из этого союза Японию. Амбиции Польши непомерны, она не сильно их и скрывает. Если немцы нападут на Польшу, то мы обязаны будем помочь, но если Япония на нас, то Польша будет ждать, пока мы ослабеем, и тогда уже займется своими территориальными требованиями к нам. Польша демонстративно и охотно заключает с немцами пакт о ненападении на 10 лет, а с нами всего на три года, да и то после долгой работы дипломатов.

Тогда мы попытались создать Восточный пакт – военный союз СССР, Польши, Чехословакии, Румынии и Прибалтийских государств. Условия те же – если на кого-либо нападут, то все остальные оказывают пострадавшему помощь. Но Польша не хочет видеть в пакте Чехословакию и Литву – у нее и к ним есть территориальные претензии, которые она, кстати говоря, с помощью Гитлера успела удовлетворить до своего разгрома в 39-м году. Более того, Франция не хочет видеть в пакте Прибалтийские страны. Все остальные, включая и немцев, для нее хороши – а эти нет! Она невинно предлагает нам заключить с прибалтами отдельный военный союз. Идея простенькая, но со вкусом. Если теперь немцы нападут на Прибалтику, то мы окажемся в состоянии войны с Германией, а Франция – нет! И все остальные наши «союзники» тоже не обязаны будут нам помогать.

Так что нам, товарищи, делать на месте Сталина в этом случае? Ведь у нас нет ни одного союзника (кроме нуждающейся в помощи Монголии) и явная угроза войны! И мы делаем хоть что-то: мы заключаем военный союз СССР – Франция – Чехословакия, хотя до самого его развала Франция так и не допустила наших военных и не послала своих для планирования конкретных действий по его осуществлению. А в 1938 году Франция с помощью Англии его предала.

Румыния и Польша не пропустили нас на территорию Чехословакии для оказания ей военной помощи (хотя мы к тому времени и не обязаны были ее оказывать в связи с выходом из договора Франции). Мы все равно помогли бы чехам, мы уже послали к ним 300 самолетов, мы все равно прорвались бы к ним, но...Бенеш сдался! Чехословакию захватили Германия и Польша.

1939 год. Немцы уже полностью готовы к войне. (Треть танковых дивизий Германии, воевавших во Франции, были укомплектованы чешскими танками.)

Германия готова воевать, а у нас ни одного союзника! За спиной у нас Япония! На юге Турция не знает, к кому присоединиться – к Германии или Англии! К тому же Англия уже ведет переговоры о военном союзе с Германией!

Все-таки мы продолжали дипломатические усилия, пытались убедить англо-французов, что фашизм – это страшно и для них. В результате добиваемся от них формального согласия на переговоры о военном союзе. Англичане и французы присылают представителей без права решать, да и без решения вопроса. По их идее, мы помогаем друг другу, но как! Если немцы нападают на нас, то Франция и Англия обещают нам помощь (а мы помним ту «помощь», которую Франция и Англия уже оказали Чехословакии в 1938 году). А если немцы нападут на Францию, то мы обязаны объявить им войну, а вступить в бой с агрессором не сможем, так как Польша пропускать нас к пределам Германии не собирается. Англичане и французы только руками разводят: ничего не можем поделать с Польшей (своим союзником) – суверенная страна!

Какие же открываются перспективы? Если вспыхнет конфликт между Германией и Францией, то мы обязаны будем объявить Германии войну. Причем у нас нет гарантии, что французы, посидев недолго за линией Мажино (после того, как они объявили войну Германии в сентябре 1939 года «в помощь» гибнувшей Польше, они просидели вместе с англичанами за этой линией восемь месяцев без выстрелов), заключат с Германией перемирие. А мы останемся в состоянии войны с немцами, и между нами и Гитлером будет только враждебная нам Польша и заигрывающие с ним Эстония и Латвия (Литва в то время жалась к нам).

Что нам было делать? Сейчас многие говорят, что нужно было заключать предложенный Англией и Францией договор и в таком виде. А как же союзная Германии Япония? С ней что делать? Иметь двух союзников, не собирающихся тебя защищать, против двух врагов, собирающихся разодрать тебя на части? И еще Польшу с враждебными намерениями. И Турцию!

Прав ли был Сталин, сделав то, что уже сделали Франция и Англия, заключив пакт о ненападении с Германией? Это зависит от того, что мы этим пактом достигли.

Мы уже писали, что у Японии было из чего выбирать. Или напасть на нас, или на государства зоны Тихого океана и США. Мы – противник все-таки не очень легкий, и воевать с нами имело смысл только в том случае, когда мы были бы связаны войной с Германией. Но мы с Германией заключили пакт о ненападении, более того, начали с немцами демонстративно брататься, устраивать совместные парады, всячески и всем показывая свое расположение и дружбу. Наверное, и мы в этой обстановке на месте японцев усомнились бы в ближайших перспективах войны с СССР и начали бы готовиться к войне на Тихом океане. А Японии для войны с Америкой нужен тыл, и этим тылом для них явились мы. Что им делать в связи с пактом? И они заключают с нами (долго упрашивая нас) договор о нейтралитете. Цена ему, может, копейка, но...! Та сталь, из которой будут сделаны в Японии корабельные пушки и снаряды к ним, уже не пойдет на полевые орудия и боеприпасы. Броня, которой укроют линкоры, уже не пойдет на танки. Да и моряков переучить на танкистов – нужно время! Мы если и не выводили из войны вероятного противника, то, по крайней мере, ослабляли его! Одной бумажкой под названием «пакт»!

И вот к нам начинают поступать достоверные данные, что Гитлер откладывает захват Англии до победы над СССР. В связи с этим перед всеми в стране встают новые задачи – и перед Генштабом, и перед наркоматами, занимающимися вооружением. У всех свои задачи, и у нас, на месте Сталина, своя.

Мы не дипломаты и не политики, поэтому давайте мужицким счетом, без тонкостей попытаемся оценить и решить ее. Прежде всего попробуем оценить, сможем ли мы устоять перед Гитлером, если будем сражаться с немцами один на один? Ведь Гитлер умный политик и выдающийся стратег. Он имеет сильнейшую армию мира, сильнейшую именно с качественной точки зрения. Разгром польской армии стоил немецкой менее 17 тысяч солдат, полный разгром сидящих в укреплениях французской, бельгийской, датской, голландской и английской армий стоил им 46 тысяч солдат. При этом немцы имели 135 дивизий, 2800 танков, 2800 самолетов, а союз-

ники 142 дивизии, 3130 танков и 2300 самолетов.

Но мы Россия, и сотни лет наша сила – в исключительной преданности граждан государству. Только это делает нас государством колоссальной силы. Но ведь и немцы имеют колоссальную силу! Как нам взвесить эти обстоятельства? Как оценить?

Давайте на месте Сталина оценим их так: если будем сражаться с немцами один на один, то исход войны не ясен и надежды на победу у нас есть!

Ну, а если одновременно в тыл нам ударит Япония? Япония, которая в 1904 году, сражаясь с Россией даже один на один, нанесла ей поражение?

Тогда мы погибнем! (И ход Великой Отечественной войны подтверждает это.) Более того, когда мы начнем умирать, вряд ли Турция откажется от возможности урвать от нас кусок. То есть если и Япония нападет на нас, то вероятнее всего нужно ждать не два, а с учетом Турции и три фронта сразу!.

Начнется война, и Генштаб будет стремиться решить свою задачу – победить врага на фронте. Но на месте Сталина наша задача – обеспечить ему один, и только один, фронт! Иначе задача, которая встанет перед Генштабом и страной, становится для них нерешаемой.

Теперь давайте прикинем, каковы же интересы заинтересованных сторон?

В чем интерес Германии? Повторим: в том, чтобы японцы напали на нас, у нее интерес безусловный. Ведь она не претендует на данном этапе на территории дальше Урала.

Но ей и этого мало. Она ведет войну с Англией. Угроз на суше от Англии нет, но ее флот не дает развернуться немецкому, а большая часть немецкой авиации вынуждена бомбить английские города и прикрывать от бомбежек свои. В этих обстоятельствах для Гитлера просто необходимым становится перемирие с Великобританией, кроме того, только это перемирие по-настоящему обеспечит вступление в войну Японии. Гитлер не может этого не понимать, и, пожалуй, только этим можно объяснить, что он, громя французов, остановил наступление своих войск на два дня у Дюнкерка, дав английской армии возможность ретироваться из Франции на острова. Только этим можно объяснить перелет Гесса в Англию в мае 1941 года. Здесь не надо быть Сталиным, чтобы понять, что перемирие для Гитлера жизненно важно, что он добивается и будет добиваться его любой ценой.

А в чем интерес Японии? Ей, начавшей готовиться к войне на Тихом океане, переориентироваться на континент вроде нет смысла, но... Это только в том случае, если Англия по-прежнему будет воевать с Германией. Если же они заключат перемирие, то флот метрополии освободится от защиты островов и сможет принять участие в защите колоний. В этом случае Япония будет иметь противником на тихоокеанском театре военных действий не только флот США, но дополнительно и флот Англии в усиленном составе.

Значит, ее действия будут в значительной степени зависеть от поведения Англии: выйдет она из войны – и Япония, в связи с усилением противника на Тихом океане, вероятнее всего, нападет на СССР; останется Англия в состоянии войны с Германией – и Япония нападет на США.

Получается, что для нас на первое место выходит позиция Англии. Если она воюет, то у нас надежда на победу и автоматический союзник – Англия, а в перспективе и тесно связанные с ней США. Если она заключает перемирие, то наше поражение становится неизбежным. Итак, для того, чтобы иметь один фронт, нашей задачей на месте Сталина становится удержание Англии в войне.

Давайте теперь оценим, что может быть выгодно Англии. Для этого несколько отвлечемся от основного вопроса.

Англия и Франция – это оплот личных свобод в их собственном мнении. Их органы массовой информации провозглашают эти свободы единственной ценностью человека и чрезвычайно ими гордятся, при этом они всячески скрывают тот факт, что сами по себе личные свободы стоят очень дешево, когда счет начинается вестись на человеческие жизни. (Кстати, идея наемной армии как раз и исходит из проститутского замысла лично свободных людей: как-то защитить свободу государства, но так, чтобы свою личную свободу ничем не ограничить и, упаси господь, не рисковать своей жизнью.)

Наглость Гитлера в Западной Европе подтверждает, что он эти обстоятельства отлично понимал и разумно ими пользовался. Повторим, что в войне 1940 года Франция потеряла сто тысяч убитых и пропавших без вести, после чего сдалась. Эта цена (чуть больше одного убитого на ты-

сячу жителей) и является ценой личной свободы в тех странах, которые называют себя свободными. СССР потерял в войне более чем каждого десятого, и этот счет неокончателен, так как мы победили. Это цена свободы страны, в которой ценностью являлась не личная свобода, а свобода всего общества, всего государства.

Винить в поражении французскую армию нельзя, ее кадровый состав как раз своей жизни не жалел. Треть всех убитых в этой войне французов – это французские офицеры. Не хотело драться за свою свободу население Франции. Тем более, развращенное сеятелями эгоистических идей, оно не стало рисковать жизнью для защиты союзника – Чехословакии. (Заметим, что гоминьдановцы, дравшиеся в это время с японцами, теряли одного офицера на 25 убитых солдат.)

После войны Даладье – премьер-министр Франции – говорил, что в Мюнхене, предавая Чехословакию и обрекая Европу на войну, он думал не о будущих военных кампаниях, а о своей предвыборной. После мюнхенского предательства и его и Чемберлена, по свидетельству Андре Мору а, избиратели завалили благодарственными письмами. Люди, предавшие интересы своих же народов, оттянувшие войну всего на год (причем с тем, чтобы вести ее в явно худших условиях), не ушли с позором в отставку – в глазах своих избирателей они были национальными героями. (Правда, потом, после войны, Даладье судили. Но это потом.)

Все, что выше сказано об Англии и Франции, было известно в1941году и, следовательно, известно нам – людям, руководящим страной на месте Сталина.

Итак, мы имеем дело с Англией – страной лично мужественных людей, но страной, которой плевать на все иные интересы, кроме обывательских. Страной, правительство которой будет делать все, чтобы избиратели были довольны, а значит, и все, чтобы отодвинуть от них видимость смертельного риска.

Геринг нещадно бомбит английских избирателей. Это и хорошо для нас, и плохо. Хорошо то, что это вызывает ярость в невозмутимых британцах, плохо то, что они будут благодарны любому правительству, которое прекратит эти бомбардировки.

Перемирие для англичан было бы в их духе и крайне им выгодно. Они будут к нему всячески стремиться, а личная ненависть Черчилля к нацистам здесь не имеет значения. (Его будущий союз с нами и даже победа в войне не помогут ему на выборах в 1945 году, а мюнхенское предательство Чемберлена обеспечило ему поддержку 80 процентов членов парламента.)

Перемирие резко усиливает Англию: Германия израсходует военные ресурсы на Восточном фронте, а Англия их накопит; Германия потеряет людские ресурсы, а Англия их подготовит; Германия распылит свои силы в оккупационных войсках, а Англия их сконцентрирует. Кроме этого, уменьшается угроза ее колониям от Японии, и сама Япония вовлекается в безразличную для Англии войну.

Идеологических препятствий к перемирию нет. Черчилль перед войной говорил: «Нам предстоит бороться против зверя социализма, и мы будем в состоянии справиться с ним куда более эффективно, если будем действовать, как единая стая гончих, а не как стало овец».

Дипломатических трудностей для перемирия тоже нет – Гесс уже в Англии и оттуда переписывается с Гитлером.

Остаются трудности, которые можно назвать моральными. Ведь если Гитлер нападет на СССР, то мы станем автоматическими союзниками Англии (хотя договор между нами был заключен только в 1942 году). И если в этот момент Англия заключит перемирие с немцами, то она всему мирysa главное – своим колониям, – покажет, что больше не имеет мужества сопротивляться. Это будет с моральной точки зрения ничем не оправданный акт, это будет непоправимое падение престижа – ведь хотя Англия и не помогала выстоять Польше, но, связанная с ней договором, войну Германии все-таки объявила 3 сентября 1939 года – всего через три дня после нападения Гитлера на Польшу.

Итак, вероятнее всего, Англия не выйдет из войны, если Германия нападет на СССР. А если наоборот? А если мы на Германию? Ведь Англия нас не просила об этом, она нам ничего не должна! Вот здесь, без всякого ущерба для своего престижа она может сказать нам и Гитлеру: «Вы там, ребята-социалисты, разберитесь между собой, а я в ваши дрязги вмешиваться не буду и займусь-ка пока своими делами». Вот в этом случае у нее повод для перемирия, как говорится, железный!

Как видим, судьба нашей страны стала зависеть от, казалось бы, мелкого, мало что значащего вопроса: кто на кого нападет?

Мы нападать не собирались, но нас можно сделать агрессором искусственно. Накануне войны с Польшей немцы разгромили собственную радиостанцию, подбросили под нее трупы в польской военной форме и дали все это запечатлеть корреспондентам. Кто хотел поверить в агрессию Польши, тот поверил. А англичанам это выгодно, и они очень захотят поверить в нашу агрессию против Германии!

Следовательно, нам на месте Сталина надо сделать все возможное, чтобы не попасться на такую провокацию. По сравнению с тем, что поставлено на карту, никакие антипровокационные мероприятия не будут дорогими, никакие сбитые самолеты не компенсируют поражения в войне.

Давайте поставим себя на место Гитлера и подумаем, что нужно сделать, чтобы объявить СССР агрессором? Наиболее эффективный путь – это сделать так, чтобы не немцы, а советские люди подтвердили, что они напали на Германию. Это можно сделать следующим образом. Напасть на СССР, взять пленных, а затем пытками или подкупом заставить их сказать перед корреспондентами всех стран, что именно Красная Армия напала на Германию, но вермахт доблестно отбил нападение, а их взял в плен. Правда, здесь есть трудность. Во-первых, пообещав одно, пленные могут корреспондентам сказать другое. Во-вторых, корреспонденты могут потребовать встречи не с отдельными пленными, а со всеми, и трудно придумать причину отказа.

Есть и другой путь. Представим себе, что все пленные до одного, искренне дополняя друг друга, скажут, что СССР напал на Германию, так как задолго до даты начала боевых действий их подняли по тревоге, вооружили и повели к западной границе. А это автоматически и произойдет, когда мы поднимем войска по тревоге до начала войны! Вот здесь-то уже Геббельсу есть где развернуться! Ведь здесь же все просто: кто первый вывел войска из казарм, тот первый и начал!

Вернемся на место Сталина. Чем мы сможем в этом случае ответить Геббельсу? Чем докажем, что не мы первые напали? Пошлем корреспондентов к товарищу Зорге? Попытаемся взять немецких пленных? А что толку? Они-то будут утверждать, что их подняли по тревоге 22 июня, а не 20 или 19!

И смотрите. Эта дата поступает к нам из всех видов источников: из разведданных, от перебежчиков, от Черчилля и даже сам посол Германии в Москве не счел за труд пойти на «предательство» и назвать Молотову точную дату нападения его страны на СССР!

Вот и подошел момент, товарищи, когда нам на месте Сталина необходимо принять решение. Что же мы ответим Жукову? Поднимем или не поднимем войска по тревоге? Или, как Сталин, поднимем со многими оговорками и тогда, когда провокация не могла осуществиться?

Вряд ли и для нас, несущих ответственность чисто гипотетически, ответ на этот вопрос будет легким. И когда люди, занимающиеся историй, начинают утверждать, что Сталин совершил преступление, не подняв накануне 22 июня войска по тревоге, им надо напоминать, что, вероятнее всего, именно в результате этого «преступления» Сталина они имеют возможность делать подобные утверждения не на немецком языке, а на русском, и у себя дома, а не на восточных территориях рейха.

БЕРЕЗОВЫЙ ЛИСТИК В МОГИЛЕ КАТЫНИ

Мы только что рассмотрели два детективных сюжета, где у главных действующих лиц явно просматривается работа огромного ума, видно их личное участие, личная заинтересованность, боль за судьбу своих стран. По сути, автор попытался показать, насколько глубоким, насколько многовариантным бывает решение у руководителя, который служит своему Делу.

И ставить на одну доску с ними лидеров дерьмократии, всех этих Горбачевых, Ельциных – просто неприлично. Поэтому ниже автор предлагает детективный сюжет не для показа ума и ответственности лидеров, а для показа их безмозглости и подлости. Поскольку «признание» Президента СССР, а затем Президента России в том, что якобы СССР виновен в расстреле пленных польских офицеров, иначе как политической подлостью не назовешь.

«...То, что виновны в расстреле поляков советские органы, а не немцы, как заявила в 1944 году сталинская пропаганда, после апреля 1990 года не вызывало сомнений уже ни у кого – кроме «Военно-исторического журнала». Так пишет мудрак Лев Елин в №42 «Нового времени» за 1991 год. Вина Совесткого Союза не вызовет сомнения и у авторов сборника статей такого же толка «Катынская драма», изданного в Москве (Издательство политической литературы, 1991).

Итак, есть обвинители СССР в катынской трагедии – Президент СССР, Президент России,

их окружение, и есть люди, написавшие статьи в перечисленных выше изданиях, защитники СССР в этом деле – люди, которых сейчас называют реакционерами и сталинистами, например, бывший редактор «Военно-исторического журнала».

Стороны судебного процесса есть, но нет судей. Однако, по советскому уголовному праву, народным заседателем суда может быть любой из вас – читателей, поэтому возьмите на себя эти обязанности. И даже заведомо будьте судом неправедным, что характерно для наших судов: вопреки закону рассматривайте только доводы обвинения – указанные выше публикации (назовем их Документами 1 и 2), а на доводы защиты внимания не обращайте. Попробуйте вынести приговор, основываясь только на опубликованных фактах обвинения.

Начнем. Но прежде всего отметим, что политиков никогда не интересовало – кто действительно убил пленных польских офицеров. И тогда, и сейчас это дело было только картой, способной убить конкурента.

Мы уже достаточно показали, что польское правительство в Лондоне было политическим банкротом, и с наступлением Советской Армии на фронтах его участь была решена. Было очень сомнительно, чтобы людей, чья политика привела к ликвидации Польши как государства, поляки освобожденной Польши снова допустили бы к власти.

Когда в 1943 году Геббельс объявил, что немцами найдены могилы убитых в СССР польских офицеров, для эмигрантского правительства Польши это стало манной небесной. Теряющие посты министры активно включились в начатую немцами антисоветскую кампанию, даже вопреки сопротивлению Англии и США (Документ 2, стр. 44-55). Сомнения наших союзников были понятны – даже если русские и убили польских офицеров, то русские – центральные союзники в войне, и имело смысл подождать ее конца, а уже потом заняться этим делом. Но для эмигрантского правительства времени «после войны» просто не существовало, и оно осатанело бросилось вместе с Геббельсом разрабатывать его версию, добавляя сюда и смерть «400 тысяч польских детей» в СССР (Документ 2, стр. 51) и прочее. Но когда Советское правительство начало в 1944 году расследовать катынское дело, то «Польское правительство... постановило не реагировать на Сообщение советской Специальной комиссии» (Документ 2, стр. 69).

Понять их можно, но ведь вы – читатели – не собираетесь с помощью катынского дела залезть на какое-либо доходное место в государстве, вам можно рассмотреть это дело спокойно, не ограничиваясь сентенциями Льва Елина.

У любого преступления есть мотивы. Начнем с них. Какими мотивами, по мнению обвинителей, руководствовались «советские органы», убивая поляков? Их три разных, на выбор, хотя известно, что очень хорошо – тоже нехорошо.

1. Сталин хотел отомстить полякам за поражение в войне 1920 года (Документ 1, стр. 34).

2. Сталин хотел уничтожить основы польской государственности (Документ 2, стр. 62).

3. Часть исследователей, обвиняя НКВД, не могут выдумать причину убийства, поэтому третья версия – просто так, без причины (Документ *2,* стр. 119).

Давайте рассмотрим. Если бы Сталин имел одну из двух первых целей, то все «советские органы», безусловно, действовали бы неуклонно только в этом направлении. А как у нас получается?

По первой версии. За 1920 год Сталин расплатился в 1939-м, но даже если он счел это недостаточным, то в первую очередь полетели бы головы тех польских офицеров, кто мог сражаться с Красной Армией в 1920 году, то есть старых офицеров. Но смотрите: начальник управления НКВД по делам военнопленных Сопруненко и комиссар этого управления Нехорошее, незадолго до предполагаемого уничтожения польских офицеров предлагают Берии освободить из лагерей тех из них, кому «от 60 лет и выше» (Документ 2, стр. 213). Как это вяжется с версией о мести? Освободить, а не убить!

По второй версии. Пехотные, артиллерийские, морские офицеры, убитые в Катыни, защищали Польшу как таковую, а польскую государственность непосредственно защищали не они, а судейско-прокурорские чины, жандармы, разведка, контрразведка, корпус охраны границы (который, кстати, организовывал нападение на СССР банд Булах-Булаховича) и тому подобные офицеры. Бели вторая версия верна, то в первую очередь должны были бы погибнуть эти люди. Но – парадокс! Именно они остались живы! (Документ 2, стр. 38). Что же остается от этого мотива?

В результате вы – суд – должны принять третью версию – что пленных убили просто так,

от нечего делать.

И это тогда, когда в СССР катастрофически не хватало рабочих рук, когда уже удлинили рабочий день, сократили выходные, судили за 20 минут опоздания на работу? Когда в том же 1940 году уже готовили кадры для будущей польской армии? (Документ 2, стр. 37). А были ли у немцев мотивы убить поляков?

Если в СССР существование Польши в том или ином виде никогда не отрицалось и, как только что написано, уже в 1940 году началась подготовка армии для нее, то для немцев Польши не существовало – это было немецкое генерал-губернаторство и польская армия Гитлеру была не нужна, а следовательно, и не нужно было ядро для ее создания. А о том, что немцы могли убить, свидетельствуют и Освенцим, и Бабий Яр, и десятки миллионов убитых военнопленных и мирных жителей во всех странах Европы.

Немцам перекладывание ответственности за убийство польских офицеров на СССР, с точки зрения раскола в лагере союзников, было выгодно в любое время войны. Тем не менее они молчали, когда эти могилы были найдены поляками, работавшими в организации Тодта – еще летом 1942 года (Документ 2, стр. 122-123). И воспользоваться этой провокацией решили только после Сталинграда, когда стали лихорадочно уничтожать следы своих зверств на оккупированной территории. А это подтверждает, что расстреливали немцы поляков осенью 1941 года и вначале не собирались использовать эту акцию в пропагандистских целях, да к тому же в 1942 году раскапывать могилы было еще очень рано – трупы пролежали в земле всего одну зиму. Эта мысль и эти факты есть в документах обвинения, а вы, напоминаю, рассматриваете только их, но все это решительно обвинением отвергается – у обвинения другие цели.

А у вас? Надо ли вам соглашаться с мотивами убийства Советским Союзом польских офицеров или сделать вывод, что у него в этом убийстве не было мотивов, а у немцев были и очень веские?

Далее. Давайте рассмотрим доказательства.

Положение здесь таково. Если вас убедят, что смерть польских офицеров наступила в апреле – мае 1940 года, то нет оснований сомневаться, что они убиты советскими органами. Если вас не убедят в этой дате прямо или косвенно, то вам потребуются дополнительные доказательства причастности НКВД, например, оружие убийства должно быть принятым на вооружении в НКВД, должны остаться какие-либо характерные признаки НКВД, свидетели и т.д.

Могилы несчастных поляков раскапывали дважды – немцы в 1943 году (этому посвящена основная масса материалов Документа 2) и советская комиссия в 1944 году (Документ 2, стр. 66-68). Акт советской комиссии обвинителями отрицается без рассмотрения – и комиссия не та, и могилы разрыли не те, и тысячу трупов НКВД откуда-то притащило, то есть они тоже не те, и т.д.

Поскольку вы должны вести суд неправедно, то данные, полученные защитой, мы даже обсуждать не будем – что вам какие-то там академики Бурденко, писатели Толстые, архимандриты русской православной церкви – все они работали «под прицелом НКВД». Наплевать вам и на то, что на раскопках были английские и американские журналисты, которые тогда убедились, что это дело рук немцев, и написали об этом в «свободной прессе» своих стран.

То ли дело милая нашим «лучшим немцам» комиссия, созданная Геббельсом – там ведь были собраны исключительно честные и порядочные люди. Недаром ведомство Риббентропа дало указание, чтобы в эту комиссию, даже из стран – союзников Гитлера, подбирались не случайные люди, а исключительно антибольшевистских или, на худой конец, антисемитских убеждений (Документ 2, стр. 51).

Правда, неожиданно часто случались осечки – хотя люди в немецкую комиссию подбирались тщательно, но, например, вернувшись с Катыни, эти люди, вместо того, чтобы утверждать, что поляков убил Сталин, начинали утверждать, что их убили немцы, или уклонялись от ответа (Документ 2, стр. 45). Но в целом дело выгорело, и «международная» комиссия составила акт в нужном немцам духе.

Но вот незадача: прямого доказательства, что трупы лежали в земле с весны 1940 года, а не осени 1941-го, немецкая комиссия не нашла, хотя и люди были свои, и терминов научных они в акт навставляли (Документ 2, стр. 101). «Свежие» были трупы – и все тут!

Тогда комиссия собрала косвенные доказательства, в первую очередь -огромную массу найденных на убитых документов, из которых следовало, что все убитые не имели при себе пе-

реписки, датированной позже весны 1940 года. Для вас, советских людей, это должен быть очень слабый аргумент, и не только потому, что здесь доказательством является отсутствие чего-то; ведь вы знаете, что в те годы судебное наказание могло сопровождаться строчкой в приговоре – «без права переписки». Так что если военнопленные весной 1940 года прошли через суд – Особое совещание – то у основной массы их и не должно было быть никаких писем или открыток после даты суда. Но – утверждают обвинители – на осмотренных почти 5 тысячах трупов были найдены: один календарик, законченный в 1940 году, дневники и т.д. – в общем, около двух десятков документов, законченных весной 1940 года. Вопрос о том, что немцы могли передать для рассмотрения комиссии не все документы, даже не ставится, как можно – немцы обидятся, и хорошо, если на нас, а то вдруг на «лучшего немца» или на «всенародно избранного».

Ну что же, вам, суду, наверное, интересно взглянуть на эти, пусть даже и сомнительные, документы? Нельзя! Почему?

Да так вот как-то получилось. Хотя комиссия и была международной, но немцы никогда ни одного документа из рук не выпускали. Сами укладывали в пакеты, сами описывали, сами составляли списки, сами хранили, тщательно следили, чтобы ни одна бумажка, ни одна пуля, ни одна гильза, ни один пустячок не попал к членам комиссии (Документ 2, стр. 99).

Немцы позволили полякам лишь переписать несколько документов, и на основании этих копий лондонское правительство Польши обвинило СССР в убийстве польских офицеров.

Получается, что у вас, суда, требуют, чтобы вы на основании расписки взыскали долг у ответчика. Вы просите истца предъявить суду эту расписку, а он предъявляет вам собственноручно написанную копию и утверждает, что кое-кто еще эту расписку видел. Не мало ли этого, чтобы сделать окончательные выводы и вынести приговор?

Ну, а где же все-таки оригиналы? НКВД их, положим, невыгодно было хранить, но немцам!.. Ведь уже в 1943 году союзники, узнав о зверствах немцев, предупредили их, что каждого военного преступника найдут на краю земли и накажут. Для немцев эти документы были оправданием, они должны были хранить их как зеницу ока.

Немцы действительно их хранили, но только до момента, когда поняли, что капитуляция неизбежна, а поняв это, сожгли! Сожгли специально по приказу сверху (Документ 2, стр. 16)! Доказательства собственной невиновности?!

Тут у суда должен возникнуть обоснованный вопрос – а не за дураков ли вас – читателей – считают обвинители? Прямых доказательств расстрела поляков даже немцы не могут найти, а косвенные сожгли, оставив о них одни разговоры?! И вам надо в это верить?!

Тем более, что даже в том, что немцы опубликовали, например, что в списках польских офицеров, якобы убитых НКВД, содержится масса моментов, вызывающих сомнения. В них указаны офицеры, которые были живы после 1941 года и только впоследствии были убиты немцами.

Но у обвинения есть еще много таких же «неопровержимых» доводов. Например. Несколько польских офицеров, вывезенных из Козельского лагеря в Смоленске в средних эшелонах, были найдены в средних могилах. Отсюда вывод – их убило НКВД. А если это случай? А если в лагерях под Смоленском, куда их направили на строительство дорог, их так и селили: первый эшелон – в первый барак, второй – во второй и т.д. А затем немцы их так – по баракам – и расстреливали?

Или такое доказательство. Часть убитых в могилах Катыни была в шинелях, а часть – без. Делается вывод, что найденные в шинелях расстреляны в апреле – мае, а без – в начале лета, то есть это должно подтвердить то, что расстрелы проведены НКВД (Документ 2, стр. 60). Но, по версии обвинителей, органы НКВД везли пленных не в лагеря, а сразу в могилу; пленные покидали Козельск навсегда, и все они это знали. Они брали с собой все имущество и шинели в том числе. Другое дело, если их расстреляли немцы, как утверждало Советское правительство, в сентябре – декабре 1941 года. Тогда их брали из лагерей под каким-либо предлогом, например, на работы. И тогда действительно те, которых начали расстреливать в сентябре, могли быть без шинелей, а другие (октябрь – декабрь) в шинелях.

Вы – суд – обязаны потребовать от обвинителей более убедительных доказательств.

В ответ обвинение предлагает вам ознакомиться с документами, переданными М.С. Горбачевым В. Ярузельскому, на основе которых наше правительство сделало вывод, что польских офицеров убили Берия и Меркулов (Заявление ТАСС от 14.04.1990 г.).

Рассматривая эти документы, обвинение утверждает, что предложение Сопруненко в адрес Берии о «разгрузке» лагерей и есть начало «конвейера смерти» (Документ 2, стр. 34). Везде и сплошь слово «разгрузка» обвинители трактуют как приказ «убить». А давайте прочтем текст этого документа дальше слова «разгрузка», ведь после него стоит двоеточие с объяснением, что оно означает. А означает «разгрузка» следующее: отпуск по домам 300 больных и старых офицеров вне зависимости от того, где они живут – в советской части Польши или нет; отпуск 400-500 человек, живущих в советской части Польши, и передачу около 400 человек офицеров из числа жандармов, полицейских и т.д. под суд Особого совещания НКВД.

Но даже для последних это не была смерть, так как мы уже говорили, что полицейские и жандармы остались живы. И именно потому, что их, как самых ненавистных, отправили на работу в особенно тяжелые условия – на строительство аэродрома под Мурманск. Немцы туда не дошли, и с ними ничего не случилось. Так как же из этого документа можно сделать вывод, что пленных убило НКВД?

А ведь этот документ – наиболее важное «доказательство» вины СССР в «убийстве поляков»!

Давайте еще раз отвлечемся. 1940 год. В СССР катастрофически не хватает рабочих рук. А здесь десяток тысяч здоровых мужиков сидят, ничего не делают, регулярно занимаются спортом, получают 800 граммов хлеба в день, 75 граммов мяса и прочее, включая более килограмма сахара в месяц. Более того, еще потребовали на карманные расходы по 20 рублей в месяц, и НКВД никуда не делось – вынуждено было дать (Документ 2, стр. 74)!

Ведь они офицеры и, в отличие от уголовных преступников и рядовых солдат, их нельзя было заставить работать, они твердо знали свои права и требовали их уважения, при том что большинство из них яростно ненавидело СССР.

Совершенно очевидно, что для СССР это была обуза и что все было бы проще, имей эти люди не статус пленных, а статус уголовных преступников – тогда им можно было бы назначить принудительные работы. Но этот статус мог дать им только суд – Особое совещание – обвинив, например, в контрреволюционной деятельности или бог знает в чем еще.

Если бы их решили убить, то убили бы прямо на месте, в лагерях, которые находились в то время в местах более глухих, чем Смоленск. Не было смысла везти их с востока на запад, да еще и расстреливать в месте отдыха смолян, у дач НКВД, в местах, где каждое лето размещают свои палатки пионерские лагеря города, где пионеры отдыхали, кстати, и в 1941 году. Отдыхали и никаких могил не видели.

Вероятнее всего, что советское правосудие в очередной раз совершило преступление, но на сей раз не убийство. Особое совещание НКВД – этот специфический суд – осудило пленных по какой-либо подходящей статье, скажем, лет на 10. И все стало на свои места: невредных пленных (а после суда – уголовных преступников) направили на строительство дорог под Смоленском, вредных – в Мурманск. Наверное, пленные этого суда в глаза не видели, по обычаю наших тогдашних судов, им просто объявили приговор где-нибудь в подходящем месте – и все. Но при этом, безусловно, в приговоре должно было стоять «без права переписки», иначе родственники пленных могли поднять скандал по поводу их беззаконного осуждения.

Это, конечно, версия, ее могли бы прямо подтвердить только уголовные дела на военнопленных. Обращаю внимание – уголовные дела, а не дела военнопленных. Эти дела наверняка где-либо хранятся. Если даже часть их немцы уничтожили в смоленских архивах, они, возможно, остались в других городах, где могли судить несчастных поляков.

Поиск этих дел интересен и с другой точки зрения. По советским законам работники НКВД – не преступники, они исполняли приказ, который не могли не выполнить, даже если это был приказ убить. А вот скромные члены Особого совещания – преступники и по законам времен сталинского террора, и по современным – статья 177 УК РСФСР предусматривает 8 лет лишения свободы за вынесение заведомо неправосудного приговора. А уж о каком правосудии можно говорить в случае перевода пленных в категорию преступников?

Эта версия многое объясняет в документах, «неопровержимо доказывающих вину советских органов в убийстве поляков». По предложению Сопруненко отпускались больные и старики – это не работники. Отпускались высококвалифицированные специалисты, фактические граждане СССР -на свободе от них больше толку, чем от работы лопатой в лагере. А остальных, начиная с полицейских и жандармов, переквалифицировали в ЗК и заставили работать. Вот это, а

не убийство – смысл слова «разгрузка». Ведь в СССР находились и рядовые польские солдаты, и то же слово для рядовых солдат и сержантов именно это и означало – направление на работу в народное хозяйство, причем рядовые работали на заводах и стройках без конвоя, как обычные граждане.

Обвинение утверждает, что неопровержимым доказательством убийства пленных советской стороной является также указание Сопруненко об уничтожении оставшихся в лагерях учетных дел на военнопленных (Документ 2, стр. 223). Делается вывод – раз дела уничтожены, значит, и пленные убиты.

Но это не так. Наша судебная система и особенно НКВД дела на убитых не уничтожала – ведь это было единственное оправдание законности самого факта убийства. Кроме того, в этом указании приказано изъять из уничтожаемых дел все «неиспользованные документы, а также материалы, представляющие оперативный интерес». А какой оперативный интерес у НКВД могут вызвать польские офицеры, если они покойники? И это указание было дано в октябре 1940 года, через 5 месяцев после так называемой «гибели военнопленных»! Но раз в октябре у НКВД был к этим людям «интерес», то, значит, они были еще живы, в противном случае их дела сожгли бы не глядя!

А какой это может быть интерес? Рассмотрим акт об уничтожении 4031 учетного дела на военнопленных в Старобельском лагере (Документ 2, стр. 225). В пункте 9 сказано, что уничтожены «фотокарточки военнопленных вторые экземпляры 68 штук». Заметьте, подчеркнуто: уничтожены вторые экземпляры, чтобы начальство не подумало, что сжигающая документы комиссия сдуру уничтожила и первые. Следовательно, фотокарточки 4031 «покойника» были нужны! Зачем?

Вероятнее всего, в связи с изменением статуса военнопленных на них заводились новые дела – уголовные и для экономии из старых дел – дел военнопленных – изымалось все, что могло пригодиться в новых. А это косвенное доказательство того, что пленные на 25 октября 1940 года были живы!

В сборнике «Катынская драма», который мы называем Документ 2, помещена статья польского автора Ч. Мадайчика с этим же названием. Автор полностью убежден, что польских офицеров убили русские. Но в статье собрано множество эпизодов «вообще» об этих офицерах. В их числе есть и такой.

Оказывается, начиная с августа 1940 года заместитель Берии небезызвестный Меркулов с другими высокопоставленными сотрудниками НКВД начинает создавать Войско Польское в СССР! Он собирает в тюрьмах Москвы и ведет длинные разговоры с множеством польских офицеров во главе с генералом Пшездецким, выбирая тех, кто бы дружественно относился к СССР, готов был сражаться с немцами и считал бы незаконным польское правительство в эмиграции. Как это понять? Ведь по версии обвинителей СССР, Меркулов только что (два месяца назад) организовал расстрел всех этих офицеров и тут же, как говорится «не моргнув глазом», формирует Войско Польское, для укомплектования даже одной дивизии которого потребуется не менее тысячи человек офицерского состава. Он что – дебильный? Но если он этим делом лично занимался, и занимался до конца 1940 года, значит, он был уверен, что кадры для Войска Польского у него есть!

Вот ведь ситуация – поляки дают СССР данные о том, что версия немцев об убийстве их пленных Меркуловым сомнительна, а правительство СССР из шкуры лезет (передав свое рвение Президенту России), чтобы доказать: нет, это мы убили польских пленных, мы – Советский Союз.

Далее, обвинители утверждают, что все эти манипуляции с военнопленными делались в строжайшей тайне. Сопруненко, оказывается, требовал «соблюдать строжайшую конспирацию при переезде в тюрьмы НКВД» (Документ 2, стр. 34).

Но на чем основано это утверждение? По словам обвинения – на тех документах, которые Горбачев передал Ярузельскому и которые якобы неопровержимо доказывают, что поляков убили Берия и Меркулов. Действительно, на них почти повсеместно стоит гриф «Совершенно секретно». Почти на всем: на списках, на справках о профессиональном составе пленных, о количестве среди них ксендзов. Редко где – гриф «Секретно». Но на акте о сожжении дел военнопленных, на сводках о движении вагонов на Смоленск, на справке о количестве списков на отправку пленных из Старобельского лагеря – грифа секретности нет вообще! Это не секрет-

ные документы, в свое время они открыто валялись на всех узловых станциях, а, следовательно, и дела, в них описанные, не секретны! Так где же здесь видна «строжайшая конспирация»?

Вот мы рассмотрели еще одну группу доказательств обвинения в том, что пленных польских офицеров убили советские органы. Где же здесь «неопровержимые», где просто «доказательства»? Ведь эти документы доказывают обратное – что пленные на начало 1941 года были живы.

И наконец, последняя группа «неопровержимых доказательств» – показания нужных обвинению свидетелей.

Первый – сам начальник Управления НКВД СССР по делам военнопленных П.К. Сопруненко. Допрашивали его полковники юстиции, в том числе 47-летний Н. Анисимов. Как понятно из Документа 1, задачей полковников было добиться от Сопруненко показания, что приказ об убийстве военнопленных отдал Сталин и Политбюро. Сопруненко отчаянно сопротивлялся в многоопытных руках полковников. Лев Елин даже пишет, как «Сопруненко вконец измучил следователей», пока показал, что приказ расстрелять пленных дало Политбюро.

А задумаемся – чего он сопротивлялся? Ведь наказание ему не грозило, да и сам он не убивал, более того – это снимало с него ответственность даже моральную. А может, ему мешала его совесть, и он долго, пока не сломался, не хотел стать перед смертью клеветником? Ведь «замучил» 47-летних полковников юстиции «83-летний старик, перенесший операцию на желудке и не покидавший свою квартиру». Старик, которому на допросе даже на койке «тяжело сидеть, он то и дело меняет позу, откидывается на подушку», -пишет наблюдательный Лев Елин.

Хорош свидетель, нечего сказать! У коллег нынешних полковников из 1934-1953 г.г. свидетели, пожалуй, были лучше. Конечно, надо бы послушать Сопруненко лично, без опеки дюжих полковников, но тем не менее отметим, что он – сотрудник НКВД, он исполнитель, как на бойне – ему скажут, и он бьет, такая его работа. Возникает в связи с этим сомнение следующего порядка: никакого распоряжения в этом духе от Политбюро ему, исполнителю НКВД, быть не могло. Эти люди действительно убивали, но убивали и их. Вспомните сподвижников Ягоды и Ежова. Их убивали за незаконные репрессии. И выжить в НКВД можно было, только действуя строго по закону. И действительно, многочисленная литература показывает, что НКВД, как это ни звучит парадоксально, действовал строго по закону. Строже, чем кто-либо.

Если, например, при расследовании дел по какой-то статье УК разрешалось применять пытки – их применяли, а если по какой-то – нет, то подсудимый мог как угодно издеваться над следователем, тот не мог его и пальцем тронуть. Этих людей, повторяю, расстреливали, может, чаще других.

Поэтому и не мог приказ Сталина поступить исполнителям НКВД: они его не могли исполнить, для этого им нужен был только один документ – приговор суда, в данном случае – Особого совещания. А судам по законам СССР и тогда, и сейчас никто ничего не мог приказать. (Хотя и тогда и сейчас наши суды охотно исполняют любые приказы. Но это приказы, устные – письменными они просто не могут быть!) Иначе такой приказ для членов суда – неопровержимая улика, что они вынесли приговор не из собственного убеждения в вине подсудимого. А это уголовное преступление -заведомо неправосудный приговор.

Автору казалось, что за тридцать лет власти у Сталина могли быть случаи, когда он мог дать приказ «убить» без суда. (Создал же де Голль государственную организацию, которая убивала членов ОАС без суда.)

Например, в 1941 году был такой случай. Немцы броском подходят к Орлу. В тюрьме Орла – эсеры. Вывезти невозможно, оставить немцам – тоже. Время измеряется часами. Вот, казалось бы, момент, когда Сталин лично дал приказ убить. Но нет! Верховный суд под председательством Ульриха собрался и вынес эсерам смертный приговор. Все законно, если решение Ульриха можно назвать законным. Оно, конечно, преступно. Но действия НКВД в Орле – законны.

Представьте себя на месте начальника тюрьмы. К вам поступила команда – неважно, письменная или устная – от Меркулова или Берии расстрелять кого-либо. Вы расстреляли. А завтра Берию или Меркулова объявляют врагом народа, как уже объявили лучших друзей Сталина – Ежова, Ягоду и прочих. Что с вами будет? Вас же расстреляют как их пособника. И что толку, если они ссылаются на Сталина или показывают вам бумаги с его подписью? Вы-то лично со Сталиным не говорили! А бумага... ее и подделать можно.

Поэтому в таких делах главное – приговор суда. Как и почему он его вынес – это уже не

ваше дело, главное, что вам приказал убить тот единственный, кто мог по закону это сделать – суд. Бумажка от суда обязана быть! Это алиби для НКВД, алиби в том, что они не убийцы и не подлежат наказанию как таковые.

Ссылка на Особое совещание есть во многих документах, связанных с нахождением у нас в плену польских офицеров. Обязаны быть и его приговоры, и должно их быть столько, сколько офицеров. Это прямые доказательства. Найти их – и не надо мучить больных стариков, добиваясь от них признания, что «убил Сталин». И не надо искажать смысл слова «разгрузка лагерей», не надо гадать на актах о сожжении дел военнопленных или на железнодорожных графиках.

А в работе обвинителей и с Сопруненко, и со следующим свидетелем поражает то, что следователи не ищут Особое совещание, его документов, не разыскивают тех, кто был его членами. Почему? Может быть, потому, что эти документы найдены, но в них нет слова «расстрелять»?

Ведь хотя Сопруненко сказал «мы убили» – этого мало: в нашей системе правосудия, в руках полковников, оговорить себя ничего не стоит. А слова Сопруненко ничто не подтвердит (мы это показали выше и покажем ниже), более того, ему надо будет объяснить суду многое – от кого он получил приговоры, куда их сдал, зачем изымал из дел фотографии «покойных поляков» и т.п.

А теперь свидетель, который признался, что «убивал». Стоит посмотреть на его фотографию, на его острый взгляд, чувствуешь, что следователи Прокуратуры СССР рано радовались, когда, по их мнению, «раскололи» Д. Токарева – 89-летнего старца, бывшего начальника НКВД Кировской области. Потому что вряд ли он подтвердит свои показания на любом публичном суде.

Судите сами. Он выдает такую версию расстрела поляков. Их привозили в тюрьму города Кирова (охрану тюрьмы на это время куда-то дели), и там только 10 специально подобранных человек (никаких свидетелей, по приказу Кобулова, якобы, не должно было быть) занимались исполнением приговоров Особого совещания (которых, заметим, полковники юстиции и здесь не ищут). Представьте. Тюрьма – здание не маленькое, а 10 человек – это все, включая шоферов. По версии Токарева, нужно было вывести из камеры пленного, да так, чтобы поляки ничего не заподозрили и не подняли бунт, пройти с ним через многочисленные двери, которые надо отпирать и запирать, прийти в красный уголок, там заполнить на него анкету (и Токарев и следователи забыли, что для этого нужен и переводчик), затем надеть наручники, провести в комнату расстрелов, убить, убедиться, что мертв, вытащить во двор, да так, чтобы не залить тюрьму кровью, погрузить в крытую машину. Время от времени куда-то девать кровь из камеры расстрелов. (Наверное, так обычно проходило в этой тюрьме исполнение приговоров.)

А теперь прикиньте, сколько на это может уйти времени, даже если очень спешить? Наверное, не менее 30 минут на человека. Расстреливали, по словам Токарева, только в темное время суток, то есть от силы – в течение 10 часов. Если все это время расстрелы шли непрерывно, то за ночь можно было убить около 20 человек, ну 30 – максимум. А Токарев спокойно заявляет, что убивали по 300 человек, то есть через каждые 2 минуты! (Это при том, что солдаты по ровной дороге, без закрытых дверей, «походным шагом» за 2 минуты не пройдут и 200 метров!) И за месяц убили 6000 человек! При этом учтите, что те же самые люди должны были вывезти трупы и закопать в 30 километрах за городом.

По-видимому, хитрый старец подстраховался: не в силах устоять перед полковниками, он дал такие показания, от которых мог бы впоследствии без труда отказаться, как от очевидно глупых, потребовать назначить следственный эксперимент и им подтвердить свой отказ от показаний.

Ведь мы знаем, что, когда немцам надо было расстрелять сразу много людей, например, евреев в Бабьем Яру, они никогда не делали этого в тюрьмах, а только над готовыми могилами. Иначе они бы просто не справились, как бы много солдат и полицейских при этом деле ни толпилось.

Но это не единственная «шутка» старца. Он сообщает, что 6000 поляков похоронены у дач НКВД (как и в Катыни) в селе Медном с помощью редкого в те годы экскаватора, то есть очень глубоко. Но там, на дачах НКВД, во время войны был госпиталь. И в месте, указанном Токаревым, похоронены наши умершие от ран солдаты. Кроме того, там же действительно хоронили расстрелянных немецких пособников (Документ 2, стр. 177). В общем, он дал возможность прокуратуре изрядно помахать лопатой, тем более, что черепов с пулевым отверстием они найдут

много, но нужных им не найти.

Так, как и эта «шутка» старца была не последней. Дело в том, что у обвинителей, как и у немцев, есть одна деталь, которая портит абсолютно все. Поляки в Катыни были убиты немецким оружием. В СССР было достаточно своего оружия – зачем НКВД в 1940 году нужно было расстреливать немецким? Немцы понимали это и делали все, чтобы ни одна гильза, ни одна вынутая из черепов Катыни пуля ни к кому не попала. Но скрыть этого нельзя, это факт. И следователи Прокуратуры СССР, радуя «лучшего немца», делают ход для объяснения этого неприятного для обвинения факта.

Они «убеждают» Токарева дать им показания, что пленных убивали из немецких пистолетов «вальтер», так как, дескать, советские «ТТ» выходили из строя. Конечно, советскому конструктору оружия Токареву есть отчего обидеться на однофамильца за свой славный пистолет, который благодаря своей надежности до сих пор стоит на вооружении в ряде стран, но дело даже не в этом. Был на вооружении безотказный револьвер «наган». Можно было взять десять пистолетов, стрелять из каждого по очереди, давая остальным остывать. Ведь это не бой, быстрота перезаряжания или смены оружия не требовалась. Но Токарев выдумал сказку про чемодан с «вальтерами», которые руководитель акции выдавал вечером, а утром забирал и прятал в чемодан. И вот пистолетами из этого чемодана якобы были убиты все 15 000 польских пленных, в Катыни в том числе. Подвох здесь в том, что если иметь в виду «вальтер» П-38, действительно безотказный, то он имеет калибр 9 мм, а советские – пистолет «ТТ» и револьвер «наган» – 7,62 мм. Так что следователям прокуратуры надо будет копать землю под селом Медным до тех пор и так глубоко, пока они не найдут 6000 черепов с пулевыми отверстиями 9 мм. Так как после войны в тюрьме города Кирова могли появиться и трофейные «вальтеры», какое-то количество таких черепов может быть. Но что их будет 6000 – глупость. Не случайно в Документе 1 дана фотография людей с лопатами в траншеях с подписью «Эксгумация останков расстрелянных поляков в районе поселка Медное», но ни о каких останках нет ни слова. А ведь если нет убитых, то нет и убийства. Копайте, ребята, глубже.

Этими «вальтерами» старичок окончательно запутал следствие. Если и в Катыни расстреливали из «вальтеров», как вынудили следователи дать Токарева показания, то у могил должны были лежать гильзы 9 мм, а в черепах – пули 9 мм. Но там лежали, и это абсолютно точно, гильзы 7,65 и 6,35 мм (Документ 2, стр. 59, 98, 100).

Старичок-то большим шутником оказался.

Вот вам и два свидетеля, дающих в руки известной нам прокуратуры «неопровержимые доказательства». Верить им?

И наконец – оружие. Если не установлено точное время убийства, то тогда в нашем деле оружие может указать на убийцу. В могилах Катыни - гильзы немецких патронов. Есть гильзы, есть пули – можно установить тип оружия. Но немцам это было не нужно, полякам не нужно, нашей прокуратуре тоже было не нужно – очевидно, потому, что это не нужно было «лучшему немцу» и «всенародно избранному».

Следствие упорно не ищет приговоров Особого совещания, а это самое слабое место обвинения. Оно его упорно обходит, и у вас – суда – это должно вызвать наиболее сильное подозрение.

Итак, суд, что же вы имеете? Сотни страниц длинных разговоров о том, что в апреле-июне 1940 года советские органы расстреляли 15 000. польских офицеров; и ни одного, ни прямого, ни косвенного доказательства, ничего, что можно было бы принять на веру. Ничего.

А 16 октября 1992 года газета «Известия» вместе с братьями по разуму радостно сообщила, что найден протокол Политбюро по вопросу о польских пленных – новое «доказательство». В обширном материале «Катынь – злодеяние высшего руководства партии большевиков» есть все, что угодно, любые домыслы. Все, кроме... маленькой подлинной цитаты из протоколов Политбюро. И на конец октября даже сотрудники генерала Филатова, специально занимающегося Катынью, не видели этого протокола и не могут его найти. Чувствуется, что этому «доказательству» такая же цена, как и всем остальным.

А ведь вы взялись вести суд неправедный, вы совершенно не рассматривали доказательств защиты. Например, хотя бы тех документов в «Военно-историческом журнале», которые публикуются с 1989 года почти непрерывно.

Так кому это надо, кто нуждается в таком обвинении СССР? Польский народ? Советский

народ?

Начато было это дело во имя сладкой жизни кучки продажных, подлых политиканов и журналистов. Во имя тех же действующих лиц оно и продолжается сейчас – только такой вывод суду и можно сделать.

Но основании косвенной улики – отсутствия в хранившихся у немцев бумагах убитых офицеров бумаг с датой после 1940 года – поляки сделали вывод, что убили русские.

Так примите же, поляки, такое же косвенное доказательство того, что польских офицеров убили немцы, причем это доказательство хранится у вас.

В статье Ч. Мадайчика «Катынская драма» есть показания Грациана Яворовского, который участововал в раскопках в 1943 году в составе немецкой комиссии и был глубоко уверен, что пленные убиты русскими в апреле – мае 1940 г. Он пишет: «На то, что преступление было совершено весной, указывали бывшие когда-то свежими березовые листочки, находящиеся в земле в могилах». Внимателен был Грациан Яворовский – спасибо ему.

Если березовые листочки в земли могил не сгнили, то это указывает, что они скорее всего попали в эту землю в октябре 1941 года, а не в мае 1940, то есть за 1 год и 9 месяцев до раскопок, а не за 3 года и 2 месяца, и пролежали в земле одно лето – сезон, когда листья гниют, а не три.

Так вот. Дорогие поляки. Русские любят париться в банях и хлещут себя в них березовыми вениками. Веники режут весной, когда листья только распустятся. При этом листья сидят на ветках так прочно, что и высушенные, а потом распаренные, они, даже при сильных ударах о тело, не осыпаются, и веником можно париться несколько раз. Листья на березе, как на дубе, держатся очень прочно, и особенно весной.

И если Грациан Яворовский увидел в земле могил березовые листья, хотя могилы были в сосняке и на земле вблизи них была хвоя, то, значит, занес эти листья в могилы ваших дедов и отцов осенний ветер – осенний, а не весенний. И значит, расстрел был осенью 1941 года, а не весной 1940-го и, следовательно, убили их немцы.

ГЛАВА 3. ОЦЕНКИ СТАЛИНА

ОЦЕНКИ КОМЕДИАНТОВ

Это большая прослойка – писатели, поэты, журналисты, артисты. Их Дело – наполнять досуг людей. Они же формируют общественное мнение, так как их поле деятельности – пресса, ТВ, радио, печатные издания. Именно по этой причине Сталин уделял им особое внимание. Они по отношению к другим всегда имели льготы. Уже говорилось, что с этой частью интеллигенции России как-то не везло. В большинстве случаев они не разбираются профессионально в Делах государства, их моральные качества оставляют желать лучшего. Похоже, для многих из них подлость, трусость, лакейство, низкопоклонство являлись и являются нормой, и они не видят здесь ничего предосудительного.

Как составная часть бюрократии, они неистово восхваляют действующее бюро, вводя страну в заблуждение, а после смерти руководителя подло клевещут на него.

Нет нужды описывать оценку, которую дают Сталину комедианты, но интересно посмотреть на интеллектуально-моральные качества самих комедиантов.

Возьмем книгу Ю. Борева «Сталиниада», где автор собрал всю дрянь о Сталине, причем трудился над этим «около полувека». Учтено все, что характеризует Сталина как злодея. Остальное тоже учтено, но с пояснениями типа: Сталин тут поступил неплохо только потому, что хотел поступить плохо.

Однако сработал закон перехода количества в качество. Многие из тех, кто прочтет книгу и непредвзято отнесется к Сталину, с удивлением отметят, что он выступает одним из порядочных персонажей, если характеризовать его по фактам, а не по комментариям Борева. Зато крайне убого выглядят сами комедианты, яркий представитель которых – сам Ю. Борев, «профессор-доктор», как пишется о нем в аннотации.

Возьмем, например, умственные способности Ю. Борева. Скажите, мог бы человек с обычным средним образованием записать и за 50 лет не проанализировать такой описанный им факт «зверства» Сталина: «Говорят, Вознесенский был подвергнут средневековой казни: в его живот

была зашита крыса, которая, проголодавшись, пожирала внутренности несчастного».

Как, по-вашему, этот «профессор-доктор» представляет себе живот человека? Как ящик, в котором сверху свисают внутренности, а по полу бегает крыса и откусывает их?

И стоит ли удивляться, что «профессор-доктор» с удовольствием записывает следующий эпизод из жизни «садиста-Сталина».

«По словам Зинаиды Гавриловны Орджоникидзе, Сталин любил поиздеваться над ближними. Объектом таких издевательств нередко был его секретарь Поскребышев. Однажды под Новый год Сталин развлекался таким образом: сидя за столом, он сворачивал бумажки в маленькие трубочки и надевал их на пальцы Поскребышева. Потом зажигал бумажки, подобно новогодним свечам. Поскребышев весь извивался и корчился от боли, но не смел сбросить эти трубочки....Жена Поскребышева была родной сестрой жены Седова – сына Троцкого. Рассказывают, что ордер на арест своей жены Поскребышев должен был лично передать Сталину на подпись. При этом он попытался взять ее под защиту. «Раз органы НКВД считают нужным арестовать твою жену, – ответил Сталин, – значит, это необходимо». И подписал ордер. Увидев выражение лица Поскребышева, Сталин рассмеялся: «Ты что, бабу жалеешь? Найдем тебе бабу». Действительно, вскоре в квартиру к Поскребышеву пришла молодая женщина и сказала, что ей поручили заниматься его хозяйством».

Тут не только умственная неполноценность «профессора-доктора», тут какой-то комплекс неполноценности. Видимо, Ю. Борев сам действительно считает такое возможным, то есть если бы он был на месте Сталина, то развлекался бы именно таким способом. Ордер на арест подписывает прокурор или суд, инстанции, к которым Сталин не имел отношения, но как это объяснить людям с умственным уровнем «профессора-доктора»? В этом эпизоде он заодно намекает, что Сталин сводник, но на следующей странице пишет: «Когда Василий Сталин подрос, он стал домогаться подруги Светланы. После напрасных попыток его осадить та пожаловалась Светлане. Светлана рассказала об этом отцу. Сталин взял ремень и жестоко выпорол Василия. После этого Василий прекратил свои приставания, боясь отца и порки».

Здесь Ю. Бореву хотелось, видимо, показать, что Сталин был садист и по отношению к детям, но ума не хватает понять, что этот эпизод никак не согласуется с предыдущим о сводничестве.

Эти эпизоды «из Борева» даны в качестве примера ранее сказанного, что «профессор-доктор» напихал в книгу много всего, не думая, в связи с чем количество не могло не перейти в качество. Но оставим «профессора-доктора» и перейдем к его братьям по уму, чести и совести. Прежде всего поражает их какая-то подлая, патологическая трусость.

Поэт Антокольский по команде партийного чиновника делает приседания и на вопрос, как можно опуститься до такой низости, мямлит: «Ну... во-первых, я член партии, а во-вторых, я испугался».

Этот-то еще на ногах устоял, а эти:

«Как-то после войны Козинцев показывал свой фильм Сталину и пытался угадать его впечатление. Вдруг вошел Поскребышев, передал записку, посветил фонариком. Сталин буркнул: «Плохо». Козинцев потерял сознание. Сталин сказал: – Когда проснется этот хлюпик, скажите ему, что «плохо» относится не к фильму, а к записке. Товарищу Сталину весь мир говорит «плохо» – не падает же Сталин от этого в обморок».

Или этот:

«Рабинович был правительственным фотографом – снимал членов Политбюро, членов ЦК, партийные съезды, международные конгрессы. Летним утром 1937 года он устанавливал свой треножник на одной из дорожек Кремля. К фотографу подошел Сталин: – Что же это вы, гражданин Рабинович, скрыли, что вы из дворян? Рабинович от страха упал в обморок».

Или такой эпизод. Сталин смотрит балет. В антракте проходит мимо разговаривающих Храпченко и какого-то видного балетмейстера (Борев не захотел его назвать). Сталин им бросает на ходу: «Все о делах, о делах, потанцевали бы...» И профессор Храпченко с балетмейстером тут же, без музыки начали немедленно вальсировать.

Борев тщательно проводит мысль, что тогда все были такие, все боялись и нельзя было иначе, но в других эпизодах, где идут потуги облить Сталина грязью, всплывают и другие факты. Вот, например, взаимоотношения М. Шолохова и секретаря ЦК по идеологии Стецкого: «Однажды в компании Стецкий стал критиковать Шолохова за то, что его главный герой Меле-

хов – настоящая контра. И многое в том же духе. Потом он сказал: – Ты, Шолохов, не отмалчивайся.

Шолохов спросил: – Ответить вам как члену ЦК или лично? – Лично.

Шолохов подошел к Стецкому и дал ему пощечину. На следующий день Шолохову позвонил Поскребышев. – Товарища Сталина интересует, правда ли, что вы ответили на критику Стецкого пощечиной? – Правда. – Товарищ Сталин считает, что вы поступили правильно».

Между прочим, Шолохов мог бы и поприседать, как Антокольский, но не стал, мог бы предать своих друзей, как это делали другие, но тоже не предавал. Когда в Ростовском обкоме арестовали друзей Шолохова, он немедленно выехал в Москву, причем открыто, а не тайно, как это утверждает Борев. Попросил приема у Сталина, защитил друзей, их дело было возвращено и пересмотрено, они освобождены и восстановлены в должности. Можно было? Да, но для таких поступков нужно быть порядочным человеком.

Таких среди критиков Сталина нет. Вот, к примеру, критик, храбростью которого все восхищаются. Борев пишет об этих событиях так:

«Мандельштам был убежден, что он – поэт, живущий, как божья птица, вольно и впроголодь, – имеет право брать у всех все, что ему нужно. Однажды он взял взаймы деньги у прозаика Бродского. Через некоторое время заимодатель грубо, в оскорбительной для Мандельштама и его жены форме стал требовать деньги. Произошла ссора. Чтобы ликвидировать инцидент, был назначен товарищеский суд под председательством Алексея Толстого, о котором в 30-х годах говорили, что в его жилах течет половина графской и половина свинской крови. Когда я пишу эти слова, во мне все протестует против столь резкой и несправедливой оценки. Однако в предании прозвучала такая характеристика, и я не считаю себя вправе быть ее цензором. Суд решил, что Мандельштам не прав, присудил его к возвращению долга и вынес общественное порицание. Тогда разгоряченный поэт встал, подошел к Толстому и со словами: «А это вам за ваш Шемякин суд», – дал ему пощечину».

Когда я прочел эти строки, то подумал, что О. Мандельштаму должно быть на момент описываемых событий лет 20, не больше, поскольку наглость «божьей птички», ограбившей доверчивых кредиторов, объяснима для безусого юнца. Каково же было удивление, когда наткнулся на фотографию Мандельштама, раскрыв как-то том его сочинений. Это оказался лысый джентльмен с весьма потасканной физиономией, который кончал в то время вторую половину пятого десятка! И в эти-то годы такая откровенная подлость в поступках?

И уже не удивляла его «критика» Сталина в широко известном стишке:

«Мы *живем, под собою не чуя страны,*
Наши речи за десять шагов не слышны.
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлевского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.
А вокруг него сброд тонкошеих вождей.
Он играет услугами полулюдей,
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет.
Он один лишь бабачит и тычет, Как подковы, кует за указом указ -Кому в пах, кому в лоб, Кому в бровь, кому в глаз. Что ни казнь у него, то малина И широкая грудь осетина».

Непонятно, в чем здесь Мандельштам критикует Сталина? Разве только за то, что Сталин пользуется «услугами полулюдей», но сам Мандельштам к кому себя причислял? Ведь как только Мандельштама сослали в ссылку за этот стишок и после вмешательства Сталина освободили, то он тут же написал ему хвалебную оду. Это что, не «услуга полулюдей»?

Стишок – просто попытка, оскорбив Сталина, прославиться, причем Мандельштам для оскорбления пользуется приемами, которые очень не любят, к примеру, евреи – национальностью и внешним видом. Сталин – горец, осетин, у Сталина – пальцы как черви, усы как у таракана, ходит в сапогах, не говорит, а бабачит.

Интересно, как защищал «птичку божью» ее друг Пастернак. Считается, что он хлопотал, но где и как – непонятно. По крайней мере, сам не обратился к Сталину, а вот тот задал ему во-

прос: – Товарищ Пастернак, хороший ли поэт Мандельштам?

Не соотнеся свой ответ с драматической ситуацией, в которой находился Мандельштам, и опасаясь подозрения, что он знает стихотворение о Сталине, Пастернак стал путано рассуждать о достоинствах и недостатках поэзии Мандельштама. Сталин повторил: – А как идут дела у поэта Мандельштама? – Он сослан. Я хлопотал, но безуспешно. – А почему вы не обратились ко мне? Я к своим друзьям отношусь лучше: если бы мой друг был в таком положении, я бы на стену лез. – Но что же мне делать? – Ну ничего, с Мандельштамом теперь все будет хорошо. – Спасибо, Иосиф Виссарионович, я бы хотел с вами встретиться и поговорить. – О чем? – О жизни и смерти.

Сталин не ответил. В трубке раздались гудки. Пастернак, решив, что его разъединили, дозвонился до секретариата Сталина. Ему ответили: – Вас не разъединили. Товарищ Сталин повесил трубку. Пастернак того же поля ягода (или – овощ), что и Мандельштам. Мандельштам в стишке обижался, что не «чует под собой страны»,

вот не ложится нехороший СССР под Мандельштама, и все тут! А Пастернак думал, что у Сталина столько же забот, сколько и у него. То есть проснется утром, походит по комнате, поковыряет в носу и решит: «Позвоню, пожалуй, Пастернаку, поговорю с умным человеком о жизни и смерти».

Прочтешь эти эпизоды и думаешь: «Кто здесь подлец, а кто – порядочный человек?»

Подлость стала нормой жизни комедиантов, и они ни тогда, ни сейчас ее просто не замечают. Ю. Борев спокойно пытается оправдать такой ее образчик:

«Философ и искусствовед Михаил Александрович Лифшиц рассказывал о междоусобных схватках среди интеллигенции в 30-40-х годах. Политические ярлыки были метательными снарядами этой борьбы, а доносы, или, как тогда выражались, «своевременные сигналы» – ее орудиями. Участвовал ли я в этом? – спрашивал Лифшиц и отвечал: – Все участвовали, и я тоже. Иначе нельзя было ни писать, ни печататься, ни существовать в литературе. Ну, например, Нусинов выступает в прессе и обвиняет меня в том, что я искажаю марксизм, отрицаю роль мировоззрения в творчестве или не признаю сталинское учение о культуре. В его своевременном сигнале дан набор проступков, тянущий на 58 статью. Если я промолчу, вполне возможно, что меня посадят. Чтобы избежать этого, я публикую статью, в которой доказываю, что Нусинов не признает диктатуру пролетариата или отрицает лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Я даю шанс сесть в тюрьму и моему оппоненту. Я такой же доносчик, как и Нусинов, а то, что сажают его, а не меня – это уже лотерея или убедительность аргументов и искусство полемики. Впрочем, сажали и вне зависимости от убедительности доводов в споре».

Сегодня эти признания могут показаться циничными, но в неэвклидовом моральном пространстве искусно сформированного противочеловечного общества действовали моральные нормы человека, находящегося под пыткой».

А ведь представьте, «сигнал, тянущий на 58 статью», попадает к следователю НКВД, к прокурору, к судье. Что им делать? Сидеть сложа руки, чтобы их обвинили в попустительстве?

Разве Сталин приказывал писать доносы друг на друга? И смотрите, как «мудро» Ю. Борев оправдывает эту подлость: «неэвклидовое моральное пространство»! А кто его создал? Лифшицы и Нусиновы своими доносами! «Моральные нормы человека, находящегося под пыткой». Оказывается, по Ю. Бореву, моральные нормы человека должны меняться в зависимости от условий, в которых он находится. Но Иисус и на кресте исповедовал те же моральные нормы, что и до распятия, и на кресте ни на кого не доносил, не предавал, в отличие от Иуды, который предал и без пыток. Кстати, а кто пытал в это время Лифшица с Нусиновым? Ведь они могли уйти с работы, где, как они считали, нужно доносить, на работу, где этого не требовалось, например, стать рабочими. И мысли такой нет, эти Боревы и Лифшицы готовы на любую подлость, лишь бы быть в комедиантах, лишь бы успеть лизнуть власть предержащего, лишь бы успеть отхватить от него какие-либо блага. Это их мораль.

Только-только определился Ельцин в вождях, а вокруг него уже толпится муравейник наипреданнейших комедиантов, демократичных из самых демократичных, все эти жванецкие и хазановы, рязановы и ульяновы, все преданно смотрят в глаза, все норовят попасть пред светлые очи, все с готовностью обнажили языки. Ю. Борев в своей «Сталиниаде» привел гимн этих людей:

Вот скандал на всю Европу,

Срамота-то, срамота –
Тридцать лет лизали ж...,
Оказалося – не та.
Только мы не унываем.
Смело мы глядим вперед –
Наша родина родная
Нам другую подберет.

ОЦЕНКИ ЛЮДЕЙ ЗНАЮЩИХ

Сейчас эти оценки мало кто слушает. Кому нужны при дерьмократии оценки Сталина людьми Дела – Жуковыми, Василевскими, Молотовыми, Яковлевыми...

Даже на У. Черчилля никто внимания не обращает, хоть он и через много лет после смерти Сталина утверждал: России неимоверно повезло, что у ее руля оказался в то жуткое время такой человек, как Сталин. Человек, который умел, по утверждению Черчилля, своих врагов бить руками своих врагов.

Эти оценки широко известны, но давайте посмотрим, как оценивал Сталина его враг – Гитлер. Не припомню работ, где эта оценка по-настоящему рассматривалась бы.

Сначала, судя по фактам, Гитлер недооценивал Сталина и, по сути, пренебрегал им. Это подтверждает, например, В. Шелленберг. Он написал мемуары в начале 50-х годов, еще при жизни Сталина. Сам Шелленберг, умерший в 1952 году, судя по всему, был человеком весьма чванливым, непрерывно подчеркивающим свою исключительную интеллигентность, свой ум. Прямо он Сталина не ругает и не хвалит, но приводит эпизоды, по которым можно оценить отношение Гитлера к Сталину. Например, дело Тухачевского.

Шелленберг утверждает, что германский генштаб был настроен крайне просоветски, его генералы не верили в западных союзников, а вот германская буржуазия была яростным противником СССР.

В 1937 году агент Гейдриха, шефа службы имперской безопасности, белогвардейский генерал Скоблин сообщил: «Тухачевский, Маршал Советского Союза, участвовал вместе с германским генеральным штабом в заговоре, имевшем целью свержение сталинского режима».

Шелленберг пишет, что Гейдрих решил использовать этот материал, дабы нанести удар по руководству Красной Армии. Эта версия 1951 года звучит несколько глуповато, так как в 1937 году Германия еще не собиралась воевать с СССР, даже границ общих не было. Но Шелленберг тут же проговаривается, с какой целью Гейдрих представил Гитлеру материал генерала Скоблина: «Сам материал не был полным. В нем не содержалось никакого документального доказательства активного участия руководителей германской армии в заговоре Тухачевского. Гейдрих понимал это и добавил сфабрикованные сведения, чтобы скомпрометировать германских генералов. Он чувствовал себя вправе так сделать, коль скоро этим мог ослабить растущую мощь Красной Армии».

Как видите, ясно видны ослиные уши «ослабления Красной Армии». Как можно «ослабить Красную Армию», компрометируя германских генералов?

Шелленберг пытается скрыть, что к 1937 году между Гитлером и генштабом еще существовала вражда, и фюрер желал свалить непокорных генералов. Подтверждается это и тем, что Гитлер не запросил в генштабе необходимые документы, а Гейдрих по его заданию организовал взлом секретных архивов генштаба, изъятие документов и пожар, чтобы скрыть взлом и список похищенного. Шелленберг пишет:

«В свое время утверждалось, что материал, собранный Гейдрихом для дискредитации Тухачевского, состоял большей частью из заведомо сфабрикованных документов. В действительности же подделано было не больше, чем нужно для заполнения некоторых пробелов. Это подтверждается тем, что весьма объемистое досье подготовили и представили Гитлеру за короткий промежуток времени – в четыре дня».

Заметьте, опять немецкие генералы в неведении, не они заполняют пробелы, а Гейдрих, Это вновь подтверждает – именно они первоначально были объектом акции.

Однако, получив документы, Гитлер решил вмешаться в дела Советского Союза, но стоял перед выбором – на чьей стороне? Утаить документы от Сталина? К власти в СССР придут во-

енные. Так как война с СССР рано или поздно произошла бы, то для Гитлера узурпация власти военными задолго до войны была не лучшим исходом. Он предпочел Сталина. Кроме того, Тухачевский – друг германских генералов. Усилить его – усилить позиции германского генштаба. Гитлер выступил против Тухачевского.

В 1951-м Шелленберг сетует об этом: «Решение поддержать Сталина вместо Тухачевского и генералов определило весь курс германской политики вплоть до 1941 года и справедливо может рассматриваться как одно из самых роковых решений нашего времени».

Немного отвлечемся. Ныне принято утверждать, что заговора Тухачевского не было, что ни он, ни генералы ни в чем не виноваты. Их тайно судили, что было понятно и предусмотрено законом и тогда, и сейчас, но так же тайно и реабилитировали, что непонятно.

Если бы мы даже ничего не узнали о заговоре от Шелленберга, то и с советской стороны невиновность генералов неочевидна.

Был арестован Примаков и не признавался на следствии полгода. Затем вдруг признается (возможно, его подкосили материалы из Германии). В несколько дней арестовали Тухачевского, Якира, Фельдмана и других. Эти полностью признаются в течение недели! (Федьдман – и вовсе в день ареста.) А ведь пыток тогда НКВД еще не применял. Значит, было в чем признаться, если не держались шесть месяцев, как Примаков.

Судили их товарищи по оружию – все маршалы СССР, кроме Ворошилова. Его в ходе заговора должны были сместить, получалось, – он лицо заинтересованное и, естественно, не мог быть членом военного суда. Суд за день признал всех виновными и заслуживающими смертной казни.

Не имея документов этого дела, ничего утверждать нельзя, но все же в нем много подозрительного. Заговоры, измены в то время были делом чуть ли не обычным. Бухарин, например, в 1918 году собирался поддержать заговор левых эсеров – сместить и арестовать Ленина, заменить его Пятаковым, разорвать Брестский мир. Фактически Бухарин спровоцировал левых эсеров на убийство германского посла Мирбаха. И как ни в чем не бывало признался в этом в 1924 году.

В связи с передачей Гитлером материалов на Тухачевского, приведем еще один пример, который пригодится позже – об опытности государственных чиновников. Служба Гейдриха к 1937 году существовала едва три года, а ГПУ или НКВД – двадцать лет. Смотрите, как опытные гэпэушники расправляются со своими молодыми немецкими коллегами. Немцы предложили Сталину документы, а дальше:

«Сталин запрашивал, в какую сумму немцы оценивают собранный материал. Ни Гитлер, ни Гейдрих и не помышляли о том, что будет затронута финансовая сторона дела. Однако, не подав и виду, Гейдрих запросил три миллиона рублей золотом, которые эмиссар Сталина выплатил сразу после беглого просмотра документов».

Нынешние мудраки и это поставили бы Сталину в укор – ишь как разбазаривает народные деньги. Но... Шелленберг, не оценив комизма ситуации, через страницу пишет: «Большую часть суммы в три миллиона рублей, выплаченных нам русскими, пришлось уничтожить лично мне самому, так как вся она состояла из купюр высокого достоинства, номера которых, очевидно, были переписаны ГПУ. Всякий раз, когда какой-либо из наших агентов пытался использовать их на территории Советского Союза, его арестовывали в удивительно короткое время». Опыт есть опыт.

Но вернемся к оценке Сталина Гитлером. Итак, в 1937 году Тухачевский казался Гитлеру страшнее Сталина. К концу 1941-го он уже не видел в мире человека более страшного. Шелленберг приводит свой диспут с Гейдрихом, как удержать в покорности попавшие под оккупацию народы Советского Союза. Сам Шелленберг считает разумным разделить Советский Союз на автономные государства по национальному признаку и стравить их друг с другом. (Как видим, у Горбачева, Яковлева, Ельцина, Кравчука и других были предшественники.) Гейдрих приводит точку зрения Гитлера, основанную на другой концепции:

«Гитлер настаивает на скорейшем создании хорошо спланированной системы информации – такой, которой могло бы позавидовать даже НКВД: надежной, беспощадной, работающей круглосуточно, чтобы никто (никакой лидер, подобный Сталину) не мог бы возвыситься, прикрываясь флагом подпольного движения, ни в какой части России. Такую личность, если она когда-либо появится, надлежит своевременно распознать и уничтожить. Он считает, что в своей массе русский народ не представляет никакой опасности. Он опасен только потому, что заклю-

чает в себе силу, позволяющую создавать и развивать возможности, заложенные в характере таких личностей».

Как видите, к концу 1941 года уже не то, что Тухачевский, уже и советский народ был не так страшен. Главное – не дать в СССР появиться человеку типа Сталина.

К 1943 году начинают прозревать и некоторые соратники Гитлера. Небезызвестный шеф гестапо Мюллер говорил Шелленбергу: «Если нам суждено проиграть эту войну, то причиной будет не недостаточный военный потенциал; причиной будет духовная неспособность наших руководителей. У нас нет настоящих руководителей. Правда, у нас есть наш руководитель – фюрер, но на нем все замыкается. Возьмем толпу, находящуюся в его непосредственном подчинении. Кого вы там найдете? Они дни и ночи проводят в непрерывных ссорах: одни стремятся заручиться расположением фюрера, другие закрепить за собой власть. Несомненно, фюрер давно все видит, но, руководствуясь совершенно непонятными для меня соображениями, по-видимому, предпочитает именно такой порядок вещей, чтобы властвовать. Вот в чем его главный недостаток. У него отсутствуют качества государственного деятеля. Как бы я хотел думать иначе, но я все более склоняюсь к выводу, что Сталин умеет делать эти вещи лучше. Подумайте только, что пришлось перенести его системе в течение последних двух лет, а каким авторитетом он пользуется в глазах народа. Сталин представляется мне сейчас в совершенно ином свете. Он стоит невообразимо выше всех лидеров западных держав, и если бы мне позволено было высказаться по этому вопросу, мы заключили бы соглашение с ним в кратчайший срок. Это был бы удар для зараженного проклятым лицемерием Запада, от которого он никогда не смог бы оправиться. Видите ли, говоря с русскими, всегда ясно, как обстоят дела: или они вам снимут голову, или начнут вас обнимать. А эта западная свалка мусора все толкует о Боге и других возвышенных материях, но может заморить голодом целый народ, если придет к выводу, что это соответствует ее интересам».

К 1944 году при мысли о Сталине у Гитлера уже начинается паника, равносильная маразму. Шелленберг рассказывает, как его вызвал Риббентроп – министр иностранных дел Германии:

«Одну минуточку, Шелленберг. Мне нужно поговорить с вами об одном очень важном деле. Необходима строжайшая секретность. Никто, кроме фюрера, Бормана и Гиммлера, об этом не знает. – Остановив на мне пристальный взгляд, он продолжал: – Нужно убрать Сталина».

(Естественно, Шелленберг все время этим занимался, все время посылал агентов, но у него ничего не получалось. – Ю.М.)

«Я кивнул головой, не зная, как реагировать на такое заявление. Риббентроп объяснил мне, что весь режим в России держится на способностях и искусстве одного человека и этим человеком является Сталин. Он повернулся и направился к окну. – В личной беседе с фюрером, – продолжал он, – я сказал, что готов пожертвовать собой ради Германии. Будет организована конференция, в работе которой примет участие Сталин. На этой конференции я должен убить его. – Один? – спросил я. Риббентроп резко повернулся ко мне. – Фюрер сказал, что одному этого не сделать. Он просил назвать человека, который сможет помочь мне. – Риббентроп пристально посмотрел на меня и добавил: – Я назвал вас».

Поручить министру иностранных дел убить на конференции главу другой страны – это паника с маразмом.

На этом, пожалуй, кончим о Сталине и вернемся к обстоятельствам последнего рывка к дерьмократии.

ГЛАВА 4. ГОЛОВА В ТИСКАХ

ПРИЗНАКИ НАЛИЧИЯ ГОЛОВЫ

Рассказывая о лидерах стран 20-50-х годов, автор стремился показать, что это были люди, ясно видевшие цель, которую должна достичь их страна, и поэтому абсолютно ясно представлявшие себе, какие пути ведут к ее достижению, а какие нет. Одни были умнее, другие менее, но это не были безвольные или безумные марионетки в руках бюрократического аппарата.

Если их представить архитекторами, то это были архитекторы, которые ясно представляли себе, как должен выглядеть дом, который они строят, и потому, организуя строительство, они

редко ошибались в последовательности или необходимости той или иной строительной операции. Другое дело, что идея дома не у всех была верна, одни строили его на песке, другие – из негодных материалов, возможно, и не подозревая об этом. Но они ясно понимали, что строят и зачем это нужно народам их стран.

Понимая, как выглядит дом, они давали команду сначала рыть котлован, затем монтировать фундамент, ставить стены и так далее. Вокруг могло быть много советчиков, доказывающих строителю, что самое главное крыша или окна. Но зная, как выглядит дом, эти люди никогда не монтировали крышу, не подведя под нее стены, какими бы учеными званиями ни владели их консультанты.

Они были руководителями стран и в этом видели свое предназначение, а не их страны были предназначены для того, чтобы они играли роль руководителей.

Характерным признаком наличия Головы является то, что Голова сама думает, а не поручает это кому-нибудь, даже если многие и считают этого кого-нибудь умным до гениальности. Она не будет ничего делать, пока не поймет, зачем это нужно стране, как этот кирпичик укрепит дом, что бы и как бы ей ни советовали.

Сталин был Голова. Этого у него не отнимешь. Он сам писал свои статьи и готовил свои речи. Это хотя и не обязательный, но характерный признак Головы. Если человеку статьи и доклады готовят другие – это безголовый, это уж точно. Конечно, у Сталина были помощники, которые находили для него цифры, цитаты, факты. Но идеи были его. Каганович вспоминал, что, по его мнению, у Сталина ни одно слово не выходило изо рта, если он его не обдумал.

Если решения, особенно неординарные решения по Делу, принадлежат Голове, они имеют два характерных отличия.

Во-первых, они кратки. Тут нужно понять вот что. Идея решения при принятии его на своем уровне не может быть объемной, так как она дается в виде задач 5-10 исполнителям. Дальше давать задачи, ставить их подчиненным своих подчиненных Голова не станет, так как вторгается в область своей некомпетентности, а Голова сама желает понимать, что делает, и неясных для себя решений не примет.

Автор как-то, ругаясь, пытался понять полученный из столицы приказ об организации снабжения производства товаров народного потребления. Приказ подписал какой-то очень высокий чин, но, без сомнений, его накарябал какой-то наукообразный чиновник, причем на 20 страницах. Как ни силился, но понять, что хочет официальный автор приказа, не мог. В это время зашел старый, бывший теперь на пенсии главный инженер завода и, смеясь над безуспешными потугами, вспомнил, что читал постановление Совнаркома за подписью Сталина об организации снабжения всей промышленности Советского Союза. Это постановление было на полутора страницах. И это понятно. Сталин не стал бы подписывать постановление, то есть свое решение, суть которого ему была бы не ясна. А всего знать нельзя, тем более в подробностях.

Во-вторых. Эти решения редки. Любые из них надо обдумать, найти данные для оценки обстановки, оценить ее и только затем принять решение. Если эти решения не банальны (например, подписать список награжденных), а ответственны, то их много не примешь.

В тяжелейшем 1942 году, в том самом, когда Верховный Главнокомандующий дал приказ: «Ни шагу назад!», он, судя по номеру и дате приказа, при всей своей трудоспособности давал не более одного приказа в день! А, к примеру, министр черной металлургии СССР давал в год до 2500 приказов. Вот какой был стахановец. Не мудрено, что среди них часто попадались чрезвычайно вредные для Дела, а то и откровенный бред. Но об этом мы говорили и будем говорить ниже.

Это внешние признаки, а суть остается в том, что Голова сама оценивает обстановку и принимает решения, причем поскольку решений может быть много, то Голова, выбирая одно из них, берет на себя ответственность за отказ от других. Эти другие заведомо хороши для критиков, поскольку они никогда не осуществлялись и их непригодность не выяснена. Что бы Голова ни делала, всегда найдутся мудраки, который с пеной у рта будут доказывать, что другое решение было лучше. Да и не только мудраки, порой и толковые люди берут на себя смелость критиковать прошлое, не потрудившись мысленно перенести себя в то время и поставить на место того, кого они критикуют.

Автор, например, очень уважает писателя В. Карпова, его книгу «Полководец» считает наиболее умной книгой о советских военачальниках. Карпов единственный из писателей, кто

понимает смысл действий полководцев, кто показывает красоту и оригинальность их решений. Но, видимо, есть предел понимания и у него.

В своей книге «Маршал Жуков» В. Карпов так оценивает военно-экономические действия Сталина:

«Советский Союз в течение первых 12 месяцев поставил Германии сырья на сумму примерно 500 млн. марок, в том числе 1 000 000 т кормовых злаков и стручковых плодов на сумму 120 млн. марок; 900 000 т нефти на сумму примерно 115 млн. марок; 100 000 т хлопка на сумму примерно 90 млн. марок; 500 000 т фосфатов; 100 000 т хромовой руды; 500 т железной руды (здесь, видимо, утеряны нули. – Ю.М.); 300 000 т железного лома и чугуна; 2400 кг платины, а также марганцевую руду, металлы, лес и прочее сырье...

Что же касается ответных поставок Германии, приведу только один пример. Нами был куплен крейсер «Лютцов», он стоил огромных денег. Но крейсера как такового мы не получили, немецкий буксир доставил в Ленинград корпус корабля без механизмов и вооружения. До начала войны его строительство так и не было завершено.

Вот так дурачили нашего «мудрого и гениального вождя народов» и так бездарно он отдавал столь необходимое нам самим стратегическое сырье, созданное великим трудовым перенапряжением народа».

Это точка зрения В. Карпова – бывшего полковника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. А вот точка зрения Б. Мюллера-Гиллебранта, бывшего генерал-майора фашистской Германии: «С начала войны вопрос о поставках военных материалов в другие государства приобрел особую остроту, так как в самой Германии положение с вооружением было напряженным...

...Италия предъявила значительные требования в отношении поставок современной военной техники... но... объем поставок оставался на первых порах незначительным. Румыния требовала оплатить часть ее поставок нефти военной техникой. (Она поставила в 1940 году 1 млн. т нефти, а СССР – 0,62 млн. т. – Ю.М.) С этой целью ей были поставлены противотанковые пушки и значительная часть трофейного оружия, захваченного в ходе Польской кампании.

Незначительное количество военной техники поставлялось Финляндии и Югославии.

Наибольшее значение после начала войны имели поставки в СССР... При этом с немецкой стороны было обещано в течение первых двух лет поставить в кредит товаров на сумму 200 млн. марок, в том числе в течение первого года – на сумму 120 млн. марок... Германия должна была незамедлительно обеспечить ответные поставки. Для того, чтобы они в стоимостном выражении быстро достигли большой суммы, Советскому Союзу предлагалась по возможности готовая продукция. Так, в счет ответных поставок были переданы находившийся на оснащении тяжелый крейсер «Лютцов», корабельное вооружение, образцы тяжелой артиллерийской техники и танков, а также важные лицензии. 30 марта 1940 года Гитлер отдал распоряжение о предпочтительном осуществлении этих поставок, к чему, однако, отдельные виды вооруженных сил ввиду испытываемых ими трудностей в области вооружений приступили без должной энергии».

Отец автора начал войну несколько раньше В. Карпова, но, как и он, вернулся живым, четырежды раненным, но живым. Через четыре года родился автор этих строк. Отец в 41-м дрался в Бессарабии с румынами, отступил в Одессу, был тяжело ранен на ее причале в ночь эвакуации. И автор думает: «А что было бы, в том числе и с ним, если бы эти румыны были вооружены не польским трофейным оружием, а тем оружием, которым Гитлер одурачил Сталина? И отец автора, и В. Карпов использовали и продовольствие, и оружие, и технику, полученную по ленд-лизу. А что, если бы на пути конвоев с этими товарами выходил не только «Тирпиц», но еще и «Лютцов», которым Гитлер одурачил Сталина?»

Да, наверное, это было дорогое оружие, ну да ведь шла война, а ложка дорога к обеду.

И потом, строки «поставить в кредит товаров на сумму 200 млн. марок» означают, что немецкие поставки нам в 1939-1941 годах были больше наших ответных на 200 млн. марок, то есть Сталин брал в долг. Человека, взявшего долг и не вернувшего его, называют по-разному, единственно, никто не скажет, что его одурачили.

Таким образом, вывозя в Германию сырье, которое, разумеется, можно было использовать для производства боевой техники, Советский Союз ввозил от своего противника уже готовую боевую технику и оружие, обесценивая для немцев саму поставку сырья. Да еще и взяли у своего врага часть этой техники в кредит.

На фоне нынешних дерьмократических правительств, тупых, не понимающих элементарных вопросов экономики и производства, просто поразительно понимание Сталиным этих вопросов. За три месяца до своей смерти этот 74-летний старик уверенно редактирует учебник политэкономии, лично ведет переписку с оппонентами, в которой вежливо по форме, но достаточно властно устраняет всяческие мудрачества. Автор этих строк не может согласиться с теми доводами Сталина, где он пренебрегает вопросами управления, но с его экономическими идеями невозможно не согласиться. Сталин при желании мог войти и в экономические тонкости, но он никогда не забывал главного – зачем стране нужна экономика. Он понимал то, чего в упор не хотят понять дерьмократы.

Цель экономики – обеспечение товарами и услугами всего народа, а не показ населению этих товаров в витринах магазинов.

Сталину нужна была экономика, которая способна обеспечить всех жителей СССР пусть небольшими, но теплыми и комфортабельными квартирами, а не экономика, способная построить дворцы для некоторых и оставить всех остальных ютиться где попало. Даже если эти дворцы всегда есть в продаже. Сталину нужна была экономика, способная дешево и быстро переместить любого гражданина страны туда, куда он пожелает, а не экономика, способная создать сверхкомфортабельные легковые автомобили. Сталину нужна была экономика, способная обеспечить всех продуктами питания, сделать основную массу их доступной каждому. Короче говоря, Сталину нужна была экономика, способная производить огромное количество товаров.

Для этого необходима промышленность и сельское хозяйство, способные производить их в достаточном количестве да еще и в крайне невыгодных географических условиях, то есть нужны заводы и фабрики, а в них станки и механизмы, нужны трактора и комбайны, нужны квалифицированные люди.

Исходя из цели советской экономики, Сталин ставил государству задачу – развить промышленность.

Чтобы понять его последующие действия, надо четко понимать вот что. Промышленность не может работать без покупателя. Созданный ею товар должен быть куплен, иначе она не в состоянии произвести следующий. Чем больше покупают, тем быстрее развивается, растет промышленность. Если покупатели берут только половину продукции, произведенной станком, нет смысла, а главное, денег купить второй. Но если они с этого станка забирают все и еще могут купить, то есть смысл покупать второй и есть деньги на него.

Обратите особое внимание! Чтобы промышленность развивалась и давала все больше и больше товаров, ей нужен покупатель!

Если кто-либо хочет развить свою промышленность, ему нужны не инвестиции, не займы, не надо ходить по миру с протянутой рукой, а нужно позаботиться о покупателях для своих товаров. Дерьмократы этого абсолютно не понимают, хуже, если понимают, но действуют во вред стране.

Сталин это понимал и рассматривал несколько путей поиска покупателей для промышленности СССР.

Например, прусский, предусматривающий аннексию какой-либо страны, создание препятствий для ее промышленности и за счет ее рынка, ее покупателей развитие собственной.

Или английский путь. Захват колоний и использование их рынка для развития промышленности метрополии.

Разумеется, эти пути не подходили Советскому Союзу, и Сталин выбрал американский путь развития промышленности. Путь развития собственного рынка, создание покупателей прежде всего внутри собственной страны.

Вспомним, как Генри Форд, основатель автомобильной индустрии США, создавал себе покупателей. Он взял и стал платить рабочим своих заводов невиданную по тем временам зарплату – 5 долларов в день и этим спровоцировал профсоюзы в других отраслях на требования по повышению зарплаты. Когда его разъяренные коллеги-капиталисты выплеснули свое негодование, он вполне резонно возразил им: «А кто будет покупать мои автомобили?» Чтобы увеличить производство чего-либо, нужно сначала дать деньги покупателю. Создав средний класс, класс людей, для которых покупка автомобиля стала обычным делом, США развили свою автомобильную промышленность.

Но у Генри Форда не было другого пути. Другой путь, более эффективный, возможен толь-

ко при плановом хозяйстве, и Сталин воспользовался именно им.

Чем плох или недостаточно хорош путь Форда? При повышении зарплаты хозяин вынужден поднять и цену продукции, которую делают его рабочие. Это путь роста цен. А при нем обесцениваются деньги. И в карманах, и в сбербанках. То есть покупательная способность денег падает, понижая эффект от подъема зарплаты.

Поэтому Сталин поступил по-другому. Имея возможность влиять на цены и зарплату, он зафиксировал зарплату, установив более-менее справедливый уровень в разных отраслях и профессиях, и начал планомерно снижать цены. При этом покупатели СССР с каждым понижением цен получали возможность покупать в большей степени, чем цены снизились, так как рубль дорожал и в карманах, и сбербанках.

Сталин был категорическим противником подъема цен по двум причинам. Во-первых, даже если индексировать зарплату (повышать ее вслед за ростом цен), то на расчет индексации требуется время. Цены уже повышены, валюта обесценена, а остатки зарплаты в кармане прежние. Когда еще подойдет время получки! Мы всегда тратим деньги, полученные по старым ценам, а покупать вынуждены по новым.

Во-вторых, возможность повышения цен плохо стимулирует научно-технический прогресс, у инженеров и ученых пропадает стимул к работе над снижением себестоимости. Зачем тратить силы на то, чтобы получить дополнительный рубль прибыли, снижая на рубль себестоимость, если повышение цены на 10 рублей даст 10 рублей прибыли. Это самообман, повышение цены снижает производство, гасит и прибыль, и реальный доход, но самообман очень соблазнительный, а порою повышение делают от безысходности.

Автор уже писал, что для свободных цен требуются резервы производства и безработица, то есть конкуренция. Но если читатели вдумаются, то поймут, что резервы производства и безработица могут быть лишь в тех странах, которые не ставят своей экономике цель обеспечить всех в стране, а только некий рынок – людей с деньгами.

Это еще повод, почему коммунист Сталин не мог допустить ни свободных цен, ни конкуренции, ни резервов производства и людских ресурсов.

Итак, развитие промышленности СССР, рост производства и благосостояния людей Сталин проводил фиксацией зарплаты при планомерном снижении цен.

Здесь несколько чисто экономических особенностей. Вся промышленность была единым заводом, а на заводе не имеет значения, все ли цеха работают с прибылью. На любом реальном заводе всегда существуют цеха, которые вообще бесприбыльны, а работают по смете – им дается определенное количество денег для работы, и они обязаны не переходить этот предел. Для завода важно, чтобы он в целом был прибыльным. Так было и для СССР. Не важно, что в едином народно-хозяйственном комплексе часть заводов или колхозов нерентабельны, главное, чтобы вся страна была рентабельна, чтобы рос ее национальный доход. Или такая особенность. Находясь все время во враждебном окружении, Советский Союз не обладал гарантией, что сможет купить за границей необходимые станки и оборудование. Поэтому Сталин отдавал предпочтение производству средств производства.

Прежде чем подвести итоги его экономической политики, немного отвлечемся и рассмотрим экономическую политику «реформаторов» – российского правительства во главе с Ельциным.

Дерьмократы во главе с ним, подзуживаемые мудраками, смело (бездумно?) освободили цены. Это в промышленности, где все предприятия связаны друг с другом практически единой технологией, требующей от каждого работы на полную мощность! Цены сразу же подскочили в 50-100 и более раз. Все покупатели России – и частные, и предприятия – в одночасье лишились денег для покупки продукции. Ельцин лишил свою промышленность российского и союзного рынков сбыта.

Однако оставались директора предприятий, для которых остановка производства, безработица при ясном сознании, что их продукция нужна, -бред. Они начали работать друг другу в долг. Но дерьмократы стали энергично пресекать и это, введя предоплату продукции, развалив банковскую систему, не пропуская платежи через границы государств СНГ. Дополнительно воцарился дичайший бюрократический террор, который и не снился промышленности при коммунистах. Официально Гайдар объяснял, что лишение промышленности денег приведет к тому, что цены начнут снижаться. Но все дело в том, что для этого надо было закрыть границы для запад-

ных покупателей, ведь у них-то деньги никто не отнимал. Более того, Ельцин отдал установление курса рубля кучке спекулянтов на валютной бирже, которые практически немедленно понизили его неимоверно.

Итак, российские покупатели при таких ценах покупать продукцию не могли, а западным покупать готовую российскую продукцию не было смысла – не останавливать же свои заводы! И западники набросились на сырье, скупая его за бесценок в долларах, а благодаря низкому курсу рубля, внутренние цены сырья взвились от этого вверх, и оно, и продукция из него становились все более недоступными в России. Скажем, кокс до 1992 года стоил 40 рублей, после освобождения цен подорожал за год в 1000 раз, и останавливающаяся отечественная промышленность вынуждена была его брать, так как при его долларовой цене в 80 долларов и курсе 800 получалось, что он фактически стоил 64 000 рублей! И эту цену приходилось закладывать в цену готовой продукции.

Производство в стране упало на 40 процентов, чего не было даже тогда, когда огромные районы оккупировали фашисты. Причина, повторяем, простая: Ельцин освобождением цен, понижением курса рубля и свободным доступом на свой рынок покупателей Запада лишил отечественных покупателей денег для покупки отечественной продукции, и промышленность начала быстро снижать производство. Все государства СНГ превратились в сырьевые придатки Запада.

Но хватит о безголовых, вернемся к Голове. Она-то знала, что делала, и СССР при Сталине в экономическом плане развивался невиданными темпами. Дадим слово экономисту Алексею Пригарину: «Часто слышишь такой довод: после крестьянской реформы 1861 года Россия начала развиваться ускоренными темпами и что, мол, безо всякого социализма она вошла бы в число развитых стран. Но вот что показало совместное исследование, проведенное Хьюстонским университетом США и НИЭИ при Госплане СССР. На «старте», к 1861 году, душевой национальный доход России составлял примерно 40 процентов по сравнению с Германией и 16 процентов по сравнению с США. Прошло более 50 лет – и что же? В 1913 году -уже только 32 процента от уровня Германии и 11,5 процента от американского. Поэтому слова о вековой отсталости России – не только образное выражение. В моем распоряжении нет статистических данных о величине национального дохода Соединенных Штатов в 1913 году, но, по данным того же исследователя, среднедушевой национальный доход России в 1913 году был значительно ниже, чем в США в 1861 году. Вот это был действительно «исторический тупик».

Прорыв из него обеспечили Октябрьская революция и победа народа в гражданской войне. Только после этого экономика страны начала развиваться высокими темпами. Быстрее всего – промышленность. В 1913 году на долю России приходилось лишь немногим более 4 процентов мировой промышленной продукции, в то время как ее население составляло 9 процентов населения мира. Значит, на душу населения в России приходилось в два с лишним раза меньше продукции, чем в остальном мире, включая Азию, Африку и Южную Америку, самые нищие регионы мира. К середине 80-х годов удельный вес населения СССР сократился до 5,5 процента. Зато доля промышленной продукции Советского Союза в мировом объеме достигла уже 14,5 процента. Именно эта цифра названа в статистическом сборнике, который ежегодно готовит ЦРУ Соединенных Штатов. Кстати, наш Госкомстат давал еще более высокую оценку – 20 процентов, но и по американским данным, уровень промышленного производства в Советском Союзе на душу населения почти втрое превышал средний мировой. С точки зрения динамики это означает, что за 70 лет Советской власти промышленность в СССР развивалась в 6 раз быстрее, чем в остальном мире.

Если взять такой обобщающий показатель, как национальный доход, то в расчете, выполненном на основе американских данных, он в 1985 году составлял 57 процентов от национального дохода США, а в пересчете на душу населения – 46,2 процента вместо 11,5 процента в 1913 году. Значит, национальный доход в СССР за этот период рос в 4 раза быстрее американского.

Начиная с середины 70-х годов темпы развития страны начали последовательно снижаться. Рост масштабов общественного производства, увеличение его технологической и организационной сложности, рост культурного и квалифицированного уровня народа должны были сопровождаться адекватными изменениями системы управления экономикой страны.

Но, заметьте, даже в период так называемого застоя развитие страны по-прежнему шло быстрее, чем развитие капиталистического мира. Так, за 1981-1985 гг. валовой национальный продукт СССР возрос на 20 процентов, США – на 14 процентов, Франции и Италии – на 8 про-

центов, ФРГ -на 6 процентов и только Японии – на 21 процент».

ТИСКИ

Тисками, разумеется, был государственный бюрократический аппарат – сотни тысяч чиновников, в большинстве выходцы из рабочих и крестьян, опять в большинстве некомпетентные. Да и царский аппарат не отличался деловитостью, но новые, не зная работы, ввели в практику извращенно-бюрократический стиль.

Боязнь принять решение вызывала всяческую волокиту, сбор различных совещаний и заседаний, благодаря которым бюрократы прикрывали собственную ответственность коллективной. По мельчайшим вопросам советовались с начальством, получали решение по Делу, которое обязан был сделать сам бюрократ, и этим решением укрывались от личной ответственности.

Со временем опытность чиновников возросла, они вникали в Дело, но и количество дел возрастало, приходили новые чиновники, и бюрократический стиль оставался неизменным. Самовластность Сталина вызывала у аппарата ужас, он боялся ошибиться, принять собственное решение. А Сталин принять их за всех, естественно, не мог. Он принимал принципиальные решения. Аппарат же совершал конкретные действия и спешил отчитаться стремясь предстать перед главой государства в деловитом виде. Это приводило к извращениям, к нанесению вреда самой цели, что вызывало гнев Сталина и еще больший ужас аппарата.

Уже приводился пример о коллективизации сельского хозяйства. Цель ее – поднять товарность. Действие – создать колхозы, для чего требовалось еще действие – крестьяне должны сдать в общее пользование землю и скот. За исполнение последнего и бросился отчитываться аппарат Наркомата сельского хозяйства. Отчитался. Люди, которые, как предполагалось, должны были высвободиться из сельского хозяйства и перейти в промышленность, умерли от голода. Нарком со товарищи был расстрелян, аппарат еще больше перетрусил.

«Пятая колонна» в Испании, коллаборационисты во всех странах вызвали страх в Советском Союзе. Цель борьбы с ними была в создании монолитной, единой страны, способной встретить любые опасности без предательства в своих рядах. Действие – репрессии против предателей. Как отчитаться за единство, непонятно, как за репрессии – ясно.

В армии в 1937-1940 годах репрессировали 5 тысяч офицеров. Двоюродный дед автора, кстати, тоже был арестован, хотя чином был невелик -старший лейтенант. Нарком обороны Ворошилов возмутился, проверили, часть офицеров реабилитировали. Деда восстановили в армии, и он провоевал всю войну, окончив ее подполковником. Ягоду расстреляли, Ежова расстреляли, судебный, прокурорский, следственный аппарат бледнел от ужаса, но ведь отчитываться в своей работе надо, а отчет – это репрессии. Боялся, но делал.

Сталин оказался в созданных им самим же тисках. Руководить страной без госаппарата нельзя, а доверить ему Дело невозможно без опасения, что аппарат натворит каких-нибудь страшных дел. Можно быть уверенным, что Сталин не понимал, что происходит: по любым, даже несложным, Делам возникали страшные потери. Не могла не возникать мысль, что это специально, что действуют враги. Тем более, что они действительно были. Подтверждением этому служат события начала 90-х годов, когда сотни тысяч аппаратчиков, клявшихся в верности партии и коммунизму, живших припеваючи за счет этих клятв, в одночасье продали и предали и партию, и коммунизм и, урча от вожделения урвать жирный кусок, перебежали к противнику.

Сталин для бюрократии был самым страшным вариантом. Имея привычку во всем разбираться и принимать решения, он, заподозрив неладное, мог запросить данные для оценки обстановки из других источников, и тогда реакцию его можно было бы легко предсказать. Но один в поле не воин, бюрократические отношения все плотнее окутывали страну и, что самое страшное, проникли в армию. Ведь ничем иным не объяснить разгромные поражения Красной Армии в первые два года войны.

Историки говорят, что СССР технически не был готов к войне. А кто и когда бывает к ней вполне готов?

К лету 1941 года в западные округа были переброшены четыре армии и корпус. Весной призвали из промышленности и сельского хозяйства (скрыто отмобилизовали) 800 тысяч человек и тоже в эти округа. В армии к началу войны было более 5 миллионов человек, из них на западе – 2,8 миллиона. По танкам и самолетам мы превосходили немцев. Соотношение войск в по-

лосе Киевского особого военного округа на 22 июня 1941 года было в нашу пользу: по личному составу 1,2:1; по орудиям и минометам 1,4:1; по средним (Т-34) и тяжелым (КВ) танкам 3,5:1; по легким танкам 5:1; по самолетам 2,5:1. Как при таких соотношениях делать выводы о том, что Сталин верил Гитлеру и к войне не готовился?

Готовилась и экономика, к примеру, за всю войну промышленность не выдала НКПС ни одного рельса, ни одной шпалы, тем не менее железные дороги работали удовлетворительно. Каганович создал огромные мобилизационные запасы для своей отрасли и на них выдержал всю войну.

Другое дело, что Генеральный штаб не разгадал планы немцев. Немецкие генералы перехитрили Шапошникова, Мерецкова, Жукова. (Кстати, в фильме о Жукове, снятом с его участием, он сам об этом говорит.) Немцы через все каналы, в том числе и через Рихарда Зорге (которого считали своим разведчиком, не зная, что он работает и на нас), передавали море дезинформации, скрывавшей не дату нападения, а направления главных ударов. В результате Генштаб не там расположил войска. Что сделаешь, не с папуасами воевать пришлось, и тем славнее Победа.

Но и этим не объяснишь разгромные поражения Красной Армии в начале войны.

Почти все считают чистку кадров в армии накануне войны одной из главных причин этих поражений. Но это гадание на кофейной гуще, даже если репрессированные маршалы и генералы действительно не были виновны и не предали бы.

В результате чистки кадров в 37-41-м годах Блюхера, Тухачевского, Егорова и других военачальников заменили другие люди, и считается, они были скороспелыми и менее опытными. Так ли это? В. Карпов приводит анкетные данные на некоторых немецких генералов. Кейтель начал и кончил первую мировую войну капитаном и майора выслужил только в 1923 году. Его оппоненты с нашей стороны: Шапошников – полковник царской армии, к концу гражданской войны – начальник оперативного отдела Штаба Красной Армии. До 1941 года непрерывно – либо командующий округом, либо начальник Генштаба. Мерецков – кончил гражданскую помощником начальника штаба дивизии, окончил академию РККА в 1921 году, с 1937-го заместитель начальника Генштаба, командующий округом. Жуков с 1923 года – командир полка. Василевский – штабс-капитан царской армии, командир полка в гражданскую.

Буденный, Ворошилов командовали в гражданскую армиями, Тимошенко – дивизией, Конев – комиссар штаба Дальневосточной Республики, Еременко – начальник штаба бригады. Гораздо скромнее выглядят по сравнению с ними немцы: Клейст дослужился до майора только в 1919 году, правда, фон Бок кончил войну командиром полка.

Гудериан стал командовать танковым корпусом только в 1939-м, а противостоящий ему Павлов – в 1937-м, кроме того, Павлов был командующим всех бронетанковых войск РККА.

Можно утверждать, что наши генералы хуже немецких, но говорить, что Сталин во главе армии ставил комсомольцев с макаронной фабрики, нельзя.

Мы ведь только предполагаем, что Блюхер был бы лучше Ворошилова. А может, и нет? Особенно если учесть его непонятную неповоротливость на Хасане. Только предполагаем, что Гамарник был бы порядочнее Мехлиса. А может, и нет? Особенно если вспомнить, что он предлагал Блюхеру для оправдания объявить молодую жену шпионкой. Бессмысленно сейчас гадать, кто был бы лучше, главное, что и те, кто был, обязаны были не допустить такого дикого разгрома нашей армии. Данные для этого они имели.

Что касается боевого опыта. Принято говорить, что к моменту нападения на СССР Германия имела двухлетний опыт войны. В общем, это так, но ее сухопутные войска такого опыта не имели. Можно говорить лишь о 42-дневном опыте войны с Францией и ее союзниками, где участвовало примерно 130 дивизий. Да еще не более 50 дивизий могли дополнительно иметь 35-дневный опыт Польской кампании. Красная Армия имела в своем составе и дивизии, и генералов с опытом Халхин-Гола, Финской войны, Польского похода, не говоря о тех, кто сражался в Китае и Испании.

Есть причины очевидные, но у мудраков принято: чем причина очевиднее, тем меньше о ней говорят.

Во-первых, это крайне низкая боевая выучка Красной Армии. Она требует расхода техники, оружия, боеприпасов. Все это деньги, а их у страны было очень мало. Учиться стрелять, летать приходилось уже в бою, а это -кровь. Во время войны напряжение дошло до такой стадии, что даже летчиков стали готовить за два месяца, в то время как немцы даже к концу войны не

выпускали в небо пилота, если он не прошел двухгодичный курс обучения. Да и после этого он несколько десятков боевых вылетов делал с опытным летчиком, фактически не участвуя в боях.

Когда мы говорим, что штурмовик ИЛ-2 был самым массовым самолетом войны, его изготовили серией в 36 тысяч единиц, то надо помнить, что в среднем этот штурмовик делал 12 боевых вылетов. Это была не только страшная для немцев машина, но и самый распространенный гроб для безусых мальчишек, садившихся за его штурвал.

Что здесь говорить? Готовить армию нужно до войны и не жалеть на нее денег. Когда мудраки-перестройщики взорвали советские ракеты среднего радиуса действия, а не произвели ими для обучения личного состава ракетных частей пуски по учебным целям, когда они сдали в металлолом тысячи новых танков, зная, что десятки тысяч офицеров запаса не имеют практических навыков ни вождения, ни стрельбы из них, что здесь сказать? Наши идиоты все знают, но ничему не учатся?

Во-вторых. В Красной Армии был крайне низок уровень патриотического воспитания. «Дал бог дурной кобыле хвост, так она себе им бока поотбивала» – гласит украинская поговорка. Большевики и, их партийный аппарат со своим интернационализмом сделали патриотизм преступлением, и страна жестоко за это поплатилась. Но грянул гром, клюнул в темечко жареный петух, и сразу вспомнили и «царских сатрапов» Суворова и Кутузова, и «царских опричников» – казаков, и Родину-мать. Доходило ведь до чего: немцы уже вовсю жгли и насиловали страну, подошли к Москве, а в кинотеатрах показывали умилительные сценки, как добрые русские крестьянки поят парным молоком пленных немецких солдат. Бюрократический пропагандистский аппарат все еще не мог очухаться от установки на «интернациональную дружбу советских и немецких рабочих». Потом, конечно, появился и Эренбург со своими статьями, и Симонов со своими стихами: «Так убей же его опять, так убей же его скорей, сколько раз увидишь его, столько раз его и убей» или «Я стреляю, и нет справедливости справедливее пули моей».

Немцы поступали значительно умнее. Имея такое же всевластие партии, они, однако, в военном деле опирались не на ее догмы, не на чтение передовиц Геббельса. У них не было в войсках «попов марксистского прихода», на дивизию полагался лишь один офицер по пропаганде, и действовали эти офицеры умно.

К примеру, они сообщали о каждом бое, о каждом подвиге, о наградах и присвоениях званий, пусть даже ефрейтора, в те города, откуда были родом солдаты. Местные газеты публиковали сообщения, эти же газеты приходили в части. Солдат знал, что он находится под пристальным вниманием своего города, а не политрука, что его мать, отец, жена, невеста – все переживают за него, гордятся им. В этих условиях трудно струсить, обидно, что обо всех пишут, а о тебе нет, хочется отличиться.

Это, безусловно, были очень важные факторы силы немецкой армии и слабости Красной.

Но главное все-таки не в этом. Красная Армия слишком долго выходила из бюрократического оцепенения и переходила к делократическому способу управления. По-другому и не могло быть. Комиссары – фактические контролеры, а контролер не может без доноса, иначе вышестоящие органы подумают, что он не работает. Сталин сам это ввел и сам же не мог от этого избавиться. Вот, например, образец его борьбы с собственным бюрократическим монстром. Он, встревоженный обстановкой в Крыму, посылает туда Мехлиса – начальника Главного политического управления Красной Армии. Но это контролер, он не умеет работать, он может только учить других, и ничего, кроме доносов, от него ждать не приходится. Он их и пишет. Сталин ему отвечает: «Вы держитесь странной позиции постороннего наблюдателя, не отвечающего за дела Крымфронта. Эта позиция очень удобна, но она насквозь гнилая. На Крымском фронте Вы – не посторонний наблюдатель, а ответственный представитель Ставки, отвечающий за все успехи и неуспехи фронта и обязанный исправлять на месте ошибки командования. Вы вместе с командованием отвечаете за то, что левый фланг фронта оказался из рук вон слабым. Если «вся обстановка показывала, что с утра противник будет наступать», а Вы не приняли всех мер к организации отпора, ограничившись пассивной критикой, то тем хуже для Вас. Значит, Вы еще не поняли, что Вы посланы на Крымфронт не в качестве Госконтроля, а как ответственный представитель Ставки.

Вы требуете, чтобы мы заменили Козлова кем-либо вроде Гинденбурга. Но Вы не можете не знать, что у нас нет в резерве гинденбургов. Дела у вас в Крыму несложные, и Вы могли бы сами справиться с ними. Если бы Вы использовали штурмовую авиацию не на побочные дела, а

против танков и живой силы противника, противник не прорвал бы фронта и танки не прошли бы. Не нужно быть Гинденбургом, чтобы понять эту простую вещь, сидя два месяца на Крымфронте».

Бедный Мехлис. Он, очевидно, просто не понимал, чего от него хочет Сталин. Всю жизнь он так и работал – «информировал» Сталина о непорядках. А тут не угодил!

Здесь интересно то, что Сталин стал если не понимать, то почувствовал, в чем здесь дело. В приказе по итогам крымской операции он уже использует идеи, которые показаны в этой книге в первой, теоретической, части: «Тт. Козлов и Мехлис считали, что главная их задача состояла в отдаче приказа и что изданием приказа заканчивается их обязанность по руководству войсками. Они не поняли того, что издание приказа является только началом работы и что главная задача состоит в обеспечении выполнения приказа, в доведении приказа до войск, в организации помощи войскам по выполнению приказа командования. Как показал разбор хода операции, командование фронта отдавало свои приказы без учета обстановки на фронте, не зная истинного положения войск.....В критические дни операции командование Крымского фронта и т. Мехлис, вместо личного общения с командующими армиями и вместо личного воздействия на ход операции, проводили время на многочасовых бесплодных заседаниях Военного совета.....Задача заключается в том, чтобы наш командный состав решительно покончил с порочными методами бюрократическо-бумажного руководства и управления войсками, не ограничивался отдачей приказов, а бывал почаще в войсках, в армиях, дивизиях и помогал своим подчиненным в деле выполнения приказов командования...»

Сталин начал это чувствовать во время войны, война – Дело – начала его учить. А немцы с этим войну начали, но стали обюрокрачиваться к ее концу, когда и Гитлер, в свою очередь, стал высылать в войска партийных и государственных чиновников в качестве контролеров. Но в 1941 году обюрокраченной Красной Армии противостояла делократическая армия фашистской Германии.

Вот как уже упоминавшийся нами немецкий генерал Мюллер-Гиллебранд, написавший книгу «Сухопутная армия Германии. 1933-1945», описывает в главе «Принципы управления войсками» то, с чего начата наша книга: «Основой действия командира остается принятое им решение, которое определяется боевой задачей и личными способностями данного командира. Задача формулируется в приказе. Чем выше по должности командир, получающий приказ, тем в течение большего времени приказ должен сохранять свою силу с момента его получения и тем большую свободу он должен предоставлять в выборе способа его выполнения, так как необходимо, чтобы принимаемые меры соответствовали изменяющейся обстановке. Речь идет, таким образом, о том, чтобы командир, отдающий приказ, заблаговременно и четко определил цель, которую он хочет достичь, и предоставил бы подчиненному возможно большую свободу действий при реализации этого решения. Не безвольное подчинение и следование букве приказа, в котором невозможно предусмотреть всех перипетий борьбы, а лишь инициативные действия командира, направленные на осуществление замысла вышестоящего начальника, в состоянии преодолеть громоздкость современной массовой армии и обеспечить использование ее с максимальной эффективностью.

Генерал-фельдмаршал граф Мольтке исходил именно из этого, отдавая свои классические лаконичные директивы армиям во время войн 1866 и 1870 годов. Но ему на собственном опыте пришлось убедиться, что практическое применение этого способа действий предполагает более основательную подготовку командиров всех степеней. Поэтому его дальнейшая многолетняя деятельность в мирное время и деятельность его преемников были посвящены этой подготовке, имевшей своей задачей:

а) добиться единого подхода к рассмотрению обстановки (оценка обстановки и принятие решения) всеми командирами,

б) избегать всякого сковывающего схематизма в вопросах управления войсками в бою,

в) развивать у всех командиров самостоятельность мышления и действий.

В итоге сочетание свободы в осуществлении боевых задач, предоставляемой командиру-исполнителю, и личной инициативы последнего стало особой отличительной чертой и фактором силы прусско-немецкой армии. Чрезмерное увлечение той или иной стороной, имевшее иногда место, не меняло существа дела. Чем с большей эффективностью обучался и воспитывался командный состав в этом направлении, тем с большей уверенностью, быстротой и гибкостью вой-

ска выполняли боевые задачи. Это позволяло командованию учитывать в своих расчетах смелость действий как дополнительный фактор и реализовать скрытые потенциальные возможности, которые таятся в любой обстановке, но которые редко удается своевременно распознать и использовать в своих целях. И наконец, тем большей была возможность поставить противника в зависимость от своей воли, другими словами, обеспечить за собой наряду с материальными факторами силы возможно больше других предпосылок для достижения успеха.

Принцип единоначалия в управлении войсками, не допускавший побочных путей отдачи приказов и приказаний, а также свобода принятия решений давали общевойсковому командиру возможность уверенно проводить свое решение в жизнь. В сухопутной армии в отличие от высших органов ОКБ этот принцип не ограниченной командой власти проводился, как и прежде, с достаточной последовательностью.

Из поколения в поколение (и, в частности, после 1918 года и после 1935-го уже в новой сухопутной армии) в процессе практической учебы систематически совершенствовались и внедрялись описанные принципы управления войсками в их гармоничном взаимодействии друг с другом. Эта работа принесла плоды в кампаниях 1939 и 1940 годов, а также в операциях 1941-го на Балканах и в Северной Африке. Она же явилась одной из предпосылок того, что сухопутная армия начала свой роковой поход против Советского Союза, имея недосягаемый для того времени уровень боевого мастерства, обладая большим опытом и уверенностью в своих силах. Ее руководство также с уверенностью начало войну, несмотря на то, что противник имел огромное численное превосходство».

Не в технике, не в вооружении, не в численности, не во внезапности нападения была сила немецкой армии, а в делократических принципах управления. И когда Советская Армия овладела этими принципами в достаточной мере, она начала ломать хребет вермахту. И довольно успешно.

Поскольку нынешние мудраки пытаются заплевать итоги войны, вспомним некоторые цифры.

В 1941 году Гитлер сосредоточил против Красной Армии 83 процента всех сухопутных войск, 86 процентов танковых и моторизованных дивизий, 80 процентов авиации. На всех остальных фронтах у него было всего... 9 дивизий.

В 1942-м против Красной Армии дралось 219 немецких и 70 дивизий их союзников.

Даже в 1944 году, когда англо-американские войска уже высадились в Европе, Гитлер считал избыточно-достаточным для них 85 дивизий, и это, несмотря на то, что общая численность войск Англии и США (без колоний) в то время составляла 14 875 тысяч человек. Но против Красной Армии в это время сражались 239,5 дивизии вермахта. Тем не менее наша армия освободила 11 европейских стран с населением 113 миллионов человек.

Потери немецкой армии на советском фронте составили 77 процентов личного состава, 75 процентов боевой техники.

Любая армия нужна для уничтожения врага, а не для сохранения личного состава, тем не менее малые потери – это мастерство командиров и солдат. Наивысшего мастерства Красная Армия достигла к концу войны.

Весной 1945 года американские войска захватили японский остров Окинава. Американцы, имея 452 тысячи солдат и 2427 самолетов, сражались против 88 тысяч японцев, обладающих 850 самолетами, три месяца, потеряв 12 тысяч убитыми, то есть примерно 14 своих солдат на 100 обезвреженных солдат противника, при соотношении в живой силе 5,1:1, авиации 2,8:1.

В том же 1945 году Красная Армия разгромила японскую Квантунскую численностью один миллион человек плюс 1150 танков, 5360 орудий и 1800 самолетов за 23 дня. На японцев наступала группировка советских войск в 1,5 миллиона человек, подкрепленная 5300 танками, 26 000 орудий и 5300 самолетами. Потери советских войск составили 32 тысячи человек, то есть примерно 3,2 солдата на 100 обезвреженных солдат противника, при соотношении в живой силе 1,5:1; орудиях 4,8:1; самолетах 2,9:1.

Как видите, можно понять Трумэна, когда он отдал часть оккупированной им Германии Советскому Союзу в обмен на начало боевых действий против Японии.

Подведя итог, скажем – период с 1918 по 1953 год характеризовался наличием умного, самостоятельно мыслящего руководителя страны, которого окружал трепещущий перед ним, но набирающий силу бюрократический аппарат. Сталин сам создал его, поскольку ни он, никто

другой не представлял себе управление страной без аппарата. Однако самостоятельность Сталина, плановость народного хозяйства, единство страны позволили ему добиться грандиозных успехов в военной, в политической и в экономической отраслях. Более того, он передал своим преемникам мощнейший задел для созидания мирной жизни.

УСЫХАНИЕ ГОЛОВЫ

Не скажешь, что после смерти Сталина бюрократический аппарат взял власть в свои руки. Но он перестал бояться руководителя, своих ошибок и канцелярских извращений. И не потому, что Хрущев или Брежнев были этакие всепрощающие христосики. Хрущев в чрезвычайных тройках крови пролил не дай Бог.

Просто следующие за Сталиным руководители перестали понимать смысл подписываемых ими решений, не обдумывали их, поручали готовить решения аппарату. И чем дальше, тем это становилось явственнее. Вплоть до Горбачева среди них не было предателей, никто не заискивал перед Западом, все искренне хотели улучшить дела в стране, но не хотели (или не умели) самостоятельно обдумать, как именно это сделать, и все поручали бюрократии. Страна начала метаться из стороны в сторону в зависимости от того, решения какого бюрократического клана внедрялись.

Сталин был экономист, и для него был очевиден закон укрупнения предприятий, экономический эффект от сведения их в отрасли. Хрущев был никем, руководителем вообще, то есть считал – если вопрос экономический, его надо поручить людям, считающимся экономистами, пусть подготовят решение.

Для Сталина было бы диким во имя какого-то «совершенствования» ликвидировать министерства и создать какие-то смешанные, многоотраслевые монстры – совнархозы. Он бы не нашел в этом никакого экономического смысла. А Хрущев и не искал. Сама суета по «совершенствованию» была для него смыслом. Заметим, в совнархозах, этих мини-государствах, их руководитель попадал в глубокую зависимость от своих бюрократов. Будучи специалистом в одной отрасли, ему приходилось брать под управление все отрасли огромных регионов и, следовательно, попадать под влияния клерков, готовивших его решения по этим отраслям.

Ликвидировали министерства, создали совнархозы. Поработали, поняли то, что и так было ясно, снова ликвидировали совнархозы, создали министерства. Бюрократическая работа по «совершенствованию» кипела, а страна от этого ничего, кроме убытков, не имела.

Вопрос о ликвидации машинно-тракторных станций, в которых была сосредоточена вся техника для обработки полей, и продажа ее колхозам, ставился и при Сталине. Но он был категорически против, и не потому, что ему шлея под хвост попала. Он объяснял свою позицию следующим образом.

Во-первых. Организовать эффективную работу техники, собранной в МТС, проще, чем разбросанной по колхозам. Проще обеспечить ремонт и снабжение. А раз проще – значит, дешевле. Кроме того, не все колхозы смогут купить весь комплект необходимой техники, их придется переводить в разряд дотируемых, что подорвет стимулы к экономной работе. И наконец, главное. Ведь принципом развития экономики, по Сталину, было планомерное снижение цен, а удорожание обработки полей, связанное с ликвидацией МТС, противоречило этому.

Следствием ликвидации МТС явилось то, что вместо уже ставшего привычным для советского народа термина «снижение цен» в обиход вошел термин «упорядочение цен», и первыми «упорядочились» мясомолочные продукты, в одночасье подорожавшие на 25-50 процентов.

Можно, конечно, умилиться энергии Хрущева в насаждении кукурузы, но скажем сразу, Сталин не стал бы этим заниматься вообще – не царское это дело. Зато он, лично написавший Конституцию страны, даже Гимн страны лично редактировавший, не доверил бы никому расчет сроков строительства материально-технической базы коммунизма. Более того, он вообще не стал бы так ставить вопрос, он обходился без дешевой рекламы, да еще и негодными средствами.

Ведь чтобы создать промышленность, способную выпустить товаров столько, сколько необходимо для обеспечения всех потребностей народа, надо оценить потребности. А потребность – субстанция, которая у человека не имеет предела. Есть мотоцикл – нужны «Жигули», купил «Жигули» -хочу «Волгу»... Без предварительного воспитания людей задача создания материально-технической базы коммунизма в принципе не решается. Практик Сталин за решение

таких задач браться бы не стал и языком шлепать про коммунизм в 1980-м тоже никому бы не позволил.

Лидеры, сменившие Хрущева, еще меньше утруждались личным вниканием в дела, аппарат властвовал вовсю. Задачи, которые ставило стране правительство, все больше и больше приобретали бюрократически-бумажный и рекламный характер, распыляя силы народа, не давая реальной отдачи.

Тем не менее люди у власти если и не понимали, то твердо помнили основополагающие государственные принципы – у экономики должен быть рост, страна должна быть надежно защищена от возможного нападения врагов и другие. Голова усыхала, но функционировала по инерции.

Так длилось до тех пор, пока ее не возглавило Политбюро во главе с Горбачевым – первым из эскадрона всадников без головы, без совести и чести.

ГЛАВА 5. ВЕЛИКАЯ АПРЕЛЬСКАЯ ДЕРЬМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ПРЕДПОСЫЛКИ РЕВОЛЮЦИИ

Первая предпосылка. Саморазмножаясь, бюрократический аппарат готовил себе кадры. Стремясь отчитаться о блестящей работе в области высшего образования, он бездумно создавал институты и университеты, в которых обучал себе смену. Высшее образование, как таковое, стало формальностью, пять лет отсидки в аудитории давали возможность не только уклониться от работы и службы в армии, подобрать мужа с «перспективой», но и получить бумажку, свидетельствующую о праве не работать руками.

Одновременно плодились кандидаты и доктора наук. Ширина полей на страницах диссертации стала важнее, чем содержание. Все знают, как делать диссертацию, все знают, что в конце надо написать: «При условии внедрения результатов работы в промышленности будет получен эффект 5 миллионов рублей», хотя абсолютно всем ясно, что во всей промышленности не найдется идиота, который бы взялся внедрять предлагаемую галиматью.

Такая же ситуация сложилась в индустрии развлечений. Аппарат расплодил писателей, поэтов, музыкантов, артистов и прочих, в массе своей тупых, бесталанных, «питаться искусством» которых зрители соглашались только по приказу ротного командира.

Объединяли этих людей непомерные амбиции, нежелание трудиться в производстве. Они дружно садились и сейчас садятся на шею народа, заполняя вакансии ненужных контор, театров, институтов, союзов и тому подобного.

По профилю нашего завода, например, готовили кадры несколько институтов, среди них и один московский. Интересно, что за 25-летнюю историю завода на нем никогда не работал не то что москвич, а просто выпускник московского вуза. И так везде, притом что в Москве ежегодно получали и получают «верхнее» образование десятки тысяч человек.

Еще круче дело в республиках. Ведь их вузы давали и дают преимущество своему «коренному» абитуриенту, кроме того, преимущества при поступлении давали «коренным» абитуриентам и союзные вузы.

Число людей, желающих найти теплое место за счет налогов на рабочих и крестьян, достигло такого количества, что просто обязано было перейти в качество.

Вторая предпосылка. Структура государственного аппарата СССР имела пакостные для аппаратного бюрократа свойства. Настоящие привилегии в нем имело очень мало людей. Например, если в промышленном министерстве 3000 человек, то дачу имел только министр (да и то не всегда); человек 10 имели право на машину, ездили за границу; еще человек 50 получали персональную пенсию. Все остальные получали зачастую мизерную зарплату. И главное, окончивший вуз, оставшийся в Москве и поступивший клерком в министерство чиновник никогда не получал желанных должностей. Чтобы стать министром или начальником главка, надо было выехать на работу в Сибирь, стать директором завода, да еще желательно отсталого, вывести его в передовые до своей пенсии, и только тогда, возможно, на тебя могли обратить внимание.

Таким образом у миллионов людей с амбициями перед глазами маячили люди с непомерными, по их мнению, но так желаемыми привилегиями, и ни шиша в кармане.

К концу 80-х в стране сложилось положение, когда верхи не желали жить по-новому, не желали отказаться от бюрократизма, от своего права всеобщей регламентации и, соответственно, от аппарата, а разросшаяся бюрократия, озверев от алчности и неудовлетворенных желаний, не желала жить по-старому. Сложилась классическая революционная ситуация.

Подожгли фитиль руководители страны во главе с Горбачевым. Еще никогда в СССР не было правительства, которое бы ставило перед народом такую бесполезную и абсолютно непонятную цель. Такая цель всегда присутствовала в многочисленных кампаниях до этого. Например, «Пятилетка качества», со всеми извращениями, тем не менее по полезности и по цели всем ясна. Продовольственная программа тоже. А после прихода к власти нового ЦК, даже в 1989 году, любознательные ученые все еще пытались, выявляя общественное мнение, узнать, что такое «перестройка», да и потом этот термин каждый толковал по-своему.

Команда «перестроиться», например, привычна для армии, но и там ее никто не выполнит без уточнения «как» – в колонну по четыре или в шеренгу по два. А тут всей стране скомандовали перестроиться «вообще». Естественно, такую команду ни один человек Дела исполнить не сможет – в ней нет Дела.

Но такая команда – манна небесная для бюрократа. Если раньше служба народу по приказу свыше не давала ему возможности расходовать все силы на карьеристскую борьбу, то теперь он от этой службы освободился и ринулся в бой за жирное место. Развалить могучую страну на княжества -это и есть перестройка, и пусть бросит в автора камень тот, кто докажет обратное. Если русского назвать не братом, а пьяной свиньей, грабящей бедного литовца, то чем это не «новое мышление»?

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПАРТИИ БЮРОКРАТИИ

Любая партия не способна ничего сделать без народных масс, она должна поставить перед собой цель, которая бы их прельстила. Трудности бюрократов в этом деле очевидны: сказать массам, что они собираются (содрав с населения налоги) удобно устроиться на народной шее, нельзя. Не поймут. Поэтому любое бюрократическое движение объявляет себя борцами за счастье народное – «демократами».

Кроме того, сколько жирных государственных кусков ни рвать, их все равно не хватит на всех желающих. Поэтому внутри революционного бюрократического движения не было единства не только союзного, но и внутри республик. Единственное, что сближало отдельные группы – желание уничтожить конкурента.

Рассматривать революционные партии бюрократии по лозунгам и официальным целям нельзя – впустую: Оценивать и объединять их можно только по способу воздействия на народные массы.

Первое объединение революционеров-бюрократов – нацисты. Это люди, которые рвутся к государственным кормушкам примитивным и очень действенным приемом. Сторонник нацистов претендует на блага без затрат собственного труда, а так – по праву рождения. Действительно, если льготы определить образованием – то надо учиться; если силой – надо тренироваться; если квалификацией – трудиться... А если льготы определить только латышам, то от них уже ничего не требуется – ни образования, ни тренировок, ни умения и желания работать.

Но даже не это страшно. Если на глазах толпы азербайджанцев из окна высотного дома выбрасывают армянина, то пусть толпа и не участвовала в этом, но ведь и не предотвратила! Армянский боевик, вооружаясь на разбой в азербайджанское село, делает это на глазах соплеменников. Они сами в разбое не участвуют, но и не препятствуют! Обыватели и зеваки понимают, что их неучастие преступно, но человек так устроен, что признаться в собственном преступлении ему трудно, и, когда оправдаться по человеческому закону нельзя, он оправдывается по закону звериному – чернит других, стараясь представить свою серость белым пятном на черном фоне. Соучастие в преступлении толкает обывателя в объятия нацистов, и еще вопрос – что больше сплотило немцев вокруг Гитлера: его идеи или неосуждение еврейских погромов и геноцида.

Примитивность нацистских способов определила и состав функционеров этой партии. Это, как правило, люди, не способные выдвинуть конструктивную идею. Как правило, это представители индустрии развлечений – поэты, писатели, артисты, музыканты и прочие. Выдвинуться в

своей области хотя бы на союзный уровень не хватает талантов, занять первые места у государственного корыта обычным путем не дает профессия. А лавры художника Шикльгрубера не дают покоя.

Второй группе партий революционеров-бюрократов трудно дать название. Их можно назвать макаронниками. Поскольку их лидеры греют руки у государственной казны столько, сколько публика разрешает вешать лапшу себе на уши. Потом они уходят в тень.

Можно назвать их и партией макакавки. То, что никто не знает, что это такое – неважно. Сами сторонники макакавки тоже не знают, что это. Главное – убедить обывателя в том, что если он будет иметь настоящую макакавку, то станет богатым и счастливым, ничего не делая. Нужно уверить обывателя, что именно этих людей требуется пустить к корыту, так как именно они имеют самую лучшую макакавку в мире.

Разъясним.

В те времена, еще в апреле 1990 года, в центральной печати появились перепечатки из газеты «Демократическая Россия» с сообщением, что Демократическая партия России обратилась в Верховный Совет СССР и, угрожая всеобщей забастовкой, потребовала ограбить КПСС, отставить правительство и «принять программу Горбачева – Ельцина по экономическому преобразованию страны». Вот эта программа Горбачева – Ельцина – это типичная макакавка.

Дело в том, что при разработке программы, которую предполагалось так назвать, амбиции необюрократии России оказались несовместимы с проблемами, стоящими перед правительством СССР. Роды программы Горбачева – Ельцина затянулись, и тогда ее разработчики пошли на аборт. Жертву аборта назвали программой Шаталина – Явлинского – тоже типичная макакавка. Парламент России в пику Верховному Совету СССР срочно благословил многостраничное дитя, что, впрочем, дитяти не помогло – оно тут же сдохло. Абортмеханики (от греха подальше) исчезли со сцены, не дожидаясь, пока зрители поснимают с ушей лапшу.

Показательно – когда парламентарии России скоропостижно принимали программу Шаталина – Явлинского, они если и не держали ее в руках, то, по крайней мере, твердо знали, что она где-то есть, а неодемократы из ДПР готовы были призвать обывателя к всеобщей забастовке во имя макакавки, которой и в природе-то не было.

Перестройка тоже может служить примером. Ведь если бы вместо нее объявили макакавку, ничего бы не изменилось. Точно так же Лигачев создал бы комиссию для анализа причин развала дел в московской парторганизации, а прораб макакавки Ельцин написал бы письмо Горбачеву с требованием распустить эту комиссию под угрозой публично обвинить его в плохом служении макакавке. И был бы пленум, и была бы конференция, где прораб макакавки доказал бы обывателю, что нет лучше борца за макакавку, чем он, а Лигачев бы его упрекал: «Борис, ты не прав!»

Такой же макакавкой, но в экономике, являются «рыночные отношения», а до них спасение видели в макакавке «кооперация», а еще раньше - в макакавке «оптовая торговля»...

Успех макакавки объясняется свойством бюрократа не думать и понимать, а убеждать себя верить. Вера дает ему возможность безбедно существовать на любых постах, не неся ответственности за свои действия. Представим, начальник дает бюрократу приказ, губительный для народа. Здесь есть три варианта. Первый – доказать начальнику вредность приказа либо отказаться от исполнения. Но тогда можно лишиться своего места, которое бюрократ любит больше всего. Поэтому этот вариант ему не подходит.

Можно, понимая, что ты вредишь народу, исполнить приказ. Но тоща ты преступник и тебе нет оправдания даже в собственных глазах. А можно исполнить приказ, веря, что начальник непогрешим. Что взять с человека не думающего, а верящего? Он и место сохраняет, и одновременно душевное спокойствие и может уверенно пучить глазки, удивляясь, что его обвиняют в нанесении ущерба стране: «Как?! Ведь я верил начальнику!»

Вера дает бюрократу возможность иметь большой кусок народного масла на свой кусок хлеба и при этом не иметь головной боли. Поэтому любая макакавка из рук начальника для бюрократа свята.

Функционерами конгресса партий макакавки всегда являются авторитеты либо официально признанные (ученые со званием), либо раздутые мудраками прессы. Причем лидерам этим в среде бюрократов полное интеллектуальное раздолье. Можно призывать к любой глупости и идиотизму – члены партии макакавки с благоговением будут повторять заклинания.

ВОЖДИ РЕВОЛЮЦИИ

С вождями у бюрократии трудноразрешимые проблемы. Бюрократа без начальника (бюро) не бывает. Если у человека нет такого бюро, то он бюрократом физически стать не может. Он будет подчиняться Делу, которому служит, он будет делократом.

Вождь, начальник нужен бюрократу, чтобы сложить на него ответственность за свои часто преступные дела.

Как тяжело было бы Хрущеву без своего предшественника. По советским законам команду «убить человека» может дать только суд. Суду приказать никто ничего не может. Хрущев по должности десятки лет был членом «чрезвычайной тройки», на его руках кровь тысячи невинных. Не будь Сталина, о чем бы читал доклад Хрущев на XX съезде? А так все просто – Сталин все знал, Сталин нам приказал, а мы – невинные овечки – ему свято верили! Кто захотел – тот поверил. Более того, Хрущев даже героем стал – не побоялся, дескать, обвинить в убийствах Сталина. Покойного. Когда начальник безвреден, храбрость бюрократов обычно достигает героических высот.

Вот и возникает проблема – с одной стороны, вождь нужен, но желательно карманный. Такой, чтобы служил бюрократам и принял бы на себя вину за их глупость и преступления. (Вождь, который служит народу, хотя и не обходится без аппарата, но для бюрократа слишком страшен.) С другой стороны, среди своего брата-бюрократа мало кто на такую должность соблазнится. Кого обрадует должность замордованного до инфаркта макакавками советского премьера?

Даже если бюрократ и попадает на должность лидера или близкую к ней, то он старается уйти с нее задолго до того, как придет время отвечать.

Шеварднадзе ушел с поста министра иностранных дел СССР, по его словам, в знак протеста против диктатуры.

Но для порядочного человека бороться с диктатурой, которая несет вред народу, – обязанность. И с точки зрения эффективности этой борьбы нет лучше места, чем место министра. Ну представьте, что генералы любой страны вдруг бы заявили, что по их разведданным на страну скоро нападет враг и поэтому они все срочно уходят в отставку. В знак протеста! Можно понять их и Шеварднадзе? Наверное, нет.

Ну, а если вспомнить, что задача министра иностранных дел – снятие дипломатическими путями угрозы для страны, для чего надо ослабить враждебные блоки и укрепить себя союзниками; обеспечить уважение и доверие к своей стране... И достиг ли этого Шеварднадзе?

США танками и авиацией давили негритянские выступления, выхватили из суверенной Панамы президента, уничтожив сотни его сторонников – никто ничего. А СССР восстанавливал действие своей Конституции в Литве, и сразу Общий рынок стал грозить отказом в кредитах, обращаясь с нами, как с простой банановой республикой. А почему нет?

И ведь это были только цветочки! Так нужно ли удивляться, что Эдуард Амвросиевич скоропостижно оставил ягодки собирать другим?

Для бюрократа идеальное положение – это оппозиция. Один сажает и выращивает картошку, другой из-за забора кричит: «Дурак, да кто так сажает? Поливать надо не так! и т.д.». Картошка выросла плохая: «Я говорил, что он дурак и сажает неправильно!» Выросла хорошая: «А если бы меня слушал, была бы еще лучше!» Беспроигрышное положение. Ведь недаром лидеры «Солидарности» говорили, что самое большое поражение «Солидарности» – это ее победа на выборах. Вечная оппозиция – голубая мечта бюрократа.

Лидер московских депутатов, а потом «мэр моржовый» Г. Попов в своей работе «Перспективы и реалии» учил: «При демократическом варианте парламенты страны и республик, не отвечающие за выбор президента, свободны в контроле за ним, они – его реальные оппоненты. При аппаратном варианте, когда парламент выбирает президента, этот парламент начинает отвечать за свой выбор и склонен стать не оппонентом президента, а продолжением президентской власти».

Президент – глава исполнительной власти, он исполняет волю парламента, который обязан быть над ним и отвечать за него. Однако, как видим, бюрократу надо обязательно быть в стороне. Но на виду.

Самые лучшие должности для бюрократа – это учить других работать и контролировать,

как работают другие. К этим должностям никак не пристегнешь ответственность за результат работы – она ляжет на того, кто работал. И с этой точки зрения идеальная должность – депутат. Твори что угодно, хоть всю страну заставь голодать или кровью залей, а через 5 лет вернешься на ту же должность и тот же оклад, да при дерьмократах еще и наворуешь. Только и всего. Законодательно освященная безответственность! Поэтому настоящих вождей, которые бы не прятались за чьи-то спины, у бюрократов долго не было. У них было много макакавок для народа, и у каждой макакавки были лидеры. Но повезло и им: в конце концов нашелся Ельцин.

СТРАТЕГИЯ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ И ЦЕЛИ РЕВОЛЮЦИИ БЮРОКРАТОВ

Обычно, когда употребляется слово «стратегия», на ум приходят штабы, политбюро и тому подобные органы, разрабатывающие эту стратегию. Ничего подобного у бюрократии не было.

Когда крестьяне поднимали бунт, то где бы они ни жили, их стратегия была одинакова – избавиться от гнета помещика. Стратегию определяла цель – жить лучше материально, а гнет помещиков не давал ее достичь. В этом случае штабы для выработки стратегии не были нужны.

Не нужны они были по той же причине и бюрократии. Ее цель – иметь высокодоходное место на шее у народа – определяет и ее стратегию: расплодить таких мест как можно больше и направить на их содержание как можно больше денег, отобранных государством у рабочих и крестьян.

Поэтому, как бы ни были на первый взгляд разобщены различные группы бюрократии, скажем, нацисты и макакавочники, стратегия у них была одинакова, а это определяло их единство и совпадение массы тактических приемов.

Могут сказать, что стратегической целью любой революционной партии должен быть захват власти. Это верно для других партий, но требует пояснений для партии бюрократов. Официальная власть в стране – это ответственность, а видовой признак бюрократа – уклонение от ответственности. Ему нужно то, что сопутствует власти – возможность получать большие деньги и льготы, взятки, возможность красоваться на газетных полосах и экранах телевизоров, но так, чтобы ответственность за реальную жизнь и безопасность народа не нести. За это должен отвечать кто-то другой.

Фактическая власть почти полностью уже находилась в руках бюрократов, и, чтобы убедиться в этом, нужно понять, как осуществлялось руководство страной в последнее десятилетие.

Лидеры страны или группа людей, действующих совместно, как один лидер, считали своей обязанностью все больше и больше вмешиваться во все аспекты жизни страны и везде дать свое ценное указание. Но для этого нужно было знать, что происходит в стране. Сведения об этом лидерам поставлял аппарат (чиновники, ученые, пресса), которые так их препарировали, что у лидеров создавалось нужное аппарату мнение. Затем лидерам нужно было решение. Его тоже готовил аппарат (чиновники, ученые), и тоже в нужном себе ракурсе.

Лидеры, считая, что исполняют свой долг, на самом деле становились марионетками в руках бюрократии, которая сама создавала проблемы, для их решения набирала чиновников и ученых, те создавали новые вопросы и новые проблемы, для решения которых снова набирали бюрократов... Все было хорошо, одно только плохо. Даже будучи марионетками в руках бюрократии, лидеры страны все-таки были ни от кого не зависимы. А независимый лидер народа лучше ли, хуже ли, но служит народу.

На этом, кстати, основана ностальгия по монарху. Он представляет для бюрократии большие неудобства, так как, защищая права народа, ущемляет ее желания.

Например. Долгие годы средний рабочий получал от государства больше, чем средний бюрократ, и это не могло не возбуждать озлобленности. «Как, – возмущался бюрократ, – я пять лет учился в институте, а получаю меньше Ваньки?» При этом, разумеется, тот факт, что Ванька деньги делает, а бюрократ их только прожирает, во внимание не принимался.

Поэтому стратегической целью и окончательной точкой революции бюрократов была не власть как таковая, а замена не зависимого ни от кого лидера (каким было Политбюро ЦК КПСС) на полностью зависимое от себя руководство.

Поскольку в стране наметился и полным ходом пошел возврат к допотопному капитализму, лидерам бюрократии приписывают капиталистический статус, а тех из них, кто перебежал из

КПСС, называют ренегатами, то есть по-русски – предателями. Это неправильно.

Окраска бюрократии не имеет никаких других оттенков, кроме желтого. Бюрократия существует и при капитализме, существовала и при рабовладельческом строе. Она вся вне строя. Правда, при социализме для нее особенно хорошие условия.

Она, разумеется, развалит социализм, но не потому, что понимает и убеждена в его неэффективности: сейчас ей удобно верить в это – это для нее просто очередная макакавка. Капиталистам не стоит сильно радоваться: будет другая макакавка – и бюрократия национализирует всю собственность.

Поэтому те, кто перебежал из КПСС в другие группировки, – не ренегаты, они своей главной жизненной цели не изменяли. Они и в коммунисты записались, чтобы урвать из государственной казны кусок побольше, и выписались потому, что вне КПСС появилась возможность в эту казну запустить руку поглубже.

ТАКТИКА БОРЬБЫ В ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Тактикой предреволюционной борьбы бюрократии являлись, разумеется, любые действия, ведущие к достижению стратегических целей – увеличению бюрократических мест в государстве и наращиванию их доходности.

В этот период были и особенности – началась борьба с КПСС, которая стала приемом, дающим целый комплекс очевидных преимуществ.

Во-первых. КПСС определяла людей в бюрократический аппарат страны, и хотя на первом месте тут стояла политическая благонадежность, но и деловые качества были не на последнем месте. Устранение КПСС давало место тем миллионам, кто не имел ни первого, ни второго.

Во-вторых. КПСС, обюрокраченная снизу доверху, тем не менее сохраняла функции защиты рабочего класса и трудового колхозного крестьянства, не давая преимуществ другим прослойкам. И здесь устранение ее давало существенные выгоды бюрократии.

В-третьих. Придя к власти, КПСС вместо руководства идейной направленностью общества начала руководить государством и расплодила огромный и уникальный по тупости аппарат. Это ведь он превращал неглупые идеи в абсурд. Он заставлял сеять кукурузу в тундре, пахать целину до пыльных бурь; а чего стоит его борьба с пьянством? Этот аппарат – идеальная мишень для того, чтобы с помощью его критики завоевать популярность и пролезть к власти на выборах.

Кроме того, Политбюро никому не подчинялось и, следовательно, так или иначе служило всему народу. Устранение его от власти позволяло бюрократии получить полностью зависящего от себя руководителя.

И, наконец, для революционера-бюрократа КПСС была базой контрреволюции, и потому в ней подлежал уничтожению не ее аппарат (который можно заменить или усовершенствовать), а вся она полностью. В своей борьбе с КПСС были абсолютно едины и нацисты и макакавочники.

Второй тактический прием, характерный, кстати, только для бюрократии – отсосать из пальца проблему и нанять бюрократов якобы для ее решения. Тут и национальные языки или такая благостная для бюрократов мыслишка: мы бедны не потому, что мало производим, а потому, что плохо распределяем. Миллионы и миллионы бюрократов кормились и кормятся этой паршивой макакавкой.

Началось с простого. До перестройки правительство строго следило, чтобы количество выдаваемых на зарплаты и пенсии денег соответствовало стоимости товаров и услуг для населения. Скажем, строился новый завод, который выпускал телевизоры с прибылью в 100 миллионов рублей в год. Соответственно зарплата, допустим, учителям поднималась правительством на 100 миллионов рублей. Но поскольку так не бывает, чтобы у нас в карманах или на книжках не было денег, то и товары до перестройки лежали в магазинах.

С ее началом наукообразные мудраки подбросили руководству страны макакавку: дескать, у нас в экономике потому все плохо, что распределяет все Госплан, а надо чтобы производители распределяли сами. Это называется оптовая торговля. Но ведь СССР – плановое государство, у него нет резервов мощностей «на всякий случай», как на Западе. Следовательно, производитель мог пустить в свободную продажу только то, что обязан поставить плановому потребителю. И этот плановый потребитель без данного товара останавливался, работники его теряли работу, а он сам – деньги.

Возьмем конкретный пример (цифры условны). Леспромхоз поставляет фабрике 100 кубометров леса по 40 рублей за куб, а та делает из него 1000 табуреток. С отменой части госзаказа он получил возможность поставлять уже на 100, а скажем, 90 кубометров. А 10 кубометров смогли купить кооператив, ассоциация, коммерческий центр, или Бог знает какая контора, которые моментально на идее «распределения» расплодились и наполнились ранее малооплачиваемыми бюрократами. Купил этот кооператив лес уже не за 40, а за 50 рублей, но продал все той же фабрике, только уже по 100 рублей за куб. А что ей остается делать? Не увольнять же рабочих. Далее фабрика, чтобы покрыть убыток, обязана связаться с такими же махинаторами, прошу прощения – кооператорами и так далее, и так далее. При этом и леспромхоз, и фабрика могут даже несколько увеличить зарплату. Но главные деньги оседают в карманах этой торговой бюрократии. Она кидается в магазины и раскупает товары, которые в идее своей предназначались тем, кто их производит, а не тем, кто на производстве паразитирует. А ведь количество товаров ни на штуку не изменилось: как было 1000 табуреток, так и осталось. Могут сказать, что коммерсанты оказали фабрике услугу – поставили ей так необходимые 10 кубов леса! Да, но раньше Госплан делал это бесплатно, а не за 60 рублей куб, да и бюрократов там было меньше, чем сейчас во всех этих коммерческих конторах.

А представьте, что тот же леспромхоз поставляет древесину на экспорт, где она стоит 100 долларов за куб. Предположим, он продавал через государственную внешнеторговую организацию 1000 кубометров. На эти деньги чиновники покупали 500 видеомагнитофонов и продавали их в магазинах за 1 500 000 рублей. Как говорилось выше, на эту сумму кому-нибудь в стране поднималась зарплата.

А теперь организуется, например, кооператив программистов во главе с Тарасовым с правом торговли за рубежом и комплектуется более находчивой бюрократией. Та берет в банке 50 000 рублей, идет к директору леспромхоза и говорит: «Зачем тебе этот экспорт! Продай мне эту тысячу кубов, а я леспромхозу продам 100 компьютеров, всего по 100 000 рублей за штуку. А тебе лично за труды по отдельному трудовому соглашению 1000 рублей». Экспорт директору ничего не дает, кроме головной боли, а тут 100 компьютеров, да еще кое-чего! Он продает лес программистам-коммерсантам. Они идут в ту же государственную организацию, которая торговала тем же лесом за рубежом, и говорят ее директору. «У нас есть лес, продай его за границу, а мы тебе – 1000 рублей по трудовому соглашению». А у того, во-первых, план, а, во-вторых и ему 1000 рублей нелишние. Тогда коммерсанты идут к тому внешторговцу, который покупает за рубежом компьютеры: «Купи нам 100 компьютеров за наши доллары, а мы тебе – 1000 рублей по отдельному соглашению». Он покупает. И наши программисты-коммерсанты продают их в леспромхоз и кладут в карман 10 000 000 рублей, что было очень большими деньгами в 88-89-м годах.

Но смотрите: те люди, которым раньше выплачивалось 1 500 000 рублей зарплаты, получали ее по-прежнему, но видеомагнитофоны-то не закуплены! Более того – в этих магазинах появились ушлые кооператоры с 10 000 000 рублей в кармане. Государство было ограблено на 11 500 000 рублей, но абсолютно законно. По законам, созданным уже тогда бюрократией для себя.

Рабочий и крестьянин идут в магазин, а там уже побывали кооператоры, и, естественно, там ничего нет. А им со всех сторон вещают мудраки: «Проклятый социализм, развалили страну – в магазинах ничего нет, надо нам переходить на рыночную экономику, чтобы было у нас, как в Польше!»

Не теряли времени и нацисты. Объявив, что народ ни о чем так не мечтает, как разговаривать исключительно на языке предков, а не на том, на котором его понимают, они стали плодить места переводчиков, учителей,, энергично выталкивать со своих мест союзную бюрократию.

Но ведь это были мелочи и для макакавочников, и для нацистов, так как в СССР действовала Советская власть, народ был приучен к мысли, что его государство даже в забюрокраченном виде есть государство трудящихся, что оно должно и обязано защищать именно его – трудящегося – интересы. Государство было главным препятствием для бюрократов, и участь его была предрешена. В ходе революции оно первым пало под ударом революционных бюрократов.

ТАКТИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Революционная часть бюрократии всегда находится между высшей властью и населением,

платящим налоги, то есть или в аппарате, или связана с ним. Смысл революции – заставить высшую власть служить не народу, а бюрократии исполнительной власти. Для этого высшая власть обязана давать законы и заставлять ими население действовать не в интересах народа, а в интересах этой части государственного аппарата.

Достичь этого чрезвычайно просто, тут не требуется с криками «Ура!» бежать на штурм Зимнего, а есть два простых способа.

Первый – прямой. Любой приказ высшей власти – закон – содержит задачу по защите народа, которую обязан выполнять каждый гражданин, и (как правило) перечень того, чего ему делать нельзя. Возьмем, например, Уголовный кодекс. Задача – общественная безопасность. Запрещено: убивать, воровать, предавать и т.д.

При первом способе высшая власть дает закон, который нужен только бюрократии, заставляет население служить не народу, а ей. Приметы такого закона – отсутствие полезной народу задачи. Либо ее вообще невозможно сформулировать, либо если ее и дать в законе, то статьи закона и его задача будут резко не соответствовать друг другу. Примерами могут служить законы «О предпринимательстве в РСФСР» или «О налогах с предприятий» СССР.

Второй способ – косвенный. В нем полезная народу задача может быть, но текст закона должен быть написан таким тупым канцелярским языком и до того заумно, чтобы нормальный гражданин не смог в нем разобраться, то есть не понимал, чего от него хочет высшая власть, и шел бы за разъяснениями к власти исполнительной. А уж та ему объяснит! Объяснит так, как надо бюрократии.

Все это для бюрократии идеальный случай. Если высшая власть дает такие законы, то бюрократ как сыр в масле катается – и жить ему хорошо, и вина за беззащитный народ лежит на высшей власти.

Но никакой более-менее умный человек осознанно на роль высшей власти в таких условиях не пойдет, не захочет стать отвечающей за все марионеткой в руках бюрократии. Поэтому высшая власть не должна осознавать, что она действительно творит, и, кроме того, не должна бояться ответственности за свои дела.

Такой идеальной высшей властью стал Верховный Совет СССР и Съезд народных депутатов, созванный впервые в апреле 1989 года. Поэтому апрель 1989 года и следует считать датой Великой Апрельской бюрократической революции. Бюрократия могла взять власть с официальной целью «Коммунизм» или «Модернизация», но выбрала, как уже писалось, цели самые дерьмовые. Поэтому будет правильно сказать: «Великая Апрельская дерьмократическая революция».

И дело даже не в том, что Съезд в подавляющем большинстве был укомплектован крикливыми штатными бюрократами, привыкшими кормиться за счет налогов. Дело в том, что человек тщательно обдумывает свои поступки и действует осознанно, когда боится, что наступит ответственность за его действия. А депутаты ни вместе, ни отдельно ни за что не отвечали. У них стимула действовать осознанно нет.

Могут сказать, что у нас и раньше депутаты ни за что не отвечали. Да, это правильно. Но раньше им и не доверяли руководить страной. Руководило Политбюро ЦК КПСС. А в апреле 89-го Политбюро руководство страной им добровольно передало.

С первых минут Съезда стало ясно, что он народу СССР служить не собирается. Один за одним на трибуну поднимались депутаты, доказывая друг другу, что у них разные интересы. Один утверждал, что в его интересах закрыть полигон в Семипалатинске, другой – перекрыть нефтепровод, третьему надо было во что бы то ни стало остановить электростанцию.

Но народ СССР един, у него был один интерес, и у его депутатов должен был бы быть тот же один интерес. Пути достижения его могли быть равными, но интерес-то один! И если у депутатов были разные интересы, то это уже был не Съезд народных депутатов СССР, а симпозиум алчных местных хозяйчиков, временно претендующих на звание народных радетелей.

Страна лишилась верховной власти, через которую осуществлялась власть народа СССР в стране. С демократическим государством было покончено. Интересы народа стало некому защищать. Наступила эра дерьмократии.

С этих пор Верховный Совет стал принимать только те законы, которые нужны бюрократии, или в такой форме, которая ей необходима. Наступил период бюрократического строительства, а вскоре окрепшая бюрократия разогнала этих «народных» депутатов СССР, как стадо тупых, трусливых баранов. Разогнала за ненадобностью.

ТАКТИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БЮРОКРАТИИ В ПЕРИОД РАЗВЕРНУТОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ДЕРЬМОКРАТИЗМА

Первый тактический прием прямо следует из стратегического замысла – наплодить как можно больше мест для бюрократии. Этот прием – развал единой страны с одним аппаратом и создание множества государств с множеством аппаратов.

Эта цель была единой и для нацистов, и для макакавочников уездного масштаба. Скажем, Ландсбергис был литовец и уверял всех, что за 2 миллиона литовцев голову сложит. Ельцин был русский и тоже уверял русских о своей преданности им. И многим еще тогда было непонятно, как Ельцин мог бросить без защиты 60 миллионов русских, живущих вне России, и броситься на помощь Ландсбергису, когда русские в Литве выразили возмущение литовскими законами. Ни Ландсбергису, ни Ельцину защищать свои народы и в голову не приходило, главным для них было защитить свои места и места преданной себе бюрократии. Угроза бюрократам Ландсбергиса – это автоматическая угроза бюрократам Ельцина. В этой революции девиз «Бюрократы всех стран – соединяйтесь» действовал без сбоев, когда речь шла о борьбе с Советским государством и общесоюзной бюрократией.

Второй тактический прием – уничтожение сил, объединяющих страну. Формально их оставалось на тот момент две: КПСС и государственный аппарат СССР. Верховный Совет, как мы уже говорили – это был идеальный начальник, который больше не защищал народ и разрешал бюрократам все. Поэтому так неистово шельмовался глава исполнительной власти Рыжков, хотя он покорно исполнял все, что указывала бюрократия. Поэтому так неистово шельмовались коммунисты, хотя всем известно, что каждый из них поклялся не жалея сил служить народу. Ну какой же хозяин (а бюрократы утверждали, что они демократы, то есть люди, которые сделают народ хозяином страны) – какой же хозяин станет шельмовать наиболее преданных себе работников? В аппарате страны были чиновники, готовые за народ сложить головы – это офицеры. Вспомните, как неистово шельмовалась армия СССР!

Третий прием, который также определялся стратегией – собрать для себя, в свое распоряжение как можно больше денег. Этим достигалось две цели: собственный прокорм и обозначение собственной полезности. Ведь у подавляющего числа бюрократов работа заключается в воздействии на распределение денег, собранных у населения. Тут есть два способа.

Первый – налоги, причем они должны быть как можно многочисленнее и запутаннее. В этом случае для их сбора и для толкования налоговой системы нужна уйма чиновников и ученых. Второй – ограничение потребления, ограничение доходов работников промышленности и сельского хозяйства.

В осуществление первого способа бюрократы провернули через Верховный Совет законы о налогах и сопутствующие им постановления Совмина.

Достаточно сказать, что уже в 1991 году налоги от балансовой прибыли предприятий (без налога с оборота) в среднем достигли 65,5 процента.

Второй путь – заставить рабочих и крестьян снова заплатить за то, что им и так принадлежит – за землю и заводы. Для этого бюрократия стала интенсивно убеждать, что все, что в стране создано руками рабочих и крестьян, принадлежит государству, подразумевая под государством себя саму. А раз так, то бюрократия имеет право свою собственность продать тому же народу или людям с деньгами.

Вот такими, в общем, не очень хитрыми приемами бюрократия страны начала энергично строить свое общество.

КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЕ СИЛЫ

Силы бюрократической революции – это стихийная масса людей, желающих как можно удобнее расположиться на шее у народа, фактически ограбить его. Их стратегия и тактика инстинктивны, их истинные цели не могут быть обнародованы, их сторонники в народе – просто обманутые. Эти силы не имеют ни общественно полезных идей, ни несущего их центра. Это вошь на тифозном теле, старательно доказывающая, что тело без вшей существовать не может.

Силы контрреволюции – это те, кого обычно называют народом: работники промышленно-

сти, сельского хозяйства и те, кто народ действительно защищает – практикующие врачи и учителя; военнослужащие армии и милиции; несущие ответственность за конечный результат государственные чиновники. Последнее может вызвать удивление: чиновники, общепризнанные бюрократы, вдруг занесены в число контрреволюционных сил? Но речь идет только о несущих ответственность (наказание) чиновниках, а не об аппарате. Скажем, если цех или завод не дает продукции, то, как бы красиво ни отчитывались начальник цеха или директор, их все равно накажут – снимут с должности. Аппарат же цеха и завода будет спокойно существовать дальше.

Сейчас эти силы также стихийны. У них нет не только идей, но даже нет такой инстинктивной стратегии и тактики, которая есть у бюрократов. У большинства народа нет даже чувства, что его грабят. К тому же мудраки в органах формирования общественного мнения в интересах революционных бюрократических сил искусно сеют в народе семена алчности, разжигая его индивидуализм, злобу и зависть людей друг к другу, к чиновникам, действительно защищающим народ, всячески делая бюрократию героями

дня.

Возглавить контрреволюцию против бюрократии обязана была бы КПСС – это ее святая обязанность как партии народа. Но КПСС была парализована, а затем убита. Ее бюрократический аппарат, за многие годы намертво усвоивший только привычку услуживать начальству, оказался не способным самостоятельно думать и служить народу. Сами до мозга костей бюрократы, члены аппарата КПСС инстинктивно душили антибюрократические движения в партии еще до того, как на эти силы набрасывались нацисты или макакавочники.

Характерен пример с рядовым ленинградским коммунистом Н. Андреевой, травлю которой начал не кто иной, как орган ЦК КПСС «Правда».

Нахождение огромного, уцепившегося за свои места бюрократического аппарата на том месте, где должны находиться органы управления партией, разъединил ее, не дал ей возглавить народ в борьбе с бюрократией страны. Сам же аппарат, не веря, что он устоит перед нацистской и макакавочной бюрократией, срочно стал готовить себе места, создавая различные коммерческие организации на деньги партии и тех предприятий, где он еще имел влияние. Либо члены его перебегали во вновь создаваемые дерьмократией аппараты, нахально объясняя свое предательство необходимостью опять «служить народу», а то и, по обычаю макакавочников, чем-нибудь заумным, типа: «Хотя склонность русского народа... к эсхатологическому мышлению, вере в хилиазм заставляет меня задуматься: а может быть, и будет коммунизм через тысячу лет... Может быть, к этому времени кто-то решит проблему теодицеи». И задумавшись, академик Шаталин, выдавший это изречение (в глубокой уверенности, что умственная теодицея читающих его опус уже перешла границы старческого хилиазма), все-таки приходит к выводу, что «демократический социализм» есть «трюизм». А это ведь был очень высокооплачиваемый экономический идеолог партии. Так чего же было ждать народу от партии, у которой аппарат укомплектовывался такими идеологами, как Шаталин, и такими «преданными борцами», как Ельцин?

Есть еще одна сила контрреволюции, которая, безусловно, была готова стать на защиту народа и тоже была предана – это армия. Люди в армии ценою своей жизни готовы были исполнить свой долг перед народом. И Афганистан, кстати, показал, что нынешнее поколение офицеров мало в чем уступало офицерам 1941-1945 гг. Но армия была предана своими маршалами и генералами.

ГЛАВА 6. НЕУМЕН, РЕШИТЕЛЕН, ЗЛОБЕН

ФЕНОМЕН

Предыдущая глава, которая несколько сокращена и исправлена, была написана как статья еще в конце 1990 года. Тогда сделанные в ней выводы об уничтожении КПСС и СССР казались дикими редакциям всех изданий. Ведь то было время, когда пьяный Ельцин в США перед телекамерами трогательно прижимал к груди партийный билет, КПСС проводила с обычной помпой свой двадцать девятый съезд, народ СССР однозначно высказался на референдуме за единую страну.

А автор ни с того ни с сего каркал, что и СССР и КПСС пришел конец, что революция бю-

рократов уже свершилась. В конце концов статья была напечатана только в 12-м номере «Молодой гвардии» за 1991 год, когда все ее предсказания подтвердились. Тут нет ничего странного, так как предсказания эти основаны на законах поведения людей, но объяснить это редакторам автор в то время не смог.

А макакавки шли и шли... Макакавку «свободные цены» меняла макакавка «противостояние властей», ее сменила макакавка «конституция».

Правда, читатели могут упрекнуть автора: он утверждал, что у бюрократии есть проблема – отсутствие вождей, а жизнь выявила явного и очевидного ее вождя – Б.Н. Ельцина.

Да, автор ошибался, считая, что ни один нормальный человек, то есть с нормальными умственными способностями, не согласится на такую должность. Но Ельцин – феномен: это не перепуганная и тупая бюрократия типа Горбачева с Политбюро, а очень интересная личность; это, по меньшей мере, мужик.

Попробуем рассмотреть его подробнее, оценить его умственные возможности, характер, отношение к людям, приемы политической борьбы, работоспособность. Тут нам помогает сам Ельцин, уже успевший надиктовать мемуары «Исповедь на заданную тему». Они, конечно, лживы, как и любая агитка, но когда человек врет очень много, то волей или неволей выдает факты, которые можно сопоставить между собой и самостоятельно прийти к более-менее надежным выводам.

ИНТЕЛЛЕКТ ВОЖДЯ

Вообще-то сочетание слов «интеллект» и «Ельцин» вызовет улыбку и у самых ревностных сторонников Б.Н., даже таких, как поп Якунин. «Вот уж чего не надо – того не надо», – скажут они. Это самое главное, что не требуется бюрократии от своего вождя. Вождь не должен соображать, что он делает, не должен самостоятельно предсказывать события.

Мало-мальски умному человеку было абсолютно ясно, что «освобождение цен», уход государства от их контроля при одновременном открытии границ для западного покупателя (то есть создание условий, когда на базаре всего один продавец и много покупателей) вызовет стремительный, обвальный рост цен на сырье, а вслед за ним и на все остальное. Ни один нормальный человек в преддверии этого не пообещал бы избирателям, что он ляжет на рельсы, если цены поднимутся. Но Ельцину объяснили, что все в порядке, что так можно говорить и обещать – он и обещал.

Характерным для Ельцина, и это понятно, является чтение с бумажки любых выступлений, даже самых простых, отказ от любых прямых разговоров с политическими противниками. Практически каждое его самостоятельное выступление поправляется или впоследствии дезавуируется окружающей его бюрократией. Дело доходит до того, что его смело правят и просто редакторы. Автору запомнился случай, когда Ельцин вдруг сам начал говорить на собрании промышленников и призвал к расправе над оппозицией, тогда немногочисленной, в Верховном Совете России. Это выступление, сразу же переданное по радио, уже было отредактировано, а впоследствии была объявлена ставшая обычной для Ельцина формула: дескать, он был больной и наглотался таблеток.

Впечатление такое, что в области общественной жизни и политики он не только ничего не понимает, но и не помнит. Не только законов страны, но и самых последних государственных идей. Скажем, в Германии он клялся в любви к немцам, читая это по бумажке, а спустя пару недель в Саратове, когда за ним не уследили и он получил возможность выступить самостоятельно, не моргнув глазом, сообщил, что переселит немцев на артиллерийский полигон.

Интересно, что после государственного переворота в августе 1991 года, когда у бюрократии было по горло дел, Ельцина просто услали на отдых -чтобы не мешал.

Оппозиция издевается, что все указы Ельцина делятся на три типа: 1) антиконституционные; 2) «меня не так поняли»; 3) «меня опять подставили».

Умственные способности Ельцина или, точнее, наличие их отсутствия, казалось бы, не вызывают сомнения.

Но если мы откроем мемуары Ельцина, то удивимся большому количеству его интеллектуальных побед, особенно в детстве и юности. Мемуары пестрят сообщениями: «с учебой всегда было все в порядке – одни пятерки»; «в аттестате одни пятерки»; совершенно не учился в деся-

том классе и вдруг – «правда, всех пятерок мне не удалось получить, по двум предметам поставили четверки»; без подготовки при поступлении в институт «две четверки, остальные пятерки»; «получал на экзаменах одни пятерки, хотя очень много времени отнимал волейбол, тренировки, поездки на соревнования»; «я ему однажды одну задачку решил, очень трудную, которую у него среди студентов лет десять до меня никто осилить не мог»; «диплом пришлось писать вместо пяти месяцев за один... тема дипломной работы – «Телевизионная башня»... и все-таки сдал диплом, защитился на «отлично».

Прямо теряешься: такой умный мальчик был в детстве, и на тебе – такое получилось к старости. Правда, настораживает, что у Бори не осталось никаких воспоминаний по поводу любых упражнений интеллекта. Мы не знаем, прочел ли он когда-нибудь хоть одну книгу, в его языке нет никаких намеков на литературу, на ее героев или события. И возникает вопрос: «А был ли мальчик? Были ли пятерки?»

В мемуарах поразительно мало дат, в связи с чем трудно сопоставить события жизни Ельцина с событиями в стране. Мы знаем, что он родился 1 февраля 1931 года, а институт закончил в 1955 году. Поскольку нет никаких указаний, что в институте он брал академотпуск, и четко сказано, что поступил туда в год окончания школы, то окончил он десять классов летом 1950 года, когда ему было почти 19,5 лет. В армию в то время призывали в 19 лет и только осенью, а в армии тогда был страшный недобор. Ребята призыва этих лет служили по 5-7 лет вместо 3. Отметим, что у Бори не было альтернативы – поступать в институт или нет: в противном случае его ждала армия. Вычтя из 1950 года три года 8-10-го классов, мы получим время окончания семилетки – 1947 год.

Посчитаем с другого конца. В школу Боря должен был поступить в сентябре 1937 года, когда ему было 6 лет и 8 месяцев, либо в сентябре 1938 года в возрасте 7 лет и 8 месяцев: Поэтому, отлично учась, он должен был бы кончить семь классов максимум в 1945 году. Куда у Бори делось 2 или 3 года?

В мемуарах нет никаких указаний, что Боря тяжело болел и на этот срок был прикован к постели, да и в этом случае его могли учить на дому.

Ответ как будто один: Боря учился очень плохо и в нескольких классах сидел по два года. Тогда в школах такое практиковалось. Становится понятным инцидент, который затеял Боря на выпускном вечере после окончания семилетки – ибо никакая десятилетка очного обучения ему не «светила». Ему было 16,5 лет, он уже имел паспорт и должен был идти работать и учиться в вечерней школе.

Смотрите. На выпускном вечере Боря, испортив всем праздник так, что это невозможно было ни забыть, ни замять, обвиняет учительницу, а следовательно, и школу, и гороно в использовании детского труда, что является преступлением. А сам он становится борцом за справедливость, которого обижают за критику. Боря начинает ходить по инстанциям, привлекая к гороно и школе внимание «компетентных органов». Не забудем, что это было в 1947 году. Естественно, школа сдалась, а Боря заработал капитал, которым пользовался и в дальнейшем, правда, в другой школе. В старой школе учителя, которых Боря поставил на грань тюремной отсидки, учили ведь и других мальчиков, и тем мальчикам в десятом классе было столько же лет, сколько Боре в восьмом. Встречаться с ними каждый день в школьных укромных местах Боре не должно было улыбаться. Естественно, что ему лучше было уйти туда, где его пока не знали.

У людей, не учившихся в институтах и сохраняющих к ним трепетно-уважительное отношение, может возникнуть вопрос: «Как Боря, так плохо учившийся в школе, мог поступить в институт?»

Во-первых, есть данные, что отец Бори занимал к тому времени очень высокий строительный пост. Во-вторых, что, может, и более существенно, Боря был увлеченный и очень способный спортсмен. А у спортсменов в институтах особый статус.

С автором в параллельной группе учился мастер спорта по вольной борьбе. Хороший парень и великолепный борец. Все его соперники знали, что он будет бросать их через грудь, знали – и ничего на ковре с ним сделать не могли. Очевидцы рассказывали, что, когда парень сдавал математику, отчаявшийся преподаватель, чтобы получить хоть какую-нибудь запись на экзаменационном листочке борца, начал ему диктовать: «Пиши: А в квадрате плюс Б в квадрате» – и парень, наморщив лоб, стал обводить буквы квадратиками. Но ничего – пока он на ковре бросал всех через грудь, тренер регулярно сдавал за него все сессии.

Что касается того, как Боря решил задачку, которую до него десять лет никто не мог решить, то это легенда. Институты имеют план по подготовке кадров ученых и преподавателей, а потому всегда стараются оставить в аспирантуре наиболее толковых студентов. И такого уж точно оставили бы, даже не будь он еще и спортсменом. Но в книге и намека нет, что кто-то Боре это предлагал.

Теперь о дипломной работе за один месяц вместо пяти. Автор вспомнил еще один анекдот из своей жизни. Как-то студентом, зайдя на кафедру, он увидел, что его научный руководитель расстроен. Спросил почему. И тот в сердцах рассказал: кафедра делила между преподавателями студентов-дипломников, и профессор Чуйко, пользуясь отсутствием этого доцента, подсунул ему двух тупиц, за которых нужно было писать дипломные работы самим руководителям. На следующем заседании кафедры руководитель автора возмутился и потребовал справедливости. Одного тупицу вернули хитрому Чуйко. «И надо же, – поражался руководитель, – вчера вечером тупица, которого я вернул Чуйко, напился вдрызг в общежитии и с четвертого этажа помочился в лестничный пролет, да так удачно, что попал на поднимающегося по лестнице с проверкой декана! Теперь его уже отчислили. Ну почему мой тупица не догадался это сделать?!»

То есть в том, что Ельцин за один месяц написал дипломную работу, нет ничего удивительного – мог и за один день. Заметим, что после института он не стал работать инженером, а целый год фактически ошивался на стройке, копя в трудовую книжку записи об освоенных рабочих профессиях. Он присматривался и набирался опыта.

Так что нет никакого несоответствия между теми умственными способностями, которые Ельцин проявляет в настоящее время, и его детством и юностью. Но надо понять вот что. Неспособность Ельцина разобраться в вещах более-менее абстрактных, требующих специальных знаний или самостоятельного анализа фактов общественной и производственной жизни, не означает, что он какой-то юродивый или неполноценный. В нормальном быту, что касается личных конкретных дел, он вполне сметлив и понятлив. Более того, автор думает, что он был для многих симпатичным приятелем и мог легко поддерживать беседу о женщинах, спорте, выпивке, деньгах, личных и семейных делах – то есть о том, о чем люди обычно говорят в 95 процентах случаев. В разговоре о предметных вещах он никому не мог казаться глупым, да и не был им, а беспредметной болтовни в отличие от Горбачева он без бумажки просто не вел. В принципе по своему уму это нормальный, сметливый мужик, но не на том месте и не с тем характером и амбициями.

ЕЛЬЦИН – РАБОТНИК

Люди, которые занимались Делом, непременно разделят мнение автора о том, что настоящие, толковые работники никогда не хвалятся ни самим процессом работы, ни ее длительностью. Это не имеет для них значения. Объектом гордости для них может быть только конечный результат. Скажем, токарь будет выглядеть смешным, если будет хвастаться тем, что он двужильный, что непрерывно работает весь день до ночи – спит по 4-5 часов в сутки, а все остальное время точит и точит. «Кому это надо, – удивится специалист, – кому надо, чтобы ты не спал? Покажи лучше, что ты сделал: сколько и какого качества».

Сам факт хвастовства работника умением длительно работать или жалобы его, что он работает много, – это надежная характеристика паршивого работника.

Б.Н. Ельцин своим трудолюбием, выносливостью хвастается непрерывно, но от вопроса о конечном результате своего труда уходит, даже если этот вопрос ставится в лоб: «У меня никогда не было особого желания подсчитывать свои успехи и достоинства в роли первого секретаря. Не делал этого даже после выступления Лигачева на XIX партконференции, когда он твердил: «Борис, ты не прав» – и утверждал, что я завалил работу в Свердловске». Заметим, что и во главе дерьмократии он никогда не отчитывался перед народом в результатах, непрерывно вешая избирателям лапшу на уши сентенциями типа «необходимо дальнейшее расширение углубления реформ».

Для массы руководителей промышленности и сельского хозяйства вышеописанного поведения уже вполне достаточно, чтобы отказать Ельцину в приеме на работу в свои хозяйства на любую должность кроме дворника -и то, если руководит дворниками крепкий завхоз.

Тем не менее, давайте рассмотрим эпизоды трудовой биографии Ельцина, которые он сам

считает достойными упоминания в мемуарах.

Наиболее полезным делом его жизни надо, пожалуй, считать баньку, которую он построил деду в обмен на часы. Часы в то время очень ценились и были предметом шика, что, впрочем, не помешало Боре проиграть их в карты. Но банька, надо думать, деду послужила.

Остальная его трудовая деятельность – это либо наглая показуха, либо анекдот.

Вот Борис Николаевич работает строителем.

То он пытается сдать дом, а в доме двери неправильно установлены, а специалист Ельцин этого и не заметил. Тогда он организует штурм и сверхурочную работу. То он пытается сдать камвольный комбинат, но оказывается, что у специалиста Ельцина чертеж «затерялся», и он не сделал перехода между цехами. Опять героический штурм и работа сверхурочно.

Настолько был «ценный» работник, что за один год успевал получить 17 выговоров от управляющего трестом. А надо сказать, что в тогдашней табели о наказаниях выговор – это серьезно. Хотя снятие премии вроде и больно бьет по карману, однако выговор – это подготовка к увольнению. Но тщетно бился управляющий, пытаясь уволить Ельцина, тщетно подавал на него в суд, тщетно обивал с этим вопросом порог горкома. Там уже сидел друг Ельцина, второй секретарь горкома Моршаков, он Бориса Николаевича в обиду не дал. В конце концов управляющему удалось выпихнуть Ельцина из треста на должность с повышением – главным инженером домостроительного комбината.

Будучи строителем, Ельцин научился пускать пыль в глаза, что незаменимо для работы партийного функционера. То он дом за 5 дней смонтирует, что страшно дорого и никому не нужно, но шуму-то сколько! Ельцин! За 5 дней!!! То вдоль ряда строящихся домов проложит рельсы и пустит по ним краны – передовой метод!! Но дело в том, что если бы он при таком удачном расположении объектов попытался заставить слесарей демонтировать и переносить краны, то они бы просто не дали этого сделать, настолько сей «передовой метод» очевиден.

Вот, собственно, и все упомянутые им трудовые достижения строителя. На должности секретаря обкома возможностей для показухи у Ельцина стало больше.

В стране было принято решение в течение десяти лет ликвидировать бараки. Для этого жителям бараков нужно было дать жилье. Что должен был сделать Ельцин? Правильно. Создать новые строительные тресты, «выбить» у Москвы под эту программу деньги и материалы. А в то время это было нетрудно, так как дефицита бюджета не существовало и под государственные программы и Госплан и Госснаб все выдавали. Но это нужно было работать и работать 10 лет. Ельцин находит гениальный по наглости путь. Он договаривается с приятелями в ЦК КПСС о том, чтобы на него год не принимали жалоб, забирает у предприятий все квартиры, которые они за год построили для себя, переселяет туда жителей бараков – и готово.

Пока Лигачев в Томске усиленно строит, Ельцин уже герой – ликвидировал бараки! За год!!! Растоптав социальную справедливость – ведь предприятия давали квартиры лучшим и кадровым работникам, а в бараках к тому времени жили либо недавно переехавшие, либо бичи. Но слава-то какая! Не за 10 лет, а за год, не построив дополнительно ни одного квадратного метра жилья!

Второй подвиг нашего Геракла – дорога Свердловск – Серов. Вот как он сам описывает проблему: «Расстояние – 350 километров. Итак, где-то нужно найти 350 миллионов рублей, где-то выбить лимиты под строительство, людей, технику, в общем, непонятно, с какого бока браться».

Как это тебе – строителю – непонятно, с какого бока браться? Ведь это понятно любому колхозному прорабу, ведь это азы строительства! Но не только азы – еще и муторная работа, требующая выдержки и настойчивости. А работник Борис Николаевич, как вы уже поняли, крайне паршивый.

И он делит участки дороги между предприятиями, чтобы они из своих средств и материалов, своей техникой и людьми построили эту дорогу. Предупредив, что если кто не успеет к сроку, то он этих руководителей предприятий вывезет на их недостроенный участок и там в тайге выбросит. Так и сделал.

Тут надо понять следующее. В те годы ни одному предприятию ничего лишнего не давали. Строит он цех или дом, ему давали сталь, цемент, деньги, но ровно столько, сколько нужно для этого строительства. Теперь, если им строить дорогу, то надо прекращать строить дома и цеха, заморозить эти объекты, гноить уже полученное оборудование на складах. Более того, каждый

руководитель, направляя материалы не туда, куда они выделены Госснабом, совершал преступление и становился под угрозу суда.

Но, видимо, угроза самодура-Ельцина была сильней. Дезорганизовав работу промышленности области, он заставил для собственной славы и отчета построить дорогу именно таким путем, не прикладывая ни собственных рук, ни ума.

Заметим, что, будучи и Председателем Верховного Совета, и Президентом, он продолжает работать точно так же. Когда Верховный Совет назначил В. Черномырдина Председателем Совета Министров, то радио радостно передало, что Ельцин с ним встретился и они договорились о регулярных встречах каждую неделю. Как так? Ведь у Ельцина в России всего один подчиненный – Черномырдин. И встречаться с ним раз в неделю? А чем же народный любимец собирался заниматься в остальное время? Хотя это риторический вопрос. Бюрократии он более одного раза, для подписи подготовленных ею бумаг, и не нужен.

ХАРАКТЕР

Мы уже догадались, что в школьные годы Боря был переростком и очень вероятно, второгодником. Это не могло не унижать его и не вызвать стремления как-то отличиться. Кроме того, он не был военным сиротой отец его был на броне, мать не работала. По тем временам это были обеспеченные люди. У него не было оправдания своей неполноценности. Такая ситуация могла на каждого повлиять по-разному, но Борю она сделала во-первых, злобным, во-вторых, дерзким до бесстрашия. Где-то его бесстрашию, конечно, помогает его глупость, но все-таки его правильнее будет считать самостоятельной чертой характера Ельцина.

Вся его биография пронизана примерами дикой, бессмысленной злой дерзости, часто откровенно глупой. Причем он это помнит с гордостью

Он втыкает иголки в стул учительнице.

Он перебегает реку по бревнам.

Он дерется в коллективных драках, и хотя называет это спортом но это не спорт, так как нос ему перебили оглоблей, а русские кулачные бои не допускали никакого оружия, даже пятака в рукавице.

Он со взломом проникает в охраняемый часовым склад и ворует две гранаты.

Он взрывает одну из них в руках. Здесь надо немного подробнее хотя к оценке характера Ельцина это мало что добавляет. По его версии, он украл две гранаты, причем точно помнит их марку – РГД-33. Это наступательная граната, она дает до тысячи осколков, сохраняющих убойную силу в радиусе до 25 метров. По описанию Ельцина, он бил ее молотком, то есть во время взрыва она находилась от него не более чем в метре. Будь это действительно так, Ельцин был бы убит, причем не только осколками, но и силой самого взрыва. Ему же повредило всего два пальца. Непонятно!

Но оказывается, есть и другая версия этого события. В Москве, самиздатом, было распространено открытое письмо Ельцину его бывшего соученика из параллельного класса Бородина (Черняева) Юрия Георгиевича Он пишет: «Помните, Борис Николаевич, с чего все началось? Проживая во время войны в роскошном особняке (а не в бараке, как Вы живописали в своей «Исповеди»), Вы и Ваши друзья Зайдель, Иоссель, Школьник враждовали с нами – детьми рабочих (из бараков). И однажды во время загородной мальчишеской драки-разборки Вы бросили боевую гранату и убили Юру Крайнева и Валю Щанина. Тогда Вам оторвало пальцы, но от суда спас папа – начальник областного управления строительства. Это представили как несчастный случай».

Повторим, что к оценке характера Ельцина это мало что добавляет, и так видна его злобность. Но по крайней мере, объясняет, почему он при взрыве гранаты остался жив. Продолжим.

Он дерзко выступает против школы по окончании восьми классов.

Он уходит в туристский поход, не обеспечив его безопасность, и еле остается жив с друзьями.

Он без билета отправляется в путешествие по Советскому Союзу, зная, что в те годы это уголовно наказывалось.

Он садится играть в «буру» с уголовниками, наверняка зная (хоть он это и отрицает), что это, пожалуй, единственная карточная игра, где правилами разрешено жульничество. (Пойман-

ный в жульничестве просто проигрывает партию – считается, что неудачно сыграл.) С профессионалами в эту игру играть бесполезно.

Он идет на игру в волейбол при запрете врачей.

Он подавляет бунт работающих у него в подчинении заключенных после того, как урезал им расценки.

Он вопреки приказу управляющего трестом не выводит своих рабочих на сверхурочные первого января.

И многое другое.

Можно читать мемуары Ельцина как угодно, но по своей злобной дерзости и бесстрашию это человек уникальный.

ОСНОВНЫЕ ЖИЗНЕННЫЕ ПРИЕМЫ

Если отец Ельцина действительно был начальником областного управления строительства, то тогда он мог оказывать Борику мощную покровительственно-протекционистскую поддержку и при поступлении в институт, и при его окончании, и дальше, когда он работал в строительстве. Чувствуется, что Борей кто-то разумно руководил и обучал некоторым неординарным вещам.

Трудно поверить, что Боря, даже в свои неполные семнадцать, догадался бы таким образом прошантажировать школу, догадался бы ходить на приемы в райком, горком и т.д. Затем другой очень умный ход – после института Боря год работает на всех видах строительных работ по месяцу. В принципе это бред, ни одну специальность даже элементарно нельзя освоить за месяц. Но он получил богатый опыт, и, главное, это было время, когда инженеров жестоко критиковали за отсутствие практических знаний. Даже в институты начали принимать только после двух лет работы на производстве. А у Ельцина в трудовой книжке отметки об освоении 12 строительных специальностей!

Наверное, отец дал ему необходимый толчок, познакомил с влиятельными людьми, но дальше Ельцин двигался сам.

Успех Ельцина во многом объясняется его дерзостью, наглостью, бесстрашием. Может быть, бесстрашием от глупости, но тем не менее. Почему он так прижился в обкоме? Да потому, что к этому времени обкомы стали полностью бюрократическими образованиями, их делом были отчеты о Делах других. И мы видим, что Ельцин был специалистом по втиранию очков, специалистом по отчетам. И только благодаря наглости и дерзости. Наверное, сотни и сотни секретарей обкома просто побоялись бы заработать себе славу на подобной ликвидации бараков или на таком способе постройки дороги. А Ельцин не боялся!

Но, наверное, главный его прием – шантаж. Он ловко находил ситуацию, когда сам нагло выставлял себя борцом за справедливость, а противника – уголовным преступником. Вот, к примеру, Ельцин вспоминает: «Однажды управляющий мне в один год объявил 17 выговоров – это было рекордом. Я 31 декабря собрал все выговора, пришел к нему, хлопнул об стол и сказал: «Только первый выговор в следующем году объявите – и я устрою скандал. Имейте в виду». Второго января я уже имел выговор за то, что мы не работали первого. Первого января – праздник, выходной, но тем не менее, по мнению управляющего, надо было работать. Я решил бороться с этим выговором. Пошел по всем инстанциям. Мне его отменили. И после этого он уже был более осторожен».

Управляющий первого января, в праздник, хотел устроить сверхурочную работу – то самое, что Ельцин устраивал непрерывно. Вопрос: на что жаловался в «инстанциях» Борис Николаевич, если он сам это непрерывно творил? Дело в том, что год кончается 31 декабря, но из-за праздника отчет о выполнении плана года сдается в будний день – 2 января. Работу 1 января фактически можно приписать к плану прошлого года, если закрыть на это глаза. А Ельцин не закрыл и пошел «по инстанциям» бороться с приписками – с уголовным деянием. Поскольку инстанции сами заинтересованы в таких приписках и в том, чтобы вонь об этом далеко не расходилась, то пришлось им выговор Ельцину отменить.

Надо думать, что именно дерзость и наглость Бориса Николаевича соблазнили Горбачева взять его боярином на Москву – вотчину ЦК КПСС, но сторонницу противника Горбачева – Гришина. Ельцин работу выполнил, разогнал всех сторонников Гришина и дальше Горбачеву перестал быть нужен, так как наставало время действительно руководить Москвой, а руководи-

тель Ельцин никакой. Его приемы руководства к тому времени уже были провозглашены отмененными.

Но Горбачев пренебрег способностями Ельцина к шантажу, и напрасно. Прочтем письмо Ельцина Горбачеву, тем более, что во всей «Исповеди» это, по-видимому, единственные строчки руки Ельцина.

«Уважаемый Михаил Сергеевич!

Долго и непросто приходило решение написать это письмо. Прошел год и 9 месяцев после того, как Вы и Политбюро предложили, а я согласился возглавить московскую партийную организацию. Мотивы согласия или отказа не имели, конечно, значения. Понимал, что будет невероятно трудно, что к имеющемуся опыту надо добавить многое, в том числе время в работе.

Все это меня не смущало. Я чувствовал Вашу поддержку, как-то для себя даже неожиданно уверенно вошел в работу. Самоотверженно, принципиально, коллегиально и по-товарищески стал работать с новым составом бюро.

Появились первые вехи. Сделано, конечно, очень мало. Но, думаю, главное (не перечисляя другое) – изменился дух, настроение большинства москвичей. Конечно, это влияние и в целом обстановки в стране. Но, как ни странно, неудовлетворенности у меня лично все больше и больше.

Стал замечать в действиях, словах некоторых руководителей высокого уровня то, чего не замечал раньше. От человеческого отношения, поддержки, особенно от некоторых из числа состава Политбюро и секретарей ЦК, наметился переход к равнодушию к московским делам и холодному ко мне.

В общем, я всегда старался высказывать свою точку зрения, если даже она не совпадала с мнением других. В результате возникало все больше нежелательных ситуаций. А если сказать точнее – я оказался неподготовленным со всем своим стилем, прямотой, своей биографией работать в составе Политбюро.

Не могу не сказать и о некоторых достаточно принципиальных вопросах.

О части из них, в том числе о кадрах, я говорил или писал Вам. В дополнение.

О стиле работы т. Лигачева Е.К. Мое мнение (да и других) – он (стиль), особенно сейчас, негоден (не хочу умалить его положительные качества). А стиль его работы переходит на стиль работы Секретариата ЦК. Не разобравшись, копируют его и некоторые секретари «периферийных» комитетов. Но главное – проигрывает партия в целом. «Расшифровать» все это – для партии будет нанесен вред (если высказать публично). Изменить что-то можете только Вы лично для интересов партии.

Партийные организации оказались в хвосте всех грандиозных событий. Здесь перестройки (кроме глобальной политики) практически нет. Отсюда целая цепочка. А результат – удивляемся, почему застревает она в первичных организациях.

Задумано и сформулировано по-революционному. А революция, именно в партии – тот же прежний конъюнктурно-местнический, мелкий, бюрократический, внешне громкий подход. Вот где начало разрыва между словом революционным и делом в партии, далеким от политического подхода.

Обилие бумаг (считай каждый день помидоры, чай, вагоны..., а сдвига существенного не будет), совещаний по мелким вопросам, придирок, выискивание материала для негатива. Вопросы для своего «авторитета».

Я уже не говорю о каких-либо попытках критики снизу. Очень беспокоит, что так думают, но боятся сказать. Для партии, мне кажется, это самое опасное. В целом у Егора Кузьмича, по-моему, нет системы и культуры в работе. Постоянные его ссылки на «томский опыт» уже неудобно слушать.

В отношении меня, после июньского Пленума ЦК и с учетом Политбюро 10/IX, нападки с его стороны я не могу назвать иначе, как скоординированная травля. Решение исполкома по демонстрациям – это городской вопрос, и решался он правильно. Мне непонятна роль созданной комиссии, и прошу Вас поправить создавшуюся ситуацию. Получается, что он в партии не настраивает, а расстраивает партийный механизм. Мне не хочется говорить о его отношении к московским делам. Поражает – как можно за два года просто хоть раз не поинтересоваться, как идут дела у 1150 тыс. парторганизаций. Партийные комитеты теряют самостоятельность (а уже дали ее колхозам и предприятиям).

Я всегда был за требовательность, строгий спрос, но не за страх, с которым работают сейчас многие партийные комитеты и их первые секретари. Между аппаратом ЦК и партийными комитетами (считаю, по вине т. Лигачева Е.К.) нет одновременно принципиальности и по-партийному товарищеской обстановки, в которой рождается творчество и уверенность, да и самоотверженность в работе. Вот где, по-моему, проявляется партийный «механизм торможения». Надо значительно сокращать аппарат (тоже до 50 процентов) и решительно менять структуру аппарата. Небольшой пусть опыт, но доказывает это в московских райкомах.

Угнетает меня лично позиция некоторых товарищей из состава Политбюро ЦК. Они умные, поэтому быстро и «перестроились». Но неужели им можно до конца верить? Они удобны, и, прошу извинить, Михаил Сергеевич, но мне кажется, они становятся удобны и Вам. Чувствую, что нередко появляется желание отмолчаться тогда, когда с чем-то не согласен, так как некоторые начинают «играть» в согласие.

Я неудобен и понимаю это. Понимаю, что непросто и решить со мной вопрос. Но лучше сейчас признаться в ошибке. Дальше, при сегодняшней кадровой ситуации, число вопросов, связанных со мной, будет возрастать и мешать Вам и работе. Этого я от души не хотел бы.

Не хотел бы и потому что, несмотря на Ваши невероятные усилия, борьба за стабильность приведет к застою, к той обстановке (скорее – подобной), которая уже была. А это недопустимо. Вот некоторые причины и мотивы, побудившие меня обратиться к Вам с просьбой. Это не слабость и не трусость.

Прошу освободить меня от должности первого секретаря МГК КПСС и обязанностей кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС. Прошу считать это официальным заявлением.

Думаю, у меня не будет необходимости обращаться непосредственно к Пленуму ЦК КПСС.

С *уважением Б. Ельцин. 12 сентября 1987 г.».*

Борис Николаевич здесь – как на ладони. Семь строчек терпел до того, как начать себя хвалить: «Самоотверженно, принципиально и по-товарищески стал работать...» Над письмом, надо думать, работал референт, но и тому не удалось как-то упорядочить разбегающиеся по углам мысли Бориса Николаевича: «Партийные организации оказались в хвосте всех грандиозных событий. Здесь перестройки (кроме глобальной политики) практически нет. Отсюда целая цепочка. А результат – удивляемся, почему застревает она в первичных организациях». Что «застревает» – цепочка или перестройка? В чем разница между партийными организациями и первичными организациями?

С логикой беда. Требует запретить Лигачеву проверять московскую парторганизацию – тут же, в этом же абзаце, упрекает его, что тот не интересуется ее работой.

Как уже было сказано, общее «ля-ля» – это не коронный номер Ельцина, но нужно его понять. Ведь он при любом шантаже должен иметь вид борца за что-то хорошее. Тут он должен иметь вид борца за перестройку, не понимая, что это такое. (А кто понимает?) Вот и вынужден заполнять бумагу словами, которые ему удалось вспомнить.

Автор уверен, что, прочитав это, мало кто поймет, чего хочет Ельцин. О чем-то ноет, чем-то недоволен «вообще». Но если присмотреться внимательно, то можно увидеть единственное конкретное требование Ельцина к Горбачеву – не допустить проверки Лигачевым деятельности Ельцина в Москве. Ельцин – опытный номенклатурщик и сразу понял, что эта проверка нужна для подготовки акта, по которому будут сделаны «оргвыводы» по отношению к нему лично и... конец карьеры.

И он тут же шантажирует Горбачева: «Расшифровать» все это – для партии будет нанесен вред (если высказать публично)» – и далее: «Думаю у меня не будет необходимости обращаться непосредственно к Пленуму ЦК КПСС».

Умному должно было быть достаточно, и Горбачев наверняка понял угрозу Ельцина начать борьбу с Горбачевым и вне партии, и внизу ее, но не придал значения. Уверен был, что справится. И в самом деле, на первых порах от «ля-ля» Ельцина толку было мало, он и сам перепугался и уже начал просить прощения: «политической реабилитации при жизни». Но Горбачев выпустил на сцену другого монстра – толпу тупой, алчной, мелкой бюрократии. Этой бюрократии нужен был вождь, и она нашла его в Ельцине. Неумном, злобном, решительном и очень опасном. Опасным и для этой самой бюрократии тоже.

ГЛАВА 7. БЕЗ ЦАРЯ В ГОЛОВЕ

КАРАСИ В СМЕТАНЕ

Когда в мае 1993 года 37 миллионов россиян проголосовали за Ельцина и чуть меньше за его экономическую политику – то было ярким доказательством силы органов формирования общественного мнения. Из этих 37 миллионов были, конечно, люди, кто здорово нажился на национальной катастрофе СССР и видел в Ельцине залог для продолжения дальнейшего грабежа. Но ведь остальные потеряли, и очень сильно; они-то чего радуются разгулу дерьмократии?

Нельзя успокоиться тем, что этих людей чуть больше трети общего числа избирателей – ведь телевидение сделало их болванами. Оно сделало их карасями в сметане, теми самыми, которых жарят, а они кричат: «Вкусно пахнет!»

Что вы, караси, хотите от Ельцина и от капитализма? Ведь это с вашей помощью и поддержкой Ельцин развалил страну, которая не только защищала вас лучше, чем какая-либо другая страна (хотя вам на это наплевать), но, что самое смешное, вас, алчных, кормила и обеспечивала лучше, чем любое другое государство, которое было бы расположено на территории СССР.

Автор – инженер и как-то лучше чувствует не слова, а цифры. Поэтому он позволит себе взять их у экономиста А. Виноградова и снова привести. «Может, мы обнищали ресурсами и разучились работать? – спрашивает Виноградов и отвечает: – Ничего подобного! Россия обладает 30% мировых запасов угля, 40% нефти, 45% газа, 50% сланцев, 44% мировых запасов железных руд, 30% хромовых руд, 74% марганцевых руд, 40% редкоземельных и т.д. и т.п. В стране сосредоточено 28% мировой добычи алмазов и 30% – драгоценных камней.

Население же у нас составляет без малого 5% мирового. В 1990-1991 гг. произведено почти 22% мировой добычи нефти, 45% – добычи газа, 15,5% – электроэнергии (причем такие АЭС, как Ровенская, Хмельницкая и Сосновоборская, давали электроэнергию только за рубеж, а отходы оставляли, естественно, нам). Производство стали в России составило 18-22% мирового, чугуна – 22% и т.д. Причем более чем значительная часть всего этого ушла в Европу, у которой мы так надрывно просим помощи... Так, экспорт редкоземельных и урановых руд в 1990-1991 гг. вообще превысил все допустимые пределы, обеспечив годовой спрос НАТО. Таким образом, страна не нуждается в топливно-энергетических ресурсах и металлах, поскольку является основным их производителем и поставщиком на мировом рынке.

Но, может быть, в России нет техники и оборудования? Ничего подобного. Россия производит 17,9% мировой машиностроительной продукции, из них 22% мирового производства металлорежущих станков, 46% комбайнов, 11,3% оборудования для пищевой промышленности, 63,2% энергетического оборудования, 27% самолетов, до 50% военной техники, 21% грузовых автомобилей и только 4,8% легковых.

Таким образом, наша страна является одним из крупнейших поставщиков машиностроительной продукции. И хотя Россия производит лишь 17,9% машиностроительной продукции, а капстраны – 73,1% (без КНР), о чрезвычайно высоком качестве нашего оборудования свидетельствует то, что на нем работает 35% базовых отраслей промышленности КНДР, 36% – Индии, 45% – Ирана, 65% – Пакистана, 20% – Турции, 50% -Алжира, 25% – Египта, 50% – Ливии. А это отнюдь не отсталые страны».

Автор понимает, что сторонники дерьмократии закричат: «Плевать нам на станки и комбайны! Шмоток хотим! Телевизор давай!» Ну что же: «Статистика отвечает: страна произвела в 1990-1991 гг. (в год) 13,2 млрд. кв. метров ткани, или 37,8 кв. м на человека. (Для сравнения: ФРГ – 32 кв. м на человека.) В том числе – 75% мирового производства льняных тканей, шелковых – 12%, хлопчатобумажных – 13%, шерстяных 9%, или 2,6 кв. м на человека (для сравнения: ФРГ – 2,4 кв. м, США – 0,7 кв. м).

ХОРОША СТРАНА ЯПОНИЯ

Каждый раз, возвращаясь из-за границы, слышу один и тот же вопрос: «Как там живут?» Односложно ответить невозможно. Нужно какое-то время побывать в шкуре этих людей, сравнить ощущения и впечатление и уж только после этого делать выводы. Изобилие товаров ничего к пониманию жизни не добавляет, ведь и у нас в коммерческих и валютных магазинах есть теперь почти все. А что толку?

Во время своей последней поездки в Японию автор попытался собрать цифры, характеризующие их жизнь. Сделать это было нелегко – на Западе не принято распространяться о своих доходах и расходах, не принято жаловаться. Прямые вопросы о финансовом состоянии собеседника расцениваются как бестактность. Возможно, автору повезло, а, быть может, японцы по своему духу ближе нам в этом отношении.

Япония считается самой богатой страной. В Стокгольме, когда мы пожаловались на тамошние высокие цены, шведы грустно согласились: «Наши цены могут выдержать только японцы».

Чтобы понять, как живется в богатом капиталистическом мире, автор начал расспрашивать японцев, пытаясь оценить, кто сколько получает.. Картина получилась действительно впечатляющей.

Рабочий (рабочая) на конвейере завода фирмы «Шарп» получает в месяц примерно 200 тысяч йен. (Напомним, что нынешний курс йены составляет 8 рублей. *Ред.)* Квалифицированный рабочий, член профсоюза, со стажем работы 10 лет получает до 300 тысяч. Но, кроме зарплаты, многие участвуют в прибыли фирмы, имея бонусы, по-советски – тринадцатую зарплату. Она выплачивается один или два раза в год и составляет 5-6 месячных зарплат. Причем, по утверждению руководителей «Шарпа», скорее, 6, чем 5. То есть месячный оклад рабочего конвейера надо оценивать не в 200, а в 300 тысяч йен, а зарплату квалифицированного рабочего – в 450 тысяч.

В любой японской фирме стараются нанять работника на всю его жизнь. Это не делается силовыми методами. Просто зарплата растет со стажем – очень быстро в начале и медленно в конце карьеры. Можно всю жизнь проработать вахтером, зарплата будет небольшой, но все равно увеличится в несколько раз, как и у других. Это удерживает людей, ведь если сменишь фирму, то сразу же станешь «новеньким» с маленькой зарплатой. К тому же фирма помогает своим служащим, привязывая их к себе. Людей стараются не увольнять. Пусть не всегда и не у всех будут бонусы, уменьшится зарплата, фирма постарается сохранить свой персонал. Поэтому в Японии почти нет безработицы. При внедрении автоматизации людям дают разную пустяковую работу (вахтеров, контролеров), но не увольняют, ждут, когда при естественном сокращении штата фирмы (смерть, уход на пенсию) появятся рабочие места.

В торговле, банках – те же принципы. Вот, например, данные по мощной торговой фирме, входящей в десятку крупнейших фирм мира. (Поскольку я буду называть суммы доходов и расходов конкретных людей без их разрешения, не стану называть ни имен, ни названий.) Юрист, только окончивший университет, имеет доход в 200 тысяч в месяц. Десять лет стажа обеспечивают 500 тысяч. Начальник отдела (40 лет) в среднем получает 6 миллионов йен в год. Много это или мало?

«Голос Америки» и наши мудраки, разваливая Советский Союз, убеждали нас, что это много. Делалось это так: часовую или дневную зарплату делили на цены в магазинах, показывая, сколько можно купить мяса, яиц и прочего. Давайте для начала пойдем этим же путем. Итак...

Цены гастронома Токио, йен за кг:

Хлеб – 670. Рыба, филе – 4 – 10 тыс. Рис – 550. Икра красная – 11 800. Сахар – 300. Сельдь иваси (соленая) – 350. Яйца, шт. – 25...60. Сакэ за 1,8л- 2200. Куры – 2 – 4 тыс. Говядина – 3,5 – 30 тыс.

Другие товары:

«Тойота» (класса нашей «Волги») – 2,2 миллиона йен, «Сузуки» (класса «Запорожца») – 800 тысяч йен. Телевизоры, видеомагнитофоны от 20 до 60 тысяч, видеокамеры – от 100 до 150 тысяч. (И в то же время один кухонный нож – 36 тысяч, деревянный рубанок – 45 тысяч. Кожаная куртка -800 тысяч, мужской костюм от 20 тысяч и выше... Выше... выше...

Если следовать путем наших мудраков, то тогда простой рабочий конвейера может без труда приобрести «Тойоту» за годовую зарплату, а «Сузуки» за трехмесячную. Телевизоры и магнитофоны может покупать десятками.

Немудрено – от таких выкладок человек со слабыми мозгами может свихнуться. Стоит ли удивляться, что всю жизнь прожиравший членские взносы коммунистов главный идеолог А.Яковлев, пожив в Канаде, срочно записался в главные идеологи капитализма. Немудрено, что наши профессора, все бывшие члены КПСС, вдруг стали хором кричать: «Больше капитализма».

Между тем лет пятнадцать назад, в застойном периоде, когда «проклятые коммунисты» за-

ставляли нас жить в «тоталитарном государстве», для квалифицированного рабочего нетяжелых профессий нормальной считалась зарплата в 200 рублей, в это же время доход советского профессора был в пределах 600 рублей.

Примерно такая же разница между зарплатами квалифицированного рабочего и начальника отдела в Японии, бюджет которого мы рассмотрим. Замечу, что если бы профессор из СССР попал в Японию и устроился там на работу (вдруг бы там потребовался специалист по разрушению памятников и переименованию городов), то он, вероятнее всего, имел бы доход в пределах тех же 12 миллионов йен в год. Посмотрим, на какие видеокамеры и говядину эти деньги можно потратить.

Во-первых, все их на руки не получишь – надо платить налоги. Они в Японии невелики, почти нет военных расходов. Тем не менее, городские налоги – 18%, 5%- в пенсионный фонд, 23% от 12 миллионов составят 2 760 000 йен.

Далее. Надо где-то жить. Квартплата очень высока, поэтому, достигнув лет 30 и вместе с годами определенного уровня дохода, японец женится и покупает жилье. В радиусе двадцати минут ходьбы от центра Токио однокомнатная квартира стоит 60-65 миллионов йен. Знакомый автору японец с доходом в 500 тысяч йен в месяц купил трехкомнатную квартиру общей площадью (общей, а не полезной!) в 62 кв.м в 30 минутах езды на метро от центра всего за 37 миллионов йен. Денег для оплаты всей суммы у него, естественно, не было. Он заплатил 10 процентов, а на остальное взял кредит. Помогла фирма, дав часть кредита всего под 4,5 процента. Выплачивать надо будет 30 лет. Ежегодный платеж – 2,5 миллиона йен. Но, наверное, наш профессор захочет купить себе дом.

Японец, бюджет которого мы взяли за образец, действительно живет в своем доме, в пригороде Токио, примерно в 30 километрах от столицы. Домой надо добираться на электричке и на автобусе. Двухэтажный дом общей площадью 110 кв.м стоит на участке в 120 кв.м. Стоит он 44 миллионов йен.

Давайте немного отвлечемся и поговорим о японских частных домах. Сооружаются они так. Из деревянного бруса 100 х 100 мм собирается каркас. Причем второй этаж, по японской традиции, меньше первого. Снаружи дом обшивается сухой штукатуркой или дощечкой, внутренние стены – чем-то вроде фанеры и обклеиваются обоями. На пол кладутся соломенные маты – татами. Рамы в одно стекло. В богатых домах – газовый водогрейный котел. В домах попроще – керосиновые печурки без трубы, высотой в полметра и диаметром 25 сантиметров. Тот, кто помнит керосинки, поймет, о чем речь. В таких домах здорово попахивает керосином. Если японцу хочется погреться, он подходит к печке и распахивает полы кимоно. Но вообще японцы народ нетребовательный и к особому комфорту не приучены.

Как видите, дом японца очень незатейлив. Те, кто регулярно читает журнал «Приусадебное хозяйство», знают, что так у нас рекомендуют строить курятники. Думаю, большинство наших мужчин, накопив за зиму материалы, могли бы построить такой дом за отпуск. Ведь у нас многие строят своими руками дома и дачи во много раз сложнее японских.

Но японец даже такой дом сам построить не может. Тот, о ком мы говорим, утверждает, что встает в полшестого, без пяти восемь он в Пути, в девять на фирме. Заканчивается работа около семи часов. В Японии не принято за десять минут до официального конца рабочего дня одеться, взять сумку и гипнотизировать стрелки часов, чтобы вместе с «началом шестого сигнала» гурьбой броситься к выходу. Тем более не принято уходить раньше.

На Западе над японцами за это насмехаются. Есть анекдот на манер армянского радио. Спрашивают: «Как японец бастует?» Ответ: «Он выходит на работу и работает как обычно, но на груди у него табличка – «Я бастую». Или еще. Спрашивают: «Как японец проводит воскресенье?» Ответ: «Он выходит на работу и работает как обычно, но без галстука».

После работы принято расслабиться в ресторане или баре. Правда, наш знакомый утверждает, что меру знает, и когда ему иногда, сойдя с последней электрички, приходится ждать такси в компании пьяных мужиков, то ему неприятно. Выходные он тоже часто проводит на работе, делает закупки на неделю или выезжает с семьей в горы, на природу.

Отпуск у японца – пять дней. На удивленный возглас автора этих строк: «Целых пять?!» – смущенный ответ: «Полагается пять подряд, но не получается, приходится летом брать по одному дню». Так что строить дом японцу просто некогда. Он покупает в кредит. Сейчас он платит за него 3 миллиона йен в год. Эту сумму тоже надо вычесть из его годового дохода.

Надо учесть и транспортные расходы. На работу и с работы, как уже говорилось, японец ездит на общественном транспорте. Как бы мы ни ругали социализм, но лучшим в мире был общественный транспорт проклятого тоталитарного социалистического Советского Союза.

Вспоминается разговор с одним голландцем. Показывая, что в СССР личный автомобиль не является необходимостью, приводил в пример сообщение между казахстанскими городами Павлодаром и Ермаком. Поезд -два раза в день, автобус – через 20 минут, «Ракета» летом – через час, самолет – несколько раз в сутки... И все это дешевле, чем доехать из Павлодара в Ермак на «Жигулях» (если ехать одному). Голландец вынужден был согласиться – живя в 40 километрах от Амстердама, он никогда не знает, приедет на своей машине на работу вовремя или опоздает – на трассах постоянные пробки. «Но мне больше не на чем доехать на работу, к тому же мы очень привыкли к автомобилю».

В Японии такое же положение. Когда мы возвращались домой, японцы очень извинялись, что повезут нас в аэропорт на электричке, так как на самолет лучше не опаздывать, а на точность автомобиля нет надежды, как бы рано мы ни выехали.

Проблема и с автостоянками – в Токио их, например, просто нет. В московском отделении фирмы, где работает наш японец, служебный автомобиль дается каждому клерку, а в токийской центральной конторе, где людей в сотни раз больше и начальников пруд пруди, служебных автомобилей всего 10 – некуда их ставить. Токио – чрезвычайно тесный город.

Проезд на общественном транспорте обычно оплачивает фирма. Но только обычный, так сказать, «жесткий» класс и обычную скорость.

В связи с этим, казалось бы, машина не нужна. Но у японца не только престижная «Тойота», но эта «Тойота» под его женой жгла 100 литров бензина в месяц. (На какие цели, автор пояснит позже.) Мы попробовали рассчитать амортизацию машины, то есть сколько нужно откладывать ежегодно, чтобы купить новую машину. «Вообще-то, – считает японец, – «Тойота» может служить лет 10, но через 3 года резко растет стоимость страховки, поэтому я сдаю ее за полцены, добавляю деньги и покупаю новую». Следовательно, на три года надо 1100 тысяч йен, на год 370 тысяч да плюс страхование машины – 150 тысяч. Итого – 520 тысяч йен.

Самая легкая статья годовых расходов – отпуск, ведь его фактически нет. Сумму расходов – 70 тысяч японец назвал моментально и тут же ее расшифровал. До города, где родился он и его жена и где живут их родители – 600 километров, он везет семью на машине, так как для пяти человек это в несколько раз дешевле, чем на поезде: «Две заправки бензином по 5 тысяч йен – плюс оплата автострады 15 тысяч в один конец, плюс подарки родителям – 30 тысяч». Вот и весь отпуск.

Итак:

Годовой доход 12 000 000 йен

Налог 2 760 000 йен

Возврат кредита и процентов по нему 3 000 000 йен

Автомобиль и его страховка 520 000 йен

Отпуск 70 000

Остаток годового дохода 5 650 000 йен

В расчете на один месяц «чистых» 470 830 йен

Сумма внушительная, но и для нее есть платежи, которые невозможно не сделать. Самые простые из них – коммунальные. Газ – 30 тысяч, вода 8 тысяч, электроэнергия – 15 тысяч, телефон – 10 тысяч. Итого: 63 тысячи.

Следующий платеж – страховка. Тут надо понять следующее. Когда мы в СССР получали государственную квартиру, то она становилась незыблемой крепостью для нашей семьи. Мы могли стать пропойцей и пропить все, все... кроме квартиры. Мы могли погибнуть – квартира все равно осталась бы у нашей семьи. Суд мог конфисковать большую часть имущества, но и он не мог посягнуть на квартиру или дом. В Англии был провозглашен принцип: «Мой дом – моя крепость», но не в Англии, а в СССР дом действительно был крепостью семьи.

А теперь смотрите, как это выглядит в Японии. Дом-то ваш, но деньги за него еще не выплачены, рассрочка, напомню, 30 лет! Случись с вами что-нибудь, банк потребует с вашей семьи вернуть ему долг. И чем дольше ваша семья будет мешкать, тем больше банк будет накручивать проценты. Скорее всего, придется продать дом и искать другое жилье, а от продажи дома останется мизер – ведь первые годы большая часть суммы, которую вы платите банку, это не возврат

суммы кредита, а плата процентов по нему.

И японец обязан застраховаться с тем, чтобы в случае неожиданной смерти его семью не выбросили на улицу. Наш японец застрахован на 110 миллионов йен и ежемесячно платит страховой компании 90 тысяч йен.

Следующий расход – обучение детей. Сначала автор подумал, что речь идет об обучении детей в школе типа наших школ искусств, ведь обучение в Японии, как и у нас, бесплатное. Вот и у автора сейчас дочь после школы ездит в школу искусств, где делает вид, что учится играть на пианино. «Что вы, – замахал руками японец, – это безумно дорого! Мои знакомые посылают два раза в неделю свою дочь в Токио к учительнице музыки, та берет 50 тысяч йен в час, да плюс дорога!» Он долго растолковывал автору, в чем дело, но чем дальше от бизнеса, тем его русский становился хуже. Похоже, здесь дело вот в чем. Обязательны для японца 9 лет учебы в общей школе. Но законченное среднее образование (еще три года) японец получает уже в других школах. Некоторые из них хорошие, их выпускники легко поступают в университеты, а некоторые – нет. Эти школы устраивают приемные экзамены для девятиклассников, и лучшие школы берут себе лучших. Так вот, чтобы была гарантия, что ребенок поступит в лучшую школу, ему после основной школы дают дополнительную подготовку.

У нашего японца трое мальчиков. Старшего жена на машине ежедневно возит в вечернюю школу, так сказать, усиленного образования, а к среднему приезжает студентка-репетитор. Стоит это японцу 120 тысяч в месяц. Учитывая, что младшего сына жена отвозит в детский садик, в основном из этих поездок и складывается 100-литровый расход бензина их «Тойоты». Цена бензина 116 йен за литр, всего на 11,6 тысячи.

Итого затрат, не связанных с покупкой вещей и продуктов, получается на сумму 284 600 йен.

До этого японец говорил, что на продукты жена тратит 140 тысяч йен, но он считает, что это много и что следует «ужаться» до 100 тысяч йен. Кстати, поначалу он говорил, что его доход 10 миллионов йен, но когда мы посчитали приведенные выше затраты, то оказалось, что месячный остаток всего 61 тысяча, то есть ни о каких 100 тысячах на продукты и речи не может быть. Он взял расчеты, долго проверял расходы, вздыхал, но не нашел ошибки, после чего объявил, что его доход 12 миллионов йен. Действительно, в этом случае, как видно из приведенного расчета, на месяц у него должна оставаться свободная разница между 470,83 и 284, 60 тысячи йен, всего 186,23 тысячи. И тут я его спросил, из каких денег он покупает сигареты. Он объявил, что он и жена оставляют себе на карманные расходы по 100 тысяч йен.

Немного о его карманных расходах. Как было сказано, фирма оплачивает обычный транспорт, но если он утром будет добираться обычным транспортом, то дорога у него займет полтора часа. Поэтому он едет на работу скоростной электричкой, доплачивая из своего кармана 1020 йен. Для обедов на фирме есть дешевый ресторан но, по-видимому, престиж начальника отдела не позволяет ему туда ходить. Он обедает в ресторане в городе, которых вокруг фирм полно. (В выходные дни они закрыты.)

Завтрак в ресторане из двух жареных яиц, 50 г ветчины, 150 г сока, с четырьмя кусочками хлеба и чашкой кофе стоит 1400 йен. Поэтому вряд ли обед будет стоить меньше 2 тысяч йен. Да плюс он курит много, а две пачки сигарет – 440 йен. Да надо с коллегами несколько вечеров расслабиться в баре или ресторане, да время от времени взять такси (600 йен за посадку и первые два километра и 90 йен за каждые последующие 371 метр). Так что 100 тысяч на карманные расходы – это немного.

Что касается 100 тысяч для жены, то сначала автор подумал, что речь идет именно о тех 100 тысячах на продукты. Но, оказалось, нет! Речь шла именно о тратах жены на встречу с подругами за чашечкой кофе и т.д.

Это благородство по отношению к жене снова разрушило все расчеты, снова перестало хватать денег на продукты, не говоря уже об одежде, ремонте дома, бытовой технике и прочем. Автор выразил свое недоумение. Тогда японец, немного засмущавшись, сказал: «Знаете, Мухин-сан, действительно мне не хватает в год двух миллионов йен. Но у моей жены богатые родители, и они предоставляют нам гуманитарную помощь в 2 миллиона йен в год». (Японец жил в Москве и разучил эту вонючую фразу: «Гуманитарная помощь».)

Вот так да! Гуманитарная помощь человеку, доход которого почти 100 тысяч долларов США, что более чем в четыре раза превышает среднюю зарплату немца. А как же живут осталь-

ные?

Да и что такое 2 миллиона? Это всего 167 тысяч в месяц. Прибавим к этому остаток в 186 тысяч и вычтем 200 тысяч на карманные расходы. Останется 153 тысячи – почти столько, сколько жена тратит на питание. А как же одежда, обувь?

Что-то опять не так, но дальше японец уклонился от этого разговора. Возможно, 2 миллиона – это то, что дает тесть. Но, возможно, и теща любит зятя.

Понимаете, есть денежные траты, которые зависят от нашей воли. Мы можем, если хотим, купить себе конфеты, а можем и не купить, можем купить новые туфли, а можем ходить в старых. Но есть траты, которые мы не можем не сделать. Мы не можем не заплатить налоги – у нас их взимают, не спрашивая нашего согласия. Мы не можем не заплатить за электроэнергию – у нас ее просто отключат. При социализме в тех доходах, что мы получали, таких трат было очень немного, вернее, сумма их, их процент был невелик. А 80-85 процентов нашей зарплаты мы тратили как хотели, и в нас сидит это, мы не понимаем, как можно по-другому.

Но японец при капитализме из огромной суммы в 1 миллион йен в месяц по своему усмотрению может потратить только 186 тысяч, то есть менее 19 процентов. А 81 процент зарплаты капитализм тратит за него.

Это пропаганда, это наглая брехня, что он за месячную зарплату может купить автомобиль. А правда в том, что ему дают подержать в руках деньги, за которые можно купить автомобиль, но тут же забирают их обратно.

Знакомые автора – немцы – уехали в Германию. Там им давали пособие – 1000 марок в месяц на человека. Кроме этого, над ними установила шефство семья с доходом в 5000 марок, другие немцы оказывают им помощь подержанными или ненужными им вещами и т.д. Но вот знакомая автора купила на свое пособие кожаную куртку за 400 марок (это, кстати, дешевая куртка), и, узнав об этом, шефствующая над ней немка (с доходом в 5000 марок) устроила подшефной свирепый разнос. За что? Разве любая советская женщина с зарплатой в сто рублей в месяц, увидев в магазине куртку за 40 рублей, да еще модную, да своего размера, хоть одно мгновение задумалась бы – брать или не брать? А с суммой семейной зарплаты в 500 рублей? За что же немка ругается?

А у этой немки на ее 5000 марок дохода 40 процентов налога, да страховка по болезни, да страховка от безработицы, да 800 марок в месяц за аренду квартиры в 20 кв.м во Франкфурте. Для нее трата в 400 марок – это Покупка с такой большой буквы, что о ней надо думать и думать.

Вот мы ходили по магазинам в Югославии, и нас сопровождали югославы. Они вместе с нами приценивались, примеряли и пусть редко, но тоже покупали. Все-таки Югославия была социалистической.

А в Японии нас сопровождали как переводчики и помощники молодые японцы с совершенно пустыми глазами. Как бы ни блистали витрины, как бы ни манили надписи: «Только сегодня распродажа по сверхнизким ценам!», как бы ни вопили продавцы, зазывая в свой магазин, – им были все эти призывы глубоко безразличны. Да, они на свою месячную зарплату могут купить две видеокамеры сразу. Но ни у кого этой видеокамеры не было. Не до нее, не до дорогостоящих игрушек. Другие заботы.

Смотрите. Кто из наших парней и когда отказался жениться только потому, что у него маленькая зарплата или нет квартиры? Единственно, родители могут слабо протестовать, если сын еще не служил в армии или не окончил институт.

А отсутствие квартиры? Да кого это останавливало? Поживут у родителей, в общежитии, снимут комнату или квартиру, сколько бы это ни стоило, но для получения по очереди своей квартиры это не имело никакого значения.

Но подавляющее число японских парней, как бы они ни любили своих девушек, не могут себе позволить жениться на них ранее, скажем, 30 лет -возраста, когда их зарплата достигнет размера, хотя бы вдвое превышающего тот взнос, который придется делать банку за кредит при покупке квартиры, возраста, когда они уже поднакопят денег для 10 процентов первоначального взноса за нее.

Они аккуратно и чисто одеты, у них каждый день свежая белая сорочка и пусть старенькие, но начищенные туфли, но ничего лишнего они себе позволить не могут. А лишнее для них почти все, что продается в японских магазинах.

Вы можете сказать, что это Япония, маленькая страна, там земли мало и она очень дорогая, поэтому приходится столько платить и т.д. Но если земля продается, значит, она есть! Кто выигрывает от того, что она дорогая? Только банк! Банк, берущий проценты с кредита на ее покупку. И чем она дороже, тем больше потребность в кредитах, тем больше проценты и выше прибыль банка.

Мы рассмотрели бюджет довольно богатого японца с доходом в миллион йен в месяц и увидели, что и у него почти не остается денег даже на питание.

А как быть простому или даже квалифицированному рабочему с таким большим, как нам кажется, доходом в 200-300-400 тысяч йен в месяц? Их удел всю жизнь арендовать квартиру или маленький домик площадью в 15-18 кв. м. Мы видели такие домики в Киото, с фасадом в 4-6 шагов, стоящие вплотную друг к другу. Надо будет отказаться от дополнительного обучения детей и, следовательно, от поступления их в институт.

Главный инженер завода, на котором работает автор, стал главным инженером крупнейшего в мире завода в 31 год. Он рано потерял отца, и его мать в одиночку вырастила его и дала ему высшее образование. Й это никого не удивляет. А получил бы он его в таких условиях в Японии? Вопрос!

Вернемся к нашему профессору, стороннику рыночных отношений и перехода к капитализму. Лет пятнадцать назад он со своей зарплаты в 600 рублей, налогов, квартплаты, платы за коммунальные услуги и за обучение детей в разных там музыкальных школах платил бы не более 100 рублей, а 500 оставались бы в его распоряжении. В Японии, как мы подсчитали, с миллиона йен у него осталось бы 186 тысяч. Да, чтобы купить «Волгу» ему пришлось бы двадцать месяцев не тратить эти деньги, а на «Тойоту» он накопил бы значительно быстрее. Но в СССР он вообще мог бы, обойдясь без машины, доехать куда угодно. А в Японии – нет. На видеомагнитофон он должен был бы копить деньги полтора месяца, а в Японии за месячный остаток он купит их штук 8. Это да. Но за четыре месяца он в СССР купил бы жене норковую шубу, а в Японии ему потребовался бы год. Дубленок за месяц он купил бы три штуки, а в Японии на одну копил бы четыре месяца. Вполне приличных костюмов он мог бы купить 5 штук и ничуть не больше в Японии. Кожаной, даже импортной обуви он мог бы купить в СССР двадцать пар, а в Японии – 10-15.

Даже такого баловства, как сигареты (хорошие сигареты), на 500 рублей мог бы купить 1500 пачек, а в Японии едва ли 900.

При цене мяса в магазине 2 рубля, на базаре – 3, он мог бы за 5 рублей за килограмм выбрать на рынке самое лучшее филе и купить его 100 килограммов, а в Японии – 9 килограммов, в лучшем случае – 50. Хлеба в СССР он мог купить на эти деньги 2 тонны, а в Японии 300 килограммов, риса – 350. Яиц в СССР от 4 до *5,5* тысячи штук и в Японии, правда, от 3 до 7 тысяч. Сахара дома он купил бы 640 килограммов, а в Японии – 620.

Зато летом он отдыхал бы в лучших здравницах Крыма и Кавказа, а в Японии он только бы помечтал об отдыхе. В СССР он имеет в центре города 3-5-комнатную квартиру и дачу за городом на 600-1000 кв.м земли. В Японии ему об этом и мечтать нельзя будет.

Но в СССР 600 рублей в месяц не очень редкая зарплата. Ее имели квалифицированные рабочие на тяжелых работах с вредными условиями труда – шахтеры, металлурги. И все они имели то, что имел и этот профессор.

Так какого рожна вам надо было? Нет слов, хороша страна Япония, но на какой хрен вам потребовался этот капитализм, замешанный на дерьмократии?

ЧАСТЬ IV. ДОРОГА ОБРАТНО

ГЛАВА 1. А НУЖНО ЛИ ИДТИ ОБРАТНО?

ОБ УМЕ

Нужна ли демократия, нужно ли состояние в стране, когда власть имеет народ, когда его

интересам все подчиняются? Вопросы эти не случайны, поскольку подавляющее число людей путают понятие «власть» с понятием «люди, дающие указания». И тогда в ход пускается мысль о том, что такие указания должен давать не кто попало, не кухарка, не какой-либо Ванька, а некая яйцеголовая элита, люди большого ума. Эта мысль идет от мудраков, поскольку они, как правило, именно себя к этой элите и причисляют. Может быть, они правы?

Основополагающие вопросы управления государством просты и доступны пониманию обычного человека. Государство управляется с помощью законов, именно в них обозначается цель управляющего воздействия и способы ее достижения. А так как это пишется для исполнения гражданами, то должно быть понятно всем. Если закон не понятен обычным людям, – они не понимают, что он им диктует, – то это не закон. Скорее всего, это или бюрократическая инструкция, написанная государственным аппаратом для самого себя, или жульническое покушение на демократию, на власть народа.

Не может народ иметь власть, не понимая, что написано в законах, данных от его имени. Зачем народ превращать в идиотов, которые сами себе дают указания, не понимая, зачем они нужны и как их исполнить? Если такие законы есть, то, значит, не народ здесь виноват, а очередные идиоты-депутаты, которые очередным законом похоронили в стране демократию.

Снова повторим пример Уголовного кодекса. Почему думают, что кухарка не может понять цель этого закона – общественную безопасность? Почему она не может понять, что этот закон обусловливает поведение всего населения и ее поведение в том числе для того, чтобы действовала ее конституционная гарантия на неприкосновенность личности, собственности, жилища? Почему она не поймет, что для этого нужно наказывать за убийство, кражи и т.д.? Почему нужно считать, что кухарка не сумеет принять этот закон, будучи депутатом, или не сумеет оценить действия избранного ею депутата, принявшего этот закон?

Слухи о том, что властью должна обладать элита, распускаются теми, кто претендует на это звание. И их действительно можно называть элитой по многим параметрам, но только не по уму.

И среди рабочих и крестьян есть люди и глупее среднего и умнее, но нужно сказать, что автор не имеет оснований заявить о том, что рабочие в среднем глупее интеллигенции. И это не реверанс в сторону рабочих, автор достаточно с ними общался и общается, чтобы знать, что среди них достаточно и тупых, и алчных, и подлых.

Но... все-таки тупых среди них не больше, чем среди тех, кто называет себя интеллигенцией, а умных – не меньше. Как это ни кажется странным.

Дело в том, что у нас ум очень часто путают с памятью, забывая, что абсолютная память (это установлено наукой) бывает обычно у абсолютных идиотов. В Париже лет тридцать в одном из ресторанов работал гардеробщик, который не выдавал номерков, так как помнил, у какого посетителя какую одежду он брал. Интересно, что он помнил посетителей не одного дня, а вообще всех посетителей за тридцать лет своей работы. Вот такой был компьютер с видеомагнитофоном. Но никакую другую работу он делать не мог – был глуп как бревно.

Естественно, что если у человека неплохая память, то ему легко запомнить те формальные знания, что дают в школе, запомнить цитаты, хорошо сдать экзамены в институт или университет и хорошо его закончить... Но ведь это заслуга памяти, а не ума.

Автор, как русский, не может любить Уинстона Черчилля просто потому, что Черчилль за свою жизнь много чего успел сделать против СССР. Но автор не может не восхищаться самим Черчиллем как человеком – его умом, отвагой, решительностью. Кстати, кроме того, что Черчилль был умный политик, он был великолепным художником – его картины даже под псевдонимом покупал Лувр, его книги по истории стали учебниками. Но маленькому Уинстону совершенно не давалась математика, даже с репетитором. Не то, что в университет, он после окончания школы не смог поступить даже в пехотное училище и с большим трудом осилил экзамены только в кавалерийское. (У офицера-кавалериста в Англии жалованье не окупало расходов на дорогостоящую амуницию и необходимые развлечения.) Не будь он из рода Мальборо, не заботься о его судьбе королева Англии, наверняка он был бы простым офицером. Но значит ли это, что он был бы от этого глупее?

Ум – это не память, это способность самостоятельно оценивать взаимосвязь между фактами, самостоятельно достигать новых для себя выводов, вырабатывать объективно верные решения. Память этому помогает, но она не заменяет ума.

Автор писал, что почти два десятка лет профессионально занимался наукой и в этом плане просматривал массу сообщений о различных технических новшествах. Обычно, на 99,9 процента – это некоторое совершенствование старого. Блестящих, парадоксальных изобретений очень и очень мало. Что сделаешь, и маленькие блага – это тоже блага. В обычной работе, если новшество дает 1 процент повышения производительности труда, то это очень много. Часто приходится довольствоваться и 0,1 процента.

Автор сталкивался по работе с сотнями ученых, от кандидата до члена-корреспондента Академии наук. И среди них не было людей, в чьи головы пришла бы какая-либо идея, которая могла бы кардинально, в несколько раз что-то улучшить. (Зато, кстати, был ректор одного института, который очень обиделся на автора и считал консерватором только за то, что автор не захотел потратить заводские деньги на создание вечного двигателя по проекту этого ректора.)

В то же время автор знает достаточно много рабочих, которые в своих делах достигали поразительных успехов именно благодаря уму, находили решения, которым на тот момент просто не было аналогов.

Несколько примеров. Профессии слесаря-инструментальщика автора учил толковый слесарь Герман Куркутов. И потом, когда автор стал работать самостоятельно, Герман за ним присматривал. Так уж ведется, но молодым рабочим часто дают работы нудные, малооплачиваемые, более квалифицированные рабочие их делать обычно не хотят из-за малого заработка. Как-то раз автору попала большая партия забракованных фрез для исправления, а поскольку считалось, что фрезы уже изготовлены, да и слесарной работы по ним не предусматривалось, то расценка ее была оскорбительно мала. Протест автора мастер подавил, и пришлось приступить к работе. За первую смену – 9 штук, за вторую -11. Снова пошел к мастеру просить, чтобы это горе он распихал и по другим слесарям тоже. Опять отказ. Подошел Герман, посмотрел на фрезу с минуту, взял напильник, заточил его на наждаке и дал автору, объяснив, что надо делать, В эту смену автор сделал 140 фрез, а на следующий день к обеду закончил всю партию! И ни до того, ни после автор никогда не встречал этого способа работы.

Точно так же получилось и с разметкой листов под газорезчика. Сама разметка не пугала – автор читал чертежи и чертил неплохо. Но обкернить разметку было мукой, поскольку резчик в темных защитных очках плохо видел и требовал, чтобы пятно от керна было чуть ли не 5 миллиметров диаметром. Из-за этого никто в цехе разметкой не хотел заниматься. Подошел Герман, посмотрел с минуту и предложил автору попробовать вместо керна центр от токарного станка. Работа ускорилась раз в пять, и автор стал нормально на ней зарабатывать.

Уже работая шефом исследовательской службы завода, автор, наверное, с месяц думал над одной проблемой и наконец оформил решение рацпредложением. Главный инженер принял предложение и отдал его в конструкторский отдел для изготовления чертежей. Но там дело затягивалось, автор напомнил главному, тот рявкнул на начальника конструкторского бюро, и к автору пришел конструктор за уточнением деталей. Начали говорить, и вдруг стало ясно, что разговор идет не о том, что автор предложил. Действительно, конструктор показал рацпредложение на эту же тему простого рабочего. Но это был шедевр, это было настолько изящно, что автор только руками развел. Раз в пять дешевле, чем автор предлагал, и раз в сто надежнее! Пришлось автору отказаться от своего рацпредложения и дать конструктору пояснения по предложению этого рабочего.

Миф о том, что руками работают глупые, то есть рабочие, идет от тех, кто никогда с рабочими дела не имел. Строго говоря, есть основания считать, что сейчас рабочие в среднем более умные, чем те, кто не состоит при Деле. Ведь Дело заставляет думать.

Ну скажите, разве вы найдете шофера с 20-30-летним стажем, чтобы он не знал, что у автомобиля есть двигатель, тормоза, что нельзя ехать на красный свет? Да сам по себе этот вопрос звучит дурацки.

А вы посмотрите на наших академиков-экономистов, на всех этих Шаталиных и Явлинских. Ведь эти люди просто не знают самого элементарного в экономике. Весь их авторитет зиждется на не понятных никому, да и им, пожалуй, но «умно» звучащих словах: «эмиссия, ваучер, приватизация, харизма, хилиазм, теодицея и т.д. и т.п.». Такие слова – радость для мудрака, но обычные люди, те же рабочие, смущаются. Обычно они думают: «Раз этот тип такие слова знает, которые я и выговорить не умею, то, может быть, он действительно умный?»

Обидно, что слушают и верят мудракам люди действительно умные, Люди, которые без

труда могут во всем разобраться, попробуй они не верить, а понимать.

О ГЛУПОСТИ

Да, этим можно возмущаться, можно негодовать, но подавляющая масса избирателей предпочитает не думать, а просто верить. Мы, к сожалению, стадо, а стадо верит своим пастырям, не утруждая себя самостоятельным поиском логических связей между фактами и явлениями нашей жизни, не делая собственных выводов.

В качестве пастырей у нас подвизается интеллигенция, которая делится на две категории: на тех, кто именно так себя и называет (ученые, журналисты, писатели, артисты и т.д.), и тех, кому в этом названии первой категорией отказано – руководители, инженеры предприятий, офицеры.

Внешне разница очевидна: вторые являются официальными пастырями, а первые (комедианты) владеют органами формирования общественного мнения. И посредством этих органов первая категория постоянно внушает стаду, что официальным пастырям верить нельзя, а можно верить только неофициальным, дескать, у них нет корыстных целей по отношению к стаду**.**

Внутренние различия глубже. Первая часть интеллигенции никогда в своей жизни ни своей зарплатой, ни должностью, ни честью не отвечала за получение результатов, жизненно важных для избирателей, – за Дело, а это не стимулировало ее ни думать над жизнью людей, ни изучать ее. Поэтому она алчна, самовлюбленна, но глупа – глупее стада, хотя и ведет его за собой.

С началом перестройки эта часть интеллигенции повела за собой избирателей, и мы видим, что в стране начали твориться дела чрезвычайные.

Смотрите. Избиратель из своего кармана платит всем – министрам и чиновникам, генералам и президентам. Совершенно естественно, что если этих лиц станет больше, а это неизбежно при делении страны, то он вынужден будет кормить больше ртов, а сам жить беднее. В одиночку, своим умом, даже кухарка в безобразно пьяном виде не смогла бы до развала страны додуматься. А с этими пастырями – пожалуйста!

Опыт исследований во многих областях дает основание утверждать следующее. Если взять в каждом населенном пункте СССР процент «интеллигенции» первой категории и соотнести его с результатами референдума в марте 91 -го, то будет выявлена прочная зависимость между этими параметрами, В Москве более тысячи набитых «научной» интеллигенцией институтов плюс министерства, конторы, вся союзная пресса. Так чего удивляться, что московское стадо с такими пастырями проголосовало за развал СССР?

Автора могут обвинить в предвзятости, ведь в составе этой интеллигенции находятся наши славные ученые – люди общепризнанно умные. Здесь кроется ошибка, характерная для обывателя. Не зная, как у нас становятся учеными, он не знает, что ум и ученое звание – это разные вещи, но и в случаях, когда это совпадает, пользоваться умом ученого нужно крайне осмотрительно и только в той области, где он действительно специалист. Потому что в остальных областях он, как правило, глупее всех обычных людей.

Давайте рассмотрим, почему это так, а потом подтвердим это примерами.

Представим двух парней, одинаково умных, которые, допустим, окончили автомобильный институт. Один пошел работать водителем, а второй – в аспирантуру.

Диссертаций на тему «Автомобиль» не пишут – об этом все известно. Поэтому тема диссертации аспиранта будет, вероятнее всего, звучать так: «Исследование влияния графита на фрикционные свойства тормозной колодки левого заднего колеса карьерного самосвала». Лет через 5-6 один станет уже опытным водителем, а второй, защитив эту диссертацию – ученым, кандидатом автомобильных наук.

Молодой ученый начнет писать докторскую диссертацию, которая с 95-процентной вероятностью будет развивать тему кандидатской, например: «Исследование влияния графита на фрикционные свойства колодок обоих задних колес карьерного самосвала». Пройдет еще лет 10. Первый будет уже классным водителем, а второй, вполне заслуженно, доктором автомобильных наук.

Первый проедет миллион километров в степях, горах, в болотах и лесах, научится возить людей и бетон, доски и сено, а его однокурсник будет выдумывать новые испытательные стенды и проводить новые исследования. В конце концов он закончит их монографией: «Графит и тор-

моза карьерного самосвала», после чего его изберут в академию, и он станет академиком автомобильных наук. Он действительно будет ученым-автомобилистом, и действительно в" плане его работ его можно будет считать знающим, но только в плане его работ. К этому времени он уже забудет, что такое автомобиль и как на нем ездят. Знания об этом у него будут даже не институтскими, а детскими, поскольку без использования все знания забываются.

А первый забудет, что такое «графит», что такое «фрикционные свойства», ведь и его знания не вечны, но он будет знать, что у его автомобиля есть тормоза, и уметь отлично ими пользоваться.

И вот представьте, что этому академику предложили вести автомобиль. Учитывая академические амбиции, он может и согласиться, но мы-то что должны от него ожидать?

Заметьте, было время, когда мы ничего не слышали про наших славных академиков-экономистов. И благосостояние народа неуклонно повышалось. А потом Горбачев дал возможность засиять звездам Абалкина, Аганбегяна, Шаталина, Бунича. А у Ельцина госсовет вообще практически полностью был составлен из академиков. И что мы имеем? Полный развал экономики! Обывателю непонятно, почему это. Ну а как могло быть по-другому?

Карем Раш в статье «Армия и культура» без ссылок на источник цитировал примерно такую мысль Ленина: «Упаси господь допустить профессоров к власти. Нужна консультация по специальному вопросу – пригласите и проконсультируйтесь, но к власти – ни в коем случае!» Как видим, Ленин понимал кое-что в профессорах и жизни. И немудрено. Он ведь сам писал свои работы, сам разрабатывал программы, сам делал доклады. Академики не были ему нужны, он не Горбачев и не Ельцин, он был лидером, а не чтецом-декламатором. Свои программы «500 дней» готовил он сам, а не еще не знающий экономики Явлинский с уже забывшим ее Шаталиным.

Короче, если вам нужно изгадить какое-либо дело, обязательно пригласите академиков, чтобы они подготовили вам программу по его улучшению. Незаменимые специалисты для этого!

Но есть и субъективные факторы академической тупости. В обюрокраченном СССР процесс получения ученого звания стал настолько формальным, что обладателем его мог стать любой, самый безграмотный и просто неумный человек.

Возьмем, к примеру, Г.Х.Попова – вождя русской «демократии». Он считается доктором экономических наук, будучи депутатом, на Первом Съезде народных депутатов СССР удачно рассказал залу примитивную хохму про курочек и яйца. Она очень понравилась московской «интеллигенции», все газеты заполнились хвалебными статьями Г.Попову, ему тут же была выдана кличка интеллектуала и профессионала-экономиста.

Между тем сам Г.Попов уровня своего умственного развития никогда не скрывал, так как писал статьи и книги, и не виноват, что «интеллектуалы» их не читали, а если читали, то не могли понять глубину глупости идей Гавриила Харитоновича, его элементарную безграмотность. Перед выборами в ВС России, тот самый ВС, что и довел Россию «до ручки», он в тогда многотиражном «Огоньке» (№ 10, 1990 г.) опубликовал длинную статью: «За что голосует Россия». Поскольку Россия и Москва проголосовали именно за него и его сторонников, давайте вспомним, на каких идеях он демонстрировал избирателям и их пастырям свой интеллект.

В этом опусе есть вещи, которые, наверное, будут смешны только для специалистов. Например, он пишет: «Как экономист, я не понял, что значит фигурирующая в платформе (патриотов. – Ю.М.) «хозрасчетная цена». Ведь до сих пор в экономике было две цены: подлинная цена, цена свободного рынка, и волевая цена бюрократии, устанавливаемая государством». Смысл этой фразы для специалиста примерно таков: «Как шофер, я не понял, что значит автомобиль. Ведь до сих пор имеются только два средства передвижения: волы и лошади».

Но и не специалистам, а просто людям со средним образованием есть чему удивиться. Например, Попов вопрошает: «Может ли стать свободным крестьянин без свободного рынка?» – не замечая, что это звучит так же, как и вопрос: «Может ли в огороде расти бузина, если в Киеве живет дядька?» Естественно, что на идиотский вопрос обязан быть и идиотский ответ. Он есть у Г.Попова: «Если крестьянин не будет иметь права свободно торговать на свободном рынке по устанавливающимся там в ходе конкуренции ценам, то никакого «свободолюбивого российского крестьянства» не будет. А будет традиционный российский крепостной – помещичий ли, государственный ли, удельный или колхозный. Он будет в полной зависимости от тех российских бюрократов, которые, естественно «во имя общенародных интересов», будут диктовать ему, что

и когда сеять, кому и за сколько продавать».

Порой кажется, что Г.Попов специально издевается над тупостью российских «интеллектуалов». Ведь человеку, изучавшему даже не экономику, а просто историю в начальной школе, известно, что все крепостные жили в условиях именно того свободного рынка, о котором мечтает Попов, торговали там по ценам, устанавливающимся в ходе конкуренции, и никто и никогда не указывал крепостным, что и когда сеять, кому и за сколько продавать. Эти сентенции – умствование малообразованного для малообразованных.

Впечатление такое, что хохма с яйцами совсем истощила умственные возможности Г.Попова к моменту написания статьи. Он глубокомысленно вопрошает: «Может ли быть «не государственной» общественная собственность?» Любой, не причисляющий себя к «интеллектуальной элите» России сразу же ответит, что столетиями в России существовала общинная собственность на землю, до которой государству не было никакого дела. Это любой, но не Гавриил Харитоныч. Разберем его ответ по предложениям, так как здесь он бросился бороться с философской мыслью.

«Как человек, изучавший марксизм, я был уверен, что ничьи козни не могут изменить объективность отношений собственности. Напротив, они сами все определяют». Понятно, что это грек писал, но судя по всему «они» относится не к «козням», а к «отношениям». Следовательно, Г.Попов был уверен, что факт принадлежности собственности частному лицу, обществу или государству определяет «все». Написав эти два предложения, Г.Попов ни с того ни с сего вдруг пишет третье: «А зависят они не от людей, а от уровня развития производительных сил». Так ведь только что писал, что отношения собственности все определяют, что никакие козни... и вдруг пишет, что они уже зависят. Кроме этого, производительные силы – это люди и средства производства, получается, что отношения собственности зависят не от людей, а от людей со средствами производства. Согласно мысли в третьем предложении, если люди образованны и работают на высокопроизводительных средствах производства, то отношения собственности должны измениться, скажем, обладание средствами производства перейдет от частных лиц к государству. Ладно, двигаемся к четвертому предложению: «Если какая-то форма собственности не соответствует, производство или хиреет, или проигрывает в соревновании с другими видами собственности». То есть снова «на круги своя». Опять «отношения собственности» определяют все. Только что производительные силы все определяли, а теперь снова «их определяют».

Итак, философ Г.Попов при помощи всего четырех коротких предложений сумел дважды изменить точку зрения на противоположную. Это для книги Гиннесса. Устав от трудов, он подытожил: «С этой точки зрения (с какой? – Ю.М.) наши экономические беды я связываю прежде всего с всеобщим огосударствлением на базе государственной собственности». Ну это знакомо – всеобщая механизация на базе механизмов, экономика должна быть экономной и т.д.

И, заметьте – это не записки из сумасшедшего дома, это идеи лидера, за которого, радостно блея, проголосовала Москва. Сколько же в ней людей, которые читать умеют? Ведь Г.Попов ничего не скрывает, его ум как на ладони. Он ясно пишет: «Если у гражданина будет уверенность, что он сможет жить в обществе совершенно независимо от государства, то такое государство никогда не сможет быть тоталитарным и такой гражданин никогда не будет винтиком».

Но гражданин – это человек, который служит государству и находится под его защитой. Государство защищает граждан руками и жизнью своих граждан, и для этого они должны быть зависимы от него. Если граждане не зависимы от государства, то нет ни граждан, ни государства. Останется только человеческое стадо, и только стадо и могло проголосовать за вождя с такими идеями. Ну, не обидно ли?

На Первом Съезде народных депутатов СССР рядом с яйцами Г.Попова (прошу прощения за двусмысленность) засияла звезда академика Сахарова – апостола «демократии», его святого.

Под занавес он залез на трибуну со своим «Декретом о власти». Горбачев, его брат по разуму, прочесть декрет не дал. Тем не менее, декрет был опубликован, его можно было прочесть, если, конечно, человек хотел его прочесть. Ведь святой все-таки, апостол, а апостолов надо изучать, тем более что сам Сахаров просил депутатов внимательно изучить текст декрета.

Нет нужды цитировать его весь, достаточно первых двух пунктов. Вернее – второго.

«Декрет о власти.

Исходя из принципов народовластия, Съезд народных депутатов заявляет:

1. Статья 6 Конституции отменяется.

2. Принятие Законов СССР является исключительным правом Съезда народных депутатов СССР. На территории союзной республики Законы СССР приобретают юридическую силу после утверждения высшим законодательным органом союзной республики».

Заметьте, утвердить или не утвердить может только старший младшему, начальник подчиненному и никогда, повторяю – никогда, наоборот. Если союзные республики получают право утверждать Законы СССР, то, значит, самого СССР уже нет, они старшие в Союзе. При этом, не только депутат Сахаров, но и все депутаты Съезда превращаются в пустопорожних болтунов, чья болтовня союзным республикам абсолютно не нужна. Более того, они автоматически перестают быть союзными, так как союз – это единство действий, а его обеспечивали единые союзные законы.

Обычный человек, но знающий жизнь, например – кухарка, подобного Предложить не мог. Такой декрет мог предложить либо дурак, не имеющий представлений даже об элементах общественной жизни, государственного устройства, политике, либо очень умный проходимец, знающий, что внимать и следовать ему будут люди, для которых название «идиот» является не оскорблением, а диагнозом. И он должен был знать, что таких людей в Москве много.

Неужели России только осталось, что иметь власть такой элиты? Неужели это лучше демократии, лучше власти людей, привыкших отвечать за свою жизнь, за свое Дело? И неужели кто-то может надеяться на то, что эта власть долго простоит?

ГЛАВА 2. ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБЯЗАННОСТИ

Прежде чем искать дорогу обратно, мы обязаны ясно представлять себе, куда идем. Иначе говоря, как должно быть устроено демократическое государство.

Мы уже говорили, что главная и единственная обязанность демократического государства – организация защиты народа от всех возможных опасностей и проблем. Ни для чего другого оно народу не требуется.

Организуются в государство 10 – 100 – 200 миллионов человек. Создают единый для всех законодательный центр, подчиняются ему, возлагают на него обязанности. Но вот вопрос: надо ли, чтобы центральная власть организовывала абсолютно все виды защиты для всех сразу? Надо ли, чтобы министр внутренних дел, сидящий в Москве, имел в числе своих обязанностей защиту граждан города Урюпинска от местных хулиганов? Может быть, урюпинцы и без него обойдутся? Если государство взялось обеспечить всем бесплатное медицинское обслуживание, значит ли это, что всеми больницами надо управлять из Москвы? По-видимому, не надо.

Отсюда вытекает, что силы всех граждан государства нужно сосредоточивать только на тех вопросах защиты народа, которые действительно могут быть решены только усилиями всех граждан. Остальные дела просто не имеет смысла поручать центральной власти, качественно она их исполнить физически не сможет.

Что нужно поручить центральной власти государства?

Прежде всего, разумеется, военную защиту страны от внешнего врага. Армия, флот и все, что с этим связано, должно быть во власти центра.

Затем государственную безопасность, то есть преследование и предотвращение тех преступлений, что опасны сразу для всех граждан страны. Разведка, контрразведка, военные трибуналы и прокуратура должны быть у центральной власти.

Ей нужно отдать также розыск преступников на всей территории страны и вне ее, а вот от суда над ними центральную власть требуется освободить. Единственно, и только с точки зрения экономической целесообразности, ей можно поручить приведение приговоров в исполнение в общегосударственных местах заключения.

Центральная власть должна взять на себя дипломатическую защиту и государства, и каждого отдельного гражданина.

Центральная власть обязана взять на себя управление экономикой ораны, как об этом писалось в первой части книги.

Кроме этого, в стране всегда будут крупные технические, экономические, экологические

проблемы, которые невозможно будет разрешить силами отдельных регионов. Силы и средства для их решения должна сосредоточить центральная власть.

В плане защиты интеллектуального потенциала страны центральная власть должна развивать науку, в том числе и в тех областях, где скорого эффекта может и не ожидаться.

Кроме этого, центру придется заняться государственными органами формирования общественного мнения, развитием национальных культур, стихийными бедствиями национального масштаба, помощью другим странам.

Вот, пожалуй, и все, что было бы целесообразно поручить центральной власти, дать ей на это деньги и людей и право по этим поводам издавать распоряжения.

Источник остальных распоряжений нужно перенести как можно ближе к гражданам, как можно ближе к народу. Если какой-либо колхоз в состоянии будет обеспечить своим гражданам оставшиеся виды защиты, то тогда его выборный орган должен стать законодательным для территории колхоза и будет обязан эту защиту осуществить. Но вряд ли в жизни удастся приблизить законодательные органы так близко к людям. Воссоздать русскую общину не удастся по многим причинам, и в первую очередь по причине экономической нецелесообразности. Вероятнее всего, местная власть государства расположится на уровне существующих городов и районов. Давайте по старой памяти эти города и районы с функциями законодательной власти будем называть общинами, имея в виду, что община – это территория со средствами производства и люди, которые живут здесь и в основной массе работают на этих средствах производства. Общины должны обеспечивать живущим на их территории людям коллективную защиту: содержать больницы, милицию, суд и т.д. Конечно, в каких-то случаях общины могут иметь и общие с другими общинами больницы, и общие милицию и суд. Но все-таки надо стремиться приблизить местную власть как можно ближе к людям, дать им возможность влиять на те законы, которые для них и принимаются. Восстановить общинный принцип единогласия не удастся, общиной так или иначе будет управлять не общее собрание жителей, а депутаты, но эти депутаты будут жить рядом с людьми и принимать решения по вопросам, суть которых им будет понятна и которую и депутаты легко смогут обсудить со своими избирателями.

Как будет называться законодательный орган общины, сколько в нем будет депутатов, на какой срок их избирать – это решит сама община. Этот орган, назовем его Совет, примет все необходимые законы для защиты граждан на своей территории. Он же будет определять, кому, какие и как налоги платить и как исполнительной власти общины их тратить.

Центральная власть издаст Уголовный кодекс, где скажет, как она будет наказывать государственные преступления, а обычные уголовные преступления, по специальному перечню, поручит расследовать и наказывать общинам, и как наказывать – каждая община решит для себя.

Кроме этого, община может пополнить общий перечень иными действиями, которые на своей территории сочтет преступлениями. Например, многоженство или вождение машины в пьяном виде. Общинные суды будут судами первой и последней инстанции. Обжаловать их приговоры или просить помилования можно будет только в Совете общины. Таким образом, нынешние областные и Верховные суды с прокуратурами станут ненужными и прекратят занятия любимым делом – пересылкой бумаг друг другу. Преступнику, попавшему на территорию незнакомой общины, нужно будет ознакомиться с ее Уголовным кодексом – узнать, что за что здесь дают. Может быть, дают столько, что выезжать надо срочно.

Учитывая, что защищать права граждан нужно на территории всех общин, уголовно-процессуальный и гражданско-процессуальный кодексы должны быть едины для всего государства.

Пенсионное обеспечение – это дело общин, это их обязанность. Если они решат создать единую для всей страны систему пенсий, то инициатива должна исходить от них и центральная власть в это вмешиваться не должна. Законы о пенсиях – дело Советов общин.

То же самое касается законов о труде. Длительность рабочего дня, минимум зарплаты, выходные, трудовые споры – все это дело общин.

Ни в одной стране нет бесплатного медицинского обслуживания. Так или иначе деньги у людей изымаются либо прямо, либо через страховые компании, либо налогами. Это также дело общин – как они сочтут целесообразным, так и поступят. Медики общин заключат договор с клиниками и институтами, дающими специализированную помощь высокого класса, и за деньги общин будут посылать туда сложных больных. Делократизация медицинского обслуживания не

представляется очень сложной, но автор не будет обсуждать этот вопрос.

Среднее образование даст всем своим детям община, она же разрабатывает и требования к нему. А вот что касается высшего, то здесь несколько сложнее. Мы привыкли говорить, что люди с высшим образованием нужны государству. Это вредная ошибка, которая, между прочим, позволила расплодить нам так много дерьмократов. Государству, народу люди с высшим образованием не нужны. И платить за их обучение государству незачем. Специалисты с высшим образованием нужны конкретным отраслям экономики и общественной жизни. Инженеры нужны заводам и исследовательским институтам, юристы – судам, милиции и прочим, выпускники литературных институтов – редакциям и издательствам, медики – клиникам и т.д. и т.п. Вот они и должны платить за подготовку себе кадров.

Причем разумно это сделать так. Люди со средним образованием безо всяких экзаменов должны иметь право записаться на первый курс любого вуза. Но вуз потребует оплатить обучение в нем. Следовательно, одновременно с поступлением студент должен будет взять в банке ссуду на свое обучение. А вернет эту ссуду банку то предприятие или учреждение, куда выпускник поступит на работу по окончании вуза. Если он окажется никому не нужен, то тогда должен будет вернуть деньги банку самостоятельно, либо банк возвращает их через суд, если выпускник откажется платить. У студента сразу после поступления в институт должна начать болеть голова о том, где он будет работать и кому нужен, а своей учебой он должен доказать, что действительно кому-то нужен.

Все это отдельные детали, которые можно будет решить в процессе возврата к демократии. Главное в другом – необходимо в государстве делить между «ветвями власти» не права, а обязанности государства и понимать, зачем мы это делаем. Это не реорганизация ради реорганизации.

Мы организуем низшее звено государственного управления с тем, чтобы максимально приблизить его к населению, и делаем это не в рекламном восторге. «Во какие мы демократы!» Мы добиваемся этим, чтобы большинство законов были максимально действенными, максимально приноровленными к данной местности, данным условиям, данным людям. Вспомним, почему в немецкой армии предоставлялась максимальная свобода нижестоящим командирам? Почему единоначалием им давалась законодательная власть? Мюллер-Гиллебрандт писал, что делается это для того, чтобы «...реализовать скрытые потенциальные возможности, которые таятся в любой обстановке, но которые редко удается своевременно распознать (из центра. – Ю.М.) и использовать в своих целях... обеспечить за собой наряду с материальными факторами силы возможно больше других предпосылок для достижения успеха». Чем ближе источник команды к исполнителям, тем более компетентна эта команда.

Поэтому законодательные функции нужно придать самым нижним социальным объединениям: не республикам, не областям, а общинам. Возложив на общины государственные обязанности, мы должны дать им под эти обязанности и государственные права. Это право назначать и взимать налоги самостоятельно.

Центральная власть будет назначать и взимать налоги уже с общин, а не с конкретных людей или предприятий.

Возглавлять и центральную и местную власть будут избранные народом Советы депутатов, как они конкретно будут называться – не имеет значения.

Итак, делократическое государство строится следующим образом. Население выбирает депутатов в два законодательных органа – высший и местный. И тот и другой издают законы, обязательные для исполнения населением. Законы различаются по видам защиты. Там, где защита народа осуществляется по всей стране и силами всей страны, законы дает высшая власть. Во всех остальных случаях – местная. Местная власть максимально приближена к народу.

Будут ли трудности при реорганизации нынешних систем в такое государство? Не более, чем в любых подобных случаях. Между прочим, за основу своих законов местная власть может взять ныне действующие, какие сочтет нужными, а потом уже, не спеша, пересмотреть их и уточнить.

ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ

Законодательная власть установит законы. В них укажет цели – те защиты, которые эти за-

коны дают народу. Укажет поведение граждан по достижению этих целей.

Теперь нужна исполнительная власть, которая, во-первых, проследит, чтобы поведение всех граждан соответствовало законам, во-вторых, организует их на достижение целей законов.

Исполнительная власть – это сугубо исполнитель воли народа, выраженной в законодательных решениях. Она обязана быть подчиненной законодательной власти без каких-либо оговорок, без каких-либо попыток самой издавать законы.

То, что в ряде стран есть президенты, избранные прямо избирателями -это глупость, оправданная для стран без больших исторических потрясений. Но уже на опыте развалившегося СССР – России и «суверенных» государств – можно видеть, до какого маразма может дойти институт президентства. Не в Ельцине здесь дело, хотя, конечно, будь на его месте умный и порядочный человек, он бы многое успел сделать. Причина в том, что не может быть у подчиненного двух одинаковых по уровню власти начальников. Президент же избирается народом, и парламент народом. Для аппарата исполнительной власти и для граждан – они равноценные начальники. Хорошо, если время спокойное и есть определенные традиции по подчинению президента парламенту. А если нет? Тогда это драка между этими двумя начальниками за первенство и развал управления с анархией в стране. Хотя исполнительная власть и подчинена законодательной, тем не менее любые силы, приходя к власти, норовят в первую очередь назначить своих людей министрами, начальниками и т.д. И это понятно. Деньгами, собранными с народа по приказу законодательной власти, распоряжаются чиновники правительства. А это и государственные должностные оклады, и привилегии, и возможность брать взятки и воровать.

Уже с этой точки зрения весьма сомнителен принцип сменности исполнительной власти. Скажем, президент меняется через четыре года. Это зачем? Сам со своими людьми наворовался – дай украсть другому?

И уже совершенно не выдерживает критики принцип сменности с точки зрения управления.

Чиновник правительственного аппарата – это профессионал, а если это профессионал, то чем больше он работает, тем больше набирается опыта, тем больше от него отдача, тем больше пользы для Дела, для страны. Его нельзя менять через какой-то срок. Его могут сменить только старость, карьера и плохая работа. Он должен быть спокоен. Никакие политические пертурбации в законодательной власти его не должны касаться.

Это профессионал. Скажут ему: «Построй социализм! – он построит. Скажут построить капитализм – он и его построит. Например, задача военного государственного чиновника – командира полка – уметь своим полком уничтожить врага. Какая ему разница, с точки зрения его задачи, какая нынче власть в стране? Враг – сегодня один, завтра другой – все равно будет, и уничтожать его все равно надо. Какой смысл с приходом к власти новой партии менять полковников?

Впрочем, относительно полковников это все понимают, но доходит дело до министров, премьер-министра, президента – и стоп! Вот их, считают, менять надо. А какая разница? Ведь люди на этих постах тоже обязаны быть специалистами, они тоже обязаны набираться опыта. Что же мы на эти должности смотрим так, как будто на них можно посадить любую обезьяну лишь бы из своей партии?

Пришли к власти в России дерьмократы, насадили на должности президентов, премьеров, министров самых лучших дерьмократов, один гений Гайдара чего стоил! А каков эффект? Экономика России от этих «министров» получила удар сильнее, чем она получила его от вермахта в 1941 году. В других странах дело, конечно, получше. Там умные люди приходят на министерские посты. Но от этого все происходящее и там не становится более осмысленным.

Наиболее разумно с точки зрения делократизации исполнительной власти организована монархия. Там монарх с детства знает, что будет монархом, по крайней мере, морально к этому готовится. А взойдя на престол, он подбирает себе министров, исходя из своего понимания Дела и их способностей. Министры и все чиновники спокойны: пока они честно исполняют свой долг, с ними ничего не случится. Их не заменят лишь только потому, что в парламенте победила партия, укомплектованная более способными демагогами и проходимцами.

Мы уже говорили, что монархия в чистом виде дает генетические сбои. Наследник может никак не повторять отца. Но сама по себе управленческая идея, заложенная в ней, не становится от этого хуже.

Здесь надо вот еще что понять. Обычный карьерный рост чиновника идет с самых малых должностей. В результате способный человек, быстро поднимаясь по служебной лестнице, имеет дефект – отсутствие нормального опыта в каждой должности. Этот дефект он обычно компенсирует способностями. А ведь хотелось бы, чтобы и способность и опыт сочетались.

Идеальный случай – это когда человек в молодости поступил на службу и на одной и той же должности прослужил до пенсии. Вот у какого человека был бы опыт так опыт! Но это, к сожалению, по ряду причин невозможно. Система управления все-таки требует способностей не средних. Более способные желательны для более высоких постов, и не потому, что там уж такие сложные задачи. Просто более способный реже ошибается, а даже простительная ошибка внизу стоит дешевле, чем такая же вверху. Поэтому система управления и стремится приподнять способных, пренебрегая недостатком у них опыта. Мы говорим, конечно, о системе управления Делом, а не о чисто бюрократических организациях.

Дело, которое давит на начальника, делают его подчиненные, и он крайне заинтересован, чтобы они были поспособнее. Иначе ему нужно будет работать за них самому. Толковый подчиненный очень ценен, его берегут и стремятся, чтобы у него не возникало желание куда-либо уйти. Правда, подчиненный может уйти вверх, и если речь идет о нормальном, деловом коллективе, а не о бюрократическом гадючнике, то препятствий не будет. Нужны не только способные подчиненные, но и способные начальники.

Автор в системе Управления Делом передвигался не только вверх, но и поперек, то есть попадал на равнозначные должности в совершенно новой для себя деятельности. И всегда, пока не появлялся опыт, он чувствовал поддержку подчиненных, которые формально могли были бы занять его место.

В принципе в системе управления любого нормального, неглупого и ответственного человека можно назначить на любое место, даже самое высокое, но нужно дать ему время получить опыт и научиться. Скажем, в военном деле мы ведь знаем не только полководцев типа Суворова, которые начинали службу солдатами, но и Александра Македонского или Евгения Савойского, которые становились полководцами сразу, без прохождения всех ступеней воинской службы.

К чему эти размышления? Пост главы исполнительной власти очень важен, и весьма желательно, чтобы глава государства попадал на этот пост насколько возможно раньше и находился на нем до тех пор, пока сможет. При этом он должен быть уверен, как и любой чиновник, что, пока законы государства исполняются четко, защита граждан, осуществляемая под его руководством, надежна, с ним лично ничего не случится, никто его не снимет и не отправит на пенсию в молодые годы.

По идее – это царь (автору не нравится из-за иностранного оттенка слово «президент»), но само собой разумеется, что мы называем так главу исполнительной власти страны. Обратите внимание еще на одну существенную деталь монархии. Первый царь избирается, но затем династия воспроизводится самостоятельно. Поскольку царя не избирают, то он ни от кого и не зависит. А поскольку он ни от кого не зависит, то может требовать исполнения законов равно ото всех, а это справедливость. Справедливость исполнительной власти.

Нам желательно в демократическом государстве иметь исполнительную власть, которая бы ни от кого не зависела и сама себя воспроизводила. В этом случае она бы без колебаний требовала ото всех исполнения законов страны до тех пор, пока законодатели их не изменят, какие бы страсти ни бушевали вокруг этих законов. И еще, конечно, хотелось бы, чтобы во главе страны стоял человек неглупый, мужественный, решительный и преданный народу.

Главу высшей исполнительной власти можно назвать хоть горшком, но почему бы не назвать его царем? Выборы первого царя можно проводить, как президента, а можно его назначить и парламентом, был бы человек подходящий, а выборы – это уже второй вопрос. Однако дальше исполнительная власть должна воспроизводить саму себя.

Это может быть так. Установить, что царь отрекается от престола (воспользуемся и соответствующей монархии терминологией) при достижении им возраста 65-70 лет. Лет за 10-12 до его шестидесятипятилетия в стране надо начать поиски наследника престола.

Каждая община должна будет выбрать из своих членов претендента -мужчину или женщину 30-35 лет. Затем губерния должна провести между претендентами конкурс и выбрать одного. Претенденты от губерний попадают в распоряжение министров и царя, которые за 2-3 года путем различных испытаний должны их изучить. После чего царь со своим Советом Министров

выберет преемника и его товарища (в будущем вице-царя). Причем кто из них кто, можно сразу и не объявлять. Далее после того, как исполнительная власть окончательно утвердится в своем решении, она начнет обучать и воспитывать наследника престола и его товарища. Обучение должно проводится в течение определенного времени, достаточного и для знакомства со спецификой Дела, и для проявления способностей. Им нужно поручать ответственные дипломатические поручения, команду военными округами и разрешение военных конфликтов, руководство ответственными государственными проектами. То есть лет десять они будут практиковаться в принятии ответственных решений по делам, максимально приближенным к Делу царя.

После ухода царя от дел и отречения от престола он назначит нового царя и его товарища на престол, они дадут уже царскую присягу Высшим законодателям и коронуются.

Конечно, это звучит старомодно – царь, престол. Ну, давайте в угоду дуракам назовем их президентами или вождями. Не в этом дело.

Предположим (не дай Бог) у вас геморрой. Неужели вы объявите «свободные выборы на альтернативной основе», чтобы из всяких любителей, болтунов и прочих претендентов избрать себе хирурга для лечения? Нет! Вы будете искать хорошего хирурга, который успешно делал такие операции много раз. Когда речь зайдет о личной заднице, у всех «демократическая» дурь из головы вылетит. Так неужели наша Родина заслужила, чтобы во главе ее стояли «демократически» избранные дебилы типа тех, кто возглавляет ее сегодня? Ведь дело не в том, как человек попал на место, а в том, умеет ли он Дело делать, предан ли ему!

Но продолжим. Сначала о пустяках. Общину и губернию, которые дадут народу царя, нужно поощрять – может быть, налоговыми льготами. Сделать их вотчиной царя, построить там резиденцию, куда царь удалится после отречения от престола. Пусть общины стараются дать народу царя и гордятся тем, что именно они его дали.

Более серьезно. Царь не может принадлежать ни себе, ни своей семье. Вся личная собственность его и супруги в момент вступления на престол должна быть учтена и обособлена. Его дети и несколько поколений потомков обязаны стать под жесткий государственный и финансовый контроль. Должно быть установлено, что они не могут жить нигде, кроме родины.

Надо помнить, что того, у кого нет личного имущества, невозможно купить. Царь сможет иметь бесплатно все, что пожелает, но это все будет принадлежать государству, и после его смерти новый царь распорядится его имуществом.

И наконец, основное – взаимоотношения исполнительной и законодательной властей. Глава страны – законодательная власть, глава государства, глава органа, организующего защиту страны, глава специалистов этого Дела – царь.

Между ними могут возникнуть трения. Законодатели решат принять новый закон. Как автор писал, в нем обязана присутствовать полезная народу цель, она обычно дается в преамбуле. Далее идут статьи, определяющие поведение населения по достижению этой цели. Организовать поведение населения и контролировать его должен царь со своими чиновниками-специалистами: им лучше, чем кому-либо, видно, можно ли указанными в законе средствами достичь желаемой цели.

Отсюда следует, что конкретные действия закона должны обязательно согласовываться с исполнительной властью. Подпись царя на законе – его согласие: «Да, таким путем цели закона можно достичь и исполнительная власть их достигнет».

Может случиться, что на сегодня исполнительная власть просто не видит способов достижения цели и предложит законодателям отказаться от нее. Могут и законодатели счесть предложенные исполнителями способы достижения цели неприемлемыми для населения.

Скажем, законодатели решат, что для защиты граждан будет полезно каждому гражданину иметь бриллиантовую диадему. Исполнители скажут, что это можно, но придется ввести дополнительный налог в 2 миллиона рублей в расчете на каждого гражданина. Законодатели должны подумать, нужно ли гражданам задавать в законе такое поведение – выплату двух миллионов – под намеченную в нем цель.

Но это скорее шуточный пример. Давайте рассмотрим более реальный конфликт.

Скажем, на дружественную страну нападает враг. Царь считает необходимой немедленную военную помощь. А законодатели полагают возможным оставить друзей без помощи. Царь убежден, что надежная защита народа, то есть не только сегодняшних граждан, но и будущих поколений, невозможна без надежных союзников, а депутаты боятся упреков за похоронки.

Как быть? В этом случае не зависимый ни от кого царь должен иметь право заставить законодателей срочно провести свои перевыборы. Но если новый состав парламента его не поддержит, то он должен немедленно отречься от престола. Значит, он плохой исполнитель.

Однако в свете тех предложений, что будут сделаны позже, даже такой вполне реальный конфликт автор считает маловероятным. Обе власти будут жить очень дружно.

Мы говорим о высшей власти, на местах исполнительную власть следовало бы организовывать по этому же принципу. Но там это не так важно, там исполнители на глазах людей, их действия понятны, там нет необходимости столь строго подходить к их руководителям. И не забудем, Это дело общин, каких им иметь исполнителей.

Исполнительная власть – это не только столица, это еще и чиновники по всей стране: армия, милиция и т.д. Общины разумно объединить в губернии, губернатору вменить в обязанность защиту данного населения теми видами защит, за которые отвечает верховная власть, подчинить ему всех местных государственных чиновников. Он же будет контролировать сбор налогов с общин.

Заканчивая главу, просуммируем выводы. Демократическое государство с точки зрения управления людьми выглядит следующим образом. Законодательная власть избирается всеми гражданами страны и по своим обязанностям делится на два вида: высшую и местную. Под эти обязанности органам власти даются соответствующие права. Исполнительная власть -это не зависящие ни от населения, ни от депутатов специалисты. Это дает им возможность зависеть только от Дела, рвет бюрократические связи в системе управления. Это демократия, это та цель, которую нам необходимо достичь.

С ЧЕГО НАЧАТЬ?

До этой главы вся книга – это, по сути, оценка обстановки. Мы выяснили, что все те проблемы, которые возникали в СССР, это проблемы управления огромной страной, огромным народным хозяйством. Нельзя для такой страны систему правления оставлять бюрократической. Мы выяснили, что существуют законы поведения людей, и их знание позволяет внедрить в управление не только бюрократические, но и делократические принципы. Но до сих пор никто, кроме армии, этим не занимался.

Автор надеется, что сумел показать Россию и СССР как весьма своеобразную страну, народ которой под воздействием внешних сил выработал в себе определенную систему ценностей, отличную от ценностей западного человека. Это очень свободолюбивый народ, с болезненным чувством справедливости, с чрезвычайной преданностью своему государству и, как следствие, с внутренним чувством государственной и общественной дисциплины. Русский народ выработал для своего государства схему правления, которая в идее обеспечивала ему максимальную защиту от всех возможных напастей, и, следовательно, по своей сути Русское государство было наиболее демократичным.

На протяжении столетий это государство подвергалось внутреннему разрушению со стороны бюрократии, и это в конце концов привело его к пределу маразма, к созданию на его месте неких дерьмократических образований.

Мы выяснили, что если не вмешиваться в события с пониманием того, что и зачем мы делаем, то их развитие не может не привести нас к гражданской войне русского типа – безжалостной и беспощадной. В результате демократия русского типа вновь возродится, но крови прольется необычайно много.

Автор считает, что те советские люди, которые чувствуют свою ответственность за страну, за развитие событий, те, кто способен думать, просто обязаны отыскать путь, обходящий гражданскую войну. И не только потому, что очень страшно, но и потому, что подобный исход будет браком, оскорбительным для русского ума, поскольку автор уверен – выход есть. Можно справиться с дерьмократами и без физического уничтожения их сторонников.

Для того, чтобы выйти на обратную дорогу к демократии, нужно сделать первый шаг. Он очень важен. Если он будет правилен, то мы или перешагнем гражданскую войну, или сделаем ее малокровной, превратим ее в подавление бунта дерьмократов.

Этот первый шаг – действия народа по реорганизации управления страной, причем эти действия могут показаться внешне никак не связанными с тем, что мы рассматривали выше. Но

это на первый взгляд. Если мы возьмем для примера хронологию Великой Отечественной войны, то описанное в этой главе государство – это 9 мая 1945 года. Это Победа. А сейчас у нас только август 1942 года. Рано говорить о полной победе. Сейчас время приказов: «Ни шагу назад!» Нам надо разработать свою операцию «Уран» и надо выиграть это сражение. Это будет первый шаг к демократии.

ГЛАВА 3. ШТАБНАЯ РАБОТА

ОЦЕНКА ОБСТАНОВКИ

Прежде чем наносить удар по системе управления страной, созданной дерьмократами, надо ясно себе представить, как она устроена, а также какова раскладка сил. Займемся штабной работой. Схему управления будем рассматривать только для высшей власти – власти страны – и начнем с того, что мы хотели бы иметь.

Схема 1. Упрощенная идеальная схема управления демократическим государством.

Эта схема и не полная, и не рабочая – она идеальная. Но автор считает, что читатели на ней несколько привыкнут к прямоугольникам и стрелочкам.

Верхний прямоугольник – народ, тот самый «демос», образующий первую половину понятия «демократия». Стрелочка – это власть, та самая «кратос», что составляет вторую половину слова. Этот прямоугольник с идущей от него стрелочкой показывает, что власть народа распространяется на всех, ему все подчиняются. С другой стороны, на схеме нет стрелочки, нацеленной на прямоугольник «народ», и это говорит о том, что он сам не подчиняется никому и является высшей властью, как того и требует демократия.

Напомним, что народ – это не только ныне живущие люди, но и будущие поколения. Поэтому никаких команд народ дать не может, подчинение же ему состоит в следовании его интересам. И только когда в этом смысле Он имеет власть – в стране царит демократия.

Следующий прямоугольник – избиратели, ныне живущие граждане страны, имеющие право голоса и избирающие депутатов высшей власти страны. Избиратели должны подчиняться интересам народа, ведь если они не подчиняются им, то власти народа не будет, демократии не будет, стрелочку между прямоугольниками «народ» и «избиратели» придется убрать. В стране будет то, что называется другим словом – охлократия – власть толпы.

Законодательной власти непосредственно подчиняется все население страны. Это может выглядеть несколько странно, ведь в обыденной жизни мы ни с какой законодательной властью дела не имеем, контакты у нас только с чиновниками исполнительной власти – с милиционером и клерком собеса, мастером и директором. Тем не менее это так. Исполнительная власть никаких самостоятельных, от себя инициированных указаний населению давать не может. Предварительно законодатели должны дать указание и уж после этого чиновники исполнительной власти могут дать свои указания, организующие нас на исполнение воли законодателей. Поэтому и построены стрелки таким образом – исполнительная власть усиливает власть законодательной, но сама она также подчиняется ей и самостоятельного значения не имеет.

Обратите внимание на особенность схемы – к каждому объекту управления подходит только одна стрелка! Подчиняться можно только одному начальнику. Когда их появляется больше, то тогда объект управления может лавировать между ними и фактически не подчиняться никому.

А давать команды можно, естественно, нескольким объектам управления.

Но мы назвали эту схему и идеальной, и упрощенной. Она может работать только на бума-

ге, а не с живыми людьми.

Очевидный дефект этой схемы – нет ни малейшей гарантии, что избиратели подчиняются воле народа. Посмотрите на шахтеров, прячущих глаза от непривычки предавать, но тем не менее предающих. Тех самых, которые за паршивые тридцать сребреников предали страну, выпихнули к власти дерьмократов. Вы посмотрите, с какой энергией омоновцы за небольшие, в общем, деньги избивают стариков, ветеранов войны. Да дайте им денег побольше – они мать родную зарежут и детей своих придушат. О каком их подчинении идеалам народа может идти речь? И ведь это не единицы, их столько, что без больших натяжек можно сказать: «Это мы!»

Эти люди-животные, без узды они жить не могут. И такая узда есть. Есть власть, которая в состоянии держать их в человеческих рамках, но может и опустить их до уровня животных.

Власть эта – органы формирования общественного мнения. И хотя сюда относятся и священники, и просто люди, распускающие слухи, мы для краткости назовем их «пресса».

ПРЕССА

Существует два определения журналистики. Одно из них, характеризующее качественный состав людей, занимающихся этим делом, утверждает, что журналистика – вторая древнейшая профессия, считая первой проституцию.

Второе определение утверждает, что пресса – это четвертая власть, имея в виду, что первые три власти – это законодательная, исполнительная и судебная.

В отличие от тех проституток, которые в силу ли склонности или необходимости выбирают себе эту профессию, но при этом абсолютно точно понимают, чем они занимаются, журналисты напоминают проституток, умственно недоразвитых, то есть тех, кто в массе своей и не догадываются, что они делают, да и не думают об этом. (Автор при этом не хочет обидеть журналистов-проституток, которые точно знают, что делают.)

Вызвано это следующим. Чтобы понять смысл большинства явлений жизни, большинства ее проблем, надо пожить и позаниматься этими проблемами как своим Делом, отвечать за них. В журналистику идут с младых лет, то есть туда поступают люди, которые в своей жизни никогда ни за какое Дело не отвечали по в сути своей ни о чем, кроме животных инстинктов, понятия не имеют. Да, они умеют хорошо писать, хорошо говорить, имеют богатый словарный запас. Но все это «красивый шкаф с убогим содержимым».

Какие выводы о действиях руководителя страны может сделать человек, который никогда не руководил профессионально даже колхозной свинофермой? Как он может понять ответственность за Дело, если сам никогда за Дело не отвечал?

Эти люди, бюрократы по образованию и воспитанию, в подавляющей массе – мудраки. Им просто делать нечего. Не имея собственного понимания происходящего, они принимают любую оценку событий, если она кажется им происходящей из «мудрого» источника, и считают ее собственной оценкой. Меняется источник «мудрости», и они меняют свои убеждения, не испытывая ни малейших угрызений совести. Не иметь своих мнений и убеждений – это их профессия; в связи с чем тогда совесть будет беспокоит» этого «профессионала»? У проститутки половой акт – это тоже профессия и ее из-за этого совесть тоже не мучает.

Сравните, как выступают лидеры шахтеров-забастовщиков и журналисты. Первые тупят глазки, им неудобно смотреть прямо в глаза народу, их мучают остатки совести, они начинающие проститутки, они еще не вытравили из своего сознания полностью такие понятия, как честь и достоинство. И это люди, которые никогда в жизни не кормились за счет народа или партийных взносов. Они кормились только за счет своего тяжелого труда.

А посмотрите, как выступают все эти полторанины, цветовы, волкогоновы. Вчера еще они убеждали всех, что коммунизм – это молодость мира, а сегодня – что капитализм это молодость мира, и ни малейшего стыда в глазах! А чего им стыдиться? Ведь это вам не простые б...., это проститутки-профессионалки!

Понимание сути происходящего или приверженность к определенным убеждениям не позволяет человеку продаваться. Легче всего купить того, кто профессионально не имеет ни убеждений, ни понимания. И действительно, пресса по сути своей наиболее продажная организация из всех организаций страны. Это профессионально.

Положение с качественным составом журналистики в СССР усугубилось еще и тем, что с

перестройкой произошла замена более умных людей более подлыми и далеко не умными. Да, при коммунистах преданность коммунистическим убеждениям журналистов была главным. А что стоило прикинуться убежденным? В этом плане они все были одинаковыми, и отбор шел по уму, по знаниям.

С перестройкой, расталкивая прежних ведущих журналистов, к газетным полосам и телевизионным экранам рванули те, кто до этого был в тени. Разумеется, это были не только молодые и наиболее подлые, но и наименее умные и образованные.

Может быть, наиболее характерным или наиболее видным (в полном смысле этого слова) является кадровый состав телевидения дерьмократов. Мальчики и девочки, мелькающие на экранах, каждый раз, открывая рот, извергают потоки глупости. Им бы учиться, учиться и учиться, как завещая великий Ленин, но его-то они как раз и не почитают, возможно, именно в связи с этим завещанием.

На российском канале одно время был диктором молодой человек, рыжеватенький, лысоватенький и усатенький. Исходя из того, что он обычно говорил, следовало, что он сам убежденный дерьмократ, так сказать, до мозга костей. Как-то он рассказывал об армянско-азербайджанском конфликте, показал зрителям пистолетную гильзу и сообщил, что это «пуля от нагана Макарова». Только для женщин, которым простительно незнание некоторых областей деятельности мужчин, поясним, что это высказывание рыженького аналогично тому, как если бы он показал с экрана бюстгальтер и заявил, что это грудь бабьей женщины. Для мужчины же незнание разницы между патроном, гильзой, пулей или конструкторами оружия Наганом и Макаровым непростительно.

Потом он исчез, и можно было думать, что своей глупостью он доконал и дерьмократическое начальство телевидения. Ан нет! Спустя некоторое время он снова появился на экранах уже как корреспондент дерьмократов в Англии. С увлечением вел репортаж из английской тюрьмы, в котором рассказывал, что в цивилизованной Англии заключенным начали давать специальность и работу. Ну очень интересная новость для нецивилизованной России, ну просто очень!

Так стоит ли удивляться при проявлениях кретинизма в более сложных вещах? Телевидение Останкино может сегодня показать репортаж из села о массовом забое молочного стада и птицы, а на следующий день радоваться сообщению правительства, что Россия имеет большие запасы зерна. Но зерно – это корм для скота, и если российский скот режут от бескормицы в то время, когда корм есть у правительства, то надо не радоваться, а плакать. Но для этого должно быть немного ума в голове.

Вы посмотрите, как тешатся своим интеллектом журналисты во всех телепередачах, как бахвалятся им, как кичатся. В то же время с каким тупым энтузиазмом они мусолили макакавку перестройки, не понимая, что это; макакавку рыночных отношений; макакавку ельцинских реформ – и ни в одном случае не последовало ни малейших потуг ума понять, что это такое, зачем нужно народу, что это дает столь любимой им демократии. Полный суверенитет языка от мозгов!

Когда пишутся эти строки, пресса России с урчанием возится с очередной макакавкой – ельцинской конституцией. Вызывают к экранам идиотов от профессоров до вице-премьеров. Все с пеной у рта доказывают, что ельцинская конституция даст толчок «реформам», без нее «реформы» невозможно внедрить. И не один не скажет, какие именно конкретные действия реформ тормозит действующая конституция и какие статьи в новой отпускают эти тормоза. Говорят, что ум человеческий имеет предел, а глупость беспредельна. В этом смысле пресса дерьмократов беспредельна.

Теперь о другом определении прессы, о том, что она «четвертая власть». Это правильно, но лишь наполовину. Она власть, но не четвертая, она – первая власть.

Поэтому в схему управления страной прямоугольник «Пресса» мы вставили между прямоугольниками «Народ» и «Избиратели». Это ее место. Над прессой власть может иметь только народ, но ведь он-то и самый беспомощный. Это ведь миллиарды тех, кто еще не родился. Народ не в состоянии кого-либо заставить, можно только добровольно ему подчиняться. И если пресса не подчиняется, то она и есть первая, самая высшая власть в стране. Свобода прессы – это в первую очередь свобода ее от служения, от подчинения интересам народа, это ее высшая власть в стране со всеми вытекающими материальными последствиями для журналистов. Свобода для прессы очень желанна!

Тем не менее, полная идеальная схема управления страной выглядит так:

Схема 2. Полная идеальная схема управления страной.

Эта схема все еще демократического управления. Пресса формирует у избирателей идеалы служения народу. Избиратели выбирают депутатов, приверженных этим идеалам. Кроме этого, пресса воздействует и на население, убеждая его в правильности законов страны, в правильности действия исполнительной власти, да и следит за тем, чтобы эти законы и действия действительно были на пользу народу.

Но это идеал. А в действительности, где мы найдем журналистов, обладающих такими нравственными ценностями? Откуда их взять? Где найти комедиантов, которые бы хотели служить не себе, не своей славе, не алчности, а народу? Это поиск Богородицы в борделе.

Никакой связи «Прессы» и «Народа» просто так, при «свободной прессе» нет и быть не может. И схема управления преобразуется:

Схема 3. Реальная неполная схема управления страной при «демократии западного типа».

Как видите, народу по схеме 3 никто не служит, демократии нет, правда, пресса будет вовсю орать, что это и есть демократия. И ее можно понять, она становится главной силой в стране. Она непосредственно воздействует и на избирателей, и на население. Она может убедить население или его часть не подчиняться ни законодательной, ни исполнительной власти, и все последствия этого мы видели и в Тбилиси и в Прибалтике. Это пресса взяла власть в стране для дерьмократов при наличии, казалось бы, мощного государства.

Глядя на эту схему, ведь можно понять Наполеона, который утверждал, что одна дерьмовая газета заменяет дивизию? Эта газета может парализовать солдата, сделать его дезертиром, трусом, просто талдыча, что его смерть в бою никому не нужна. Ведь это французская пресса превратила перед второй мировой войной французов в стадо трусливых баранов, которых немцы в 1940 году просто разогнали. Ту войну даже войной-то считать неудобно. И французская исполнительная власть была бессильна: ее чиновники – офицеры – жизни для Франции не жалели (мы уже приводили цифры – они умирали в боях в шесть раз чаще, чем их китайские коллеги), но сделать ничего не могли. Не успели и не смогли они из баранов сделать снова французских граждан.

Можно понять Ленина, который не мудрствуя лукаво позакрывал во время гражданской войны все правые газеты? Ведь гражданская война -это раскол общества, прекращение войны – объединение. Как же мог ответственный руководитель во имя похвал идиотов за демократичность терпеть обострение конфликта и гибель граждан?

Можно понять Сталина, столько времени уделявшего всем этим комедиантам, подвизающимся в органах формирования общественного мнения, читавшего почти все выходившие книги и смотревшего все фильмы.

Ответственный руководитель просто не может отдать власть в стране толпе алчных, безот-

ветственных и продажных глупцов.

Немного забегая вперед, скажем, что, пока пресса в руках дерьмократов, ни о какой демократии говорить не приходится. Пресса – это самое главное, пресса – это почти все.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОЦЕНКИ ОБСТАНОВКИ

Предложенная выше схема реальна, но она неполная. Из-за своей подлости и глупости высшая власть страны – пресса – может не подчиняться народу (с него нечего взять), но не подчиняться вообще никому она не в состоянии в силу качественного состава журналистов – они не знают никакого Дела, они по сути своей мудраки. Поэтому дополним схему еще одним необходимым компонентом:

Схема 4. Реальная дополненная схема управления.

«Другие силы» в схеме 4, как видим, управляют всем – они прямо командуют и прессой, и законодателями (которые в этом случае становятся просто не нужны), и исполнительной властью. И людьми с помощью прессы и исполнительной власти командуют они. Наверное, некоторые читатели сочтут, что «Другие силы» – это политические партии, движения, объединения и т.п. Нет, в любых этих партиях в конце концов заправляет небольшая группа людей с реальной властью, и борьба внутри партий – это борьба таких лидеров между собой.

«Другие силы» (их всего лишь две) – это люди с деньгами и люди с идеями.

Люди с идеями должны иметь идеи, которые разделит большинство общества хотя бы в какой-то момент. Тогда-то общество и может поставить этих людей фактически над всеми. Но поставит сбоку, а не сверху, так как эти силы не действуют по схеме. Они не подчиняют себе прессу, а та избирателей и т.д. Они подчиняют себе сразу всех, берут себе сразу все функции в государстве. И однажды взяв, не выпускают. Вот здесь очень важно, кому подчиняются сами эти силы. Если народу, то получается схема управления демократического государства. Но сразу заметим, что эти силы ничем не обязаны служить народу, а заставить их это сделать некому. В итоге получается схема монархии и демократии восточного типа или фашистской диктатуры, то есть то, что было и в СССР до дерьмократической революции, а в Германии до 1945 года.

В этом случае «Другие силы» – это вождь, причем вождей может быть много, например, Политбюро, но действовать эти люди должны как один человек, без вынесения внутренних разногласий наружу.

Схема 5. Схема управления страной с вождем.

Как видите, если вождь подчинен только интересам народа, то мы получаем пусть громоздкую, но схему управления, обеспечивающую демократию. Но беда в том, что на человека, попавшего в вожди, действуют и другие силы: его собственные бредовые идеи и мудраки.

Хорошо, если это человек умный и с характером, способный понять, что народу нужно, и направить на служение ему население страны. По мнению автора, такими были Иван Грозный и Петр Великий, Екатерина Великая и Сталин.

Но дефект этой схемы в том, что принятая в ней преемственная власть не обеспечивает непрерывную череду таких вождей. Сплошь и рядом власть получают типы, внимающие мудракам тех или иных мастей. Такими типами были и цари Александры, и цари Николаи, Хрущев и Брежнев, и (уж совсем предел маразма или маразм без предела!) Петр Ш и Горбачев.

Но особенно опасным становится вождь с бредовой идеей. Дело в том, что в этой идее внешне присутствует какой-то интерес народа, но интерес подленький, и бредовая идея играет на этой подлости. Подлость, как правило, в том, что народ соблазняют получением преимуществ за счет других народов. Примером вождя с бредовой идеей может служить Павел I, которому очень захотелось завоевать Индию. Но к чести русских дворян, они Павла сразу придушили. А вот немцы Гитлера оставили в живых, уж больно им его идея об исключительности арийской нации пришлась по душе.

В общем, такая схема – вещь достаточно опасная, чтобы за нее бездумно хвататься. Ведь что в этой схеме для нас главное? То, что вождь подминает под себя самую подлую власть – прессу, но вождь – не единственный, кто это может сделать. Однако прежде чем заняться этим вопросом, надо рассмотреть и вторую часть «Других сил» – людей с деньгами. Эта схема выглядит следующим образом.

Схема 6. Реальная полная схема управления государством типа «западной демократии».

Внешне эта схема очень похожа на схему с вождем, но вместо вождя здесь выступает группа людей, имеющих деньги, и, кроме этого, в системе появляется масса двойных и даже тройных связей подчинения.

Ну, а кто это – «Люди с деньгами»? Это все те же, о ком мы писали раньше. Это люди, которые отбирают у тружеников часть заработанного либо в виде прибавочной стоимости (капиталисты), либо в виде налогов (бюрократия) и этими деньгами самостоятельно распоряжаются.

С капиталистами все ясно, их деньги – это деньги в полном смысле слова. И прессу, и чиновников исполнительной власти, и законодателей они покупают либо прямо, путем взятки, либо косвенно, но тоже деньгами: оплатой рекламы, пустячной работы, счетов, путешествий, застолий и т.д.

Бюрократия покупку нужных себе людей ведет только косвенно. В ее среде «Люди с деньгами» – это очень узкий круг чиновников, имеющих реальную власть в области распределения финансов, налогов и должностей, содержащихся на налоги.

Покупают прессу, законодателей и чиновников назначением на соответствующую должность либо угрозой снятия с нее, выдачей государственных дотаций прессе (у нас – выделением госквартир, машин по льготным ценам и т.п.), предоставлением государственных заказов капиталистам с тем, чтобы уже они платили тем, кому укажет бюрократ. И так далее. Это и объясняет то вожделение, с каким все политические партии, победив на выборах, рвутся к должностям в исполнительной власти.

Теперь о подчинении. Как видим, по схеме 6 население подчиняется сразу трем инстанциям. Минуя законы и вопреки им, исполнительная власть может заставить население поступить так, как сочтут нужным люди с деньгами. И не только в сегодняшней маразматической России с Ельциным во главе, но и в «сверхдемократичных» США. Вспомним хотя бы дела «Уотергейт» или «Иран-контрас». Да и раньше исполнительная власть США сгоняла со своей земли индейцев вопреки не только законам США, но и решениям Верховного суда США.

Пресса также действует вопреки законам в нужном людям с деньгами русле: развращает население, сеет в нем панику, поощряет неисполнение законов. Тут можно опять вспомнить пример времен американо-вьетнамской войны, когда десятки тысяч призывников США жгли свои повестки, обессиливая собственную армию.

Но остается и внешне выглядит весьма жесткой связь «Законодательная власть» – «Население». О законах говорят очень уважительно, масса различной шумихи, призывов к строгому исполнению законов, а на деле все это имеет одну цель – прокорм армии нахлебников особого рода -юристов.

И связь «Избиратели» – «Законодательная власть» также выглядит прочной. На выборах все депутаты прямо рвут себя на части, стараясь понравиться избирателям, давая им массу обещаний.

Возникает вопрос: «А почему люди с деньгами не прервут полностью связи «Избиратели» – «Законодательная власть» – «Население» так, как в схеме с вождем?»

Причин здесь две. Во-первых, профессиональная ориентированность депутатов. Они стремятся удержаться на этой должности не один срок, и им очень важна их личная репутация. Они не могут показать себя избирателям столь явными проститутками, как то имеют возможность делать депутаты съездов СССР и России. Во многих странах депутаты – это кандидаты на посты в исполнительной власти, это карьера и это еще один довод внешне вести себя порядочно.

Там депутаты не могут допустить явного нарушения своих законов -это будет крах их карьеры. Такой по сегодняшним российским меркам пустяк, как подслушивание Никсоном телефонных разговоров конкурентов, вынудил Конгресс США объявить ему импичмент и завести уголовное дело.

А разворовывание России членами правительства Ельцина, даже после сообщения об этом вице-президента, депутаты ВС России сочли, видимо, чем-то вроде курения в неположенном месте. Публикации о том, что Ельцин, оказывается, назначает министров, руководствуясь не государственными интересами России, а по указанию американского президента, вообще предпочли не заметить. Но это уже из другой схемы управления. Вернемся к причинам прочности связи между избирателями и законодателями в схеме 6. Первую из них мы рассмотрели, но есть и вторая.

Да, людям с деньгами хотелось бы, конечно, эти связи разорвать, как это подсказывает командующая ими алчность. Но эти люди руководствуются и еще одним командиром – страхом, что это кончится, как в СССР, и никакая власть над прессой не поможет избежать революции. Поэтому люди с деньгами крайне заинтересованы в сохранении описанных связей. Им необходима стабильность, необходимо законопослушание. Им, обворовывающим народ, абсолютно не требуется, чтобы их самих грабили бандиты, рэкетиры или мафиози. Поэтому пресса, с точки зрения людей с деньгами, должна настраивать людей на исполнение законов страны.

Получается та схема управления страной, о которой с таким вожделением стонут российские мудраки, именуя ее вершиной цивилизации, вершиной демократии.

Да, конечно, при такой схеме могут найтись и энтузиасты в парламенте, и добросовестные чиновники, и порядочные журналисты, чтобы добиться какого-либо решения, важного для народа, добиться осуществления демократии, а не охлократии. Но это бывает нечасто и касается не самых важных вопросов. А вот предательство Чехословакии Чемберленом, вызвавшее тяжелейшую и для Англии войну, было одобрено 80 процентами членов английского парламента, несмотря на то, что в оппозиции предательству был такой незаурядный политик, как Черчилль.

Схема управления странами Запада такова, что говорить о демократии в них несколько преждевременно.

Но нам необходимо вернуться к своей стране, к такой обожаемой нашими мудраками отечественной дерьмократии.

Схема управления дерьмократической России выглядит так:

Схема 7. Управление страной бюрократией без головы.

Наконец, мы подошли к схеме того, что нам предстоит преобразовать. Честно говоря, она, конечно, имеет некоторые тонкости. Например, небольшая часть прессы пытается служить народу, но она настолько незначительна и находится под таким постоянным преследованием исполнительной власти, что мы не сильно ошибемся, не проводя стрелку от нее к населению.

Инстанция «Воры», безусловно, имеет власть и над частью законодателей, но на данном этапе гораздо более существенную власть над ними имеют чиновники исполнительной власти.

Этой схемой управления законодательная власть, как и в схеме с вождем, превращена в марионетку. Это нечто, что должно освятить решения исполнительной власти- Население и избиратели держатся в повиновении послушной исполнительной власти прессой.

Наиболее умной является инстанция «Узаконенные воры, просто воры». Их интересам, не считая интереса удержаться у власти, почти полностью подчинена исполнительная власть. Узаконенные воры – это люди, которые грабят государство при помощи законов, принятых законодательной властью в угоду исполнительной. Это те самые «коммерческие структуры», которыми никак не могут налюбоваться дерьмократические мудраки. Как они действуют на основании этих законов, мы уже писали, поэтому дополнительно приведем только маленький пример, как исполнительная власть «законным путем» передает им деньги народа.

Покупатели – что частные (мы с вами), что заводы, фабрики, колхозы в принципе одинаковы: для покупки им нужны деньги. Правительство выпускает новые деньги пропорционально росту стоимости товаров, которые за эти деньги нужно купить. (Это упрощенно, без учета оборота денег.) Если количество товара одно и то же, а цена его резко возросла, то правительство обязано покупателям добавить денег, чтобы они могли друг с другом рассчитаться. Ведь товар-то принадлежит этим же самым покупателям, с помощью денег они только обмениваются им. Следовательно, и деньги -символ товара – тоже принадлежат покупателям.

Предположим, вы долгие годы производили табуретки, которые продавались за 5 рублей, а вы получали за них зарплату 200 рублей в месяц. Наконец настал момент, когда вы на сберкнижке накопили 15 тысяч рублей -стоимость автомобиля. То есть настал момент, когда вы произведенные за много лет табуретки можете обменять на автомобиль. Но цена автомобиля в одночасье поднялась в сто раз и стала 1 500 000 рублей. Само собой разумеется, что справедливость и здравый смысл требуют, чтобы и цена всех сработанных вами табуреток поднялась в сто раз и ваши накопления тоже. Иными словами, ваши сбережения должны были индексироваться – увеличиться пропорционально подъему цен. Правительство обязано отдать эти деньги вам – это ваши деньги, это ваш труд за много лет. Но оно их не отдало вам. Оно отдало их «коммерческим структурам» – банкам под сумасшедшие проценты. Банки же – что им остается? – стали предлагать вам ваши же деньги в долг под столь же сумасшедшие проценты. Вас ограбили, но законным путем. А правительство и коммерческие банки получили в распоряжение огромные деньги, на которые способны купить любую прессу, любых убийц, любого чиновника.

Но это узаконенные воры. Кроме них, существуют и просто воры, в основном это различные чиновники исполнительной власти. Ведь они получили в свое распоряжение все имущество страны и тем самым возможность брать за его передачу любые взятки. Об этом, собственно, и говорил -на заседании Верховного Совета России вице-президент Руцкой.

И те и другие воры крайне заинтересованы в такой ситуации, они крайне заинтересованы именно в такой исполнительной власти и всей своей массой денег стараются, чтобы она продержалась как можно дольше. Они трезвые люди и понимают, что о сколько-нибудь длительном нахождении у власти дерьмократов речи быть не может хотя бы потому, что сами дерьмократы ведут дело прямо к гражданской войне.

Смотрите. Пресса непрерывно восхваляет новых коммерсантов за то, что те «отстегнули»

какую-то малость из наворованного то детскому дому, то инвалидам, то пенсионерам, то 100 путевок в пионерские лагеря подарили детям Ленинграда. Но совершенно нет сообщений, что эти коммерсанты надолго располагались бы в своей стране. Никто не строит новых заводов, фабрик и т.д. Зато люди с деньгами готовят себе базу за рубежом: имеют вклады в заграничных банках, строят там новые дома, покупают недвижимость. То же самое делают и чиновники.

И все это держится на всесилии самой высокой власти страны – прессы. Именно она подлостью и обманом заставила четыре десятка миллионов человек в апреле 1993 года проголосовать за эту власть, за эту систему.

И именно поэтому так судорожно цепляются за прессу и воры и чиновники нынешней исполнительной власти.

В Москве оппозиция просила, казалось бы, мизер – на 10 минут в день допустить ее к экранам телевизоров. Ельцин и Лужков идут на все – избивают оппозицию, пытаются любыми путями заставить ее замолчать, делают все, чтобы не дать им этих 10 минут.

Казалось бы, оппозиции разрешают все: захотела оппозиция 9 мая 1993 года, вопреки запрету Ельцина, пройти к Кремлю – прошла; несла лозунги типа: «Ельцин, пьяная свинья, – убирайся из Кремля!» – облизнулись, но стерпели. Но к телевидению – ни в коем случае!

Автор писал, что нынешняя ситуация подобна осени 1942 года, когда планировалась операция «Уран» по разгрому и окружению немцев под Сталинградом. Так вот, подчинение прессы интересам народа будет падением Берлина 2 мая 1945 года. Взять народу прессу – и до конца войны останется 7 дней.

Автор считает, что обстановку мы оценили достаточно, пора вырабатывать решение.

ГЛАВА 4. РЕШЕНИЕ

ДАЛЬНЕЙШАЯ ЗАДАЧА

Сейчас нам надо понять, что необходимо сделать народу СССР, чтобы построить демократическое государство. Нам необходимо принять решение как основу для приказа исполнителям и в нем указать две цели, две задачи – ближайшую и дальнейшую, основную. Нужно это для того, чтобы в случаях, когда точное время решения первой задачи невозможно предугадать, исполнитель не остался в простое, но главное – для того, чтобы он не оставался бараном, чтобы, делая одно Дело, понимал, зачем оно и как его исполнение повлияет на последующие события.

Поэтому, хотя нам сейчас надо заниматься решением ближайшей задачи, мы схематично рассмотрим варианты решения дальнейшей задачи и уже затем будем планировать решение ближайшей.

Наша дальнейшая, основная задача – подчинение прессы народу. Мы уже обсудили, что ожидать этого события без вмешательства бесполезно, не те в прессе собрались люди, чтобы служить народу без доброго пинка под зад. Они нуждаются в подчинении и должны быть подчинены. Вопрос: «Кому?»

Вспомним предыдущую схему, все входящие в нее инстанции. Что будет, если подчинить прессу исполнительной власти либо людям с деньгами, мы уже знаем. Избиратели слишком разрозненны, а начальник должен быть в одном лице. Что будет, если создать группу людей, скажем, партию с руководящей ролью, и ей подчинить прессу, мы тоже знаем: все эти детки Арбата – капээсэсовские выкормыши. А народ руководить и контролировать не может, народ безмолвствует, народу можно только подчиниться.

Остается одна инстанция – законодательная власть. Понятно, что сегодня это безответственная банда, которая народу не служит, но этим мы займемся при решении первой задачи. А сейчас просто констатируем, что если кому и давать контроль над прессой, то законодательной власти -больше некому. Это главная составляющая часть нашего решения, ее достаточно, чтобы заняться ближайшей задачей, но следовало бы несколько слов сказать о том, как надо будет организовать подчинение прессы законодательной власти.

Конкретно приемы контроля будут выработаны после решения первой задачи, однако надо заметить, что самый очевидный путь здесь – путь Ленина – одновременно и самый паршивый. Да, можно пойти ленинским путем – создать при законодательном органе комиссию и поручить

ей заткнуть рот всей желтой прессе.

Но, во-первых, где гарантия, что комиссия законодателей по контролю за прессой не окажется укомплектованной большими подлецами и идиотами, чем идиоты в прессе? Что эта комиссия сразу же не заполнится Яковлевыми и Полтораниными? И вместо власти народа мы получим их власть?

Второе. Все, что мы делаем, – это делократизация управления. Согласно ее принципам исполнителя нужно подчинить Делу. Дело прессы – формирование общественного мнения населения, нужного народу. Закрывая прессе рот, одновременно можем закрыть рот народу. Какой бы ни была законодательная власть, но это не народ.

Читатели обратили внимание, что автор с достаточным презрением относится к болтовне о таком понятии, как свобода. Каждый раз, как он слышит от прессы это слово, у него возникает вопрос: «А от кого и чего, собственно, ты собираешься освободиться, подлец? От службы народу?» Ведь свобода прессы – это свобода редакторов и журналистов продаваться тому, кто больше даст. И только! Повторяем, подчиняться двум начальникам сразу нельзя. Подчиним прессу законодателям, и даже если они будут как никто преданы народу, все равно остается риск, что они народ не поймут или поймут неточно.

Что имеется в виду? Мы создадим ситуацию, когда все будут служить народу, добиваться нужных ему целей. Но ведь пути их достижения будут разные! И где гарантия, что законодатели выбрали лучший? Где гарантия, что в народе нет человека, который видит лучший путь и пытается сообщить о нем, но вся пресса вопит «одобрям-с» тому пути, что избрали законодатели?

Нет, затыкать прессе рот – это не выход.

Закрывать газеты нельзя ни в коем случае, даже если это порнографическое издание или явно клеветническое. Судить прессу за клевету и оскорбление – это одно, но закрывать нельзя. Сделать это может и должен сам народ, вернее, живущая ныне его часть – население. Перестанет покупать эти газеты, перестанет смотреть эти телепередачи и фильмы, перестанет слушать радиопрограммы – этим и закроет.

Вы спросите, как? Несколько лет телевидение нещадно лжет и обманывает народ, но разве его перестали смотреть? Правильно. Но какой процент населения может разобраться в этом потоке лжи? Стали бы люди смотреть на этих симпатичных мальчиков и девочек с пионерски честными глазами, на этих убеленных сединами мудрецов, если бы после каждой передачи шла передача, поясняющая, где именно зрителям солгали эти подлецы, где извратили факты мерзавцы, где показали глупость титулованные мудраки? Что осталось бы от обаяния этих «звезд»?

Желтую прессу нужно убить морально, закрыть идеологически, но для этого надо выйти на то «поле боя», где она монопольно орудует. Надо уничтожить эту монополию, так как сила желтой прессы именно в монопольном владении умами. Она держит читателя или зрителя возле себя эксплуатацией какого-либо его животного инстинкта и одновременно «вправляет» ему мозги так, как ей заказали те, кто имеет над ней власть.

И отвоевать эти «поля» для демократов должны законодатели. Нужно установить, что законодательная власть может заставить любое издание, любую телепрограмму дать мнение тех людей, которым она верит. Эти люди докажут на страницах желтой прессы читателям ее, что постоянные журналисты этих органов нагло обманывают их, покажут, как обманывают, и подлость обманщиков.

Вот это и составит контроль законодательной власти над прессой, этим она и подчинит ее народу. Повторим, не закрытием неугодных изданий, не снятием и назначением редакторов, не «вправкой им мозгов», а своим правом в любой момент отобрать у этих органов часть страниц или эфирного времени для собственного вмешательства в формирование общественного мнения.

Но сначала законодательной власти нужно самой подчиниться народу.

БЛИЖАЙШАЯ ЗАДАЧА

Представим, что рассмотренное выше решение мы сделаем ближайшей, а не дальнейшей задачей; законодатели, без сомнения, охотно с этим согласятся. Несколько поупирается исполнительная власть со своими «спонсорами» – ворами, но в конце концов согласятся и они, поскольку образуется схема управления, пусть и не очень для них выгодная, но в целом приемлемая.

без *головы, но с подчинением прессы*

Схема 8. Управление страной бюрократией

законодательной власти.

Как видно из схемы, «процесс пошел», прямую связь воров и исполнительной власти с прессой таким образом можно разорвать. У этих инстанций появляются трудности по части влияния на избирателей и население в целом. Они должны теперь действовать не прямо, а через законодателей. Нет сомнений, что исполнительная власть со своими «спонсорами» эти трудности преодолеет.

Но ни о какой демократии пока речи быть не может, пресса еще народу никак не подчиняется, поскольку народу не подчиняются и законодатели.

Стало быть, займемся делократизацией законодательной власти. В чем состоит Дело законодательной власти? Ее Дело – защита народа. Чтобы подчинить законодателей Делу, нужно создать условия, при которых народ мог бы самостоятельно наказывать и поощрять законодательную власть.

На первый взгляд, трудности чуть ли неразрешимые – депутаты избираются не народом, а избирателями, народ даже в этом простом вопросе бессилен.

Остановимся и присмотримся внимательнее к народу. Да, сегодня это люди, которые не могут пользоваться своими политическими правами потому, что они либо слишком молоды, либо еще не родились. Но они смогут воспользоваться ими через пять лет, через двадцать лет. Народ – это избиратели, отложенные во времени. Они пока не могут подойти к урнам голосования, но они подойдут к ним, в этом нет сомнения. И если сегодня законодательная власть совершила что-либо против народа, то народ в состоянии с ней рассчитаться, но только ему нужно дать возможность для этого. Эта возможность – отмена срока давности. Если мы установим, что по преступлениям и заслугам законодательной власти нет срока давности, то объединим этим две управляющие инстанции – «Народ» и «Избирателей». Если им подчинить законодательную власть, то вершина схемы управления преобразуется:

Схема 9. План делократизации вершины управления демократическим государством.

Мы получили жесткое управленческое кольцо (кстати, план ликвидации группировки фашистов, окруженной под Сталинградом, имел кодовое название «Кольцо»). В этом кольце сейчас надо обеспечить жесткость и надежность связи «Народ» – «Законодательная власть». Чем жестче будет эта связь, тем меньше вероятность, что круговую оборону народа смогут прорвать посторонние властные силы – люди с деньгами или чиновники исполнительной власти, даже такие, как монарх или «всенародноизбранный» и «натретьвсенародноодобренный» Ельцин.

Обеспечить это нужно так. Мы знаем, что для делократизации законодательной власти надо, чтобы народ имел возможность отблагодарить или наказать ее. Поэтому необходимо, чтобы законодательная власть приняла закон о своей ответственности за результаты управления страной.

Согласно этому закону, законодательная власть по окончании срока полномочий депутатов должна отдать себя на суд народа.

Технически этот суд будет проводиться следующим образом. По окончании срока полно-

мочий действующего состава депутатов законодательной власти избиратели пойдут на выборы новых депутатов. Помимо бюллетеня с именами кандидатов в депутаты, каждый избиратель получит бюллетень-вердикт, бюллетень-приговор всему старому составу законодательной власти.

В приговоре будет две строчки: «Достоин благодарности» и «Достоин наказания». Если большинство избирателей вычеркнет «Достоин наказания» и оставит «Достоин благодарности», то всех до одного депутатов старой законодательной власти нужно наградить орденами и установить им. пожизненную пенсию за такую отличную службу народу. Если большинства не получит ни один из вердиктов, то все депутаты старого созыва оставят свою службу народу без последствий для себя. Но если большинство избирателей оставят в бюллетенях вердикт «Достоин наказания», то все до одного депутаты должны сесть в тюрьму, как полагает автор, на срок не ниже того, что они пребывали у власти. Более того, если впоследствии вскроется, что какое-то решение законодательной власти нанесло ущерб народу, то любые будущие поколения избирателей могут потребовать опять привлечь депутатов к своему суду по вновь вскрывшимся обстоятельствам. Таким образом, угроза быть наказанным народом будет висеть над депутатами всю жизнь, а это от них потребует принимать только такие решения, за которые было бы до смерти не стыдно смотреть в глаза народу.

Такое положение совершенно изменит и состав и интересы депутатского корпуса. Все болтливые мудраки побегут от ответственности, как черт от ладана, их выметет этим законом из парламента, как поганой метлой. У оставшихся интересы резко изменятся. Им будет уже не до речей с трибуны на публику. Какая разница, что именно ты лично говорил, если посадят всех – и красных, и желтых. На исполнительную власть они уже не будут смотреть, как на источник личного благополучия, подбирать туда будут только специалистов.

Брать взятки деньгами или квартирами за решение, наносящее ущерб народу, станет просто невыгодным. Сядешь в тюрьму, а твои сменщики в законодательной власти издадут закон, по которому у тебя все конфискуют, и ты после отсидки будешь утешать себя мыслью, что бедность – не порок.

При полной свободе прессы обсуждать решения депутатов и при угрозе отрицательного вердикта избирателей для депутата останется только один путь – самому служить народу и прессу заставить ему служить.

Вот такой выход из дерьмократии указывают законы поведения людей и принципы управления ими.

Мудраки доказывают, что такого нет нигде в мире, а значит – не мудро! Но давайте сами себе зададим вопрос: «Если такого нет нигде в мире, если нигде избранные депутаты законодательных органов не отвечают за свои действия перед избирателями, перед народом, то для кого это хорошо – для депутатов или для народа?» И стоит ли тогда и называть такие государства демократическими?

Ведь ответственность руководителя за последствия своих действий не диковинка, даже если у этого руководителя не было ни грамма злого умысла. Возьмите Уголовный кодекс и почитайте, какой заботой окружили законодатели тех, кто занят Делом. Вы найдете в нем много статей, предусматривающих наказание хозяйственным руководителям за любые их действия, начиная от нарушения правил техники безопасности, бездействие или халатность и кончая преступной бесхозяйственностью. Разве руководители Чернобыльской АЭС хотели взрыва? Их даже не было в этот момент на станции, они не могли лично вмешаться в идиотские действия экспериментаторов, тем не менее по 10 лет они получили. Почему же народные депутаты СССР, на глазах которых была взорвана доверенная им страна, спокойно смотрят людям в глаза, как будто они именно это и обещали своим избирателям?

Да разве на одних руководителях дело замыкается? Возьмите простого водителя автобуса. Если он по своей халатности, допустим, попадет в аварию и его пассажиры погибнут, его немедленно осудят. Ведь он взял с пассажиров деньги за доставку их в конечный пункт маршрута, а не в морг или больницу.

А наши депутаты, взяв с нас деньги за доставку нас в «цивилизованное общество», довели страну до экономического краха, до гражданской войны, до миллионов беженцев и тем не менее как ни в чем не бывало выступают перед телекамерами.

Сейчас ряд левых организаций, типа «Трудовой России», поднимают людей на борьбу с дерьмократией. Организуют демонстрации, митинги, пикетирования и тому подобное. Цель их –

борьба с Ельциным, борьба с дерьмократами.

Это ошибка, и не только потому, что она ведет к гражданской войне. Нельзя поднимать людей на борьбу просто против кого-то. Нужно поднимать людей на борьбу за что-то. А уж если этому чему-то мешает кто-то, ну что же, тогда борьба за что-то должна включать в себя и борьбу против кого-то. Ведь в 1941-1945 годах советский народ боролся не против немцев, а за свою свободу. Эта свобода невозможна была без уничтожения фашистских армий, и поэтому с ними боролись и их уничтожали. Что толку убрать Ельцина с подельщиками, если за ними придут такие же дерьмократы? Да, Анпилов сейчас может быть и хорош, Макашов – хорош, ну а Ельцин разве в своей предвыборной кампании меньше «болел» за народ?

Сейчас надо поднимать народ только с одной целью – заставить депутатов принять закон о своей собственной уголовной ответственности за последствия своего правления. Будут упираться – назначить референдум по этому вопросу. Делать все, чтобы они этот закон приняли. Это сейчас ближайшая задача всех демократических сил, и на ее решение необходимо нацеливать народ.

И тогда, после победы, схема управления нашим демократическим государством будет выглядеть так.

Схема 10. Управление демократическим государством.

Схема 10. Управление демократическим государством.

ПОДАВЛЕНИЕ ДЕРЬМОКРАТИЧЕСКОГО БУНТА

Надо думать, что дерьмократия своей власти так просто не отдаст, и не только потому, что этим она будет оторвана от кормушек. Даже не в них дело.

Как только в республиках появится законодательная власть, отвечающая перед народом, они немедленно начнут объединяться в союз, в союзе сразу вспомнят о тех, кто развалил его, и этим людям грозит статья «Измена Родине», а это статья нешуточная. Гарантировать, что будет проведена амнистия, что забудется воровство, натравливание ОМОНа на народ и прочее, никак нельзя.

Надо обратить внимание, что основным козырем дерьмократов в их пропаганде является то, что как только они уйдут от власти, то начнется гражданская война. Этой войной они пугают население непрерывно.

Но спросите их: «А почему, собственно?» Ведь когда коммунисты были свергнуты, никакой войны не началось. Почему она должна начаться, если будут свергнуты дерьмократы?

У свергнутого правительства коммунистов не хватило духа исполнить свой долг и защитить народ, но у них и не было смертной вины перед народом, им не было необходимости во имя собственной жизни гнать на смерть подчиненных им граждан. У дерьмократов такая необходимость, есть, и они погонят.

Между прочим, это понимают и так называемые простые люди. Многие на референдуме проголосовали за Ельцина из страха, что если народ его отвергнет, то он начнет войну, в которой погибнут дети или близкие голосовавших.

Страх дерьмократов за свою судьбу очевиден по тому, как лихорадочно они увеличивают штат своих телохранителей и корпус охраны и как шантажируют отколовшихся от них снятием этой охраны. Не было еще в СССР руководителя, которого так сильно волновал бы этот вопрос. Даже Сталин в мирное время на стройки Москвы (которыми он очень интересовался и за которыми следил лично) выезжал только с одним начальником личной охраны Власиком. А в нынешней России, по данным и Руцкого, и Хасбулатова, для охраны Ельцина «со товарищи» по-

ставлено под ружье 11 тысяч человек, да еще и кремлевский полк. Боятся и, конечно, не без оснований.

И оппозиция боится Ельцина по этой же причине. То, что он неумен, но злобен, понятно всем, кто с ним встречался, и это, вполне естественно, вызывает страх. Ведь у Ельцина не только личная охрана, у него в подчинении вся российская армия.

Этот страх парализует большую часть оппозиции, дает возможность дерьмократам вести себя крайне дерзко. Хотя в сути своей дерьмократы крайне слабы. Вся их сила основана на том, что им действительно подчиняется армия, МБ, МВД, но подчиняется только потому, что никто другой не дает им приказ. А взять на себя самостоятельно инициативу в определении целей, подлежащих уничтожению, офицеры не решаются. В армии так не принято. Там цели определяет командир, а офицеры лишь решают, как эти цели поразить. Но такого командира в стране нет. Как пел в своей песне В.Высоцкий: «Мы не устроили скандала – нам вождя недоставало, настоящих буйных мало – вот и нету вожаков». Это позволяет дерьмократам блефовать и блефовать, спекулируя войной.

Автор считал, что вожаком мог бы быть А.Лукьянов после выхода из тюрьмы. В те дни автор опубликовал в газете «День» проект указа, который, по мнению автора, Лукьянову надо было бы издать. К сожалению, в это время в домах на Старой площади был задержан майор Кислов со взрывчаткой, заготовленной якобы для покушения на Ельцина, и «День» статью сильно кастрировал, несмотря на то, что его редактор А.Проханов человек достаточно решительный. В оригинале же текст статьи был такой.

«Приснился мне сон. Вышел из тюрьмы единственный не отказавшийся от своих обязанностей высший руководитель Советского Союза А.ИЛукьянов и, осмотревшись, издал следующий Указ.

«Советский Союз находится в состоянии гражданской войны.

ПРОТИВОБОРСТВУЮШИЕ СТОРОНЫ

Красные. Народ. Те, кто плавит сталь и сеет хлеб, своим трудом умножает богатство страны и из своих денег, взятых налогами, содержит организацию по своей защите – государство Советский Союз. На единственном за всю историю СССР референдуме красные безоговорочно высказались за целостность этого государства. Это их интерес и цель, так как только в этом случае их собственные усилия по своей военной защите и их налоговое бремя являются минимальными.

Желтые. Люмпенизированная бюрократия СССР. Те люди, которые в СССР по своему трудолюбию, знаниям и умственным способностям не смогли занять государственные должности, на которых они могли бы кормиться, ввиду того, что таких должностей в едином СССР было мало и конкуренция в интернациональном государстве была велика. Их цель – развалить единое государство на множество мелких, мононациональных, так как в этом случае количество чиновничьих мест в целом по СССР возрастет пропорционально делению, а конкуренты других национальностей устраняются. Побочная цель – уничтожить социализм, так как в этом случае у желтых появляется возможность быстро лично разбогатеть на взятках и комиссионных от продажи народной собственности.

ПОДГОТОВКА К ВОЙНЕ

Подготовка к войне началась сразу с объявлением гласности. ЦК КПСС вместо использования гласности для поиска путей развития СССР предоставил органы формирования общественного мнения желтым, и те стали развивать у наименее устойчивой части населения животные инстинкты -алчность, недоверие к согражданам, жажду отобрать все, что возможно, у ближнего. Практический выход предлагалось найти в капитализации, в грабеже других национальностей путем разделения своего народа на коренных и некоренных. Избирателей подло соблазняли получением любых благ нетрудовым путем, например, за счет изгнания «пришельцев» или установления монопольных цен на сырье, добываемое на своей территории. Понятие «товар в доме» было подменено понятием «товар в магазине», и на этой основе доказывалось преимущество капитализма, так как «там в магазинах все есть».

В результате в состав народных депутатов попали люди преимущественно из лагеря жел-

тых либо случайные, соблазненные славой, не понимающие смысла происходящего, не чувствующие внутренней ответственности за судьбу страны.

В таком составе Съезд народных депутатов СССР начал осуществлять цели желтых, парализуя и дискредитируя исполнительную власть страны, то есть изгоняя тех чиновников, на места которых зарились желтые и их лидеры. Исполнительная власть СССР, возглавляемая самовлюбленным болтуном, не выполнила свой долг по защите народа, не оказала желтым сопротивления, а те отдельные чиновники, кто пытался это сделать в Тбилиси, Литве и других горячих точках СССР, были дискредитированы и изгнаны Съездом народных депутатов. Советские законы перестали действовать, граждане СССР оказались беззащитными перед желтой бюрократией.

Съезд народных депутатов стал марионеткой в руках желтых, в этом его огромная вина перед советским народом, и нет на свете такой страшной казни, которая была бы достаточной для искупления вины каждого народного депутата. В первую очередь – моей.

НАЧАЛО ВОЙНЫ, ПЕРВЫЕ СРАЖЕНИЯ

В августе 1991 года часть высших чиновников СССР – красная бюрократия – попыталась исполнить свой долг перед народом, попыталась, введя чрезвычайное положение, силой остановить мятеж взбунтовавшейся желтой сволочи. Но измена их руководителя – главы исполнительной власти СССР решила исход этого сражения в пользу желтых.

Съезд, который собрал я – глава законодательной власти СССР, под давлением набравшей силы желтой бюрократии самораспустился, а я, как известно, был арестован желтыми мятежниками России и содержался в тюрьме.

Было совершено невиданное в истории человечества предательство -большинство народных депутатов СССР, клявшихся служить его народу, в угоду личным интересам и желая выслужиться перед новой желтой бюрократией, презрели желание народа СССР жить единой семьей и добровольно передали власть в руки антинародных желтых клик.

Получив власть, эти клики немедленно стали осуществлять свою цель – рвать великую и единую страну на мелкие части, садясь князьками каждый в своем огороде. Если до победы в этом сражении желтые, чтобы сделать развал СССР необратимым, стравливали между собой народы, то после их победы межнациональные войны стали естественным проявлением гражданской войны в СССР.

Желтые побеждают на всех фронтах. Красные не оказывают сопротивления, так как их главнокомандующий – законодательная власть СССР -их предал, их командиры – исполнительная власть СССР – их тоже либо предали, перебежав к желтым, либо разогнаны.

Придя к власти на местах, желтые своими делами доказали, что их умственные способности действительно не позволяли им в СССР занимать те должности, которых они так желали. За многие сотни лет страна впервые стала беззащитной, правительства западных стран руководят правительствами наших так называемых суверенных государств, большая часть народа катастрофически нищает, так же быстро растет богатство маленькой кучки людей, быстро разворовывающих страну и отправляющих наворованное за границу. Везде льется кровь.

Вызов брошен, война началась – к оружию, граждане Советского Союза!

Ситуация сейчас такова, что вы не в состоянии выбрать себе главнокомандующего, который объединил бы вас. Желтые не дадут провести выборы.

Нам придется заставить стать нашим главнокомандующим того, кого вы уже выбрали, – Съезд народных депутатов СССР. Эти люди под угрозой ухудшения личного благополучия продали вас желтым. Угрозой лишения жизни заставьте их вернуться к своим депутатским обязанностям и возглавить вас до тех пор, пока вы не изберете себе лучшего полководца.

Учитывая, что: – я последний высший руководитель СССР, не отказавшийся от своих обязанностей и долга перед народом СССР; – я был избран Съездом народных депутатов СССР его главой в то время, когда над волей Съезда еще не довлела желтая бюрократия и эту волю можно назвать свободной; – воля советского народа о сохранении СССР высказана им свободно и однозначно

от имени Советского Народа я даю всем гражданам СССР

УКАЗ

1. Провести очередной Съезд народных депутатов СССР в городе Москве, в Кремле, во

Дворце Съездов, начало его 1 мая 1993 года в 10 часов утра.

2. Всем народным депутатам СССР, избранным в 1989 году, способным к этому времени ходить, прибыть на съезд.

3. Повестка дня Съезда: – назначение исполнительной власти СССР; – проведение исполнительной властью выборов на всей территории СССР нового состава Съезда народных депутатов; – законодательное обеспечение действий исполнительной власти по проведению выборов.

4. Во обеспечение исполнения пунктов 1-3 настоящего Указа объявить врагами советского народа и поставить вне закона: – народных депутатов СССР, не явившихся на Съезд без уважительных причин или симулировавших их; – должностных лиц республик от президента до милиционера, которые попытаются воспрепятствовать депутатам прибыть на Съезд; – редакторов газет, радио, телевидения, умолчавших в течение недели об этом Указе; – лиц, препятствующих советским гражданам исполнить свои обязанности по п. 7 настоящего Указа либо пытающихся наказать их.

5. Объявление вне закона происходит автоматически: – для народных депутатов СССР – после установления факта отсутствия убедительных причин неявки их на Съезд; – для должностных лиц, препятствующих депутату прибыть на Съезд -после объявления их фамилий народным депутатом либо после установления этих фамилий; – для редакторов – спустя неделю умолчания после подписания этого указа; – для лиц, препятствующих советским гражданам исполнить свой долг по п.7 настоящего Указа либо пытающихся наказать их – после свершения ими исполнительных, законодательных или судебных действий.

6. Объявление вне закона влечет за собой смертную казнь немедленно после надежного опознания. Выбор времени и способа казни – по усмотрению исполнителя.

7. Приведение в исполнение смертной казни находящимся вне закона врагам советского народа является формой участия советских граждан в боевых действиях гражданской войны и является их обязанностью по отношению к своей Родине. В первую очередь эту обязанность должны исполнить люди, которые имеют необходимое оружие либо имеют доступ к нему или к врагам советского народа.

8. Советским гражданам, уничтожившим в этой войне врагов советского народа в ранге президента, министра, прокурора, судьи или начальника милиции (полиции), присваивается звание Героя Советского Союза с предоставлением соответствующих льгот им и их семьям.

Советские граждане, уничтожившие остальных, поименованных в Указе врагов народа, награждаются орденом Красного Знамени с предоставлением им и их семьям соответствующих льгот.

9. Наше дело правое – Победа будет за нами!

Председатель Президиума Верховного Совета СССР А.И.Лукьянов».

Вот какой приснился мне сон. Но представляете, каково было бы жить нашим дерьмократам после такого указа, будь он принят на самом деле? А ведь такой указ (по смыслу) мог бы издать и ВС России для защиты своей власти и ввиду риска быть разогнанным Ельциным. То есть предупредить всех, что если правительство дерьмократов попробует любым способом воспрепятствовать проведению Съезда или будет заставлять народ исполнять свои собственные законы, а не те, что приняты Съездом, то оно автоматически становится врагом народа с вытекающими отсюда последствиями. Возможный бунт дерьмократов надо задушить с помощью тех сил, на которые дерьмократия собирается опереться в гражданской войне.

Вы скажете, что никогда, никогда личная охрана «всенародно избранного» не исполнит указов никаких Лукьяновых и Хасбулатовых и не посягнет на жизнь «народного любимца»! Те, кто так думают, думают так напрасно. Они, видимо, полагают, что личная охрана – это скоты с медными головами.

В качестве примера приведем такой случай, отысканный И.Т.Прыжовым. Как известно, гетманы на Украине так же были всенародно избранными, как и Кравчук, и Ельцин. После смерти Б.Хмельницкого, объединившего Украину с Россией, мудраки убедили его сына, – Ю.Хмельницкого, ставшего гетманом – снова отделить Украину и стать «независимыми и суверенными». Стали. Дальнейшие события Прыжов описывает следующим образом:

«С тех пор положение дел, устроенных Б.Хмельницким, начинает изменяться... В Малороссии, развращенной польским шляхетством, все стремилось к порабощению друг друга; освобожденная Б.Хмельницким, она не знала свободы, угнетаемой со стороны и подорванной смута-

ми честолюбцев. Раз в 1660 году Юрий Хмельницкий пировал в своем замке, окруженный приятелями, и с хохотом слушал рассказы татар об их удальстве над украинцами. Несколько казаков стояли у дверей и тоже слушали, потом бросились на него, на татар. Татар изрубили, а израненного Хмельницкого вывели на площадь, долго мучили и, издыхающего, бросили собакам».

И заметьте – личная охрана Юрия Хмельницкого изрубила всенародно избранного суверенитетчика даже без приказа. Нам даже не известно, наградил ли кто-нибудь их за этот подвиг. Да, были люди! Богатыри, не мы.

Вот, пожалуй, и все, что автор хотел сказать читателям. Приведу лишь в заключение цитату из письма князя Багратиона, который после сдачи французам Смоленска в 1812 году писал: «Скажите ради Бога, что наша Россия – мать наша – скажет, что так страшимся и за что такое доброе и усердное отечество отдаем сволочам? Чего трусить и кого бояться?»

Июнь, 1993 г.

ББК 66.3(2) 1 М 92

ОТ АВТОРА

Мухин Ю.И.

М 92 Путешествие из демократии в дерьмократию и дорога обратно. – М.: Издательство «Гарт», 1993. – 288 с.

Автор остропублицистической книги, человек с большим практическим опытом работы в промышленности и науке, один из руководителей крупного предприятия, критически оценивает ситуацию в стране. Он размышляет о своеобразии исторических путей России, прослеживает глубинные истоки и причины политического и экономического кризиса последних лет, предлагает радикальные меры по его преодолению.

М 0803010200 – 1 Без объявл.

5У6(03) – 93

ISBN 5-87213-001-5

ББК 66.3(2) 1

© Ю.И. Мухин, 1993

© Издательство «Гарт», 1993

Юрий Игнатьевич МУХИН

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ДЕМОКРАТИИ В ДЕРЬМОКРАТИЮ И ДОРОГА ОБРАТНО

Редакторы

И.Ю.ЛЕБЕДЕВ, Б.В.ПОНКРАТОВ

Художественный редактор

Н.А.КОНОПЛЕВА

Корректор

В.Л. АВДЕЕВА

Сдано в набор 3.08.93. Подписано в печать 12.08.93.

Формат 84х108/32. Бумага офсетная. № 1Гарнитура "Таймс"

Печать офсетная. Усл.печ.л. 9,0. Уч.-изд.л. 24,8.

Тираж 120 000 экз. Заказ № 373 44 Типография АО "Молодая гвардия": 125015, Москва, ул. Новодмитровская, 5а.